

Серия «Серебро Слов»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

**Международный
литературно-художественный
альманах**

2014

*Да свершатся смелые планы!
Альманах талантам откроется!
И пусть книг армада построится
Именами новых титанов!*

*И зерно добра станет колосом –
Урожаем света и истины!
И мечтами светлыми, чистыми!
Да восславит мир наши помыслы!*
Э.Офледи

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Международный
литературно-художественный
альманах

ТОМ 3

Коломна
Издательский Дом
«Серебро Слов»
2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

СЗ2

ISBN 978-5-906438-72-0

Серебряный дождь. Международный литературно-художественный альманах. Том 3. –
Коломна: Издательский Дом «Серебро Слов», 2014. – 176 с.: фото, ил.

Серебряный дождь произведений, – то грустный, то весёлый, – способен обновить внутренний мир человека, столь же многогранный и бескрайний (а может быть, и больше!), сколь мир внешний...

Шеф-редактор:

*Председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры РФ*

Л.К. Котюков

Главный редактор:

Член Правления Московской областной организации Союза писателей России

С.С. Антипов

Ответственный редактор и руководитель проекта:

Член Московской областной организации Союза писателей России

Д.В. Минаев

Редакционный совет:

**Л.А. Дудин, Г.Б. Осипов, Э.В. Хандюков, И.Е. Витюк,
В.К. Лория, О.А. Новикова, Е. Есина, Н.Ф. Дик**

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева*

Корректор: *П.О. Громова*

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

E-mail: srebro.slov@gmail.com **Телефон:** 8(926) 433-33-99

Интернет-магазин: <http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

© Авторы, 2014
© Минаев Д.В., обложка, 2014
© Издательский Дом «Серебро Слов», 2014

Подписано в печать 17.02.2014
Формат 60x84/8. Бум. офс. №1. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro. Тираж 500 экз. Заказ №

При использовании опубликованных в издании
материалов ссылка на альманах
обязательна!

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская область, г.Коломна,
ул.III Интернационала, 2а
Тел: 8(496) 618-69-33, 8(496) 618-60-16

Дорогие друзья!

Вы держите в руках третий номер альманаха «Серебряный дождь», который уже успел полюбиться многим нашим читателям.

С радостью хочу отметить, что с каждым последующим номером растёт не только толщина издания, но и качество представленных в нём материалов, разнообразие и широта тем, философская глубина произведений и их эмоциональный накал!

К нам приходят новые авторы: и пока ещё мало кому известные, но, безусловно, талантливые, ведь их произведения прошли строгий отбор редакционного совета, и настоящие Мастера Слова, творения которых признаны и любимы искушённым читателем. Достаточно упомянуть такие фамилии, как Л. Котюков, М. Пластов, Э. Хандюков, Г. Осипов, Л. Дудин, В. Лория, В. Пеленягрэ и других, чтобы стало ясно: перед вами не коммерческий сборник, составленный по принципу «кто платит, тот и танцует», а высокохудожественное издание, творческая ценность которого с годами будет только увеличиваться!

В нашем альманахе представлены и зарубежные авторы, что является наглядным воплощением поддержки Издательского Дома «Сереб-

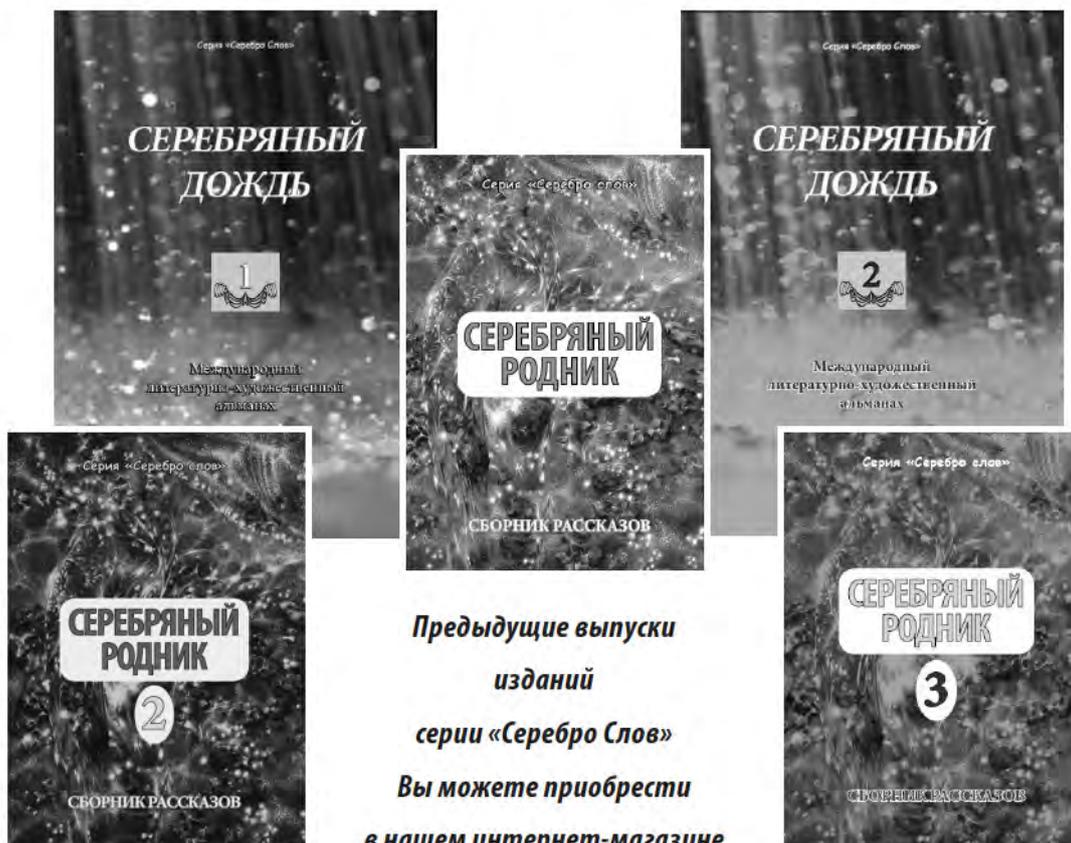
ро Слов» Союзом Литераторов Европы, выбравшего нас своим базовым издательством на территории РФ.

Впервые наш альманах «заиграл» и музыкальными аккордами: на обложке читатель найдёт для себя небольшой подарок-сюрприз в виде музыкального диска с песнями на стихи одного из авторов. Если подобное новшество полюбится нашим читателям, мы будем стараться и дальше делать такие «сюрпризы»!

В заключение хочу сказать, что для того, чтобы попасть в наш альманах, нужно одно главное условие – талант! Ну и желание, разумеется! Для этого у нас есть сайт Издательского Дома «Серебро Слов», где можно активно общаться на форуме: читать, писать и даже учиться мастерству художественного слова! Поэтому обращаюсь сейчас ко всем читателям: активно включайтесь в творческую жизнь издательства, участвуйте в наших проектах и творите новейшую историю русской литературы!

Ну и, конечно, желаю всем приятного прочтения!

**Член Правления
Московской областной организации
Союза писателей России
С.С. Антипов**

<http://www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Лев Котюков

г. Москва

Лев Константинович Котюков – ныне один из самых известных поэтов в России. Он – автор более чем тридцати книг поэзии и прозы, получивших заслуженное признание в нашей стране и за рубежом.

Он первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Московской Патриархией Международной премией имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, а также лауреат ещё тридцати семи международных, всероссийских и региональных литературных премий.

Председатель Правления Московской областной писательской организации, Секретарь Правления Союза писателей России, Заслуженный работник культуры России, Главный редактор журнала «Поэзия», академик Академии Российской словесности и ряда других академий зарубежья и России.

От первого лица

Как снег, как дождь не возвращаются на небо, так и слова человеческие не возвращаются к человеку. Только Бог властен вернуть к Себе Слово Своё, данное нам. Но возвращается Оно изнеможенным от тщеты нашей, возвращается, дабы вновь обрести силу по воле Божьей, дабы потом вновь низойти к нам, чтобы мы, многогрешные, хотя бы на мгновенье обрели веру, равную вере самого Господа.

Поэт, дорожи талантом и словом своим – и возвращай Слово – Господу – не обессиленным, но исполненным любви, ибо без любви ты – ничто, и не по совести растроченный талант покидает поэта во времени земном и в вечности раз и навсегда.

Тайная Вечера

*... И во время вечера, когда диавол
уже вложил в сердце Иуде Симонову
Искарриоту предать Его, Иисус, зная,
что Отец всё отдал в руки Его,
и что он от Бога исшёл и к Богу
отходит, встал с вечера, снял с себя
верхнюю одежду и, взяв полотенце,
препоясался. Потом влил воды в
умывальницу и начал умывать
ноги ученикам и отирать полотенцем,
которым был препоясан.
Евангелие от Иоанна*

Все сошлись навсегда в тесной горнице
И себя до конца обрели...
И преданье Святое исполнилось
На окраине вечной Земли.

И пред страшной, назначенной расстанью
Божий Сын наши души простил.
И омыл ноги первых апостолов,
И предателю ноги омыл.

И молчали пределы Небесные,
И таилась Луна в облаках...
Но Земля содрогнулась пред бездною,
И вскипела вода в родниках.

Никого, никого в тёмной горнице,
Все себя до конца обрели...
Всё свершилось, но всё не исполнилось, –
И доносится хрип из петли...

После войны небесной

*...Горе живущим на земле и на море!
Потому что к вам сошёл диавол
в сильной ярости, зная,
что немного ему остаётся времени.
Откровение Иоанна Богослова*

Наступает пора отмщения –
Всяк себя проклянёт, прозрев...
Ни прощенья, ни спасения, –
Только ярость и Божий гнев.

И ни убыли, и ни прибыли –
На последней дороге в ад,
И во времени царь погибели
Покорит стоэтажный град.

И воздастся всем полной мерою,
В звёздных топках сгинут миры,
И вовек не открыть Америку –
В тусклой бездне чёрной дыры...

Моё молчание

Незримы – ангелы стихий,
И ангелы любви – незримы,
И тишина в полях глухих
Объята сумеречным дымом.

И на обрыве тишины –
Молчу, боясь вспугнуть мгновенье...
И нынче сердцу не страшны
Невыносимые виденья.

Молчу, страдая в тишине,
Но на груди не рву рубаху,
И воля Божья, как во сне,
Влечёт меня во тьму без страха.

Но страшно жизнь навек забыть
В юдоли вечной и незримой, –
И в Слово силушь воплотить –
Миг тишины невыразимой.

Мерцает ранняя звезда,
Как вещий знак, как обещанье...
И остаётся навсегда –
В словах моих – моё молчанье...

Лицо души

Не всё моё – в земном... Но эта жизнь – во мне!..
И всем дано прозреть навек в незримой тьме.

Но в терниях сует, в пустой тщете страстей –
От века не прозреть лицо души своей.

И я один во тьме под чёрною Луной,
И крестные древа сомкнулись надо мной.

Сомкнулись надо мной пред бездной тишины,
И льётся через край седая кровь Луны.

Об этом я не раз во сне стихи слагал,
Но с каждою строкой себя не узнавал.

Но вновь торю строку, в незримой тьме прозрев, –
Про чёрную Луну, про крестный путь дерев.

Но одного боюсь, прозрев в чужой глуши,
Что обознаюсь я, признав лицо души...

Власть Слова

Всё смертное – в недрах творенья
Сжирает забвения ржа...
Но в громокипящем горенье –
Во мне – не сгорает душа.

И всё повторяется снова,
И в сердце, как в небе, светло...
И Слово вмещается в Слово, –
И всё, что вне Слова, – ничто!

Плач страдальца

(После операции)

До предела всё ослабло!
Жалок в немощи своей...
Но упорно снятся бабы,
И не снятся, хоть убей!

Наяву куда-то тащат,
То в постель, то в кабинет...
И плевать, что доходящий,
И плевать, что силы нет.

Им всё мало, мало, мало!
Их давно уже не счесть...
А казалось: жизнь пропала,
А казалось: вышел весь...

Думал: стану третьим лишним
И писать не буду в стол.
Но галдят: «Да нет, не вышел!
Просто сразу не вошёл...»

Вот такая незадача,
Не обидишь никого,
И во мне по-женски плачет
Всё мужское естество.

Но в плачевном состоянье –
Остаётся только жить!..
И бессмысленны страданья,
И любовь не победить!

Видение пророка

Восстанет прах в седой пыли
Под небом праотцов...
Роса растений и Земли
Исторгнут мертвецов,

И золотом вскипят поля,
Где хлеба не дано...
И в Небо прорастёт Земля,
Как Божие зерно...

Не ко времени

...О, как же я был несвободен!
Как гений, поверивший в зло...
Но годы былые сегодня –
Во сне вспоминаю светло.

И вроде остался со всеми,
И вроде не всех позабыл...
Но умерло место и время,
Где я – не ко времени был.

Порой наяву вспоминаю
Себя на ином берегу,
И что-то ещё понимаю,
И что-то понять не могу.

Но вроде бы жизнь не пропала,
И в Лету летят якоря,
И время меня отторгало –
Уверен, – в те годы – не зря.

Я спас свою душу в безвестье –
Пред бездною небытия.
Но умерло время и место,
Где был не ко времени я.

В глуши одиноких растений
Ловлю, словно тень, красоту,
И годы летят, словно тени,
И хлеб, словно пепел, во рту...

В лунной тьме

I
Все мы тени в неземной поэме, –
И словам в душе моей невмочь...
И почти остановилось время,
И почти недвижна эта ночь.

Но приходят небеса в движенье,
И к бумаге тянется рука...
Но боюсь спугнуть стихотворенье,
Как с Луны ночного мотылька.

II
В лунной тьме – так неверно сознание,
И неверны слова в лунной тьме...
И как тайна, родное дыханье –
Растворяется тихо во мне.

И в себе, как в чужом, повторяясь,
Воскресаю за чёрной луной,
И в дыханье родном растворяюсь –
С лунной тьмою, как свет неземной.

Глаголы вод

(Из старого письма)

Памяти Александра Вампилова

...И душу вновь, как в дни иные,
Томят глаголы вод немые.

Томят собрата грустный жребий
На рубеже тысячелетий.

И я как будто виноват,
Что сгинул в нежити собрат.

И виноват за то, что строки –
Мои – жестоко одиноки.

А он, глядишь, давно в раю –
И вряд ли вспомнит жизнь мою.

Но уйду я от беды, –
Вон – на воде мои следы!..

И словно годы золотые –
В душе глаголы вод немые.

И словно Непрístupный Свет, –
Немая тьма хранит от бед.

Безжалостное

Под небом безумной отчизны,
Подвластный движенью светил,
Я жил ожиданием жизни,
Но истинной жизнью не жил.

Всё жил ожиданием счастья.
И годы в дыму прожигал,
И девушке самой прекрасной –
По пьянке в любви отказал.

Как будто неведомый кто-то
Огрел меня пыльным мешком...
Каким же я был идиотом!
Каким же я стал дураком!..

Михаил Пластов

г. Москва

МИХАИЛ ПЛАСТОВ – член Президиума Российской Академии Естественных Наук, действительный член Академии Российской Словесности, сопредседатель Союза литераторов России, президент Союза литераторов Европы, кандидат физико-математических наук, профессор, доктор философии, член Союза писателей России.

Автор 22 книг. Его книги и произведения переведены на языки многих стран мира.

Родная земля

Вот воздух Родины, а вот её вода,
Леса, поля, деревни, города.

Вот люди Родины, а вот их доброта.
Жила века, не делась никуда.

Вот храмы Родины и вера, что жива.
Родной язык. Заветные слова.

Вот Родины суды, законы, власть.
Ты тоже Родина, вернее, её часть.

Когда уйдёшь...
А час наступит твой.
Ты станешь нашей Родины землёй.

Кремлёвская стена

Кремль – вот сердце матушки-России.
Кремль не зря стеною обносили,
Чтоб не одолели никогда
Эту стену горе и беда.

Земля обетованная

Метёт пурга, не видно за два шага,
А там покой и благодать, и тишь.
Волшебный круг, где даже быть – отвага,
Но в самом центре только ты стоишь.

А летом солнце, жарко, нет спасенья,
Но там – прохладной тени благодать.
И встречи с этим местом «Воскресения»
Душа готова бесконечно ждать.

Любимая

Русские, татары, осетины,
Чукчи, эрзи, мокша и мордва.
Всё это – любимая Россия,
Что по Божьей милости жива.

Ты – её, она – твоя частица.
Сквозь пожары, войны, мор и глад
Необыкновенна, как Жар-птица,
Скрыта и таинственна, как клад.

Как душа, простор лежит широко.
Как родник, звучит родная речь.
Словно маму, как зеницу ока,
Надо её холить и беречь.

Волга

Матушкой в России Волгу все зовут.
Корабли по Волге к Каспию плывут.

Города на Волге, словно жемчуга.
Поросли лесами Волги берега.

Русь соединила, как живая нить.
Дай Бог нашей Волге полноводно жить.

Родина и Господь

Бывает, что Родину славят, притом
Причины высокой любви объясняя.
Как быть мне?
Причины любви я не знаю.
Любовь – как молитва, входящая в дом.

Отчизна моя – и поля, и леса,
И люди, и реки, и небо без края,
Молитва моя, что струится, вбирая
Поля, и людей, и лесов голоса.

Высокий и чистый мотив. Он парит.
Он может быть нежным и может быть щедрым.
«Господь мой» и «Родина» – слов монолит.
И оба те слова для сердца священны.

Крик души

Господи, помилуй, Господи, прости.
Дай мне, святой Боже, жизнь мою снести.
Прах – мои рыдания в мире суеты.
За меня страдания принимаешь Ты.

Я прощенья скорого от Тебя не жду.
На колени, Господи, пред Тобой паду.
Господи, помилуй, Господи, прости.
Дай мне крест мой, Боже, с миром донести.

Храм

Святое место и святой чертог.
Здесь вместе, рядом люди и их Бог.
И если есть в душе остатки зла:
Плохие мысли, глупые дела, –
Пойми себя и подведи итог,
Переступив ногой его порог.
Всю свою душу к Богу обрати.
Бог милосерден. Господи, прости.

Природа

Природа –
Божий храм под небесами.
Смотрю на мир
влюблёнными глазами.
Снежинке рад и веточке в окне,
И птице, что крылом махнула мне.

Дорога

Познание Бога –
Без края дорога.
А что там, за краем,
По вере узнаем.

Спасибо, Господь,
За великую милость,
За то, что дорога
Пред нами открылась.

Мощи

Бывает, душа увлекается
совершенно пустыми вещами,
А ей хорошо бы покаяться
и быть со святыми мощами.

И то: мощи – вещи, вечные,
они мироточат без тления.
А вещи, увы, бессердечные,
их плен – это тлен и томление.

Ночная молитва

Теплится огонь свечи,
Виден Божий лик в ночи,
И горит светло и сладко
Под иконою лампадка.
Кажется непрочным свет,
А ему преграды нет.

Вечеря

Церковь. Вечер. Воскресенье.
В тишине лампад огни.
Служба вечного спасенья.
Господи, её храни!

О славе

Кого-то славы дребедень
И манит, и прельщает.
Заразой звёздной больной
Весь день любит себя,
Но дней не замечает.

Горите, свечи куполов,
Во Рождество Христово.
Молитва неба и без слов
Неистова, как слово.

Зачем рекламы перепляс
Несчастливых бьёт по нервам,
Когда последний среди нас,
Представши, будет первым?

Снежинок белые цветы
Собрать в горсти не поздно
И подарить тем, чьи мечты
Скромны, как в небе звёзды.

О Новом Завете

Новый Завет, ты – правда!
Иуда, как равный средь равных,
Ходит меж нами тоже
И говорит: «О Боже!»

Глубина веры

Особой мерой веру меряя,
От Бога помощи я жду,
Лелея верность и доверие,
И о спасении мечту.

Святые

Души ко Господу движение
Причина есть преобразования
Монахов и мирян простых
В живущих в вечности святых.

Они Олимп духовной знати,
Творящий чудо благодати.
Святоотеческий канон
Для всех людей и всех времён.

Икона

Мать Божья и Младенец
На иконе в алтаре.
На их милость я надеюсь
И молюсь им на заре.

Благодатной той иконе,
Только ей одной дано
Прямо в храме, на амвоне
Приоткрыть мне в рай окно.

Крестное знамение

Когда я крест кладу перстами,
Я говорю: «Спаситель с нами».
И ограждает Бог меня
От мора, глада и огня.

Чудо веры

Россия – ты вовеки будь,
Иди своей дорогой главной.
И чудо веры православной
Прославит твой нелёгкий путь.

Господь

Он прост, един и неизменен,
Любою мерою – безмерен,
И без количества – велик,
И в ясном лике – многолик,

Непостижим, невыразим,
Он мирен, но неотразим.
Без качеств благ,
И добр – без Блага.
О нём молчать – и то отвага.

Спаси

Мой Бог. Мой Бог. Любимый Бог.
Спаси от страсти и тревог.
Спаси от мора и огня,
И от меня спаси меня.

Бог

Господь Великий, Ты повсюду,
Создатель мира и людей.
Полёт планет и жизни чудо,
Всё в воле праведной Твоей.

Свеча

Бог Отец, и Сын, и Дух Святой,
Я стою смиренно пред Тобой,
А в руке моей свеча горит,
Как душа с Тобою говорит.

Молитва

Трепетна, как Дух,
Как камень, монолитна,
Отведи беду,
Моя молитва.

Крест на храме

Вот купол храма. На нём крест.
Он виден далеко окрест.
И говорит мне этот крест
О том, что мой Господь воскрес!

Батюшка

Иного мира горний странник.
Любви надежда в трудный час.
Святого Господа посланник,
К спасению ведущий нас.

Крещение

Когда крещенские морозы
Сковали реки и пруды,
Берёзки упали слёзы
На снег и тонкий срез воды.

О чём рыдать, когда Спаситель
Спокойно входит в Иордан,
Когда небесную обитель
Дух Святой вылечил от ран?

Но, видно, русскою душою
И нежным трепетом листа
Берёзки чувствуют, как зноим
Жжёт тень голгофского креста.

Ещё грядёт врагов прощенье,
Они не знают, что творят.
Но в ночь Вселенского Крещенья
О том берёзки говорят.

Небесная опора

Тверда небесная опора.
Душе прозорливой видать,
Что места нет для свар и споров
Там, где есть Божья благодать.

Она и компас, и мерило.
Она начало всех начал.
Она мне счастье подарила
И дальний горизонт открыла,
И вечной радости причал.

Леонид Дудин

пгт. Белоозёрский, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Родился в деревне Харитонов Починок Костромской области. Служил в Группе советских войск в Германии в должности командира взвода разведки, старшим офицером батареи. После – учёба и окончание Военной инженерной академии имени Петра Великого.

В качестве представителя Главного управления космических средств работал на предприятиях, занимающихся освоением дальнего и ближнего космоса. За большой личный вклад в развитие космонавтики отмечен многими правительственными и общественными наградами.

Работал главным редактором газеты «Наши вести» и Белоозёрского телевидения, первым редактором газет «Вертикаль», «Округа», «Воскресенск литературный».

Пишет стихи и прозу. В последние годы увидели свет книги: «На вершине пирамиды», «Испытатели», «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Поехали!..», «Белоозёрский. Очерки истории», «Цветы Болгарии. Венок сонетов», «Гвардии генерал Соколов».

Действительный член Академии Российской словесности, член Президиума Академии, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. М.Ю. Лермонтова, И.Д. Сытина, Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова, многих региональных и областных.

Член правления Московской областной организации Союза писателей России, руководитель Воскресенского ордена «Культурное наследие» литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова.

Редактор газеты «Воскресенск литературный».

Ветеран Военно-космических Сил.

Первый Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский.

ПРАВЕДНИКИ И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ

«И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет». (Откр. 7.16; 21.4)

Книга Ольги Новиковой «Протоиерей Александр Сайгушев. Житие» явилась на свет весьма жданной. Она непременно должна была явиться, ибо автор, талантливый литератор, выросшая в семье священника, духом и сердцем принявшая её православный уклад, не могла пройти мимо возможности сказать живое слово о своём отце – носителе и хранителе верности учению Христову.

Написал, что «книга явилась на свет весьма жданной», – и остановил себя на мысли: «А, может, долгожданной?» – не ведаем. Не будем расспрашивать о том и автора. Нам дано лишь предполагать, сколько времени вынашивалась сама идея «Жития», как планировалось написание (и планировалось ли?), – поскольку мы видим необычное изложение материала.

А оно идёт от серебряной паутинки резного листа рябины у дома, что на улице Садовой города Воскресенска, где жил протоиерей и его семья, и далее – до тайных отрогов Жигулёвских гор, где родился мальчик Шура (будущий протоиерей), и где от волнения повествования исключается строгая линия сюжета. Она, ломаясь на хрупких зигзагах действия, неожиданных жестах и неразгаданных символах, всё же даёт завидную возможность появиться справкам уточнения, неоспоримым историческим и житейским фактам, которые не терпят быть забытыми, а просятся непременно сейчас же в строку, чтобы успеть успокоить сердцебиение автора.

Да и само начало книги необычно, поскольку не совсем хронологично – не с первых, а с последних

дней жизни о. Александра идёт повествование, то есть фактически с его кончины, которая, как и любая кончина, становится тем рубежом, когда, в силу канонов Всевышнего, мы не можем с человеком побеседовать, зафиксировать его мысли, не говоря уже об их согласовании. Остаётся только память. И эта память, беспокоясь, начинает тревожно жить в гипотезах, легендах, мифах, передавая от поколения к поколению откровения праведников.

Но развернём начало книги (дни кончины) вспять, – и великое свечение прошлого вновь становится яркой явью во всех подробностях и биографии священника (подросток Шурка, семинарист Александр), и его жития (протоиерей Александр Сайгушев).

От первого до последнего слова в благодарных трудах дочери звенит сопрано – неиссякаемый источник любви и печали, идущий к отцу Александру Михайловичу, к матери Марии Андреевне, родным братьям Сергею и Михаилу, – ко всему, что окружало, и всем, кто-то окружал автора. Ольга Новикова, сама фельдшер по профессии, будучи рядом с больным отцом, находит такие вот пронзительные слова молитвы, надежды и утешения:

«Нежданно за больничным садом, через дорогу, высоко на сосне быстро мелькнул пушистый беличий хвост. Они, эти маленькие красивые зверьки, часто здесь бывают. Наверное, подумалось, послан свыше хороший знак!

Жить! Господи, помоги моему отцу! Соверши чудо! Он так старается жить! Спеша и путаясь, я читаю молитвы, сочиняю сама, снова и снова прошу милости Всевышнего о продлении дней и избавлении от мучений. Невольные слёзы. И уже за их влажной пеленой не вижу беличьего хвоста и бездонного неба...

Как уставший от долгой игры ребёнок, отец тихо посапывает. Спит. Во сне он отдыхает, во сне он ЖИВЁТ. Что он видит? Может, ту же белку, что и я? Я стою над ним и вижу его белое худое, но красивое своим величием и спокойствием лицо. Сейчас он далеко в себе...

Но надо прервать сон – пора вводить лекарства. Я тихонько, чтоб не испугать, глажу его спутанные волосы, вытираю влажным лоб и говорю, улыбаясь и растягивая слова: «Папа, просыпайся!»

Разве это не высшая форма выражения чувств дочери к родному отцу? Разве это поддельные слова обращения к Создателю? И так повсюду, по всей книге. Искренность и чистота.

Высокие эмоции не застили сути повествования, не вышли за пределы духовных и светских рамок, не умалили образ о. Александра, наоборот, сделали его масштабней, рельефней, а потому и держат постоянно читателя в поле зрения основной темы и усиливают желание узнать больше о жизни нашего современника, который шёл по дороге к Богу в сложнейших условиях гулаговской эпохи.

Готовность дочери к написанию столь пронзительной повести об отце пришла в свой час. И не то чтобы решительно и уверенно, но с тем багажом писательского и житейского опыта, который позволил ей осуществить задуманное. У Ольги Новиковой к тому времени вышло два сборника стихов: «Я любовь назову твоим именем» (2008 г.) и «Маков цвет» (2010 г.). Она уже стала членом Союза писателей России, членом-корреспондентом Академии Российской словесности, ответственным секретарём газеты «Воскресенск литературный». За свои творческие труды получила ряд литературных наград: международный диплом и медаль «Мастер словесности», диплом губернаторской премии им. Роберта Рождественского, медаль А.П.Чехова, Золотую Есенинскую медаль, Почётный знак «За заслуги перед Воскресенским районом» и ряд других высоких знаков отличия. Стала лауреатом многих творческих конкурсов.

В своём первом сборнике так дочь пишет о своём отце (2008 год):

Пылали ярко листья клёнов,
Всё шло в природе чередом,
На ветках птицы оживлённо
О чём-то спорили своим.

Внизу под ивою, как стоик,
И почему-то одиноч,
Уселся небольшой опёнок
На развалившийся пенёк.

Лопух тянул большие лапы
Всё к небу, к небу – на восток...
А в доме умирал мой папа –
Мой неразгаданный пророк.

И вот его совсем не стало,
Угасшей Боговой звезды...
А осень пела, ликовала,
Справляя праздник красоты.

Это произведение уже стало хрестоматийным. Оно известно не только в России, но и за её пределами.

Отцу

А потому, читая тексты «Жития», повсюду замечаем, что книга написана языком поэта. Написана на одном дыхании, вся наполнена человеколюбием и глубокой заботой о судьбах православия. Фактически всё повествование – болевая исповедь о человеке, познавшем на себе, на своей семье несусветную оголтелость системы, которая обрушилась в прошлом веке на лучшие российские умы.

Жизнеописание истинного пастыря в предлагаемой книге отрицает всякую формалистику, потому, как уже было отмечено, выполнено языком художественной литературы, что отличает от многих других тематических изданий. Здесь видна и близка вся родословная протоиерея Александра Сайгушева, которая восходит к таким смелым таёжным и мало кому понятным местам, как Дятловы горы, застывшие правый берег великой реки и встретившие на своём резком изгибе такие же непонятные Жигули. Горы и леса. «В лесах», «На горах». Достаточно открыть эти незабываемые произведения П.И.Мельникова-Печерского, чтобы убедиться в невозможности нездешнего человека постичь здешний, упрямый за неровным горизонтом, неторопливый таёжный мир. Он, как глухой колокол великого раскола, продолжает будоражить души и молчаливых прихожан этих мест, и священнослужителей, где ещё до сих пор не остынет в оврагах эхо расстрельного грохота.

Но, как сказал поэт, – «ни цари их дух не сокрушили, ни наган, ни штык большевиков». Также ничто не могло поколебать и дух, и православное вероисповедание будущего протоиерея, родившегося и выросшего в этих местах. И никто из служителей других идей и конфессий не смог убедить юношу в «неправильности» избранного им пути.

Вся сущность книги, каждое слово её подтверждают, что протоиерей Александр Сайгушев – личность высокого ряда, занявшая достойное место в иерархической лестнице Российского священства. Ольга Новикова прорабатывает громадную работу по поиску праведников, с которыми встречался её отец (скорей, они шли к нему на встречу), беседовал, а некоторых и укрывал от преследования. Это известные богослужители схииеромонах Сампсон (граф Сиверс), иеромонах Виссарион, протоиерей Наум Куратчук, схииеродиакон Ипполит, митрофорный протоиерей Николай Одинаркин, митрофорный протоиерей Дмитрий Фролов, протоиерей Дмитрий Брысаев, протоиерей Василий Башук, протоиерей Александр Захаров, протоиерей Александр Коробейников, протоиерей Владимир Маркин, священник Алексей Евдокимов, о. Дмитрий Болящий и многие другие.

Автор почти не говорит о жестокости системы – Ольга Новикова всего лишь приводит цифры и факты тех беспредельных лет (1937 год – рождение о. Александра, место – Ульяновская область). Они ошеломляют.

«Ко второй половине 1937 года представителями НКВД только на территории Ульяновской области, только за один год, было расстреляно более 1500 человек, а репрессировано более 8000».

А теперь можно подсчитать, сколько областей в России, да и заняться несложной арифметикой. А сколько застенков, подвалов, оврагов?..

Далее, по тексту:

«Согласно тому же «плану» все православные всех существующих на тот момент течений, все старообрядцы и сектанты были объединены в одну группу – некую «фашистско-повстанческую церковно-

монархическую контрреволюционную организацию». Главой этой организации объявили Куйбышевского архиепископа Ириней (Шульмина). Эта операция готовилась тщательно и заранее. На всех и за всех «действующих лиц» были составлены показания – их будущие «признания». Сначала арестовали архиепископа Ириней. В Ульяновске был арестован обновленческий архиепископ Иоанн (Никольский), потом арестованы григорианские архиереи – митрополит Иоанникий (Соколовский) и архиепископ Феодор (Борисов-Григорович), затем вернувшийся из заключения бывший Ульяновский епископ патриаршей Церкви Митрофан (Гринев). В Мелекесе – Владимир (Горьковский) и находившийся там в ссылке епископ Вениамин (Троицкий). В Карсуне – находящийся на покое епископ от ВВЦС Иринарх (Павлов).

Все эти аресты закончились бойней. В 1937 году только в Ульяновске по обвинению участия в этой «фашистско-повстанческой» организации было расстреляно шесть архиереев, 126 священников, 30 монашествующих и 60 мирян. В концлагеря сроком на десять лет отправились 23 священника, пять монахов и 99 мирян, а сроком на восемь лет – один архиерей, 11 священников и 19 мирян. Никто из этих людей из концлагерей не вернулся. По разным другим «церковным» делам было репрессировано 400 человек, всего за два дня – 17 и 18 февраля 1938 года – в подвале Ульяновского горотдела НКВД было расстреляно более 100 человек. Ульяновская епархия, хотя и неофициально, но просто прекратила свое существование».

Пусть не все цифры, но сами события до боли были известны и юноше Александру Сайгушеву, родившемуся и выросшему в селе Коченяевка Ульяновской области. Потому-то по приезду в город Воскресенск он резко отличался от весёлых сверстников и глубиной познания жизни, и ранней зрелостью. Хотя ничто житейское не было ему чуждо.

В книге представлен большой ряд помощников о. Александра по службе в Маврине, Марчугах, Коломне, Шарапове, Карпове. Их, обычных и необычных прихожан, но всех любивших своего батюшку за светлый ум и высокие божественно-человеческие проповеди, доходчивые и понятные, – их всех объединяло православие – общее дело не в безликих схемах, а в живых личностях. С какой трогательностью Ольга Новикова рассказывает о людях, преданных учению Христа! Вот, например, краткая запись о Наталье Григорьевне Сазоновой:

«Человек надёжный, большой доброты и отзывчивости, со светлой душой и очень сложной судьбой, статная, крепкого телосложения, она являла образец русской женской красоты.

Большие глаза, всегда живые и ласковые, говорили о её добром и весёлом характере. В состоянии застенчивой улыбки чаще всего находились её тонкие губы. Округлый лоб, круглые щёки, можно назвать – щёчки, слегка румяные, глубоко обрамлённые платком, делали её похожей на ту самую Ярославну из древнего Путивля, что ждёт князя с битвы. Наша семья очень любила её, мы, дети, – особенно. В храме Наталья Григорьевна была человеком незаменимым: и псаломщицей, и певчей, и регентом хора. Бог дал ей очень красивый голос: высокий, чистый, выразительный, душевный. Она знала нотную грамоту и множество различных распевов. Помню её игривый напев: «Веселитесь и ликуйте, Люди-братии, со мной, И с восторгом облекитесь В ризу радости святой...»

Понимая масштаб повествования, его всестороннее проникновение к духовному и внешнему образу своего отца, автор смело передаёт перо людям, которые хорошо знали (или помнили), прямо скажем, выдающегося протоиерея. В книге нашли место воспоминания матушки Марии Андреевны, протоиерея Николая Одинаркина, священника Алексея Крылова, священника Ивана Брайко, юриста Михаила Булекова, инженера-технолога Марины Ушаковой, крестницы Антонины Кочегаровой, племянницы Любви Мускатиновой, начальника поезда Дениса Пушнова, врача-невролога Ольги Дюкановой. Они добавили те слова оценки значимости деяний о. Александра, которые в силу скромности автора «Жития» не были ею произнесены.

И все они подтвердили – и не раз! – что их наставник, собрат, родственник или просто сосед – в миру Александр Михайлович – жил строго согласно заповедям, предписаниям религии, во всём руководствовался высокими принципами доброты, справедливости, честности, нравственности.

В состав книги также вошли собственные сочинения о. Александра и другие ценные письменные и фотографические документы.

Работая над рукописью как редактор и чем глубже вчитываясь в текст, содеянный Ольгой Новиковой, в девичестве Сайгушевой, тем очевидней осознавалась и утверждалась во мне мысль о совершеннии автором воистину литературного подвига.

На примере жития своего отца и его сподвижников она, сотворив неподражаемую духовно-светскую повесть, внесла достойный вклад не только в историю отечественной литературы, но и в историю Русской Православной Церкви, подтвердив тем самым, что великие праведники, указывающие дорогу к Создателю, всегда были, есть и будут рядом с нами в качестве ярких светочей как на Земле, так и в Царстве Небесном.

Вот в чём неоспоримая заслуга автора.

Ольга Новикова

г. Воскресенск, Московская обл.

Ольга Александровна Новикова, член-корреспондент Академии Российской словесности, член Союза писателей России.

Автор поэтических сборников «Я любовь назову твоим именем», «Маков цвет», книги «Протоиерей Александр Сайгушев. Житие», «Стихи и картинки для мальчика Димки».

Печатается в международной, центральной и местной прессе.

Награждена Золотой Пушкинской медалью «Ревнитель просвещения», медалью «За жертвенное служение» во имя св. Благоверных князей Российских Бориса и Глеба за труды во славу Отечества, Веры и народа российского, правлением Международной федерации русскоязычных писателей – медалью «Мастер словесности» и другими государственными и общественными знаками отличия.

От редакции:

В Издательстве «Серебро Слов» увидела свет книга стихов и прозы поэта Елены Слободянюк «ХРАНИТЕ ТИХО...»

Стихи Елены Слободянюк – и первые, и последние – благородны, вдохновенны, выразительны, чувственны. Для достижения этой упоительной цели она использовала весь огромный арсенал поэтических средств, накопленный нашими классиками, а потому, читая каждую написанную ей строку, слышишь: сердцу невольно становится тесно в груди.

После окончания Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (факультет русского языка и литературы) Елену Александровну как одарённого человека оставляют здесь же, на своей кафедре. Она читает лекции по современному русскому литературному языку, по основам культуры речи и стилистике. Ведёт большую литературоведческую работу по творчеству Александра Блока, Константина Паустовского. И лишь неожиданная болезнь заставляет её уйти из института.

Она работает в газете «Наши вести», публикуется во многих центральных и региональных изданиях, в альманахе «Воскресенск – моя родина светлая...», ведёт огромную музыкально-литературную работу, выступая на многих концертных площадках города Воскресенска и района: во дворцах культуры, библиотеках, школах. Елена Александровна активно пишет и создаёт неповторимый шедевр: книгу стихов «Я вижу каждый твой шаг». Эта книга и поставила её в ряд известных российских поэтов.

Член Союза писателей России.

За свои литературные труды Елена Слободянюк награждена Международным дипломом «Филантроп», Золотой Есенинской медалью и другими знаками отличия.

Несмотря на тяжёлую болезнь, она продолжала творить. А главное, показывала образцы христианской стойкости, перенося в терпении и вере все свои печали и боли.

В память о талантливом писателе на здании лицея № 23 пос. Белоозёрский, где жила, училась и начала свою трудовую деятельность Елена Александровна, установлена мемориальная доска, учреждена медаль им. Елены Слободянюк, проводится конкурс на лучшее литературное произведение.

ХРАНИТЕ ТИХО

Мою прозрачную печаль,
Мою восторженную радость,
Моих отчаяний печать,
Мою минутную усталость,

Мои беззвучные слова,
Мои сплетённые сонеты,
Мои моря и острова,
Мои дождливые рассветы,

Мою разбуженную боль,
Мои заснеженные ветви,
Мою беду – мою любовь,
Мои безудержные ветры,

Мелодии моей руки,
Мои немые полуночи,
Мои поющие шаги
И недопетые полёты

Храните тихо...

Сегодня мы публикуем воспоминания Ольги Новиковой, вошедшие в новую книгу Елены Слободянюк.

Ольга НОВИКОВА,
член-корреспондент Академии
русской словесности,
1-й лауреат конкурса им. Елены Слободянюк
и обладатель медали её имени, 2011 год

1

Большие птицы на окне

Светлой памяти Елены

*Твоей поэзии слова чисты,
Из далей горних радости
и тайны...
Как зарождение звезды,
Ты в этот мир явилась
не случайно.*

*В наполненной молитвой
тишине
Тебя большие птицы навещали.
Лишь знала ты, о чём они
вещали –
Большие птицы на окне.*

*Теперь идущие в твою страну
Всё так же шепчут:
«Слишком рано».
Их шёпот видится совсем
не странным –
И понимаем потому.*

*Но некому часы остановить,
Бегущие в оглухнувшие дали,
Где суждено соборовать печали,
Любовь на жизнь благословить.*

*У алтаря Вселенского креста
Растает боль на круге
возвращения...
Ты явишься опять
для всепрощенья
Как мироносица Христа.*

2

Елена Александровна не знала меня, но мы были с ней знакомы. У нас состоялось заочное знакомство и очное прощание.

Придя в конце 2007 года в ЛИТО, нельзя сказать, что я в литературном деле была совсем новичком: по публикациям газеты «Коммунист» («Наше слово») знания мои о творчестве многих воскресенских поэтов и прозаиков были достаточно объёмны. Естественно, произведения одних авторов мне были более близки и понятны, других – менее.

Стихотворения Елены Александровны мне как раз казались не очень понятными, но то, что они резко отличались образностью, исполнением и тематикой, – было очевидно. И эта очевидность волновала меня, не давая покоя.

Помню, зимой 2008–2009 года после очередного собрания литераторов, когда все уже разошлись, я, осмелившись, задала вопрос руководителю ЛИТО Леониду Дудину, что не могу понять, о чём стихи, но чувствую – в них сокрыто нечто для меня недостижимое... Речь шла о стихотворении:

Елена Слободянюк

*Тёмный город затаил дыхание
В ожидании твоих шагов.
Натянули линии трамвайные
Струны на распятия мостов.*

*Где Москва каналами расколота
И от ветра клонит фонари,
Небо гневно горизонты комкает
И дождями мятыми сорит.*

*А в краю, где не живут трамваи,
На далёком перепутье снов
Я стою и, затаив дыхание,
Слушаю чечётку поездов...*

Эти строфы незадолго до разговора опубликовались газете.

Руководитель ЛИТО молчал, смотрел в одну точку, не замечая меня, явно мимо меня, и, наверное, думал, как бы оценивая ситуацию, стоит ли рассказывать или нет. На какое-то время воцарилась тишина, только Анатолий Васильевич Сальников – выпускающий редактор газеты, – по своей скромности не обращая на нас внимания, шуршал листами бумаг, переключивая их на столе. «А ты знаешь историю этой девушки?» – наконец решившись, спросил Леонид Анфиногенович. «Нет», – ответила я. «Так слушай», – и он очень коротко поведал биографию Елены Александровны. «В следующий раз я принесу тебе сборник её стихов... На время, конечно, – уточнил он и добавил: – Тогда и поговорим...»

Я с радостью и любопытством несла домой небольшую книгу с названием «Я вижу каждый твой шаг».

Сразу же, с ходу, меня поразило название, над которым нужно думать и думать. И, конечно же, сборник был прочитан залпом, потом я перечитывала и перечитывала его много раз, размышляя над каждой страницей, каждым стихотворением, фразой,

словом, сочетанием слов. Я откладывала книгу в сторону и мысленно повторяла прочитанное, пытаясь представить целостность силы духа молодой женщины, объятай тяжёлой болезнью, но, независимо от обстоятельств, так тонко и нежно чувствующей мир.

Елена Александровна, принимая болезнь, через непомерные страдания души поднялась на новый уровень восприятия мира. И, как «всё пропитано в мире водой», так все творения Елены Слободянюк насквозь пропитаны христианской мудростью, к которой прикоснуться Господь позволяет только избранным.

Очень немногим при жизни приоткрывается то, что зовётся ВЕЧНОСТЬЮ...

Я вижу все её произведения как «КНИГУ – ИСПОВЕДИ», недаром она сама назвала её «страницами, выпавшими из личного дневника». Хотя надо помнить и понимать, что переживания любого лирического героя, даже во всей его искренности, навсегда останутся вечной тайной. Тайной души одиночества.

*Избавь меня, Боже, от боли –
Скажи мне, откуда я? Кто я?
Куда мне идти, далеко ли?
Вослед или рядом? Одной ли?*

*Отмерь испытаний на долю:
Слезам и кровью наполни
Протянутые ладони –
До самого края – не боле.*

Я вижу её произведения и как «КНИГУ – ПРОЩЕНИЯ»:

*Твой сон храним, и оттого он светел,
И оттого дыхание ровнее,
И даже смерть очередного дня
Не кажется значительной потерей,
А лишь свидетельством того,
что ты живёшь.*

*Да будет жив и этот свет в тебе,
Да будет он замечен и прощён...*

И вижу как – «КНИГУ – ПРОЩАНИЯ», где Елена Александровна осознанно, без претензий, обиды и ропота обращается к любимым людям, посвящая им стихи, обращая к ним свои последние слова признания:

*...Я сегодня отворяю дверь –
опять,
Чтобы крылья белые тебе –
отдать.*

Так я узнала необыкновенного человека Елену Александровну, поэта Елену Слободянюк. Так произошло моё с ней знакомство.

...Прощание было очным 8 апреля 2009 года в храме Рождества Христова села Михалёва, битком наполненным людьми: родственниками, друзьями, коллегами, поэтами и прозаиками. Из-за тесноты в храм войти было трудно, и многие пришедшие толпились на паперти, а некоторые – на улице, вслушиваясь в пронзительно-печальное церковное пение, принимая тепло от свечей и лампад, волнами выплёскивающееся наружу через небольшой дверной проём вместе с неповторимыми запахами лампадного масла, воска, ладана и живых цветов.

Шло отпевание. Повторяясь, пение прерывалось чтением молитв. На улице слова слышались плохо, прерываемые то тяжёлым вздохом, то всхлипыванием. Скорбно ожидали своего часа ритуальные венки, прислонённые к церковной стене. Мыслями, действиями людей, короткими вопросами и такими же короткими ответами руководило, казалось, что-то неестественное. Может, это была та тяжёлая неестественная тишина, которая появляется невесть откуда только на похоронах.

Провожали Елену тихо, умиротворённо, как она и завещала в своих стихах.

Я помню кроткое, доверительно-детское выражение её лица. Она безропотно уходила в царство покоя и вечной радости.

*Я уже никогда не усну,
Эта ночь продлится века.*

Туманилась тёплая весна 2009 года.

Григорий Осипов

г. Москва

Григорий Борисович Осипов – известный поэт, автор ряда поэтических книг, получивших общественное признание. Лауреат литературных премий имени А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н.С. Гумилёва, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова и других.

Секретарь Правления Московской областной писательской организации, Заместитель Генерального секретаря профсоюза журналистов России, специальный корреспондент Государственной Думы и Совета Федерации, Главный редактор журнала «Галерея века», член редколлегии журнала «Библиотека», академик Академии Российской словесности и ряда других академий.

Незнакомец

Догнал Незнакомец, по виду чужак,
В руках нёс терновую ветку.
Он вымолвил тихо: «Живёшь ты не так,
Как надобно жить человеку».

Все мысли смешались в моей голове.
Откуда он взялся, откуда?
Не видно следов на песке, на траве,
Не слышно шагов. Что за чудо?

Дохнули просторы прохладой земной,
Хоть не было ветра в помине.
Повёл разговор Незнакомец со мной,
Назвал невзначай моё имя.

Раздвинул рассвет потаённую даль.
Укрылись туманы в болоте...
Вздыхнув, Незнакомец печально сказал:
– Радей о душе, не о плоти.

Храни свою душу до судного дня,
Люби своё дело земное.
Но только молчи, что ты видел меня,
Молчи, что общался со мною.

Вдруг капнула кровь с воспалённого лба,
Высокого лба Незнакомца,
И спрятала тень путевого столба
Лучи восходящего солнца.

Вдруг ветер подул от речных берегов...
И с тихой печалью во взоре
Исчез Незнакомец – не слышно шагов
В безмолвном тревожном просторе.

Не осталось в душе, не осталось
Ничего, что когда-то берёт.
Поздней жизни земную усталость
Незаметно пропустил за порог.

Внял свеченью звезды запоздалой,
Неживой и холодной, как лёд,
Одинокой, печальной, усталой,
Завершающей поздний полёт.

Не нашёл на Земле опустевшей,
На отжившей шершавой стерне,

На дороге, среди пыли осевшей,
След любви, что спешила ко мне.

Не увидел на поле разлуки
Тайный свет невозвратных очей.
Лебединые тонкие руки
Растворились в забвеньи ночей.

Не услышал взволнованной речи
В потаённой родной стороне:
И не вышел никто мне навстречу,
И не вспомнил никто обо мне.

Не осталось в душе, не осталось
Ничего от любви молодой,
Ничего, что извечным казалось,
Но, как вечность, осталось со мной.

Осенняя птица кричала
О чём-то печальном своём
Над поздним огнём краснотала,
Над тёмным, пугливым ручьём.

Кричала печальная птица,
Свой крик устремляя ко мне,
Как будто хотела забыться
Навек в неразгаданном сне.

Над вечным огнём краснотала
В рассветной загадочной мгле
Забывшая птица кричала
На всеми забытой Земле.

Летел её крик над осокой,
Над светом, застывшим в меже,
К далёкой душе одинокой,
Ко всеми забытой душе.

Открой врата земного рая,
Судьба-владычица моя,
Чтоб, путь чужой не повторяя,
Своим мечтам был верен я.

Чтоб мать моя вздыхала реже
И до преклонных лет жила,
Чтоб свет звезды предвечной брезжил
Над тишью отчего села.

И чтоб душе моей ранимой
Стремился кто-нибудь помочь,
А очи женщины любимой
Светили мне и день и ночь.

И чтоб друзья мои явились,
Чья жизнь померкла в скорбный час,
А их сердца, как прежде, бились,
Струился свет любви из глаз.

Чтоб верил дружбе настоящей
И не жалел для дружбы сил,
И годы жизни предстоящей
О снисхожденьи не просил.

Пенсионер

С тоской смотрю в глаза пенсионера
И на кургузый старческий наряд.
Так что же это: явь или химера?
В чём он-то пред Всевышним виноват?

Бутылки собирает в подворотнях.
И бедствует, и жизнь свою клянёт.
Кто у него, скажите, старость отнял?
Кто сделал унижительной её?..

Закат крылами горестными машет
Над пестротой осеннего листа.
А он, как тень судьбы своей вчерашней,
Скользкая за черту, где пустота.

А я ещё живу на этом свете?
Что ждёт меня, когда наступит срок?
Не Бог, не Царь, а я за всех в ответе,
Но, Боже, Боже, как я одинок!

Погода хороша.
Сияет высь сквозная.
О чём грустишь, душа,
Душа моя живая?

Откуда грусть берёшь,
Когда в разгаре лето
И ты в тиши берёз
Гуляешь до рассвета?

Где твой задорный смех,
Улыбка молодая?
Какой же тяжкий грех
Несёшь, душа родная?

Любовь твоя жива,
Друзья с тобою рядом.
Зачем хранишь слова,
Наполненные ядом?

Зачем мечты свои
С тревогой отвергаешь
И в призрачной дали
Неторопливо таешь?

Во сне и наяву
Витают дух разлада.
Неужто я живу
Совсем не так, как надо?!

Пускай на сердце давят годы,
Я буду петь, пока живой,
Под обновлённым небосводом,
Под вешней, волглою листвою.

Я буду петь об отчем крае,
Где сны хранит зацвётший сад,
О перелётной птичьей стае,
Что возвращается назад.

О материнском старом доме,
Где тишина грустит внутри,
О звёздах, что в речном затоне
Спят молчаливо до зари.

О ветре, что гуляет в поле
Близ одинокого села,
О бесприютной русской доле,
Что и меня в полон взяла.

Я буду петь, и песнь печали
Вновь будет таять в вышине,
И песнь мою услышат дали,
Ещё неведомые мне.

Там, за рекой

Там, за рекой, где золотое поле
Внимает предрассветной тишине,
Живёт мечта моя о лучшей доле
В сердцах людей, что помнят обо мне.

Там, за рекой, куда уносит ветер
Лихое время юности моей,
Живое пламя раннего рассвета
Тревожит память невозвратных дней.

Там, за рекой, где тают в поднебесье
Дымы и думы дальнего села,
Душа моя летит над редколесьем
Навстречу жизни, что давно прошла.

Там, за рекой, где веет грусть забвенья,
Где я торил когда-то первый след,
Встаёт рассвет у тихого селенья,
И тает в дымке вечный лунный свет.

Встаёт рассвет в пустом седом просторе
Там, за рекой, у отчего огня,
Где ветры века о грядущем спорят,
Где грусть берёз, как прежде, ждёт меня.

Ни о чём не жалею, ни о чём,
Что ушло, то ушло безвозвратно.
Лишь сверкнуло нездешним лучом,
Лишь коснулось судьбы... Ну и ладно!

Индевеют в предзимье дома,
И вдоль берега движется стужа,
А на сердце сгущается тьма
Оттого, что себе ты не нужен.

И живёшь с горькой мукой тщеты
В ожидании жизни нетленной.
И комет ледяные цветы
Всё огромней в пространствах Вселенной.

Виктор Пеленягрэ

г. Москва

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ СЕРГЕЯ АНТИПОВА ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

В условиях организованного музыкального хаоса Сергей Антипов с товарищами обращается с вопросами к прошлому.

Речь идёт не о ностальгии по «золотому веку», цель вопрошания состоит в том, чтобы определить исток и направление течения, по которому мы приплыли в настоящее.

Мы ни к чему не возвращаемся, мы продолжаем. Мы продолжаем то, что всегда происходило в искусстве, а как иначе?

Мне нравится сверхзадача создателей солидного двойного альбома Амальгама – вернуть слушателям дух восьмидесятых с его простодушием и прозрачными лирическими жестами.

Общий тон задается сразу – «Это первая любовь», жизнерадостная лирическая композиция, ударная партия которой перетекает в бодрый романтический инди-поп-рок с электронными хуками и ненапряжной ровной басовой партией.

*Вспоминай эти дни, вспоминай иногда,
В них история нашей любви,
Вспоминай своё первое робкое «да»
И смешные признанья мои.*

Ничего лишнего, всё сжато, и в этом, наверное, главный плюс трека, а лирика отражает ностальгический запал автора, ловко втиснутый клавишными и хоровым припевом.

*Первая любовь
Навсегда осталась в сердце,
Первая любовь,
С ног сшибали килогерцы,*

*Это первая любовь,
Та, что мы вернуть мечтаем,
Это первая любовь,
Улетает, улетает!*

В следующем треке «Ты меня жди» жизнерадостности уже поменьше, темп спадает, а на первый план выходят одинокие синтезаторные линии и глухие барабаны. Энергичный припев удачно разбавляет сам трек, а «считалочка» в духе The Killers добавляет в него необходимую изюминку и драматизм.

Если разобраться, песенки – это, конечно же, «смешные признанья» в любви. Ещё Пушкин заклинал нас не пренебрегать «забавой площадной и вольностью лубочной сцены». В песенке нужно вместить на очень небольшом отрезке времени и пространства сюжет, историю любви, Судьбу, если хотите. Эту историю должны не только запомнить, но и полюбить.

Мы ведь знаем уже практически всё, кое-что увидели, со многим смирились. И тут (это я о песне вам толкую) как нигде необходима неожиданность – фейерверк стиля и вымысла.

Мне кажется, что Сергей Антипов близок к этому идеалу. Для него песня – это не просто призыв к действию и не повод потанцевать. Поэт пытается выразить свой личный взгляд на мир; это всё равно, что вывернуть себя наизнанку, «открыть своё сердце и душу живу», это практически одно и то же.

Забегая вперёд, скажу, что песни на стихи Сергея Антипова, включая авторские исповедальные отступления – это действительно красивый и вкусный сборник, как минимум обязательный к прослушиванию. Это добротный материал, заполняющий всё

АМАЛЬГАМА

Стихи: СЕРГЕЙ АНТИПОВ
Музыка: СЕРГЕЙ ТАЮШЕВ И СЕРГЕЙ ТАЮШЕВ-МЛАДШИЙ
Исполняют: СЕРГЕЙ ТАЮШЕВ-МЛАДШИЙ, СЕРГЕЙ АНТИПОВ,
ТАТЬЯНА РУЗАВИНА И СЕРГЕЙ ТАЮШЕВ.

Аранжировка, запись, сведение, мастеринг, гитара, клавиши, бас,
программирование и бэк-вокал: СЕРГЕЙ ТАЮШЕВ-МЛАДШИЙ.

Студия: NIKITENKO MUSIC.
Отдельная благодарность Евгению Никитенко.

Мы благодарим всех музыкантов, которые принимали
участие в записи. Отдельная благодарность Светлане Степченко,
Сергею Савину и Руслану Семенову.

Дизайн: МАРИАННА ОБОЕВА OBOEVA@YANOO.COM
Фото: ВЛАДИМИР КУПРИЯНОВ KUPRIANOFFOTO

Мы в интернете:
WWW.SERGANTIPOV.RU
WWW.TAUSHEV.RU

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ, 2014

АМАЛЬГАМА

Песни на стихи СЕРГЕЯ АНТИПОВА

невеликое пространство от уха до уха, и просто не может пройти стороной своими обнажающе-заводными мотивами.

Ассоциаций с другими исполнителями (а у кого их нет!) возникает масса, но есть одна большая разница, громадным плюсом создателей – свежее звучание именно отечественного рок-попа; ключевое слово, конечно, «отечественного». Впрочем, жанр исполняемой музыки можно окрасить даже в танцевальные тона.

*Не гони мою любовь неуклюжую,
Мысли ветром унесло – не собрать,
Видно, чувствами к тебе перегружен я.
Мне так хочется взлететь – да боюсь упасть!*

Русский разгул в действии. Гитарный саунд радует стильным видением и ведением пусть даже не столь сложных партий. Тут и трели, и оригинальные риффы, больше напоминающие пресс-релиз настоящего

гитарного отжига, но, тем не менее, всё смотрится крайне мило.

Временами проскакивают аналогии с Poets of the Fall, Kings of Leon и даже Brainstorm – одним словом, теми видными и легковесными в плане особенностей звучания исполняемых опусов бандами. При чем аналогии совсем не явные и больше касающиеся антуража и каких-то позитивных ноток в творчестве.

Всё это создает ощущение камерности и единения с исполнителями. Причём лирика звучит вполне аутентично, не нарушая общей гармонии.

*Счастье – ты, счастье – я,
Счастье – миг, когда мы рядом,
Реки и мосты, небо и земля,
Счастье это – ты и я.*

Классные стихи в России – это девяносто процентов успеха. Хотя любая песня в эфире – своего рода американский «Челленджер» с музыкантами на борту. Эта штукавина может развалиться в любой момент:

- а) Из-за ужасной музыки.
- б) Из-за бездарного исполнения.
- в) Из-за чудовищной аранжировки и, конечно же, из-за невразумительных стишков.

Сколько сгоревших надежд покоится под этими обломками...

Сплав Амальгамы оставляет очень приятное послевкусие и творит чарующую дружескую атмосферу вокруг любого рода слушателей. И даже несмотря на то, что в целом работа исполнена лирических тонов с оттенками романтической грусти, нечто задорное, старое доброе рок-н-рольное «влюблённого мужчины» – проходит лейтмотивом через всё творчество Сергея Антипова. Ритм-секция лишь закрепляет это мимолётное ощущение грамотно расставленными акцентами.

Единственным минусом работы видится мне неразличимость лиц компонентов Амальгамы на обложке. Но вместе с тем это служит прекрасной почвой для воображения представительниц слабого пола.

СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ
ТАЮШЕВ

СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ
АНТИПОВ

Первый диск группы «Амальгама» с песнями на стихи С. Антипова в исполнении С. Таюшева-мл. прилагается к этому альманаху в качестве подарка читателям.

Второй диск в качестве бонуса прилагается к новой книге Сергея Антипова «Стихобиенье»

<http://www.tvoyniga.ru/magazin/magazin/255/>

На этом диске уже сам автор исполняет свои песни и стихи.

Владимир Лория

г. Москва

Владимир Лория – поэт, член Союза Писателей России, лауреат премий: Я. Смелякова (2010 г.), Лермонтовской «Герой нашего времени» (2011 г.).

Ты прими меня, русское поле!
Мою кисть, мои краски, мечту.
Я печали твои обезболю,
Воспою я твою красоту.
Подскажи, как опять научиться
С полуслова тебя понимать –
Твой полынный туман, что клубится,
И цветов набегающих рать.
Души предков прими в своё лоно,
Не покорных всеобщей судьбе,
Что в строю боевом эскадрона
Беззаветно служили тебе.
Моё слово по волнам ковыльным
Донеси до грядущих времён.
Укрепи мою веру, как крылья,
В этот век, непонятный, как сон.

Акация

Я посетил знакомые края.
И взглядом безнадёжным Кьеркегора
Окинул море – море забвения,
Родные тени на его просторе.
И, отвращая внутренний свой взор
От времени грядущего и смерти,
Увидел древо старое – с тех пор,
Что выжило в житейской круговерти.
То древняя акация была,
Вспоившая нектаром моё детство.
Неколебима, будто бы скала,
Я так любил под кроной пышной греться.
Теперь весной цветёт совсем одна,
Дома и люди канули в забвенье.
Несокрушимость хаоса она –
Единственная – ставит под сомненье.

Запорожскую рубаху
Сшила мать сама отцу.
Удальцу из Саджевахо*,
Как была она к лицу!
И осталась мне в наследство;
Я нашёл её, надел –
В зеркалах мелькнуло детство:
Дрозд неистово запел,
А в саду глухом, заросшем,
Плыл меж веток махаон...
Всё, что будет, станет прошлым, –
Бытия таков закон.
Ведь об этом фуги Баха,
Грусть Пьяццоллы, наконец...
Я прижал к губам рубаху
И заплакал, как юнец.

*Саджевахо – городок в Западной Грузии

Жасмин

Облако жасминовое – мистика –
Опадало кремовыми искрами.
Лепестков жемчужных трепетание –
Свежее, пьянящее дыхание.
Детство моё чистое, лучистое,
Аромат жасмина был неистовым.
Снежное душистое сияние –
О любви твоей воспоминание.

*И что нам делать с ужасом, который
был бегом времени когда-то наречён?*

А. Ахматова

Тучек кудрявая стая,
Месяца буй в небесах.
Бег одичалый состава,
Поезд летит на рысях.
В этом бездонном молчании –
Лунного света игра.
В ритме колёс величание
Пашням, просёлкам, лугам.
А на окраине дальней
Всходит над лесом звезда.
Сущее спит в безымянном.
Чьи это там города?
Может, река эта – Калка?
Древний несмытый позор.
Может, в затоне с русалкой
Плещется Тушинский вор?
Дым горьковатый с покоса
Мимо проносится прочь.
Ангелы сладкоголосы
В эту вселенскую ночь.
Там, за разъездом, осталось
Гор Триалетских родство,
Взморья анапского радость.
Первой любви волшебство.
Звонкая школьная шалость,
Ночь с пионерским костром.
Там молодыми остались
Матушка вместе с отцом
Он промелькнул, как случайность,
Душу мою озарив
Жгучей, манящею тайной, –
Этот неведомый мир.
Спит полустанок в потёмках.
Миг, чтобы всё осознать, –
И не нужна остановка,
Время не движется вспять.
И переводится стрелка
Взмахом Господней руки.
Ночь, как немая сиделка,
Теплит вокруг огоньки...
А за окном полусонный
Чей-то пустой разговор.
Глаз приоткрыл свой зелёный
Старый циклоп – светофор.

Парусник в Сен-Мало

Шквал внезапный, тугая волна
В борт ударилась с яростью вепря.
Вздрыгнул корпус, очнулся от сна
Укротитель солёного ветра.
И властителя дальних морей
По ристалищу бурному пены
Понесёт легкокрылый Борей
Под протяжные вопли сирены.
Всем чертям и смертям всем назло,
Облака в паруса нахлобучив,
Он ворвётся на рейд Сен-Мало
Белоснежной альпийскою кручей.

Домой!

*О, звуки, полные былого!
Мои деревья, ветер мой,
И слёзы чудные, и слово
Непостижимое: домой!*

В. Набоков

Всё с думою немолчной, ход времени нарушив,
В фойе аэропорта вбежал я сам не свой.
Там в зале ожидания спуют чужие души,
Но ясно слышен голос сквозь гвалт толпы: **домой!**
Рулёжные дорожки узорами метели
Расписаны, и даже едва видны огни.
Но я уже пристёгнут, турбины засвистели,
Мелькнут за опереньем бессмысленные дни.
И вот я, в ночь подъятый движков могучих силой,
Плыву в подлунном мире сквозь сумрачный покой.
А сердце гулко бьётся, а сердце не остыло,
Ведомо вещим словом, единственным: **домой!**

Ах, время – не воротить вспять,
О невозвратном стонет лира.
Зари кизиловая гладь
Над этим горным, диким миром.
Проснулся южный городок,
Взор устремив в морские дали,
Где чаек клохтанье, дымок
Над кораблём вспорхнул прощальный.
Росы колеблется слеза
На сердцевине розы чайной.
И будто бы твои глаза
На крыльях бабочки случайной.

Саперави

Под сенью ночного Мадрида,
В кафе «Ла Мадерна», один,
Потомок далёкой Колхиды
Испанских отведал я вин.
Взяв кубок в изящной оправе,
Почувствовал сразу родство –
Ведь это букет Саперави,
Святое его естество.
Ещё поклонялись мы Митре,
Ещё не пришёл к нам Иисус,
В осмысленном Греческом мире
Вино это знали на вкус.
Возникло ты в солнечном мифе,
Червлённая, с просинью, гроздь.
Ты самая древняя в мире,
Вкушал тебя даже Господь.

*Саперави – самая древняя лоза в мире.

Эгер

Январская снежная стынь.
Ислама земная примета –
В густую небесную синь
Вонзилось копьё минарета.
Пространства холодного спазм.
Стоят, запорошены, ели.
И слышит твердыня не раз
Взволнованный шёлковый шелест
Своих обречённых знамен,
Османов гудящие звуки...
О призраки страшных времён
Среди иссушающей скуки...

*Эгер – венгерский город-крепость, прославившийся в войнах с Турцией.

Среди цветов, былинок и колосьев,
Где летом хороводят мотыльки,
Я растворюсь в лесном многоголосье,
Как сонное дыхание реки.
Пока же сердце Божьей волей бьётся,
Пока Господним промыслом храним,
Я проживу лишь тем, что остаётся
Во мне, ещё незримое другим.

На Москву

Немота привокзальных акаций.
Безнадёжна, бледна и нежна,
Как одна из тех самых трёх граций,
На платформе застыла княжна.
Убегает гудок паровоза
И – на фронт вместе с ним – эшелон.
Пали долу поникшие розы
На заплёванный пыльный перрон.
Проводила его не на славу,
Облачившись навеки в тоску,
Как в Путивле тогда Ярославна,
Но не к половцам в степь – на Москву!

Генерал

*Легко быть честным и храбрым, когда
осознал, что лучше смерть, чем рабство
в униженной и оскорблённой России.*

С.Л. Марков

Вот сигнал валторны «К бою» прозвучал.
Спешился, снял бурку бравый генерал.
Полк в атаку вышел – Марков впереди.
Ровно билось сердце у него в груди.
Был красив отчаянно, взор – орлиный блеск,
С трёхлинейкой русской шёл наперевес.
И лицо не портило шрама борозда.
Сам метал гранаты в бронепоезда.
Редкостной отваги был этот брюнет,
На Руси подобных и в помине нет.
В дрожь впадал неистовый Троцкий-дуумвир,
Если с добровольцами их лихой кумир.
В душу православную прятал боль и грусть,
Что под властью дьявола бабская ты, Русь.
Знал мечту он жгучую в зареве побед –
В Кремль ворваться первым – был его обет.
Пулям он не кланялся, презирал шрапнель,
Кровью своей собственной приближая цель.
Но слепой осколок – в сердце, наповал...
Ах, каков был Марков – славный генерал.

Эдуард Хандюков

г. Москва

Эдуард Валентинович Хандюков родился 12 сентября 1940 года в Приазовье, в городе Мариуполе.

Окончил Ленинградское Высшее инженерное морское училище имени адмирала С.О.Макарова и Московское Высшее художественно-промышленное училище (бывш. Строгановское).

Секретарь правления МОО СП России, член редколлегии журнала «Поэзия».

Действительный член Академии медико-технических наук. Лауреат Московской областной литературной премии имени Ярослава Смелякова за

2011 год. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008-2011». Награждён Орденом «М.Ю.Лермонтов», Золотой Есенинской медалью, памятной медалью «100-летие А.Т. Твардовского».

От первого лица

– Почему рубаи? – спросит любопытствующий читатель.

– Никакой погони за экзотикой и оригинальностью. Эта поэтическая форма выражения была хорошо знакома и современникам Насреддина в Бухаре, и скоморохам Киевской Руси, и для меня, современного русского поэта, она органична и естественна.

Большинство художников предваряют работу над картиной этюдами. В вербальном и письменном творчестве поэту такими этюдами могли бы служить дву-, трёх- или четверостишия, в разряд которых попадают персидские рубаи и наши частушки. И как ни странно, эта архаическая форма весьма современна своей краткостью изложения и высокой концентрацией мыслеобразов, что отвечает ускоренным ритмам нашей жизни. Этакое быстрое интеллектуальное питание.

Предполагаю, что задолго до величия Маракада (ныне Самарканда) дехкане и ремесленники в сво-

их кишлаках распевали немудрёные куплеты на радость и злобу дня. Сия традиция, пережив славу таких мастеров рубаи, как Омар Хайям, Низами, Рудавки, дошла и до наших дней.

Но замечательно то, что проявление подобного творчества сохранилось в современной русской деревне. Вот пример сибирской частушки:

*У моей тальяночки –
Золотые планочки!
Я милую провожал
До дому с гуляночки.*

Чем не рубаи! Только размер покороче и редифы не кудрявятся.

Уповаю на щедрость и широту русской души и надеюсь, что автор данной частушки не подаст на меня в суд за использование интеллектуальной собственности.

РУБАИ

Как мне забыть огонь былых свиданий?
Как позабыть мне холод расставаний?
Зачем в чуланах памяти храню
Хмельной нектар и яд воспоминаний?

Ты, чтоб избежать солнечный удар,
До ночи просидел в тени чинар...
Но холод тьмы стократ страшнее трусу –
Кому не впрок светила щедрый дар.

Коль сможешь уравнивать хотеть и мочь,
Нерасторжимы станут день и ночь,
И крепость пут земного притяженья,
Как мотылёк, ты сможешь превозмочь...

«Дерзай, но не дерзи, – сказал Учитель. –
Борцом за веру станешь, тайнозритель...
Бессмертная душа отыщет Путь,
Который смертным начертал Спаситель».

Пусть ты Букашка, Слон или Орёл, –
Постыла Жизнь, коль корма не нашёл.
Лишь Смерть способна щедрою хозяйкой
Всем предложить надёжный кров и стол...

Был молод, дерзок – силы через край...
Дороги в Ад – любые выбирай!
Но всякий раз на новом перепутье
Хотя б один был указатель – «В Рай»!

Наивный, пьяницу за трезвость не хвали –
Он трезв лишь потому, что «на мели»...
Но стоит раздобыть желанной влаги, –
Плы-вё-т счастливец – не видать земли...

Не торопись взрослеть, побудь щенком,
Пока ты юн и с жизнью не знаком,
Но время не теряй – законы Стаи
Усвоить даже старшим нелегко.

О старость, не пойму тебя, как выжил
Без простатита, без камней, без грыжи?..
И даже душу сохранил свою
Средь небоскрёбов и убогих хижин.

С затеями иль просто, без затей,
Беспечно гадим на планете всей...
Всемиловит Господь, но не природа –
Ей не крестить своих больных детей.

Мечом не подкреплённые слова –
Досужая базарная молва...
Слова, которые не окропили кровью, –
Мертвее, чем в поленнице дрова.

Ты счастлив при удачном дележе,
Но как сказал однажды Бомарше:
«Вот поворот в зигзаге судьбоносном –
В безденежье подумать о душе».

Не угрожает Телу Страшный Суд, –
Оно – страстишек временный сосуд.
Лишь вечная Душа за всё в ответе –
Она не усмиряла тела блуд.

У гения – ни друга, ни врага...
Чужая мысль ему не дорога...
И на вопросы вне его амбиций
Сам задаёт вопрос: – А на фига?!

Ты оптимист и всякий раз при встрече
С улыбкой, не теряя дара речи:
«Ещё не вечер!» – другу говоришь,
А он в ответ: «Очнись – уже не вечер!..»

Кому – Хозяин, для кого-то – Гость,
Наследникам оставишь пепла горсть...
И о тебе, злословя, будут помнить
Лишь те, кому ты был, как в горле кость.

Когда погибнут пчёлы и шмели,
Пустынно станет на лице Земли...
К навозной мухе обратимся с плачем:
«Голубушка, сады нам опыли!»

Ты выскочка, счастливчик-нуждариш,
От пауза жрёшь, но очень плохо спишь,
Всё от того, что обратилась в крысу
Твоей души прожорливаямышь.

Любовь словами надо ль призывать –
Дарить без просьб и молча принимать?..
Тому пример: ещё у колыбели
Без слов дитяню понимает мать.

Неужто мы уходим навсегда,
Сгорая, будто звёзды, без следа?
А кто из нас способен был заметить,
Как Млечный Путь покинула звезда?!

Моя печаль о тех, кто вспыхнул и погас...
Кто в час любви, как в предрассветный час,
Продрог и не нашёл тропы к родному дому.
Моя печаль о всех, кто позабудет нас...

С пчелою незнакомый пустоцвет
Не явит даже хилый плод на свет.
Что миру скажет, что ему подарит
Морозом жизни тронутый поэт?

Среди овец ярился, словно бык, –
Баран сдавать позиций не привык...
Он и на бойне места не уступит,
И первым будет пущен на шашлык...

Талант актёра – тягостный талант.
Кто лицедей, тот – вечный иммигрант:
Из роли в роль кочует в свете рампы...
Каприз толпы – его судьбы гарант.

Когда тебя обуревают страсть,
Когда неборима страсти власть,
Найди немного времени и силы
И выбери – кому из вас пропасть.

Черны, как мысли, воздух и вода...
В мазутных реках тонут города...
А мы, как ласточки беспечные, щелбечем,
Высоковольтные качая провода.

В аду живём – от фобий пострадались:
Пророки Майя, Ванга, Нострадамус...
Чем меньше оптимизма в их словах,
Тем дух слабей, тем выше страха градус.

Комар уснул в объятьях паука,
Застыл в янтарной капле на века...
Вот так и мы: шустрим, пищим, летаем...
И в лучшем случае – музейная тоска...

Ты как ведро, забытое в колодце, –
Пусть даже так – всё людям остаётся.
Ты даже душу получил в кредит,
А коль в кредит, – вернуть её придётся!

Без страха мыши на тебя глядят, –
Твой роковой их не пугает взгляд.
Теперь сама боишься чьих-то взглядов,
Гадюка, пережившая свой яд.

Вид крови – ваш источник вдохновенья,
Вы словно знаки предостереженья,
Что жаждут стать владыками Земли,
Рабы межполушарного мышленья.

Коль просьбы и приказы не по чину,
Желаниям безумным нет почину.
Коль подружился с рыбкой Золотой,
Оставь свою старуху-сволочину.

Мы негодуем, мы поражены
Старанием «шеф-поваров» войны.
А повара, над нами потешаясь,
Пекут для нас блины... из белены...

Сквозь мрак и холод, будто в никуда,
В снувший город мчатся поезда,
Где детства друг сошёл с перрона жизни –
Где он остался молод навсегда...

Сергей Антипов

г. Москва

Антипов Сергей Сергеевич, родился в 1973 году в Москве. В 1997 году окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) по специальности «физика металлов».

Автор шести книг. Публикации в «Московском Литераторе», журнале «Поэзия» и другой периодике.

Член Правления Московской областной организации Союза писателей России. Член Союза журналистов России, Союза литераторов Европы. Награждён золотой Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения» от Академии Российской словесности, Большой серебряной медалью им. Гумилёва, меда-

лью им. Лермонтова и золотой медалью им. Есенина от Союза писателей России. Лауреат премии «Золотое перо Московии» и Дипломант губернаторской премии им. Роберта Рождественского.

Рубрика «Герой нашего времени»

КОСЯ ИЗ «ВЫМПЕЛА»

Несколько лет назад друзья познакомили меня с одним интересным человеком. Мне нужна была помощь по работе, и Константин Николаевич (так звали моего нового знакомого) помог мне очень быстро и эффективно! После чего я решил предложить ему работать вместе. Мне понравилась добрая и открытая Костина улыбка, его скромность и при этом – мгновенная исполнительность. Друзья рассказали мне, что это у Кости осталось от службы в спецподразделении «Вымпел». Дело в том, что его деятель-

ность подразумевала моментальное выполнение сложнейших заданий руководства, когда порой приходилось по одному звонку тут же собирать вещи (у каждого из них был на этот случай готов специальный чемодан) и лететь в какую-нибудь «горячую точку» неизвестно куда. Костя не любил рассказывать о себе в силу

природной скромности и конфиденциальности поручений, поэтому информацию о нём мне приходилось буквально «выуживать» у его сослуживцев по «Вымпелу».

И постепенно, от раза к разу, у меня сложилось твёрдое убеждение, что рядом со мной работает настоящий герой нашего времени! Оказывается, например, что Костя в 1993 году, когда вёлся обстрел Белого Дома, был одним из тех самых участников сводной группы бойцов, которые стояли прямо у входа в здание и выступали (автоматы лежали у их ног, чтобы не вызвать провокацию) гарантами жизни людей, находящихся по обе стороны, одним своим видом указывая противоборствующим сторонам путь к мирному разрешению конфликта. Их жизни висели на

волоске... Но никто не покинул позицию, не сдался и не сломался. И я уверен, что благодаря их подвигу удалось предотвратить настоящую бойню. Никто не знает, как бились при этом сердца героев... И никто не знает, как их подвиги сказались на здоровье.

Ведь недаром говорят, когда умирает фронтовик, что его настиг выстрел далёкой войны...

Костя был спортсмен, человек не робкого десятка. Он бывал в разных «горячих точках». К сожалению, об этом до сих пор нельзя открыто и подробно рас-

сказывать, ведь многое находится под грифом «Секретно». Но то, что он пережил немало и совершил настоящие подвиги во имя нашей Родины и спасения своих боевых товарищей, я знаю точно!

В гражданской жизни у него была хорошая семья: добрая любящая жена – Людмила, дети и внуки...

Всё было хорошо, мы строили планы на будущее, но 1-го января 2014 года Кости не стало. Он никогда не жаловался на здоровье. Не имел вредных привычек. В тот день он просто сказал жене, что устал и хочет отдохнуть... А нашли его в комнате уже мёртвым. Врачи сказали, что не выдержало сердце. А ему шёл всего лишь 52-ой год!

Никто не хотел верить, что Кости больше нет с нами. В Балашихинском храме Рождества Богородицы, где Костю отпевали, собралось около двухсот человек. Хоронили его под звуки военного оркестра и залпы караула на Братском кладбище. Попрощавшись с другом, я смотрел на сослуживцев, которые тоже подходили к открытому гробу, отдавая последний долг боевому товарищу. Здесь мне открылось настоящее «вымпеловское» братство со скупыми мужскими слезами на глазах. У меня возникла мысль о том, что хорошо бы написать в память Кости стихотворение, и, словно откликнувшись на неё, один близкий Костин друг и сослуживец Сергей Кабанов подошёл ко мне и протянул листок, на кото-

ром было написано стихотворение «Памяти Кости Барышева». Думаю, что здесь будет очень уместно привести это безыскусное, но искреннее и светлое стихотворение полностью:

Разверзлась бездна, друга поглотила,
Ушёл из жизни чудный человек,
Сомкнулась чёрная могила,
Его земной закончен век.

Он был во всём и смел, и честен,
Чужую боль душой воспринимал,
Среди бойцов он был известен –
Войну не понаслышке знал.

Своей открытой тёплой улыбкой
В тяжёлый миг мог успокоить он,
Твой смертный час – нелепая ошибка,
Известием я этим поражён!

Мир продолжает отдыхать и веселиться,
Встречать пришедший Новый год,
В воспоминаньях мне бы заблудиться:
Где ты живой, где молодость живёт!

Где снова ты «братишка» с автоматом,
Где снова поднимаешься ты в бой,
Где на рыбалке мы любимся закатом,
Всё это в прошлом, ныне ж мы с бедой.

Ушёл из жизни храбрый воин,
Добрейший парень и открытый человек,
Нелепа смерть, как сердце стонет,
Как краток был твой яркий век!

Светлая память офицеру спецподразделения «Вымпел» Константину Николаевичу Барышеву.

Член Правления
Московской областной организации
Союза писателей России
Сергей Антипов

Семён Александров

(14.02.1913 – 19.08.1989)

г. Москва

Моё Отечество

Всё круче путь и всё вернее
До каждой новой высоты.
И год от года всё смелее
Дерзання наши и мечты.
И мы космические дали
Не раз извели уже,
Не раз победы утверждали
На каждом новом рубеже.
И самым ярким из соцветий,
Из всех народов и племён,
На всей родной моей планете
Одно-единственное в свете
Цветёт Отечество моё.

Вечер

Тёплым вечером с думой о хлебе
Вдоль полей прошагать хорошо.
Пьёт Большая Медведица в небе
Зори свежие ёмким ковшом.

Шаг замедли и стань у дороги,
Где толпятся впотьмах тополя,
Слушай сердцем, простым и строгим,
Как уснувшая дышит земля,

Как на травы ложатся росы
В этот поздний дремотный час,
Как сгорают, тоскуя, розы
Белым пламенем в тихих ночах.

Славят тишь голубого рассвета,
Вторя звону ручья, соловьи.
Вечер, вечер, раскрой нам секреты
И поведай про тайны свои.

Наш путь – вперёд

В дерзаннях нам предела нет.
И день, и час нам каждый важен.
Мы рвёмся ввысь, в миры планет.
Бурим десятки новых скважин.

Рабочий день трудом согрет.
В полях, на фабриках и домах,
Идём дорогою побед,
Чтоб сделать жизнь ещё удобней.

И мы спешим.
Наш путь – вперёд,
Зелёной улицей в свершенья эти.
Любой хозяйственный наш год
Достойнее былых десятилетий.

Моё пожелание

В страну приходит Новый год,
И новые задачи
Решает труженик-народ –
Ему и счастья, и удачи.

Спутник Земли

– Тут...
тут...
тут... –
Поют гудки в эфире –
Сигналы спутника Земли –
Пока единственного в мире.
Запущен... мчится он,
Летит успешно по своей орбите,
Лучами солнца озарён
Недавний стратосферы житель.
Сила разума подбросила его,
Он техники советской достижение,
Победы нашей взлёт...
Продолжай же,
СПУТНИК,
свой полёт.

Люди и ночь

Мутная ночь у причала плещется,
Мнёт всё живое, давит и душит,
Холодом сводит плечи,
Грохотом лезет в уши.
А люди?..
Им нипочём усталость.
Пока не дрогнут колени,
От них не услышишь жалоб,
Они не подвластны лени.
Горошины звёзд на небе,
Как роспись на тёмном блюде.
Я знаю, родную землю
Трудом украшают люди.

В грядущий день

И мы слегка грустим немного
И сознаем все хорошо,
Что легче та всегда дорога,
Которой ты уже прошёл.
И снова, сердцем твёрдо веря,
Идём в грядущий день – туда,
Куда раскрыты настежь двери
Для мира, счастья и труда.

Руки трудовые

Хвала рукам, что пахнут хлебом,
За тёплую любовь к земле.
Ведь чтобы год тяжёлым не был,
Они трудились на селе.

Они полей подняли шири
В жару и стужу, всё равно,
С окраин юга до Сибири
Растили полное зерно.

Землякам

В эту ночь никому не спится:
Старый обычай хорош и прост.
Хочется с прожитым годом протеститься,
Дружно поднять новогодний тост.
Всякое можем мы: петь и трудиться.
Дело любое всегда нам с руки...
Верю, что яркие впишут страницы
В грядущие дни и мои земляки.

Я вспоминаю снова

Я вспоминаю снова:
Пурга бушевала в лицо,
И в бешеной злобе сурово
Враги нас сжимали в кольцо.
Горела земля под ногами,
И гарь не давала дышать.
Присяга нам всем помогала
В такие часы устоять.
Судьба у солдат многолика.
И если денёк удавался крутой,
Мы к Родине нашей великой
Тотчас обращались мечтой.
И недругов грозных лавина
В чужом не укрылась дому.
Мы шли от Москвы до Берлина
С боями в огне и дыму.
Отваги нам вдоволь хватало,
И путь наш был только вперёд,
В нас Партия веру вселяла,
К победе вела наш народ.
И вспыхнула яркою датой
Геройски рождённая жизнь.
Мы, новой эпохи солдаты,
Проложим пути в коммунизм.

Атака

Батареи бьют набатом,
В перелески эхо льют,
А в укрытии солдаты
Напряжённо боя ждут.
И зелёная ракета
Вздымает взводы и полки,
По полям, войной раздетым,
Пехота ринулась в штыки.
И в этом месиве кровавом
России верные сыны
Громят врага, как не бывало,
За честь и молодость страны.

Шли в атаку

Снег лежит на могиле братской,
В поле прочный устойчивый наст.
Было иное в судьбе солдатской:
Зимы войны не щадили нас.

Дни и ночи не зная покоя,
Суток по пять не смыкая глаз,
Шли в атаку в снегу по пояс
Сквозь огонь, выполняя приказ.

Рядом со смертью прошли бездорожьем
С московских полей до далёких Карпат...
Родины счастье, что жизни дорожке,
Отстаивал грудью советский солдат.

Баллада о краснозвёздных «ястребках»

В воздухе синем, крылом свистая,
Стрижи носились – не жди дождя.
Ловя насекомых, взлетев высоко,
Срывались комом из-под облаков.
И не было лучше в жизни моей
Вспомнить случай, глядя на стрижей...

Весеннее небо. Волховский фронт.
Кто там не был, и тот поймёт,
Как бой был неистов трёх «ястребков»
С пятёркой фашистов среди облаков.

Зловеще кружились враги неспроста,
Зайти норовили нашим с хвоста.
Но тройкой отважных взята высота,
Машинам вражьи заходят с хвоста.
Длинная очередь... Крыло накрена,
Первый штопорит, густо дымя.

Скоро за первым – второй проshit,
Дымом объятый, в землю летит.
Проходит пятнадцать тяжёлых минут,
Вижу, фашистам приходит капут...

Очищено небо. Умолк пулемёт.
Кто там не был, и тот поймёт,
Как гордо моторы поют «ястребков»
Над останками сбитых врагов.

Неоконченный концерт

Росло затишье после боя
(Как будто было то вчера).
Дышала густо зноем хвоя,
Манил прохладой овраг.

Ещё дымился бор сосновый,
Село горело в стороне.
Концерт смотрел наш полк стрелковый,
И было это на войне.

Служила сценою трёхтонка.
Откинув кузова борта,
Стихи читала нам девчонка
С улыбкой нежною у рта.

Гармонь приятно, тихо пела,
И здесь, в лесочке фронтовом,
Нисколько верить не хотелось,
Что мы в окопе огневом.

Артист «махорочку» исполнил...
И – словно грянуло с небес,
В ружьё командой полк был поднят:
Атакой враг на нас полез.

Суровы разом стали лица...
И с ходу бросились мы в бой,
И жарко было нам и фрицам,
Но Русь закрыли мы собой.

Омыли землю своей кровью.
Потерь – не маленький процент...
И я сегодня ещё помню
Тот неоконченный концерт.

Пепел войны

Хлестали дожди нас косые
И выстрелы вьюги лихой,
И пули, и мины косили
Солдатскую долю с лихвой.
Зажили нелёгкие раны.
Спокойно вставай и ложись...
Домой возвратясь, ветераны
Врывались безудержно в жизнь.
Им памятны дымные дали
И вёрсты тяжёлых дорог.
Их мужества символ – медали
И орден – победы итог.
Но каждый невольно заметит
Избыток своей седины,
Как будто оставшийся пепел
Костров отгремевшей войны.

Учитель

За окнами ветер свистит, как чирок,
Играя на ветках листвою измятой,
А в школах за партами начат урок
Осенней сентябрьскою датой.
Склонились над книгами дети, дыша,
Невольно подтянуты, строги.
И в мир неизвестный ведут не спеша
Душевные их педагоги.
У многих виски серебрят седина,
Сказались тревожные годы.
На кителе старом горят ордена –
Свидетели трудных походов.
Учебная осень...
Как ты хороша!
Ребят усадила за парты.
И видит учитель в своих малышах –
Учёных, врачей, космонавтов.

Весна идёт

Ещё метёт ночами синими,
Ещё земля под снегом спит,
А в рощах крыльями грачинными
Весна шумит, весна шумит.

Хоть воротник поднял прохожий,
Нарушив марта колорит,
Я знаю: скоро, скоро всё же
Вода в ручьях заговорит.

Ведь мне недаром стали сниться
На зорях радостные сны.
И всё поёт в саду синица
Простые песенки весны.

Весна

Тепла надёжные поводья
Уводят зимнюю печаль.
Весна готовит половодье –
Начало вешних всех начал.

Её горячее дыхание
Съедает тусклые снега.
... И сменяют реки очертанья,
Свои оставив берега.

Лето

Кукушка заладила где-то
Нехитрую песню свою,
И пахнет смолой разогретой
В сосновых просторах июль.
Схватила цветы повилика.
И воздух безветрен и сух.
Краснеет в траве земляника
На тихих полянах в лесу.
Звенит, незаметный в овраге,
Глубинной прохладой ручей,
И соками зреющих ягод
Пропитана влага ночей.

Плачет март весёлыми слезами,
Звенит капель с обледенелых стрех.
Гляжу влюблёнными глазами
На эти капли – половодье рек.
А солнце льёт горячее дыханье,
Галдят грачи, как спятили с ума.
Идём к весне мы на свиданье,
И к нам она идёт сама.
Вернутся с юга скоро цапли,
И в пляске дикой и шальной
В апреле мартовские капли
Наполнят реки глубиной.

Этюд

Гроза гнала раскаты гневные,
Летела медленно, ворча.
И вспышки молний автогенные
Любил ловить я по ночам.
В окно легонько полусвесившись,
Искал изгибы ярких стрел,
А дождь творил такое месиво,
И ветер ревностно гудел.
А утром небо голубело,
Скользили редко облака,
И солнце искрами горело
По лакированным листам.

Берёзовый лист на асфальте
Почтовую маркой прилип.
Там осень старательно в парке
Желтеющей вьюгой пылит.
С холодной, разборчивой страстью
Парадно по лесу прошла,
В суровую пору ненастья
Деревья раздев догола.

Густеет в сумраке порога
Декабрьский знобкий холодок.
Поёт проезжая дорога,
Басит над фабрикой гудок.
В морозном воздухе вечернем
Полей серебряная ширь,
И всё понятнее значенье
Тепла для сердца и души.
Меня сомненье не тревожит,
Печаль не гложет грудь мою:
Зимой я делаюсь моложе
В моём заснеженном краю.

Валентин Романов

(07.04.1930 – 23.07.2010)

г. Луховицы, Московская обл.

Валентин Иванович Романов.
Член Союза Журналистов РФ. Заслуженный работник культуры Московской области.

Многие годы проработал корреспондентом Луховицкой районной газеты. Его 40-летний творческий путь отмечен двумя медалями ВДНХ и другими медалями и почётными грамотами. Валентин Романов неоднократно был призёром областных конкурсов на лучший очерк о ветеранах Великой Отечественной войны. Автор двух изданий книги «Задумчивый разговор». Соавтор первой энциклопедии «Луховицы – родной уголок России», которая вышла в 1996 году.

Это был яркий, самобытный, вежливейший человек, сделавший непомерно много для процветания родного края.

Не забудет Русь святая...

С.А.Есенину...

Над Русью небеса лучисты,
Широк малиновый рассвет...
Среди берёз моей Отчизны
Родился у Оки поэт.

Он больше всех на белом свете
Любил свою старушку-мать,
Спешил письмо с большим приветом
Ей в Константиново послать.

И до сих пор слова простые
Любимых дорогих стихов
Волнуют всех в краях России –
И молодых, и стариков.

Глава увяла золотая
От злой вражды и бурь лихих.
Но не забудет Русь святая
Есенинский звенящий стих.

Моя Родная сторона

Край мой милый! Синевую
Блещут воды Осетра.
Крепко связана с тобою
Детства светлая пора.
С берегами речки плавной
Дружим многие года.
Ты, Осётр, учил нас плавать,
Быть отважными всегда.

Мы росли, мужали, крепили,
Уходили на войну,
В сталинградском билась пекле
За любимую страну.

Шли на бой за дом и речку,
Что остались под Москвой,
За невестино крылечко
Под сиреневой листвой.

Те бои отгрохотали,
И о счастье мирных дней
Песня звонко льётся в дали
На земле родной моей.

К Осетру спустился вечер.
Вглубь реки глядит луна.
Ветви ив кладёт на плечи
Мне родная сторона.

Святое чувство

Люблю тебя, как майской ранью
Свою отчизну соловей.
Как труд свой ювелир,
что гранью
рождает радугу огней.
Люблю, как птицы любят небо,
Как ласку матери дитя,
Люблю, как белоснежный лебедь
Свою подругу,
с ней летя.

Люблю, как пахарь любит поле –
К нему стремится вновь и вновь.
На свете нету силы боле
Святого чувства, чем любовь.

У камина

Нам уютно у камина,
Согревает жар углей.
Много здесь бесед с любимой
Было в пору зимних дней.
Мы друг друга крепко любим,
Верность светлую храня.
Нашу дружбу не забудем,
Что родилась у огня.
Вновь мороз. Камин – как солнце,
Души греет всё смелей.
И от радости смеётся
Та, что сердцу всех милей.

Цветы любимой

Спешу к любимой на свиданье,
В душе о ней тая мечты.
И светом жаркого признанья
В руке моей горят цветы.
Не раз я прежде приносил их,
Лишь приходил желанный час,
И чувству придавали силу
Огни их нежных, ясных глаз.
Гвоздики свежестью дышали...
Спасибо, верные друзья!
Любви вы крепко помогали,
Желая счастья для меня.
Живой красою, как святыней,
Природа одарила вас.
Сердца влюблённых и поныне
Цветы тревожат каждый раз.

Татьяна Алексеева

г. Остров, Псковская обл.

Алексеева Татьяна Александровна, 63 года. Родилась в Кировской области, но уже больше тридцати лет живу в городе Остров Псковской области.

Член Российского межрегионального Союза писателей, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.

Основная творческая направленность – поэзия. В прозе делаю первые шаги.

ГРАММОФОН

Пост в нашей семье никогда не соблюдался: это повелось ещё со времён моих прадеда и прабабушки. Отроками они остались круглыми сиротами и жили в услужении у попа. Насмотревшись на поповскую «праведную» жизнь, перестали верить в Бога. Впрочем, вера как таковая жила в их сердцах, а вот церковных канонов они не придерживались. Но к Пасхе, к Христову дню, изба всегда была особенно чисто прибрана, а стол ломился от яств!

Была в их доме редкостная диковина – граммофон! Мой прадед, Алексей Евдокимович, выписал его из Санкт-Петербурга. Такой диковинки не было даже у местного батюшки! В Пасху, ожидая прихода святого отца, прадед, конечно, заводил свою «музыку». Церкви в деревне не было, а потому отец Евлампий ходил из избы в избу, поздравляя всех со Светлым Воскресением Христовым. По русскому обычаю прикладывался, конечно, к рюмочке, угощался-разговлялся и благословлял дом и семью на доброе и хорошее житьё. Двери в каждой избе в ожидании его появления держали открытыми настежь. А надо заметить, что весна в вятских краях бывает отнюдь не тёплая, поэтому печки с утра топили жарко, чтобы не выстыло к ночи.

А батюшка, дойдя до дома моего прадеда, не ропился идти к следующей избе, надолго задерживаясь в доме Бояринцевых, слушая граммофон и поглаживая пузцо, отяжелевшее от многочисленных возлияний и яств...

Тем временем бабы, в чьих домах он ещё не побывал, на чём свет стоит костерили моего прадеда (да и попа заодно!) – избы-то выстывают:

– Опять Олексей свою «музыку» завёл, теперь и батюшку не дождёсси!

– И это в Пасху-то!

ПРОФИЛЬ ЗА ОКНОМ

Четыре окна квартиры, где Девочка жила с родителями, выходили в проходной двор. Под окнами – узенький палисад, но там, кроме кустов смородины, ничего не росло. За палисадом – пешеходная дорожка – деревянный тротуар. Из окон было видно всех, проходящих мимо...

Девочка была в том возрасте, которому не подобрали определения: до девушки – не доросла, но и подростком уже не назовёшь. В старину про такой возраст, наверно, говорили: отроковица.

В комнате на стене, у последнего окна, висели большие старые настенные часы в тёмном деревянном корпусе. Они были куплены ещё «до войны» (в

середине 60-х годов прошлого века, когда ещё так свежа была память о последней, самой страшной войне, год событий не называли, а отсчёт времени в каждой семье был «до войны», «во время войны» и «после войны»). Так вот, эти довоенные часы шли с удивительной точностью, поэтому каждое утро все часы в доме сверялись по «большим часам». И только Девочка ходила сверять свои маленькие часики, тускло блестящие на запястье дешёвой «позолотой», дважды в день: утром, перед уходом в основную школу, и днём – перед занятиями в музыкальной школе. Но в этом не было необходимости – это была её маленькая уловка, не заметная для взрослых, своеобразный ритуал. Каждый день в половине второго мимо окон проплывал сосредоточенный, слегка нахмуренный профиль в беличьей шапке и васильковом кашне. Профиль принадлежал Мальчику из соседнего дома, которого тоже с большим трудом можно было назвать юношей. Мальчик шёл в школу – их класс учился во вторую смену. Он – по тротуару, а она – дома, вдоль всех окон, не сводя с него глаз.

Затем подходила к пятому окну, выходящему в проулок, и, отодвинув тюлевую штору, «смотрела температуру» на уличном термометре, прибитом к наличнику – провожала Мальчика взглядом, пока его не скрывали тополя.

Когда этот «ритуал» удавалось проделать от начала до конца, в душе Девочки на целый день сохранялось какое-то непонятное ей тепло. Она не знала ему названия – не задумывалась об этом...

Но когда семья Мальчика уехала в другой город, что-то холодное поселилось в неокрепшем сердечке, а глазам часто было горячо-горячо...

ПАСХАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Бабушка рассказывала. Было ей шестнадцать лет. С молодыми людьми она ещё не встречалась: некогда было влюбляться – шла гражданская война, и приходилось много работать, чтобы помочь родителям прокормить и доучить в реальном училище двух младших братьев. Поэтому, несмотря на свой возраст (уже и замуж выходили раньше в её-то годы!), она ещё не знала вкус поцелуя.

И вот однажды в Пасху встретила она на улице своего знакомого, лет на 6–7 старше. Прозвучало традиционное: «Христос воскрес, Тоня!» И ответное: «Воистину воскрес!» А затем – такой же традиционный троекратный русский поцелуй: в обе щёки и в губы. А поцелуй в губы был таким ошеломляюще-горячим, что у девушки слегка закружилась голова. Молодой человек (более опытный), увидев

реакцию неисклюшённой девушки, сам смутился от неожиданности, почувствовал себя виноватым и, придержав её за руку, спросил:

- Тоня, с Вами всё в порядке? Вас проводить?
- Нет-нет, – поспешно сказала она, – я сама.

Несколько дней, потрясённая этим поцелуем, ходила девушка словно во сне и, не выдержав, поделилась с подругой, Марусей Бересневой. Та была на год старше, а потому более «опытная».

- Тоня, да ты же забеременела!
- Бедняжка в ужасе отшатнулась...

И потянулись для неё бессонные ночи и безрадостные дни. Девушка таяла на глазах от переживания. Часто плакала. И, чтобы скрыть слёзы и выплакаться в уединении, взылась усиленно ухаживать за козой, которую раньше просто ненавидела за строптивый нрав. Оказалось, в обществе козы хорошо было плакать, обхватив её руками за шею и зарывшись лицом в тёплую шерсть...

В один из таких горестных моментов её и увидела Нюра, старшая сестра. От её чёрных пронизательных глаз не укрылось угнетённое состояние младшей сестры. Нюра нашла её в сарае, сидящей на соломе рядом с козой и тихо, беззвучно плачущей.

- Тоня, что с тобой?

Непомерная тяжесть содеянного «греха» и участливый голос старшей сестры прорвались наружу горькими рыданиями и признанием:

- Нюра, я беременна-а-а-а...
- Как? От кого? Когда?
- Виктор Долинский...
- Что – Виктор Долинский? Когда?
- В Пасху.
- Как это случилось?
- Он поцеловал меня – мы похристосовались...
- А дальше?
- Что – «дальше»? Всё...
- Как – «всё»? И больше ничего?
- Ничего-о-о...
- Дурочка, от этого не беременеют!
- А Маруся Береснева сказала...
- Ещё одна дурочка! Вытирай слёзы и иди в дом.
- ...А к козе с тех пор Тоня не подходила.

ПОМИНКИ

Новая семья, в которую после замужества вошла Антонина, была большая. Родители мужа занимали целиком второй, деревянный, этаж дома в Вятке. Свёкор служил машинистом паровоза, свекровь растила и воспитывала детей, нигде не работая. Железнодорожники среди гражданского населения всегда были на особом положении, работать в любом подразделении железнодорожного транспорта было почётно, престижно и денежно, особенно это касалось машинистов, их помощников и поездных – тех, чья служба была связана с разъездами. Жёны машинистов, или, как их ещё звали – машинистихи, могли позволить себе сидеть на мужниной шее, потому что другими жёнами даже осуждалось, если кто-то из них устраивался на работу. Но, к слову сказать, Тониной свекрови и некогда было бы работать. Сын Вениамин с женой жили тут же, в родовом гнезде, Костя только что привёл в дом молодую жену – Тоню; дочки – Марфа и Вера – были ещё незамужние, Лиза – гимназистка. За таким большим семейством нужен глаз да глаз!

Свёкор Пётр слыл весьма уважаемым человеком, справедливым, честным, очень спокойным и сдержанным. Никогда не сквернословил, с начальством держался без подобострастия, со своей бри-

гадой – без зазнайства. Во время кратких отдыхов, положенных ему на конечных пунктах перегонов, умел расположить к себе всех, кому случалось находиться вместе с ним в комнате отдыха для поездных бригад...

Тоня тоже очень уважала и любила его...

Только однажды случилось непоправимое – свёкра не стало. Жизнь семьи изменилась в одночасье, суля много неразрешимых задач. Но это будет потом, когда произойдёт осознание утраты, а пока все домочадцы были заняты приготовлениями к похоронам и поминкам. Ожидалось много друзей и сослуживцев, которые изъявили желание помянуть Петра. В конце двадцатых годов прошлого столетия не было, конечно, ни погребальных служб, ни столовых и кафе, где можно было бы заказать поминальный обед, – всё готовили сами.

В зале – самой дальней комнате – был накрыт один длинный, большой, составленный из нескольких, стол. Но всё равно мест не хватало, чтобы сразу разместить всех, поэтому пришедшие сядились помянуть усопшего по очереди: стол накрывали трижды. Уже чинно и достойно посидели и сказали много добрых слов близкие друзья, начальники и поездная бригада почившего, уступив место следующей партии: сослуживцам, приехавшим с дальних станций и разъездов – со всего перегона, по которому водил свой паровоз Пётр Хлебников. На смену им сели члены семьи и большая родня – близкая и дальняя. И после того, как была отдана дань памяти усопшему, за столом, как бывает всегда в таких случаях, завязался тихий и неспешный разговор: как жить теперь семье, как старшим дочкам справиться приданое, как младшую выучить и вывести в люди... Рыдания и причитания на каком-то этапе стихают, уступая место безысходной горечи утраты. И вот как раз в это время тихой скорби и растерянности в передней открылась дверь, и в квартиру не вошла, а буквально ввалилась запыхавшаяся женщина.

Это была жена одного из поездных с дальнего разъезда. Муж её, находившийся в поездке на момент похорон Хлебникова, наказал ей непременно съездить в Вятку и отдать последний долг любимому всеми Петру...

В Вятку! Такая большая удача для бедной бабы, которая и на близлежащую-то станцию выбиралась крайне редко! Конечно, прежде чем прийти по нужному адресу, она побегала по кондитерским лавкам, купив детям баранок и пряников, зашла и в самый большой магазин Кордакова* – прикупить мануфактуры. И вот теперь, довольная собой и покупками, уставшая и голодная, пришла в дом Хлебниковых. Сбросив в передней на пол набитые до отказа торбы, сняв с шеи длинную связку баранок, она торопливо, наощупь – зеркала-то закрыты, – приводила себя в порядок, причёсывая гребёнкой взмокшие под полушалком волосы, не забывая в то же время заглядывать через анфиладу комнат туда, где были накрыты столы.

Опоздавшую вежливо проводили, усадили за стол, заботливо придвинув поминальную стопочку и обильное угощение. Забыв, для чего она здесь находится, женщина, не помянув по традиции добрым словом покойного, лихо опрокинула стопку и навалилась на закуску. За столом смолкли разговоры: все наблюдали за странной бабой. А она, ничего и никого не замечая вокруг, продолжала уписывать за

*В советские времена магазин назывался «Маяк», но по традиции его называли «Кордаковский». В наши дни это название узаконили.

обе щёки. Изумление присутствующих сменилось любопытством. Наконец, насытившись, раскрасневшаяся женщина откинулась на спинку стула, разглядела на груди свисающие концы платка, мимоходом огладив сытый живот, и, полностью довольная собой и жизнью, изрекла:

– Уф-ф, почашше бы экие похороны-то!

...Вдова чуть не отправилась следом за покойным...

СЕДИНА

Громкий и резкий стук в оконную раму взорвал тишину глухой ноябрьской ночи. В доме проснулись и, не зажигая керосиновой лампы, засуетились. Стук повторился требовательно и резко.

– Упшинскую – в НКВД! Срочно! – голос посыльной звучал с явной издёвкой. Одеваясь впотьмах, найдя одежду на ощупь, Антонина (это за ней пришли) поймала себя на мысли, что думает вовсе не о том, что сегодняшняя ночь может перевернуть жизнь семьи, а для неё и вовсе оказаться последней. Сейчас ей казалось крайне важным найти ответ на вопрос: почему так меняет людей работа в «органах», что даже простая посыльная чувствует своё превосходство? Что это? Безнаказанное упоение властью? Но тогда – чему же служит и кого защищает такая власть?!

А за окном снова кричали:

– Упшинская – в НКВД!

Антонина уже стояла на крыльце, затаенная в форменную шинель служащих железной дороги. Рядом – муж, Иван, которого население станции называло беспартийным коммунистом за его необыкновенную честность и порядочность. По поводу сопровождающего мужа посыльной не было дано указаний, поэтому она промолчала, язвительно поджав губы.

Под ногами хлюпала осенняя грязь, перемешанная с мокрым снегом. Осязаемо-плотная темнота окружала со всех сторон: даже здесь, в глубоком тылу, соблюдалась светомаскировка. Не зажигаемая фонаря, трое молча продвигались вдоль мрачных улиц. На душе у супругов было тяжело: каждый понимал, что могло последовать за этим вызовом. А дома остались старенькая мама и шестнадцатилетняя дочь. Но приход посыльной давал маленькую надежду: всё же не «воронки»! Упшинские так и шли, не обмолвившись ни одним словом. Зачем говорит в присутствии постороннего? Они понимали друг друга без слов; муж твёрдо верил в невиновность жены, а Антонина знала: случись арест – Иван использует все связи для её оправдания.

Это была вторая осень самой страшной и тяжёлой для народа войны. Святая ненависть к властителям Третьего Рейха, неудержимой волной катившихся по просторам Родины, рождала невиданный до сих пор героизм советских людей на фронтах. Но с другой стороны, обнажилось и повылезало на свет Божий то негативное, что до поры до времени тщательно скрывалось, таилось где-то подспудно в глубинах низменных человеческих душ. Людей-перевёртышей хватало везде, не только в прифронтовой зоне. В глубоком тылу они тоже расплодились, как крысы, закапываясь в норы. Но зачастую пробирались на руководящие должности, в правоохранительные органы и, конечно, в НКВД – святая святых. Там их крысиные когтистые лапы дотягивались до – якобы! – врагов народа, уничтожая истинных патриотов тыла и просто честных людей. В ход шло всё: шантаж, угрозы, провокации, вербовка...

Вот к такой «крысе» и попала Антонина.

В кабинете, куда её доставили, стоял полумрак, плавал слоистый табачный дым. За столом с зелёной настольной лампой – непрременным атрибутом кабинетов начальников всех рангов и мастей того времени – вальяжно развалившись на стуле, сидел начальник отдела НКВД Циприс, невысокого роста шатен с довольно приятной внешностью. Впечатление портили только глубоко посаженные, красные от недосыпания и от разъедающего дыма глаза. Выражение их было свирепым, как у вепря. Кивком головы указав Антонине на стул по другую сторону стола, Циприс молча несколько минут в упор разглядывал её. Женщина не отводила взгляда, несмотря на внутреннюю дрожь, охватившую её, и смотрела на него спокойно, без вызова, скорее даже – с любопытством. Они были знакомы – пересекались по работе, встречались на партсобраниях. Антонина работала инспектором станционного отделения дороги в секторе №1. Это был секретный военно-мобилизационный сектор, и она, работая там, дала подписку о неразглашении характера работы сроком на двадцать лет (оговорюсь, что по окончании этого срока он был продлён ещё на двадцать лет). Много входило в её обязанности, в частности, Упшинская была уполномочена в случае острой необходимости распоряжаться резервными запасами угля. Вот к этому-то углю и потянулись крысиные лапы Циприса.

Прошло уже часа четыре, как он, то увещевая, то угрожая, требовал открыть склады с углём. Женщина отговаривалась тем, что ключи находятся у её непосредственного начальника. К тому же, – придавая голосу максимальную искренность, уверяла она, – начальник был столь срочно и неожиданно вызван в Управление дороги, что даже не успел оставить приказ о том, кто будет замещать его во время отсутствия. Такие случаи бывали. Циприс это знал. Неизвестно ему было одно: Упшинская имела право в отсутствие руководства распоряжаться этим резервом, и ключи у неё, конечно же, были! Но, приученная к строжайшей дисциплине, она твёрдо стояла на своём: ключей у неё нет! НКВД-шника доводило до бешенства упрямое спокойствие женщины. Но соблазн сломить её морально был велик! И тогда, идя на крайние меры, он вынул из ящика наган, направив дуло на теряющую последние силы, но не сдающуюся женщину.

Она, не сводя глаз, похолодев, смотрела на пляшущее перед глазами оружие. Циприс блефовал, то поднося наган к подбородку, то упирая ствол прямо в лоб Антонины, и тогда она чувствовала, как холод металла катится вниз по всему телу, заставляя цепенеть от ужаса.

Трудно сказать, что именно послужило толчком для рискованной и опасной игры, на которую отважилась измученная женщина. Она понимала: перед ней – враг, враг не просто озлобленный, а враг, искусно маскирующий своё нутро, враг, играющий в патриотизм. Перед ней сидел тонкий психолог, знаток человеческих душ! Что могла Антонина противопоставить задуманной им игре? Только такую же игру! Ведь не зря же она много лет играла в драмкружке, играла с успехом, блестяще справляясь как с комедийными, так и с трагическими ролями! Значит, надо играть с Циприсом! На карту было поставлено всё: благополучие и спокойная жизнь не только семьи, но и своя собственная жизнь. И если есть – пусть даже малейший – шанс выиграть эту схватку, то этот шанс должен быть использован! И вот тогда, чисто по-женски интуитивно, она, собрав все силы,

спросила, стараясь придать голосу как можно больше наивности:

– Скажите, а Вы долго ещё собираетесь меня здесь держать? – голос как-то странно зазвенел. «Но это – ничего, не страшно, – подумала она, – это даже кстати».

– А ты, с..., домой захотела?! – проревел Циприс.

– Да нет, просто меня на улице ждёт муж, а там холодно и слякотно, так я сказала бы ему, чтобы он не ждал и шёл домой.

НКВД-шник взревел от ярости:

– А кто тебе разрешил мужу говорить, что ты сюда пошла?!

– Так ваша посыльная орала на всю улицу, – придав ещё большую наивность голосу, ответила Антонина. – Я думаю, что не только муж – все соседи слышали. А идти ночью одной мне было страшно, вот он и пошёл меня провожать, как настоящий заботливый муж.

После этого Циприс* как-то сник, устало откинувшись на спинку стула, и минут через двадцать буркнул:

– Иди. Но чтоб – никому ни слова! Сама знаешь...

Утром, посмотревшись в зеркало, Антонина не узнала себя: ото лба к затылку широкой полосой тянулась седая прядь...

**Циприс был признан врагом народа и расстрелян спустя два года после описываемых событий.*

ПРО МЯЧИК И ДЯДЮ ВАЛЮ

Летом меня будили рано-рано: маме в семь часов надо было уже быть на работе, и мне не хотелось проспять её уход. Да и бабушка всегда приговаривала:

– Вставай, пока прохладно и воздух свежий, а то проспишь самое хорошее время.

Я вставала безропотно, потому что мне нравилось смотреть, как солнце начинает набирать свою силу, как блестит выпавшая за ночь роса на листочках и лепестках цветов в нашем палисаднике. Перед уходом на работу мама успевала заплести мне косички – два беленьких «мышинных хвостика», и пока бабушка собирала завтрак, я бежала в палисад смотреть на вновь распутившиеся бутоны мака или тигровой лилии. Особенно радостно было смотреть, как распускается мак. С замиранием сердца, затаив дыхание, смотрела я на это таинство природы. Вот чуть-чуть надтреснули мохнатые чашелистики, приоткрыв ярко-красную щёлочку, где в глубине прятались тугие сморщенные лакированные лепестки. Вдруг раздаётся лёгкий щелчок – и эта щель приоткрывается чуток сильнее. А потом, движимые неумной тягой к жизни, наружу всё настойчивее и настойчивее рвутся маковые лепестки. Наконец, чашелистики полностью раздвигаются в стороны, принимая горизонтальное положение, и начинается самое главное и захватывающее! С лёгким шорохом и хрустом разворачиваются заплиссированные самой природой лепестки, всё больше и больше расправляя свои складочки. И вот уже весь цветок мака высвободился из плена и раскрыл свою восхитительную чашечку! Серединка его чёрная-чёрная и мохнатая от множества тычинок, которые ещё не раскрыли свои мешочки с пылью, а потому пока и не пачкаются, если уткнуться носом в их слегка прохладную, пахнущую солнцем пушистость. А солнце подбирается ближе, окончательно разутюживая лепестки. Всё. Таинство свершилось. Можно идти завтракать.

После завтрака, который зачастую проходил на

крылечке, я выходила во двор. Было немного скучновато: ребята вставали поздно, поэтому с утра играть было не с кем. Ну и ладно! У меня всегда находилось занятие. Сегодня в кармане был припрятан маленький и тугой резиновый мячик синего цвета. Обычно я его выносила, когда мы собирались с ребятами и играли в лапту. Та-ак, а чем же мне сегодня заняться? Ага, придумала! Я буду его закидывать на крышу общего с соседями сарая и ловить внизу. Сначала это было не очень удачным – мячик то не долетал до крыши, то долетал только до самого края (с меткостью у меня всегда было плохо). Но раз от раза броски становились всё лучше и лучше, и я еле успевала подхватывать мячик внизу.

Покашливая и покряхтывая спросонья, из крайней квартиры вышел сосед – дядя Валя Пирожков. Сел на крыльцо, закурил свой «Север», но вскоре стал поёживаться от утренней прохлады – крыльцо выходило на северную сторону и не освещалось солнышком. Надев в сенях тапочки, дядя Валя поковылял к сараю: была там очень хорошая приступочка, на которой любили сидеть все. Удобно устроившись, он закурил очередную папиросу и сидел, зажмурившись от ярких лучей. Меня такое соседство не очень устраивало, потому что сидел он как раз по центру свисающей крыши, под тем местом, куда я бросала мяч. Конечно, я могла передвинуться левее или правее, но, учитывая мою «меткость», мячик тогда неминуемо скатился бы либо в чей-то огород, либо в выгребную яму с помоями. И то, и другое было крайне нежелательно.

Улучив момент, когда дядя Валя задремал, усыпленный нежарким ласковым солнцем, я стала вести «прицельный огонь» с угла сарая. Несколько раз получилось просто великолепно! Но везение не может быть постоянным! То, что произошло потом, повергло и меня, и дядю Валю в крайнее изумление. Меня – потому что очередной бросок был поистине снайперским: мячик, долетев до края крыши, ударился об неё и, описав дугу, на излёте выбил папиросу из губ дремлющего старика, да так ловко, что тот даже не почувствовал удара! И проснувшийся от выпавшей – по неизвестно какой причине – папиросы мужчина удивлённо озирался вокруг, не понимая, что же это была за сила такая, которая лишила его недополученного «удовольствия»? Но, приглядевшись и заметив валяющийся рядом окурок, он поднял его, засунул в беззубый рот, ещё раз с подозрением посмотрел по сторонам и снова задремал, пригретый солнышком, так и не разрешив эту странную загадку.

Я тихонько-тихонько ретировалась домой.

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

Учился в нашей школе мальчишка, Колька Гребёнкин. Рос он в неблагополучной многодетной семье, где отец пил горькую, а мать надрывалась на двух работах, чтобы прокормить детей. И ей, конечно, было не до учёбы сыновей! Не сказать, чтобы Колька был хулиган, но нервов учителям он потрепал немало. Щуплый, с бледным нездоровым цветом лица, имевшего всегда глуповатое выражение, он почти в каждом классе оставался на второй год. А поскольку слушать один и тот же материал повторно ему было не интересно, то школьные лестницы и коридоры радостно распахивали перед ним своё пространство во время уроков. Была у этого Кольки примечательность: пустые, не выражающие никакой интеллектуальной работы мозга глаза, светлые до такой степени, что казались белёсыми. Вот за эти глаза и прозвали его Талыстя (на нашем вятском диалекте

слово талы обозначает – глаза). Очень часто класс, притихший в решении трудной задачи или написании изложения, вздрагивал, когда Колька, тихонько приоткрыв дверь, орал дурным голосом:

– Ой, она меня не полюбила!

Однажды даже наша географичка, вздрогнув от такого вопля, крикнула ему в сердцах:

– Талыстя, закрой дверь!

В конце учебного года мальчишку исключили из школы, избавившись от такого балласта. И мы благополучно забыли о нём. И я – тоже. И прошло не одно десятилетие, когда в разговоре с бывшим учеником соседней школы всплыло это имя. Оказывается, мать перевела его в их школу. Но ничего не менялось в поведении Талысти до одной очень странной истории.

Как-то на перемене мальчишки затеяли не то потасовку, не то просто возню, и кто-то нечаянно толкнул этого Кольку с такой силой, что он скатился по лестнице до площадки первого этажа и сильно ударился головой о каменную стену. Да так сильно, что на несколько минут потерял сознание. Конечно, поднялась суматоха, прибежали учителя, медсестра, стали совать ему под нос ватку, смоченную нашатырём. Мальчишка пришёл в себя, но после этого случая ходил присмиривший, уроки не пропускал и даже подтянулся в учёбе. Особенно поражали его математические способности, когда он с лёгкостью перемножал в уме двузначные и трёхзначные числа!

Школу он закончил очень хорошо. И поговаривали даже, что служил в КГБ, а после в ФСБ, имея немалый чин!

Вот и вызывает интерес эта загадка природы.

ВОВКИНЫ ПРИДУМКИ

Нас, ребят, в близлежащих домах было много, и все почти одного возраста. Мы, ещё не заневестившиеся девочки, играли вместе с мальчишками, не разделяя игры на «девчачьи» и «парнечьи», были очень дружны и горазды на различные выдумки. А когда приедались все известные нам игры, мы сами придумывали что-то новенькое, такое, какого не было в других дворах. Ватага собиралась немалая, человек десять–двенадцать. Сейчас, по прошествии многих лет, вспоминая каждого, я думаю: какими же терпимыми друг к другу мы были! Мы прощали задиристого Сашку, врушку Таньку, драчунью Светку, обожали вечно весёлого и улыбчивого Лёвку и испытывали чувство лёгкого благоговения перед Вовкой...

Во-первых, он был на год старше меня и Сашки. Во-вторых, в нём угадывалась какая-то внутренняя сила, какой пока ещё не обладал никто из мальчишек. В-третьих, уже тогда мы понимали, что он стоит на ступеньку выше нас. Но своего превосходства перед нами он никогда не выказывал. А уж выдумщик на всякие «штучки» он был отменный! Вообще наше поколение не знало слова «скука», мы умели сами себя занять и развеселить и в учебные дни, и в дни каникул. Особенно весело и празднично было в зимние каникулы: ёлки, подарки, угощения...

По давно заведённой традиции – не знаю, кем и когда, – родители устраивали нам домашние ёлки. Приглашались дети, иногда подтягивались и взрослые. Чей-то папа наряжался Дедом Морозом, оставаясь при этом в своём костюме или железнородержном кителе (многие папы работали в различных подразделениях железной дороги), но непременно атрибутом была ватная «борода» и черенок от лопаты, служивший посохом. В крохотную квартир-

ку народу набивалось довольно много, от этой скученности и суматохи всем становилось необычайно весело, а Дед Мороз, уже где-то на кухне, тайком от детей принявший стаканчик бражки, затевал с детьми игры, которые тут же, на ходу, без всякого сценария придумывались им.

Рассказов и впечатлений потом хватало не на один день! Мы взахлёб, перебивая друг друга и хохоча, вспоминали, как Дед Мороз – дядя Толя – оставил на ёлке половину своей ватной бороды, а Сашка бежал за ним и дразнил:

– Дед Мороз, Дед Мороз! А ты же не настоящий! Ты бороду свою потерял!

А потом взрослые заводили патефон, играла весёлая музыка, сами по себе накрывались столы. Родители присаживались, угощались немудрёной закуской, а мы, ребятня, сгрудившись в маленькой спаленке, раскрывали кульки из грубой обёрточной бумаги – с подарками – и начинали «священнодействовать»!

В один из таких весёлых новогодних праздников Вовки не было с нами – родители отправили его к бабушке в Пермскую область. Когда через неделю он оттуда вернулся, как-то так получилось, что только я одна могла рассказать ему о том, как нам было весело. Он невозмутимо, с серьёзно-задумчивым выражением на лице выслушал, а потом выдал:

– Ну и что? Мы там тоже наряжали ёлку, только не дома, а у бабушки во дворе!

Я оторопела: как это – ёлка во дворе? И посыпались на бедного мальчишку введливые вопросы!

– А вы её во дворе так и ставили?

– Нет, она растёт во дворе.

– Так она же высокая?

– Нет, она ещё маленькая, чуть выше меня, вот на столько, – и показывает, на сколько.

– А как вы игрушки на неё вешали? Они же стеклянные, могли разбиться?

– А мы их делали изо льда!

Как именно замораживался лёд, мне было понятно, потому что в детском саду, где мама работала, воспитатели подкрашивали гуашью воду и замораживали её в блюдечках, получая разноцветные диски, которыми потом украшали кораблики из снега на площадках. Но игрушки! И на бедного Вовку обрушивался новый каскад вопросов:

– А как вы их делали?

– А из песочных формочек, – звучал невозмутимый ответ.

– А как же тогда их вешали на ёлку? А? – в надежде, что наконец-то подловлю его, ехидненько допытывалась я.

– А мы заранее, пока вода не совсем замёрзла, вмораживали в неё ниточки!

– Ага, рассказывай! Игрушки-то ледяные, веточки не выдержат тяжести!

– А мы... А мы... А мы не до конца замораживали их! Доставали из формочек и горячей иглой прокалывали стенку и выливали лишнюю воду!

– А лампочки как вешали? Ага!

На это Вовка миролюбиво согласился:

– Да, лампочек у нас и правда не было. Но всё равно – было здорово!

И я не сомневалась, что было здорово! Но помню, что незадаанных вопросов у меня осталось очень много, и я боялась их задавать, потому что было страшно: а вдруг на какой-нибудь вопрос он не сумеет ответить, и тогда станет понятно, что это – его фантазия, придумка, которые он был мастер сочинять! А мне так хотелось верить!..

Поверите, я всю свою жизнь хотела увидеть эту ёлку!..

Валентина Атанасова

г. Плевен, Болгария

Валентина Атанасова родилась в 1951 году в деревне Николаево Плевенской области Болгарии. Работает библиотекарем в Доме культуры имени Николы Ракина в Плевене. Стихи впервые были опубликованы в 1979 году в местной, а затем и в центральной печати. Её творческий путь интересен и объёмен. Она автор 12 поэтических книг, в том числе составитель поэтического сборника русских поэтов... Печатается в альманахах, антологиях, журналах. Переведена на многие европейские языки. Часто выступает по национальному радио. Одна из инициаторов установления творческих контактов с российскими писателями. Участник Международных писательских встреч «Братство» в городе Воскресенске (2010, 2013 гг.). Почётный член Воскресенского ордена «Культурное наследие» литературного объединения им. И.И. Лажечникова (Россия). За большой личный вклад в развитие российской словесности награждена медалью им. Елены Слободянюк.

Родники

Родники, из-под земли
На поверхность вырываясь,
Ручейками омыают
Страсть, невинные желанья,
Оставляя как позор
Неумеренную злость,
Непрощающую память.

Сила страшная реки,
Вырывая всё до корня, –
За неверье словно мстит,
За обман и праздность взора...

Всё исчезнет под напором
Буйных рек – и мощь, и брызги
Лишь останутся укором
Отражения безлики...

Успокоится река,
Снова к устью разольётся...
Только тело без души
остаётся.

Перевод Ольги Новиковой

Вечер в Цибине

Гале, Ире и Жене Головым

Доводилось нам с друзьями
Вместе в Цибине гулять,
Женя подал мне гитару –
Предложил чуть-чуть сыграть.

– Не умею, милый Женя,
Я с гитарой совладать,
Но могу слова душевно,
Словно свечи, расставлять.

Я спою любую песню,
Если сердцем полюблю,
И с весёлым ветром вместе,
Будь что будет – всё спою.

И мечтаю встретить снова
Вечер в цибинских лугах.
Для поэта память – Слово,
Память вечная – в стихах!

Перевод Ольги Новиковой

Одинокий лебедь

Тихо плачет человек:
Птицу белую убили,
Нежность и добро забыли,
И сердечность погубили, –
Горько плачет человек.
Птица гордая была
И, величием сияя,
По воде вчера плыла,
О беде ещё не зная...

А сегодня лебедь дивный –
На дороге – грязной, пыльной...

Безутешен человек.
Велико его страданье,
Как бессилию помочь?
Успокоить чем рыдания?
Как бессилён человек!

Без любви – и нет слезы,
Без печали – нет страдания,
Нет и гнева без огня,
Точно утра – без росы...

Тёплый дождь омоет день,
Лёд растает под слезами,
Проплывёт, как птица, тень
Под пустыми небесами...

Перевод Ольги Новиковой

Не забуду

Татьяне Гомзеловой

Не забуду медовый закат
Над покоем равнины большой.
Каждый друг
был мне искренне рад
И красив был лицом и душой.

– За здоровье! И счастье!
Дай Бог! –
Простирался вселенский покой
И, рождая таинственный слог,
Песней плыл далеко над рекой.

Помню
каждый сердечный порыв,
Доброту – её хватит на всех,
Над Окой мы читали стихи
И делили и радость, и хлеб.

Не забуду медовый закат,
Месяц плыл над изгибом реки,
Чувства счастья настроены в лад,
Что Ока – глубоки.

Перевод Ольги Новиковой

Маково море

*Моей забываемой подруге
Ольге Новиковой*

Маково море повсюду, кругом,
До края объяло равнины.
Маково море, вся прелесть при нём,
И радугами переливы.

Как много желаний маки таят!
А сколько надежд укрывают?
Каждой головкой призывно звенят,
В нетронутый мир приглашают.

Руки не смею до них протянуть,
Пусть с ветром качаются вместе,
Пусть песни любви неустанно поют,
И счастья – такие же песни.

А песня плывёт – чиста и нежна,
До горизонта наполнена сказкой,
Очень похожа на трепет она
Этой равнины цветастой.

Если засну я – боюсь: в этот сон
Жара их, возможно,
сожжёт, не жалея,
Никто не поставит от солнца заслон –
Ни мы и ни добрая фея.

Макова жизнь коротка и светла,
Но в мире, в котором понятия не те,
Пусть золотом маки украсят поля
И гимны поют красоте.

Перевод Леонида Дудина

Ирен Авенеберг

г. Киров

Снежная сказка

Сыплет с неба Дед Мороз
Белые снежинки,
Прямо пёсику на нос,
Котику на спинку.

Белым стало всё вокруг,
Белые дорожки.
Всё запорошили вдруг,
Беленькие мошки.

Шапка снега на столбе,
Шубка на заборе.
Все деревья в бахроме,
Как кораллы в море.

Снег искрится под луной
И блестит на солнце.
Всё сияет чистотой,
Кружевом с оконца.

Сказка – с неба до земли!
Дивней не замыслить!
В снег ныряют воробьи
Пёрышки почистить.

Белый цвет здесь до весны
Царствует с размахом,
Как волшебник, изменив
Всё единым взмахом.

Рыжий кот

Во дворе темным-темно,
Снег в оконное стекло.
На окошке – рыжий кот
Смотрит, как снежок идёт,

Как щенок среди двора
Носится туда-сюда,
Весь в снегу до спинки,
Ловит ртом снежинки.

Радует щенка мороз!
Кот от вида лишь замёрз.
И пока в окно глядел,
Он погреться захотел.

С подоконника скорей
Прыг туда, где потеплей –
К батарее ближе –
И живот там лижет.

Прыгну я в любую лужу!

Прыгну я в любую лужу!
Мне они ничуть не страшны!
Я в резиновых сапожках,
Потому такой отважный!

Так блестят они, что даже
Чуть на зеркальце похожи.
Забегу-ка я поглубже...
И обрызгаю прохожих!

По лесной дорожке

По лесной дорожке,
По лесной тропинке
Маленькие ножки
Топают с корзинкой.

В ней грибочек красный
И грибочек белый,
И ещё лисичек
Выводочек целый.

Мимо проплывают
Ёлочки, берёзки,
А среди них осинки
И рябин полоски.

Лучиком в деревьях
Солнышко играет,
Шелестят листочки,
Птички не смолкают.

Веет по кусточкам
Лёгкий ветерочек,
А в траве букашки
Прыгают, стрекодут.

В день такой чудесный
Всё в лесу прекрасно!
Вот и снова – белый,
Вот и снова – красный!

Веснушки

Лучик, ласково мелькнув,
Заглянул в окошко
И рассыпал по щекам
Рыжие горошки.

Разбежались они,
Веселы и яркие.
Говорят, что мне к лицу
Солнышка подарки.

Любит солнышко мой нос,
Дарит тёплым цветом.
Может, мне сама Весна
Шлёт свои приветы!

Медвежонок

Медвежонок приуныл...
Он сидит совсем без сил...
Никуда не кажет нос...
Почему? Для всех вопрос.

Знают все в лесу прекрасно –
Не обидит он напрасно!
Зря не тронет ни букашки,
Ни мышоночка, ни пташки.

Он – добрейшее создание!
Кто ж к нему с непониманьем?
Кто подверг такому шагу
Медвежонка-симпатягу?

Злые пчёлы одолели!
Целым роем налетели!
Ополчились на него,
Неизвестно отчего.

На весь лес поднявши крик,
Еле вырвался от них.
В нос ужалили и в ухо,
В левый глаз и даже в брюхо.

Хоть он к ним не приставал
И плохого не желал
Их пчелиному народу...
Лишь хотел отведать мёду...

Вот оно – гостеприимство!
Много их, у них единство!
Ну а он водой из бочки
Делает себе примочки...

Мышка

Мышка в норке зашуршала.
Видно, корочку сжевала.
Или сыр погрызла всласть,
Если удалось украсть.

Высунула носик снова,
Нет ли рядышком съестного?
Может, где сухарь лежит
Иль мешок с мукой стоит.

Иль хозяева спешили,
Колбасу убраться забыли...
Мышка вмиг на стол стрелой –
Тут уж будет пир горой!

Коль нарвётся на кого
Иль не сыщется ничего,
Хоть по дому погуляет
И хозяев напугает.

Вася и Буся

Мирно дремлют на окошке
Вася-кот и Буся-кошка,
Сладко жмурят глазки,
Сны у них – как сказки.

Снится, будто у бабули
Из чулана сыр стянули.
Что оставили для них
Таз сметаны на двоих.

Что мышата со всех нор
Выбегают на их двор,
Строятся и в свой черёд
Сами прыгают им в рот.

Птичка, что их травит с крыши
Или с дерева повыше,
С подношеньями пришла –
Птенчиков им принесла.

Рыбка – жительница речки,
Что струится недалечке, –
К ним по суше добралась
И в тарелку улеглась.

Пёс Полкан – гроза окрестный –
Им прислуживает честно,
Тот, что их гонял нещадно,
Смирным стал невероятно.

А коты со всей округи,
Будь то недруги иль други,
Поклониться им спешат,
От волнения не дыша.

Возложив их на подушки,
Чешут шейку и за ушком,
Можно думать смело –
Король и королева!

Тут петух на всём скаку
Закричал: «Ку-ка-ре-ку!»
Где-то пёс залаял...
И весь сон растаял.

Вот и снова на окошке
Вася-кот и Буся-кошка –
Ни сметаны, ни мышат...
На поклоны не спешат...

Надёжная защита

Пёс залаял под окном.
Пёс надёжный очень.
Никого не впустит в дом
Он ни днём, ни ночью.

Чуткий нюх и зоркий глаз,
Это от природы!
Верно охраняет нас,
Даже в непогоду.

Он не бросит никогда,
Не снесёт обиды,
И спокойны мы всегда
Под его защитой.

Кот на дереве сидел...

Кот на дереве сидел,
Сверху кот на всех глядел.
Час сидел и два сидел –
И спускаться не хотел.

Всё увидеть довелось –
Как собака прячет кость...
Как клевал среди ветвей
Крошку хлеба воробей...

Как плывут издалека
В синем небе облака...
Как вороны по двору
Скачут, словно кенгуру...

Где скрывается от всех
Кот по имени Орех...
И как кошку на обед
Звал её хозяин-дед.

Вот уж вечер настаёт,
Кот на землю не идёт.
Почему он там сидит
И спускаться не спешит?

Там внизу злой пёс Барбос
Обещал схватить за хвост!

А котикшу без хвоста
Засмеют – и кошка та,
Что позвали на обед,
И её хозяин-дед...

И трусливый кот Орех,
Тот, что прячется от всех...
Даже птички-воробьи...
В общем, что ни говори,

Лучше на деревьях жить,
Чем к Барбосу угодить!

Цыплята

У крылечка шесть цыплят –
Жёлтые комочки.
Слева – папа Петушок,
Справа – мама Квочка.

Не подпустят никого –
Лучшая охрана –
Ни собак, ни злобных крыс,
Ни кота-смутьяна.

Живо клювом заклюют,
Криком распугают –
Опасаются враги
И не нападают.

Стайкой по двору снуют
Маленькие цыпки,
Ищут зёрнышки вокруг,
Шустрые, как рыбки.

Светит солнышко, тепло,
Мама с папой рядом –
Беззаботное житьё –
Лучшего не надо!

К вечеру забудутся все
Под крыло у Квочки,
И до завтра будут спать
Жёлтые комочки.

Листики кружатся...

Листики кружатся –
Осень, листопад –
И нам прямо с неба
Под ноги летят.

Жёлто-буро-красный
Лиственный ковёр –
Устлана дорога,
И усыпан двор.

Мягко под ногами –
Хочется опять
Бегать по дорожкам,
Шелестеть, шуршать.

Май

Зелень на деревьях –
Первые листочки.
И на всех газонах –
Жёлтые цветочки.

Уличная серость
Солнышком согрета,
Свежестью залита,
Ярким майским цветом.

В голубом раздолье
Щебет не смолкает,
Пятнышком весёлым
Бабочка порхает.

**Белые сугробы
все покрыли кочки...**

Белые сугробы
Все покрыли кочки.
На ветвях краснеют
Грудкой снегирички.

Их несколько даже
Не пугает стужа.
Рядом воробышки,
И синички тут же.

Весело порхают
Стайки невеличек.
Ягоды рябины –
Лакомство для птичек.

Заяц шубку поменял

Заяц шубку поменял
И исчез куда-то...
Он не виден на снегу,
Как комочек ваты.

Ведь спасенье от врагов
Белый цвет зимою.
И зайчишка до весны
Защищён собою.

Галина Аляева

г. Красногорск, Московская обл.

Произведение-призёр
конкурса «Новогодний рассказ»,
проводимого нашим издательством
на сайте vovakniga.ru

ЁЛКА БЕЗ СВЕТА

Молодой парень лет двадцати, не больше, засмутился:

– Мне плохо слышно.

– Понятно. Где Заяц?

Такая же юная актриса, как и Волк, в костюме зайца выглянула из-за пушистой, скромно наряженной ёлки.

– Твоя задача – помочь Волку. Толкни его, когда выходить. Поняла? А так всё прошло нормально. Отдыхайте пока.

Приближающийся Новый год заставлял артистов работать на пределе своих возможностей. Они не роптали – новогодние праздники существенно пополняли их, в общем-то, скудный заработок. Бралось за всё: корпоративные праздники, детские утренники, школьные балы. Лишь бы платили, они же постараются, не подведут. Сегодня уже отработана одна ёлка. Через два часа вновь в давно требующем ремонта клубе небольшого подмосковного посёлка соберётся малышня, чтобы поводить хоропроводы, рассказать стишки Деду Морозу и получить подарки от местной власти.

До представления оставалось чуть больше часа, когда в клубе погас свет. Директор клуба, дородная, добросердечная Клавдия Васильевна, отдавшая этому медленно разрушающемуся зданию тридцать лет жизни, засуетилась. Тяжело ступая, она заспешила в свой кабинет – звонить в диспетчерскую.

Артисты отнеслись к происшествию спокойно, лишь звукооператор, что-то пробормотав, вырвал вилку аппаратуры из розетки. На его памяти уже было такое: отключился свет, потом включился, но другого напряжения. Какой-то умелец перепутал. Была аппаратура – и не стало. Вскоре в зал, насколько было возможно при её размерах, влетела Клавдия Васильевна.

– Где Николай Аркадьевич?

Старший группы, увидев раскрасневшуюся директрису, встревожился:

– Что-то случилось?!

– Где же Николай Аркадьевич? – Клавдия Васильевна всё больше распалялась.

Диспетчер сказал:

– Авария на станции. Света не будет несколько часов. Что делать?

В зал размеренным шагом, со скучающим лицом вошёл организатор новогодних представлений, заместитель главы сельского поселения. Он с трудом пересидел первую ёлку и, будь его воля, давно ушёл бы из этого сырого, неприглядного здания. Но должность обязывала, и глава строго-настроено приказал: «До последнего ребёнка. Понял? Знаю я тебя. Придёшь, посмотришь и домой. Чтобы у меня до последнего ребёнка. Проверю».

– Николай Аркадьевич, света не будет! – бросилась к нему Клавдия Васильевна.

– Звонили диспетчеру? – невозмутимо спросил он, и старшему группы показалось, что в голосе вальяжного начальника прозвучали довольные нотки.

– Звонила. Сказали: серьёзная авария, света не будет. Как же детки? Как же ёлка? – она готова была разрыдаться.

– Значит, будем переносить.

– Переносить? На какое число? – ещё больше засуетилась Клавдия Васильевна.

Теперь заволновались и артисты, у каждого новогодние дни расписаны, и менять что-либо они не могут: всё договорено и везде их ждут.

– Давайте подумаем и решим, – Николай Аркадьевич не любил принимать решения. Пусть кто-то другой примет решение и отработает, а он только отчитается.

Артисты столпились вокруг Николая Аркадьевича и Клавдии Васильевны.

– Мы не можем в другой день, – за всех артистов сказал старший группы.

– Что значит не можете? – Николай Аркадьевич начальственно повысил голос. – Если я скажу, значит, сможете. Клавдия Васильевна, назначайте день!

Директриса посмотрела на заместителя главы, на артистов, потом растерянно сказала:

– Но у меня все дни заняты. Каждый день что-нибудь проходит. Завтра ёлка для старших групп детских садов, послезавтра – молодёжный бал. Потом платные спектакли пойдут. Из Москвы театр приедет.

– Давайте на улице проведём, – в разговор робко вмешалась Снегурочка.

– И правда, давайте на улице! Пока ещё светло! У нас есть представление специально для улицы, – поддержал Снегурочку старший группы. Он уже решил: будь что будет, но в другой день они сюда не приедут. Деньги за представление он вернёт, даже, может, и за отработанную ёлку. Этот напыщенный начальничек всё больше его раздражал.

– На улице? – Клавдия Васильевна, как на спасителя, посмотрела на старшего группы. – Но детишки маленькие. Замёрзнут.

– Не успеют, – убедительно сказал он. – Температура чуть ниже нуля. Мы стоять им не дадим. Минут двадцать–тридцать поиграем, пока светло. Ну что? – он взглянул на Николая Аркадьевича. Тот молчал.

– А подарки? – Клавдия Васильевна начинала верить, что ёлка состоится и детвора встретится и с медведем, и с зайцем, и с бабой Ягой, и, конечно, со Снегурочкой и дедом Морозом.

– Раздадим.

– А где будем?

– Да вы что, Клавдия Васильевна?! Перед клубом! Где машины ставят. Площадка огромная.

– Давайте готовиться. Ой! – испугалась Клавдия Васильевна, она совсем забыла, что такие вопросы может решать только её непосредственный начальник. – Николай Аркадьевич, можно ёлку на улице провести? Детишки придут. Жалко их без Деда Мороза оставлять. На улице ещё светло, – она уговаривала его, как маленького. Он же напыщенно молчал. – Они не замёрзнут. Мы недолго: минут двадцать–тридцать. И подарки раздадим. Я сама раздаю. Раздам сама.

– Хорошо, – весело сказал Николай Аркадьевич. – Проводите.

Клавдия Васильевна радостно хлопнула в ладоши.

– Эй, Иваныч, – позвала она охранника, – неси-ка из моего кабинета маленький стол. Из кладовой

неси подарки. Поторопись, Иваныч, полчаса осталось. Ребятки, – она подошла к артистам, – вы уж меня не подведите. Постарайтесь. Я понимаю, без музыки плохо. Может, из вас кто на гармошке играет? У меня есть. Никто не играет... Вы уж постарайтесь, не подведите. Дети всё же.

– Клавдия Васильевна, не переживайте, – старший группы по-сыновьи обнял пожилую женщину. – Не подведём. Мы понимаем! Дети!

Клавдия Васильевна без головного убора, в пальто нараспашку, встречала собиравшихся детей. Кто-то был с бабушкой, кто-то с мамой, многие – и с мамой, и папой.

Взрослые интересовались: будет ли ёлка? Или изменится? Но больше всего спрашивали:

– Подарки будут давать?

Клавдия Васильевна каждый раз горячо повторяла:

– Будут. Конечно, будут. Каждый ребёночек от Деда Мороза получит подарок.

И вот представление началось. Скоморох, размахивая руками, подпрыгивая, созывал малышей. Ему помогали Волк и Медведь.

Площадка, где разворачивалось действие, находилась в пятидесяти метрах от входа в клуб. Клавдия Васильевна почти не слышала, что происходит там, но видела, как дети в основном дошкольного возраста хлопали в ладоши, приседали, прыгали...

«Ну, слава Богу, всё нормально», – с радостью подумала она.

– Можно подарок забрать? – перед Клавдией Васильевной стояли молодая, хорошо одетая блондинка и голубоглазый малыш.

– Замёрз? – заботливо спросила Клавдия Васильевна.

– Да, – ответила блондинка.

Малыш отрицательно покачал головой:

– Хочу к волку.

– Так беги же, – Клавдия Васильевна улыбнулась ему. – За подарком потом приходи.

Малыш побежал, блондинка недовольно последовала за ним.

Ещё несколько раз к Клавдии Васильевне подходили взрослые, просили отдать подарки, и каждый раз она отвечала: «Подождите. Пусть дети порезвятся». Когда же очередная мамаша капризно потребовала: «Ребёнок замёрз. Давайте подарок», – она махнула рукой и отдала новогодний сладкий подарок. И тут же увидела, как устремились к ней другие родители.

Миг – и перед дверью в клуб выстроилась очередь. Кто-то уже успел выхватить своего малыша из хоровода, другие побежали за мамами и папами сами. С новогодними персонажами осталась веселиться маленькая группка: с десяток детей и несколько родителей.

– Как же Дед Мороз?! Подождите! Пусть дети поиграют! – ещё пыталась остановить толпу Клавдия Васильевна, но родители, кто молча, кто со словами: «Холодно. Замёрзли», – протягивали ей приглашительные билеты, где крупными красными буквами было написано: «Подарок». Клавдия Васильевна, приговаривая: «Как же так?! А Дед Мороз?! А Снегурочка?!» – начала медленно раздавать «окаенные» подарки.

Одна мамаша приглашительный билет отдала дочери – очаровательному созданию не больше четырёх лет. Она робко держала в ручке приглашительный и завороченно смотрела, как красочные бу-

мажные коробочки переходили из рук в руки взрослых.

– Настя, не стой, подавай билет! – несколько раз говорила мать очаровательного создания, но девочка продолжала стоять. Тогда мать подтолкнула её вперед и сказала:

– Скажи: «Тётя, дай подарок».

Девочка послушно повторила:

– Дай подалок.

– Лапушка, а если подарок тебе Дед Мороз подарит? Ты подойди к нему, поговори с ним, стишок расскажи. Ты знаешь какой-нибудь стишок?

Девочка кивнула. Мать раздражённо подтолкнула её руку сзади так, что нарядная с разноцветными завязочками варежка с приглашительным билетом чуть не свалилась с детской ладошки:

– Настя, скажи тётё: «Не надо Деда Мороза, подарок давай!»

Девочка послушно повторила:

– Не надо Деда Молоза, подалок дай.

Коробочка-подарок выскользнула из рук Клавдии Васильевны, рассыпавшись карамельками, «Алёнок», «Красной Шапочкой», «Мишками косолапыми»... Девочка сморщила носик, готовая заплакать.

Клавдия Васильевна схватила следующую коробку и протянула девочке.

– Вот, милая, только не плачь.

Девочка улыбнулась, взяла подарок, мать помогла ей выйти из толпы, и они пошли прочь.

Вскоре площадка перед клубом опустела. Артисты, на ходу снимая новогодние костюмы волка, зайца, медведя... скрылись в тёмном здании.

Клавдия Васильевна устало облокотилась на входную дверь в клуб. Темнота уже захватила всё вокруг. Охранник Иваныч, фонариком осветив пустые картонные коробки, спросил:

– Тару куда?

– Пусть лежит. Завтра уберём, – сказала Клавдия Васильевна и шагнула следом за новогодними персонажами.

Декабрь 2010 г.

Сергей Антипов

г. Москва

Становление

В жизни не всё так просто:
Часто, лишь стиснув зубы,
Пью под чужие тосты,
Славлю чужие судьбы...

Делаю всё «как надо»,
Раны заклеив скотчем,
Чтобы не знали гады,
Как мне погано ночью...

Как мне давно обрыдло,
Как тяжело и жутко
Жить по законам быдла,
Петь под чужую дудку...

Пусть эта жизнь сурова,
Но не согнушь уныло:
Зреет под сердцем Слово,
В Слове – Любовь и сила!

В царстве бездушных клонов
Я разобью капканы,
Бездну заполню Словом –
И человеком стану!

Когда бессилен

Когда бессилен перед болью,
Надеюсь, верю и молюсь,
Чтобы «по свежемусу» – не солью,
И чтоб, истерзанный любовью,
Не разорвал сосуды пульс...

Когда бессилен перед страстью,
Не жму, чуть что, на тормоза,
Но, оставляя шансы счастью,
Не слепо падаю в объятия,
А Божий Свет ищу в глазах...

Когда бессилен пред Судьбою,
Смотрю с надеждой только ввысь,
В предельной честности с собою
Иду без страха за Звездою
Туда, где Истина и Жизнь!

Геометрия любви

Геометрия любви:
Треугольники, квадраты,
Хоть надейся, хоть реви, –
Это всё пройдёт когда-то...

Светотени грешных чувств:
Страхов, ревности, сомнений –
Ускоряют нервно пульс
Ради суетных стремлений...

Но в итоге – лишь черта:
Сложность – ширма для порока,
Геометрия проста:
Ты да я – любовь без срока!

Выход

Я сегодня хочу разобраться,
Что так тягостно ноет в душе –
В медиаторе тонких вибраций,
Словно я на смертельной меже,

Что пророчит нежданное счастье!
Призывает быть честным с собой,
Перемены сулит в одночасье,
Если стану в себе я другой!

И нежданно сгорают проблемы,
Отступает привычный уклад,
И выходит сознание – из плена
На дорогу, надеюсь, не в ад...

Небо октября

В холодном небе октября
Ищу судьбинские ответы,
Прощаясь с призраками лета,
Что травят душу дюже зря!

Утих июльский гром страстей,
Поток любовного азарта,
И спит, наверное, до марта
Отряд межрёберных чертей!

Будить их, право, ни к чему –
Проснутся сами, коли надо,
Наполнят сердце сладким ядом,
В мозгах посеют кутерьму!

Ну а пока в седую высь
Впиваюсь грустными глазами
И думаю: какой экзамен
Ещё подкинет эта Жизнь?!

Инсталляция одиночества

Я впиваюсь глазами синими
В инсталляцию одиночества,
Где любовь не зовёт по имени,
А вокруг – добавляют отчество...

Подсознание мелькает числами –
От столетий до дней и месяцев,
Но никак не собраться с мыслями:
То ли носятся, то ли бесятся...

Всё, что было, однажды – кончится,
Эта жизнь для кого-то – линия,
Но вот вечно ли одиночество? –
Вдруг хоть «там» назовут по имени?!

Осенние облака

В небе гуляли остатки тепла –
Полупрозрачные выдохи лета,
Чем-то их форма меня привлекла:
Бабочки, рыбки, и даже – комета!

Впился глазами в туманный комок
С тайным желанием развеять печали...
Но налетел озорной ветерок –
И опустели небесные дали.

Странные силы в себе ощутив,
В небе представил другие фигуры,
Вместе с которыми весь негатив
Враз улетел из мятежной природы!

Чисто на небе – и чисто в душе:
И от восторга мурашки по коже,
И на осенней небесной меже –
Как хорошо ощущать Тебя, Боже!

Прогулка без зонта

Уныло, но тепло на улицах Москвы,
В свинцовых небесах – предзимние угрозы,
Топчу ногами грязь из вымокшей листвы,
Стираю на лице ноябрьские слёзы...

Прогулка без зонта – ошибка или блажь?
Смогу ли в этот час в себе я разобраться?
Уверенно пройти ещё один вираж
На линии Судьбы, без пагубных фрустраций...

Неверие Любви – неверие себе,
Но верить тяжело, когда в душе занозы,
Не сгинуть бы навек в тоскливой череде
Дешёвеньких стихов и вымученной прозы...

Вернусь и буду жечь ненужную труху
В надежде обогреть свои родные души,
И пусть такой огонь не виден наверху,
Зато даёт он шанс сердца любимых слушать...

Дорога сквозь зиму

Летит сквозь ночь серебряный авто,
Серебряный, как пуля для вампира,
Не греет в этот час меня ничто...
Кругом зима... И темень на полмира...

Пустынное, холодное шоссе,
До города ещё весьма прилично,
Держусь в своей промёрзлой полосе,
«Держаться» – это слово так привычно...

Устал вжимать потёртую педаль,
Устал от вездесущей круговерти,
Чего мне принесёт седая даль?
Не всякий ли маршрут – дорога к смерти?..

Всё яростней дыхание зимы,
Настойчиво она вползает в душу,
Из сердца выдувая слово «мы»,
Все чувства приглушая, как беруши...

Прости, моя озябшая любовь,
С тобой нам расцветать ещё – не время:
Тюльпаны не растут среди снегов,
Нельзя заставить жизнь идти быстрее...

Но вот и замаячили огни,
Надежда – это всё, что мне осталось,
Придут однажды праздничные дни,
И прочь уйдёт коварная усталость!

Истинная дорога

Здравствуй, моя новая дорога,
Ты открылась мне под шелест звёзд,
Долго шёл к тебе я, очень долго, –
Слишком загостился в мире грёз...

Многое в судьбе моей нескладно,
Многого до чёртиков мне жаль, –
Жаль, что я привык жить теплоходно,
Дерзостью глуша души печаль...

Словно чудом выживший Печорин,
Лишь теперь я вышел на простор,
К радости – друзьям, врагам – на горе,
И тупым ханжам – наперекор!

Верю я тебе, моя дорога,
Верю, вопреки и несмотря,
Верю, ты дарована от Бога,
Верю, что нашёл тебя не зря!

Путь домой

Маэстро чужих сновидений,
Скиталец меж Светом и Тьмой,
Устал от своих заблуждений
И жажду дороги домой...

Присел отдохнуть возле речки:
Вот-вот проплывёт труп врага –
Оружие бьёт без осечки –
От грома дрожат берега.

Но долго сидеть нелегко тут, –
Ведь может случиться, что друг,
Попав по неведению в омут,
Закончит последний свой круг...

Поэтому дальше и дальше
Спешу я, мой ангел, прости...
Меняюсь, не буду как раньше –
По воле лукавой иди!

На вешний свет

Прибавляется день всё заметней,
И пора бы устать от сомнений,
А давай-ка подальше от сплетней
Убежим в этот праздник весенний!

Я куплю тебе всё, что захочешь:
Так чудачат влюблённые люди.
«Улыбнись, я прошу тебя, очень!
Будь собой в этом мире иллюзий!»

Всё фальшивое сгинет однажды,
С буйной прибылью вешнего света,
И поймёшь – не какой-то я – «каждый»,
И поймёшь, что других в мире нету...

Наталья Бедная

г. Краснодар

Солнцу навстречу

В ясный день заметнее изъяны
На пути, в душе и на лице,
Средь лесов цветущие поляны...
Ну а жизнь понятнее в конце.

А быть может, не в конце –
в начале,
Где берёт духовных сил исток?
Днём под солнцем,
под луной ночами
Я ищу ответы между строк...

В старом парке

Краски детства торопятся таять,
Только сердце всё помнит полёт.
Зацепилась за веточку память,
И тропинка меня узнаёт.

Вслед глядят карусели и арка,
Облетает акации цвет...
Днём весенним
вдруг стало мне жарко,
И забыт на скамейке жакет.

Одуванчики вдоль тротуара –
Россыпь медных монет.
От весеннего щедрого дара
Всё дороже рассвет.
И, под солнцем
окрепнув, «богатство»
Вновь от нас улетит
Убелённой пушинкой
в пространство –
Жизнь земную продлит.

Деревенское детство

Кубарем с пригорка –
и в кувшинки,
В озеро мы прыгали гурьбой.
Белых одуванчиков пушинки
В небосвод пускали голубой.
К спелой необорванной
черешне
Трепетная тянется рука...
Как расслышать
в круговерти вешней
Звук полёта майского жука?..

Ромашковое утро

Бодрящая свежесть
впорхнувшего дня
От крепкого сна пробудила меня.
Раскрыты все окна.

Колышется тюль,
Впуская ромашковый
знойный июль.
А ты ещё спишь,
улыбаясь во сне...
И эти мгновения дороги мне.

Барахтаются воробьи в пыли –
К дождю. И я, боюсь, промокну.
Раскаты грома дразнятся вдаль.
Внезапно потемнеет. Вздоргну.
Грозу переживу в который раз,
Домой вернусь я в мокром платье.
Порою жизнь испытывает нас,
А мы спешим в её объятья.

Русь

Васильками, цветущими в поле,
Воспеваю любимую Русь.
На святой её лик я молюсь,
И крепчает невзгодами воля.
Беспощадны к Руси времена,
Тем уверенней статная поступь.
Слёзы горькие прячет она
В васильковую синюю россыпь.

Уймись, прошу тебя, мой дождь,
Мне душу бередит ненастье!
А дождь стучит. Пронзает дрожь.
И капли стынут на запястье.
Покинуть мир не тороплюсь,
Ловлю мгновения в дождинках.
Но если вдруг не удержусь –
Вернусь цветком или травинкой.

Ты уходил тогда в солдаты.
Под сердцем у меня – дитя.
Тревожный год восьмидесятый...
Прощанье. Слёзы. Маета.
Вторая осень. Я с малышкой.
Крик журавлиный свысока...
Вернись живым!

А мы услышим
Твои шаги издали...

Вдохновила дни мои поэзия,
Стала светлой жизни полоса.
Я об этом счастье

и не грезила.
Мысли устремились в небеса!
И уныние моё заброшено,
Образы ищущи, любви слова...
И душа стихами заморожена –
Ими, словно небом, я жива.

Вкус айвы из далёкого детства,
Мама с папой и мы за столом...
Отпылавшая осень в наследство
Разливается в сердце теплом...

Память кружится томной листвою
Над корзиной со спелой айвой...

Иллюзии

Позолоченная чашка
из тончайшего фарфора
У горящего камина
позабыта в гневе склок.
Недопитый чай зелёный
стал свидетелем раздора
Отношений иллюзорных:
кто кого из нас увлёт?
И плясало в чашке пламя
отражением укора,
Незаметно угасало...
И нам было невдомёк
Разобраться в чувствах наших
без иллюзий разговора.
Но осталась чашка с чаем
и надежды в ней глоток.

Шапку снега с хвойной ветки
Я смахнула на бегу,
Словно вырвалось из клетки
Одиночество в пургу.
Жажда жизни
вдруг проснулась –
Счастье хочется вернуть!
На просторах зимних улиц
Я к себе ищу свой путь.

Юности старый дом

По лестнице
вдоль стареньких перил
Вбегаю я на свой этаж.
Стучу. Дверей никто не отворил –
Вот жизни незатейливый пейзаж.
Стою у дома. Деревца в снегу.
Мелькает белки рыжий хвост.
Своих следов найти я не могу,
Из юности нежданный гость...

Зелёных яблок полная авоська
И ёлочка в руках
под Новый год.
Метель метёт.
И под ногами скользко.
Вокруг на улице снуёт народ.

И праздника царит очарованье.
И каждый новизны
с надеждой ждёт.
Не поскользнуться бы,
не сбить дыханье –
Две тысячи четырнадцатый год!

Зоя Бондаренко

г. Воскресенск, Московская обл.

Бондаренко Зоя Михайловна родилась и живёт в Воскресенске Московской области. После окончания средней школы №4 поступила в Московский государственный университет им. Ломоносова на физический факультет.

Второе образование получила в Институте позитивных психологий и консалтинга.

Работает главным специалистом Воскресенского филиала Территориального фонда ОМС Московской области.

Увлекается искусством, литературой, психологией.

Впервые опубликовала в сборнике рассказов «Серебряный родник – 3».

НЕ СТОЙ НА ПОРОГЕ – ХОЛОДНО...

*Ты либо войди в мою жизнь, либо выйди из неё.
Но не стой на пороге – холодно!*

Весна... Всё расцветает, распускается, раскрывается. Как и её молодая душа раскрывалась навстречу настоящей, конечно же, настоящей, взрослой любви. И пусть ей только шестнадцать, ему-то уже тридцать три. А он выбрал именно её, значит, она ему подходит, значит, она тоже взрослая.

Взрослая, взрослая, а что ты знаешь о нём? Всё и ничего. Но, я думаю, он хороший, конечно же, очень хороший! Разве этого мало? Да ещё умный, смелый, сильный. Он мой первый мужчина.

А тот мальчик, школьный друг, он что, не хороший? Он тоже хороший, но он мальчик...

Лето... Солнце, море, песок. *Ты еще с ним?* Да, я уже с ним. Я с ним так близко, что не могу без него жить, спать, дышать, да ничего не могу!

А он? А он каждый день бежит в наш дом. Пусть всего на два часа, но я знаю, что завтра они, эти часы, снова будут. И я счастлива!

Осень... *Что, уже осень?* И всё по-прежнему? Не знаю... Я сказала, что во мне его продолжение. Я хотела подарить ему – его. А осенью часто бывает грязь, и лютует дождь. Его не было две недели, но он пришёл. Пришёл, но не вошёл...

Или войди, или уйди. Не стой на пороге – холодно!

Да холодно, зима... *А знаешь, за что я люблю зиму?* Вся грязь покрывается белым снегом, чисто становится...

А что мальчик тот школьный? Пришёл и вошёл. Закрыв дверь, чтобы холодно не было...

НЕ СПРАШИВАЙ: «ЗА ЧТО?», СПРАШИВАЙ: «ЗАЧЕМ?»

Она стояла перед своим Богом и просила, чтобы сегодня у неё всё получилось. Она так долго шла к этому! Сначала была проба пера, и одноклассники стали называли её Цветаева-тью. Потом универ, где бездарные «talанты» чуть не отбили желание писать вообще. Работа в газетёнке, где она так и не смогла втиснуть свои мысли в чужие заказы. Безденежье, случайные подработки, одиночество...

И вдруг – он – единственный, после стольких попыток, директор издательства, который не просто предложил напечатать её стихи, он понял то, что она писала между строк. Понял и принял. И вот сегодня она едет к нему на встречу, встречу от которой зависит её Жизнь!

Она ещё раз проверила содержимое сумки: ручка, паспорт, кошелек – всё на месте. Закрывает

дверь и быстрым шагом пошла к метро. Ещё час – и у неё будет возможность Жить иначе...

Она только вступила на эскалатор, кто-то резко дернул сумку. Она ещё несколько секунд ехала вниз, потом рванула назад. Она видела, как тот, в чьих руках была эта самая Жизнь, садится в вагон. До которого ей оставалось всего несколько шагов. Но стоп: «Двери закрываются». Она посмотрела вокруг, всё продолжало Жить. Всё, кроме неё.

Она вышла на улицу, не слыша жуткого скрежета, крика. Она ничего не слышала и не помнила. Она не помнила, как, придя домой, подошла к своему Богу и спросила: «За что?»

Она не помнила, как прошло несколько дней. Её разбудил долгий звонок в дверь. Открыла – никого, свёрток. Развернула – рукопись, её рукопись.

И вот она уже снова у метро, и опять до Жизни час. Но опять стоп, табличка: «Метро закрыто на ремонт эскалатора». А рядом гора цветов и фотографии людей, у которых их Жизнь закончилась несколько дней назад...

Свою первую книгу она назвала: «Не спрашивай – за что? Спрашивай – зачем?»

ПРИТЧА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Новый год...

Что мы все ждём от него? Чуда...

А в чём оно? В исполнении наших желаний. В возвращении в детство, сколько бы лет нам ни было. В вере, что в этом году обязательно всё будет лучше...

И что? Что мы делаем? Загадываем желание и ждём, ждём его исполнения.

И так в который раз? Да хоть в который. А вдруг!

И вот это «вдруг» настало...

Дед Мороз услышал нас, таких разных, просящих кто о чём: о любви и друзьях, о здоровье и деньгах, о работе и карьере, и обо всём на этом свете.

И решил Дед, что *пусть будет так, как просят...* Нагрузил свой волшебный мешок и пошёл воплощать наши желания в нашу же жизнь.

Подошёл к одному дому, постучал, подождал. Закрыто. К другому, к третьему... Никто не открыл. Устал ходить. Прислонился к какой-то двери отдохнуть, она и открылась. Оставил он свой ценный мешок там и *спокойный*, с чувством выполненного долга ушёл домой в своё зимнее царство.

А почему? А потому, что *дверь была открыта...*

Татьяна Верно

г. Кёльн, Германия

Коротко о себе (в шуточной форме):

Татьяна Верно вместе со своей семьёй ехала себе тихо-мирно в одном из вагонов состава, медленно тащившегося в светлое брежневское будущее. Машинист, правда, уверял, что гонит паровоз на всех парах и следующая остановка будет в Коммуне.

Тут на путях внезапно появился Миша-стрелочник и перевёл стрелки на другие рельсы. Поезд помчался по совсем другому пути. В дальнейшем составу повезло ещё меньше. Машинист-сменщик по имени Боря с большого бодуна завёз поезд в перестроечный тупик. Состав расформировали, вагоны отцепили.

На железной дороге начался большой бардак. Вагон «Россия» прицепили к паровозу времён Феликса Эдмундовича и помчали в светлое чекистское будущее. Вагон «Украина» справа и слева подцепили сразу к

двум паровозам: голубенькому и оранжевенькому. Те, пыхтя, начали тянуть вагон каждый в свою сторону, не сдвигая его, по большому счёту, с места.

Пассажиры высыпали из вагона и двинулись кто куда: кто на майдан, а кто с чемоданом – к узкоколейке, как ваша покорная слуга, и на скором попутном отправились в Европу. Не могу сказать, что чувствую себя здесь в «своём вагоне», но в купе тепло, уютно. Есть и чай, и кофе, славные попутчики.

Поезд, в котором я теперь еду, тоже иногда заносит: едем то на красный, то на зелёный, то даже на чёрный цвет. Но пока, тьфу-тьфу, обходится без аварий по пути следования.

Так что будем стоять и ехать по оптимистическим рельсам в светлое общечеловеческое будущее!

Коротко о себе (в серьёзной форме):

Родилась и выросла в замечательном городе Одессе. По образованию – инженер-химик. В конце девяностых переехала со своей семьёй на постоянное место жительства – в Германию. Проживаю в городе Кёльне. Увлекаюсь поэзией и сама пишу понемногу.

МНОГОЛИКАЯ ОСЕНЬ

Осеннее

как будто небо опустилось ниже,
к груди прижалась матери-земли,
и облака, придвинувшись поближе,
овечьим смирным стадом залегли.
пока ещё тихи, ещё послушны,
но лишь осенний ветер – злой пастух –
хлестнёт их посильней кнутом воздушным,
из края в край помчатся во весь дух.
и будут проливать на землю слёзы,
ей жалуясь в сердцах на ветра гнёт.
земля их примет и, сковав морозом,
прибережёт для бурных вешних вод.
а по весне, пока ещё далёкой,
растает слёзы... потекут ручьём,
и небо вновь покажется высоким,
зовущим в свой лазурный окоём.

Маленькая осенняя зарисовка

Лист за листом уносится с ветвей,
Меняя цветовую гамму дней.
Поблекли краски ярких акварелей,
И скоро снежно-нежные пастели
Подарят нам художницы-метели.

Аллеи парков серо-карандашных
Туман накроев белою гуашью.
Смягчит сугробов светлая лиричность
Унылых улиц строгую графичность,
Придав им лёгкий шарм и романтичность.

Поздняя осень

Она всё знала... знала наперёд.
Зимы холодной чуяла дыханье.
Предвидела свой тягостный уход.
Бессилье тленья. Горечь увяданья.

Ясны ей были правила игры.
Их изменить – она была не в силах.
Но до конца отпущенной поры
Была обворожительно красивой.

Задорной, яркой, смелой, озорной...
Дарила всем лучистые улыбки.
Хоть лёгкость и весёлость ей самой
С трудом давались... превращались в пытку.

Она кружилась в танце золотом.
Листву зажгла сияющим багрянцем.
А ночью тихо плакала тайком,
Теряя роскошь прежнего убранства.

Терзали душу ей и боль, и страх.
Ведь кралась по пятам зима седая.
Её одежды превращались в прах.
И вот она, уже почти нагая,

Предстала перед небом голубым.
Без ропота, без жалоб, без упреков.
Умчались страхи... унеслись, как дым.
Ей было просто очень одиноко...

Осенний праздник

Итожит осень летние безумства,
Устраивая пышный, пёстрый бал.
Пейзаж задекорирован искусно
И пламенем листвы запылял.

В преддверии двуцветности графичной,
Когда лишь чёрно-белым станет мир,
Как «да» и «нет», простым и лаконичным,
Сейчас для взора – настоящий пир!

Нам осень салюует листопадом,
Надев свой самый красочный наряд.
Кружатся разноцветные торнадо,
И фейерверки листьев ввысь летят.

Да, праздник нынче... пир перед постом.
Богатство яств пред скудным рационом.
Выходит осень в платье золотом,
И я её приветствую поклоном.

Ты не виновата, осень!

Ты не виновата вовсе, осень,
В том, что обнажаются деревья
И листву с ветвей долой уносит
Ветра поминальным дуновеньем.

В том, что льют печаль дожди косые
Из тоски бездонной туч нависших,
Пробуждая в сердце ностальгию
По цветущим белоснежным вишням.

Так заведено порядком свыше –
Пик расцвета, зрелость, увяданье.
Ты не виновата, осень, слышишь?
Вслед за встречами будут расставанья.

После расставаний – снова встречи,
Только изменившимся составом.
Ведь «иных уж нет, а те далече».
Ты не виновата, осень, право...

Другая осень

И осень стала словно бы другая,
И нынешний октябрь уже не тот.
Слезам грусти лужи наполняя,
Печальный дождь с небес на землю льёт.
С ветвей слетают листья. Вспоминаю...
Кружит в сознании мыслей хоровод.
Да, были в жизни октябри другие.
В них звонко пели струи дождевые.

Казалось мне прекрасным всё тогда.
Ничто-ничто не омрачало взгляда.
Совсем не тяготили холода.
Ведь ты же был всегда со мною рядом!
Пускай хлестали ливни – не беда!
Они – для двух влюблённых не преграда.
Мы шлёпали по лужицам, смеясь,
Не замечая под ногами грязь.

В осеннем раннем сумраке туманном
Мне чудится знакомый силуэт.
Как будто вновь я встретила нежданно
С тобою через очень много лет.
Но образ твой – игра теней. Как странно!
Лишь призрачный мираж... Тебя здесь нет.
Фантом бледнеет, быстро исчезая...
Да, осень на дворе сейчас другая.

Неяркий свет струится с небосвода...

Неяркий свет струится с небосвода.
Не шелохнётся у пруда камыш.
В дремотной неге замерла природа.
Осенняя, задумчивая тишь...

Иду, ступая по траве промокшей,
По тропке в мелких лужицах дождя.
Душа спокойна... не болит, не ропщет,
В Природы Храм доверчиво войдя.

Вечерней зорьки огненные дали
Зажгли небес прекрасные цвета.
Куда-то испарились все печали.
Исчезла дум тревожных маята.

И показалось, будто в мире этом
Нет места для страданий, горя, мук.
Они в глубинах неба скрылись где-то
И унесли с собою боль разлук.

Душа впитала ночи безмятежность,
Расплёсканную щедро по земле.
Остались лишь покой, любовь и нежность.
И шёпот звёзд, мерцающих во мгле.

ДВА ГРУСТНЫХ ОСЕННИХ СОНЕТА**Внимаю грустной музыке дождя...**

Внимаю грустной музыке дождя,
Пронизанной тоской осенней ночи.
Бродяга-ветер, душу беря,
То стонет, то таинственно бормочет.

Скиталец вечный! О судьбе лихой
Поведай-ка, поплачься мне в жилетку.
Нигде тебе не обрести покой.
Иль рока злого ты несёшь отметку?

Мне ясен, ветер, смысл твоих речей!
Лаская всех... ты, в сущности, ничей.
Один летишь под чашей небосвода

За призрачным дыханием свободы.
Никто тебя не ждёт в тиши ночей.
Ты к счастью не сумел найти ключей!

Унылое

В душе моей свила гнездо печаль
И крылья распростёрла смутной тенью.
Тончайшей паутинкой сплин осенний
Окутал мысли, словно плечи – шаль.

Так грустно, на пейзаж унылый глядя!
Ветра с ветвей сорвали одеянья.
Деревья будто просят подаянья –
О, дайте нам одежды, Христа ради!

Туманный сумрак. Стужа. Под ногами
Скукоженной листвы сырая прелость –
Полученный из золота свинец.

Седые тучи правят небесами.
Везде царит оттенков разных серость.
Поры осенней близится конец.

Зоя Видрак-Шурер

г. Нью-Йорк, США

Преподаватель на кафедре «Computer Science» в колледже в Нью-Йорке, по ходу дела – жена и мама троих девиц-красавиц, немного музыкант и совсем немного и недолго – поэт.

Несмотря на это, издавалась в многочисленных сборниках издательства «Союз писателей». Также не могу не выразить своей благодарности обществу «Меценат» в лице Ирины Малковой и Сергея Антипова за издание моего сборника «Из памяти – с любовью» в 2012 году.

Я есть и буду

Я есть и буду. Опадёт листва,
И даже горы смоятся в пучину,
А я останусь в музыке, стихах,
Словах и мыслях, никогда не сгину.
Я есть и буду. Близко и вдали,
Где синева бескрайна и бездонна
Галактики другой, другой Земли,
Эфиром тонким, счастлива, свободна...
Невидимую стану. Лёгкий дух,
Как рыбка в море чистоты и света.
Я просто кожу скину и судьбу
Как лишний слой, не нужный для поэта.

Давида Лютня

A.Z.

Писать божественные строки
Не всяк способен под луной,
Но миг снисходит, и – постой,
Уже не будешь одиноким.
Мгновенье, пой!
Мотив напой, Давида лютня,
Раскройтесь, Райские шатры,
Чертоги Божии, миры.
И навсегда исчезнут будни.
Душе – дары.
Гора Вассанская Господня,
Да веселит её река,
Пиита верного рука
И свет – особенный сегодня.
Издалека.

Слушая «Аве Мария» Шуберта

Возник далёкий голос, лёгким «а...»,
Протяжным, точно пробуя звучанье,
Как будто арфу тронула рука
И натянула струны мирозданья.
Затихло. Снова голос подхватил,
Докончил слово «Аве». Точно эхо,
Вступила нежно скрипка. Но без сил
Угасла под рукою человека.
И снова сладкозвучная струна...
«Мария» – отозвался голос нежно.
Мария – зазвенела тишина
И зазвучала страстно и безбрежно.
И скрипка подхватила, наконец,
Затрепетала: «Радуйся, Мария!»
И таял заскорузлый лёд сердец...
И пела скрипка, освящая имя
И освящаясь... Зал исчез, скрипач.
Звенел лишь голос – ангельское пенье,
А музыка, рождая в сердце плач,
Летела к небу даром испуленья.

Ты

Ты – солнце, и в живых лучах твоих
Я нежусь, воскресаю, как подсолнух,
Что тянется за светом. Слёзы сохнут,
И день восходит лишь для нас двоих.
Родится стих.
Ты – сказка, мой волшебник, добрый маг,
Прижмёшь, излечишь, и опять живу я,
От сердца к сердцу – дар: волну живую,
Мой верный друг, и старец, и чудак.
Всё это – так.
Мой трубадур, и рыцарь, и герой,
Аскет и Дон Кихот не из la Mancha.
Мой добрый гений, ангел, или мальчик,
И девочка я вечная с тобой.
Любимый мой.

Мосты любви

Мы жили страстно, но мосты не жгли,
Лазейки оставляя друг для друга,
Над миром звёзд хрустальная дорога,
Эфирная. И ждущий взгляд вдали.
Мосты любви.
А молодости ранние шипы
На нежных лепестках расцветшей розы...
Касание – укол душе и – слёзы.
Крапивою зараставшие сады.
Любви мосты.
Друг к другу – чрез овраги, бурелом,
И сквозь года, и звёздные метели,
Давида арфы на пути звенели,
А ангелы отстраивали дом –
Храм над мостом.

Приданое

Знаешь, друг, для меня писать –
Улетать за края блокнота.
Там и солнца литая статья
И бездонность лазури. Вот и –
Кто-то сердцу несёт покой,
Как покров или плат над чашей
Белоснежный. А Дух – живой,
Голос тихий, ты пой почаще
О сердечности, о любви,
О любимых – поодиночке
И всех вместе. Уходят дни.
Приготовлю для каждой дочки
Я в приданое – благодать.
Пусть живут, разнося по свету
В сердце – милость и дар прощать.
Человечности эстафету.

Анна Гайдамович

д. Дрисвяты, Браславский р-он
Витебская обл., Беларусь

Одиночество в сети

Это только сейчас одиноко.
Это скоро пройдёт, потерпи!
Только ты перепутал немного,
Наш союз – так далёк от любви...
Я в сети – это просто привычка.
Ты отвыкнешь, лишь чуть подожди.
Не живи у меня на страничке
И онлайн меня больше не жди.

Реальная жизнь

Суета жизни рядом с тобою,
Но ты посмотри в окно!
На проблемы махни рукою.
Будет свет, даже если темно.
За окном хорюды листьев,
Хлынут образы быстрой рекой.
Ты писала когда-то кистью
Свой осенний пейзаж простой.
Расскажи, что теперь изменилось?
Просто стала серьёзнее ты,
И гора забот навалилась,
На потом оттеснив мечты.
Ты, укутавшись в шаль цвета осень,
По осеннему парку идёшь.
Детство кончилось,
разве что в гости
Ненадолго к нему забредёшь.

Дождь косой стучит по крышам,
В небе сгустки туч видны,
Отовсюду чаще слышно:
«Я хочу скорей весны!»
Лист сорвался золотой
С клёна одинокого.
Где гуляли мы с тобой,
Лишь ветра жестокие.
Любим осень я и ты
И гулять готовы
Вплоть до самой темноты
По листьям кленовым.

Моё одиночество

Мы всё чаще с тобою вдвоём,
Я и ты, моё одиночество.
Вместе беды все переживём,
Переспорим
людские пророчества.

Мне не грустно с тобою, поверь!
Двое нас, и этим всё сказано.

Ты открыло
в реальность мне дверь,
И теперь не поверю сказкам я.

Ты всегда было рядом со мною.
Ходишь, за руку крепко держа...
Я слезинку смахнула рукою,
От осеннего ветра дрожа.

Всё начинается с любви,
Но сердце, обливаясь кровью,
Попросит: «Больше не зови!»
Сыта по горло я любовью!
Любви не нужно мне твоей!
В тебе я больше не нуждаюсь.
О том, что было, не жалею.
Я зря любила, в этом каюсь.
Любила слепо, признаюсь.
Напрасно я боготворила.
Ты уходи, я остаюсь!
Забудем просто всё, что было.
Всё начинается с любви...
Я этого не отрицаю.
Меня своею не зови,
Ведь я давно тебе чужая.

Прощание с зимой

Выхожу попрощаться с зимой.
Вижу, тают сосульки слегка.
Что сейчас происходит со мною?
К сердцу тихо подкралась тоска.
До свиданья, зима! До свиданья!
Вижу, плачешь сосульками ты.
Что ж, ну вот и пришло
расставание.
Скоро вырастут в поле цветы.
Скоро лес зашумит листвою.
А мне будет зимы не хватать!
Нам ведь весело было с тобою.
Буду летом тебя вспоминать...

Прощание с Родиной

Над природою властвует осень
И холодный, пронзающий ветер.
Одиноко и зябко мне очень,
Не найду себе места на свете.
Я б вернулась, конечно,
в дом милый,
Посидеть у печи вечером,
Но на это не хватит силы...
Всё, прощай, милый дом!
Ухожу, не вернусь я уж боле.
Будет трудно, я знаю. Терплю.
Хоть и сердце
наполнилось болью –
Дом родной я так сильно люблю.
Так люблю дорогое местечко,
Родилась здесь, росла и жила,

Где бежит синеглазая речка...
С отчим домом
проститься пришла.

Племянники

Я не думала, не знала
И совсем не ожидала!
Так тётей я однажды стала,
Что были вольны и легки,
Ведь у меня племянники!
Я люблю своих племяшек,
Своих крошечек-милашек!
Часами с ними я вожусь,
На них никогда не сержусь,
Шалости им все прощаю,
Ничего не запрещаю.
Пусть они все подрастают,
Горя и забот не знаю!

Учись молчать

Мои проблемы –
лишь мои проблемы.
И перестаньте, ради Бога, врать.
Давайте обсуждать другие темы?!
Меня вы всё равно
не сможете понять.
Вы говорите:
«Вечно ты скрываешь!»
Но есть ли толк
вам что-то говорить?
Чем больше
от людей ты ожидаешь,
Тем мизернее можешь получить.
Учись молчать
и всё держать в себе!
И, как бы рассказать
другие ни просили,
Знай, они только навредить
хотят тебе
И посмеяться
над твоим бессилием.

Замок одиночества

Я построила замок прозрачный,
И в него никому не войти.
Жизнь моя с тех пор стала удачной:
Каждый день я сижу взаперти.
Я не лью горьких слёз, не скучаю.
Я не спорю ни с кем, лишь молчу.
Королевой себя величаю,
Людей видеть совсем не хочу...
Хорошо мне в том замке живётся,
С каждым днём
становлюсь счастливей.
Одиночеством замок зовётся.
Разве может быть
что-то красивей?!

Сергей Глебов

г. Воскресенск, Московская обл.

Сергей Глебов родился в 1972 году в городе Воскресенске. Первые публикации стихов состоялись в 1990 году.

После окончания литературного института им. Горького связал свою жизнь с журналистикой: работал корреспондентом на Воскресенском кабельном телевидении, в телерадиокомпании «Регион», газете «Куйбышевец».

Печатался в периодике Воскресенского района, газете «Пионерская правда», в альманахах «Воскресенск – моя родина светлая...», «Белоберёзовый мир», антологии «Золотая строка Подмосковья», сборнике «Литературный мир Воскресенск-2007», антологии писателей Болгарии и России «Созвучие». Автор

книги «Царь Агей». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, член литературного объединения «Радуга» им. Ивана Лажечникова. Награждён медалью имени Елены Слободянюк.

Нет страха, что тебя я целовал

Не по привычке волосам дарю
Тепло руки,
Дарю без возврата.
И нежные слова, что говорю, – слова любви,
Не отговорки брата...
Прости, но не за то, что с губ «прощай»
Готова ты услышать. Я не знаю
Себя...
И ты меня не разгадай.
Я сам тебе откроюсь.
Как?
Стихами.
Словами,
Блеском глаз.
Зелёный цвет не символ краха
И не цвет разлуки.
Нет страха, что тебя я целовал,
Есть правда, что твои сжимаю руки...

Снежинка

Ты оттаяла для меня
И раскрасила серость будней.
Сколько их, откровений, будет?
Нам ли счёта часам не знать?

Скоротечная встреча в кафе,
Всё успеть рассказать...
А впрочем,
На стекле оставляю свой росчерк.
Цифры трудно ли разгадать?

В дороге с сыном

Под стук колёс мелькают полустанки,
Лучами солнце ластится в окно,
И на столе расставленные танки
Всё рвутся в бой,
А я в плену давно...

Люблю твои внезапные звонки
И всплеск волос, моим рукам послушный...

Дождь

Пусть в лужах отражается луна,
А я мечтаю жизнь испытать до дна
С тобой...

Одностишья

Не могу надышаться тобой.

Я стал богаче на любовь.

Постелью опадёт листва.

Люблю твой силуэт в полоске света...

Декабрь на метели скуп? Парк в ожиданье снежной
сказки...

Пускай снежинки сложатся в слова...

А ночь снежинок хоровод закрутит...

Бесконечное

Уже шестнадцать! Замуж не пора ли?
Не торопись, подумай. Не резон:
Метели, вьюги тропки заметали,
Зима для свадьбы – явно не сезон.

Другое дело – за окном весна,
Докушливые толпы женихов,
Как на посту, с букетами цветов
Щебечут: «Только ты одна!»
И рядышком до первых петухов.

Нет, нет, не то...

Наступит осень,
Довольно дивная пора,
Ты обратись к родным с вопросом:
«Играть ли свадьбу не пора?»

В ответ услышишь: «Непогода,
Дожди. Обманчива природа,
Упал в траву последний лист.
Нет, осенью ты не женись!»

ЗИМОЙ!!! (отбрось в сторонку спицы) –
Решишь, как в старину когда-то,
В санях с любимым прокатиться;
А там, глядишь, другая дата.

Ещё семнадцать...

Лица Градо

г. Гатчина, Ленинградская обл.

Октавное...

Мы дышим октавами смога.
И в лёгкую рвёмся на части
В своём недосказанном... Плохо!
Не ищем в случайном участья.
Судьбы непростой треугольник
Порою ломаем несмело.
Но чаще Никола Угодник
Прощает грехи... И на белом
Чернеют дождливые даты
Поступков и серых уныний,
Где мир, без вины виноватый,
В ответе за тех, кто отныне
Приручен... Становится зверем,
Которого кормишь с ладони,
И лижет с восторгом колени
Твои... Наслаждаясь неволей...

Всё будет хорошо...

Заразились грустью фонари,
Воздух одиночеством пропах...
Больше не тревожь и не зови –
Не хочу ни радости, ни плах...
Осень ноябрится пустотой –
Жду, когда тоску укроет снег...
Жаль, что больше мне не быть с тобой,
Совершаю в завтра свой побег...
...Зазвучат в тебе колокола
Новых чувств к единственной другой...
Я воскликну Господу: Хвала!
Снова любит – значит, он живой...

С такой любовью...

Снежный серпантин лежит повсюду,
Дышит меланхолией природа,
Облако, привязанное к блюду
Неба... Под мелодию фокстрота
Ветра – уплывает восвояси,
За... чертой немого горизонта
Исчезает. А мороз? Как в джазе,
Сольно запульсировал в аорте.
Крепко-снежно-слеplенные бабы
Со своими муж(снегов)иками
Дышат меланхолией, а нам бы?
Снег согреть карминными кострами,
Расписать бесценным перламутром
Жизнь свою... И жить такой любовью,
Чтобы, просыпаясь каждым утром,
Понимать: весна внутри, с тобою...

Любовно-пластилиновое...

Пластилиновое счастье,
Пластилиновая я,
Сфонтанирую отчасти.
То, что было до тебя,
В белый тон покрашу смело.
Дальше? Выберу лазурь –
Разграничив быль и небо,
Буйство чувства нанесу
Слой за слоем, мастихином.
В новый день вплету узор
Волшебства из пластилина,
Где бессмысленно – «назло».
Ведь наивно верю в чудо –
Пусть ценою в три рубля,
Где с тобой (из ниоткуда)
Пластилиновая Я...

Ой ли...

Болею оттенками серого,
Так странно, но ЭТО бывает:
Не первую и не последнюю
Накрыло в полшаге от Рая...
По нервам течёт электричество,
А я?.. Вновь подопытный кролик,
О жизни пишу прозаически
С застрявшим межрёберно: Ой ли...
...Пусть небо лакает в проталинах
Подмёрзшую влагу историй
О чувствах, как рыба, проявленных,
Присыпанных едкою солью...

Аргумент...

Я надеюсь, что завтра проснусь и увижу в окне сверхраспахнутым небо.
Прорастая, вращая в тебя письменами
и снежно-кристальной водой
Наполняя. Мечтая мечтами, которые (может быть) часто нелепы
В мире, где фонари с пожелтевшими взглядами,
часто с банальной судьбой.
Где под шорох шершавых шагов
в невозможное вера – покажется ложной.
Но?.. Небесного пепла немного останется в трауре прожитых лет.
Там, в твоём некасание меня – будет мысли достаточно, чтобы до дрожи
Довести... от и до... И создать чувств раздрай,
как весомый в любви аргумент...

Для Феи строк...

Представьте: лёгкий цокот каблучков,
Муаровый узор на платье Феи,
Что шёлком шелестит от облаков,
Цветочным ароматом нежно вея...
Волшебница и тайна – «Fleur de Lys»,
Божественная женщина-загадка:
Глаза – как океан, и взгляд столь чист,
А голос?.. Редкий мёд, рекою сладкой
Течёт, живёт в словах из древних рун
И дымкой света наполняет души,
Роняя мудрость в переливах струн –
Ты красоту её стихов со мной послушай...

Декабрю...

Наивно сочинять из сказки быль,
Восстановив по крохам персонажи...
Горчит во рту вчерашняя полынь,
А снег идёт... и падает бумажно...
Три точки – три тире – три точки – SOS...
Выстукивает в такт душа беззвучно...
И силы нет построить крепкий мост,
Пусть даже получил от солнца лучик...
...Ведь никуда не деться от себя,
И будущее больно слепит рыжим
Рассветом, где, увы: любить нельзя
Тебя... Декабрь... Зима в затылок дышит...

Галина Голова

д. Цибино, Воскресенский р-н,
Московская область.

Галина Михайловна Голова родилась в 1957 году в Москве. Окончила МГОПУ им. Шолохова. Работает учителем, имеет звание «Отличник народного образования». Член Союза писателей России. Автор романа «Зыбь», поэтического сборника «Люби меня такой».

Галина Голова публиковалась в антологиях писателей Болгарии и России «Созвучие», «Созвучие – 2», международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь», литературном альманахе «Воскресенск –

моя родина светлая...», сборниках рассказов «Серебряный родник – 2», «Серебряный родник – 3», в периодических изданиях Подмосковья.

Пишет музыку на свои стихи. В качестве автора-исполнителя выступала в телевизионной программе «В нашу гавань заходили корабли».

Она – лауреат поэтического конкурса «Живёт поэзия во мне», приуроченного к 210-летию А.С. Пушкина.

За личный вклад в развитие российской словесности награждена медалью им. Елены Слободянюк, а также многими другими литературными знаками отличия.

КОЗЛЫ

Иван Анисимович Мурашкин открыл глаза, сладко потянулся, смачно зевнул и бросил взгляд на аккуратно застеленную кровать жены. «Неугомонная!» – злясь на супругу, проворчал он.

Разгорался рассвет, проникая в комнату скользющим шагом и украсив самый тёмный её уголок. Шлёпая тапками, Иван Анисимович вышел во двор. Среди грядок лука и сельдерея виднелся силуэт жены Зинаиды.

– С добрым утречком, Зинаида Васильевна! – выкрикнул он и, подойдя поближе, усмехаясь, добавил: – Ты хотя бы ночную рубаху сняла, небось, ещё не умылась.

Жена с трудом выпрямилась, положила запястье руки на ноющую поясницу и, несмотря на тянущую боль, широко улыбнулась. В мелких морщинках возле серых глаз резвились смешинки.

– Ой, и то правда! Пока шла от уборной, сорняки покоя не давали: тут сорвёшь, там сорвёшь – вот и застряла.

– Далась тебе эти сорняки! И что тебе не спится? К чему горбину-то надрывать? Сама вчера причитала, что голова болит, сердце ноет.

– Ты, Ваня, вроде жалеешь меня, да что толку-то. Нет бы – помочь.

Иван Анисимович почесал тощую грудь, подтянул сползающие штаны и с укором выдал:

– Ты со своим огородом совсем рассудка лишилась! Лучше бы резинку в портках моих поменяла, того и гляди свалятся.

Зинаида, будто не слыша упрёков мужа, обратилась к нему:

– Пока роса не сошла, ты бы грядки полил навозной жижей. Земля совсем истощилась, надо подкормить. Да собрать яблоки надо, ведь падают, мнутся. Поможешь?

– Мне только и забот, что в земле возиться! Далась тебе эти яблоки! Всех делов не переделаешь, – ответил муж, позёвывая.

Он потянулся, потом провёл рукой по седой бороде и проворчал:

– Сама не живёшь, и мне от тебя нет покоя.

– Ты что с утра пораньше завёлся? – возмутилась Зинаида Васильевна. – Не выпался? Так иди досыпай, я тебя не неволю, сама управлюсь.

Она вовсе не рассчитывала на чьё-то участие в за-

боте о ней, о хозяйстве и порой, не дождавшись помощи, бралась за непосильные мужицкие дела: как ни трудно, а сделать надо.

Жена снова склонилась над грядкой, а муж, махнув рукой, ушёл в дом.

Поняв, что сегодня его не скоро покормят завтраком, он завалился на диван, распластав худющее тело, и, положив одну руку под голову, другой пультом включил телевизор. Тупо глядя на экран, Мурашкин не вникал в суть мелькающих кадров. Накопилась не ко времени усталость у этого когда-то крепкого мужика, хотя он трубил годочки, работая снабженцем. Быстро пролетело время, вот уже седьмой десяток на подходе. Будто

вчера Иван Анисимович, высокий, широкий в плечах, вступил в жизнь свободолюбивым Икаром, готовым лететь к солнцу. Только потонул он вместе с крылами в житейском море, и осознание смысла жизни пошло на попятную: много нажито, да радости не прибавилось.

После полудня день дышал тяжело от щедрот палящего августовского солнца. Однако Зинаида Васильевна успела потрудиться не покладая рук: затеяла постирушку, перетаскав из колодца вёдер пятнадцать воды, мимоходом обработала от сорняков любимые астры, «подкормила» их, подмела дорожки возле дома, сварила к обеду борщ. Всё это время Иван Анисимович искоса наблюдал за беготнёй жены, гордясь своей мужской работой – починкой сломанного дверного замка: страстно отдаваясь важному делу, он презирал мелочные поручения, потому что его широкая душа не терпела рутины. Не хотел Мурашкин крестьянствовать и злился на свою жену за её рвение изо всех сил, бесконечные просьбы и поручения по хозяйской части. Гораздо привлекательнее для него было созерцание жизни, нежели её благоустройство, косьба травы да навозная возня.

Покончив с замком, Мурашкин устроился на веранде в кресле-качалке. Густая тень от тёмно-зелёных листьев плюща, увивавших окна, не пропускала солнечные лучи, поэтому здесь обитала приятная прохлада. Иван Анисимович закурил, выпустив колечко дыма, и с наивной детской радостью следил, как плавно исчезает белое облачко. Выкурив сигарету, он взял книгу, но, прочитав пару страниц детектива, стал мечтательно вглядываться куда-то в неизвестность, и взгляд его при этом казался та-

ким уставшим, измученным, точно всё это время он шёл трудной пыльной дорогой, а не отдыхал в кресле-качалке. Эту

задумчивость внезапно нарушил Егор Петрович, сосед, тучный, с мокрым от пота лбом, пришедший побеседовать по-дружески и скоротать времечко.

– Вот денёк сегодня! Духотища, – крикнул сосед, вытирая тряпичкой лысину и шею. Он тяжело плюхнулся на стул возле стола и с беспокойством сокрушался:

– Как бы пожары не схватились. Видал по телевизору? Уже в Подмоскovie потянуло дымком.

– Потушат, – лениво протянул Иван Анисимович. – Не бойсь, Петрович, у нас земля сырая, не сгорит.

– Так-то оно так, – согласился сосед. – А я пивка принёс, составишь компанию?

– Васильевна! Обед-то будет? – выкрикнул Мурашкин и сердито добавил: – Завтракал кое-как, и обеда не дождёшься! Вот, Петрович, как жить? Она целыми днями с огорода не вылезает. Для кого такую машину обрабатывать? К чему нам этот огород? Ещё и яблоки заставляет меня собирать. А чем их грызть? Зубов-то у самой пять штук осталось!

Сосед кашлянул в кулак, соглашаясь, однако заметил:

– На то оно и лето, чтоб на земле. Огород в хозяйстве не помеха. Я тебе, Ванька, прямо скажу: бабёнка твоя ладная, приветливая, всё при всём. Ты её не обижай. Я на своём веку много баб повидал, знаю, что к чему.

Мурашкин отчаянно махнул рукой, хотя почувствовал, как от этой похвалы в душе млеет радость. Возможно, он и сейчас любил свою супругу, да только так глубоко, что уже и не видел дна, где эта любовь покоится. Пряча улыбку в седой бороде, Иван Анисимович улыбнулся и пооткровенничал:

– Может, и ладная, только от её прыти сил нет: выйдешь ночью в сортир, а вернёшься – постель твоя заправлена.

– Какой же ты ворчун, Ваня! – вступила в разговор подошедшая Зина. Её густые брови по-детски поднялись. Несмотря на возраст и усталость, она казалась живой и подвижной, ловко собрав на стол свежие овощи, зелень, тарелки с борщом и домашний квас. Егор Петрович, жадно проглотив ложку борща, заметил:

– Что ни говори, а ты, Зина, мастерица! От одних приглядок на твою стряпню слюнки текут. Мне моя старуха отродясь таких деликатесов не подавала!

– Да ладно, ешь. Похвалишь, когда насытишься, – улыбаясь, ответила хозяйка и, покончив с обедом, ушла в комнату. Она прилегла ненадолго, приложив руку к сердцу: что-то томилось и будто жгло внутри, но и забота угнетала, будто времени у Зинаиды совсем не осталось. А Мурашкин, наевшись, потягивая пивко, разгорячённо растолковывал соседу о своих напастях:

– Хороший у меня дом, Петрович. Я сам его строил, добротню укладывал брёвнышко к брёвнышку, вот этими руками!

Он вытянул перед носом соседа свои большие руки с тощими пальцами на ладонях, как два блюда.

– Знаю! Даже петушка на крыше смастерил! – подхватил сосед.

– Молод ещё был, интерес к заботам не растратил, – откровенничал Иван Анисимович. Он закурил и, по привычке выпустив колечко дыма, продолжал: – Дети росли, время летело. А теперь меня всё бьёт в этом доме, точно живу здесь по принуждению: слишком много хлопот от сельской жизни, и Зинка

достала. Вернуться бы назад в город, да некуда – квартиру-то детям оставили.

Иван Анисимович относился к труду философски, считая, что свой вклад в благоустройство усадьбы он уже внёс, теперь настало время спокойной размеренной жизни. Сосед участливо покачивал большой лысой головой. Он и понимал односельчанина, и не понимал. На веранду вышла Зинаида Васильевна и недовольно спросила:

– Всё сидите? Не пора ли закрывать кафе?

– Ну что тебе неймётся? Сегодня воскресенье, у всех законный выходной! – выкрикнул Мурашкин, однако послушно проводил соседа до калитки и, вернувшись в дом, уткнулся в свой детектив.

День шёл к закату, когда Зинаида, с утра обиженная на мужа и переделавшая кучу дел, тяжело вздохнула и присела на ступеньку крылечка.

– Намаялась, – устало сказала она.

– А кто тебя заставляет надрываться? – укорял Иван Анисимович, собирая с земли яблоки. – Всё жадность твоя не даёт тебе покоя. Тебе сколько ни делай – всё мало!

Он, ворча, складывал яблоки на скамейку, но они по чуть наклонённой поверхности весело скатывались на землю. Иван Анисимович снова поднимал непокорные плоды, и яблочки, расшалившись, упрямо возвращались на прежнее место, заставляя труженика вздыхать и пыхтеть. Минут пять продолжалось это противоборство, когда, будто опомнившись, перехватив от Зинаиды инициативу бурной деятельности, Мурашкин

выкрикнул:

– Ну, чего сидишь-то?! Помогай!

– Да отстань ты, окаянный, надоел! – взорвалась Зинаида. – Что толку собирать яблоки с земли? Всё равно долго не пролежат. Надо с веток снимать.

Тяжело дыша, она принесла стремянку, которая оказалась коротковата: ветви с самыми крупными плодами тянулись к небу, и не было никакой возможности добраться до них.

– Нет, так дело не пойдёт, – с досадой сказала Зинаида, задрав голову вверх и по привычке обдумывая выход из создавшегося положения.

– Надо «козла» под яблоню поставить, – деловито посоветовал Иван Анисимович.

– Да разве мы его донесём?

Никогда бы не было в хозяйстве Мурашкиных этого приспособления, если бы по весне не потекла крыша. Крыша течёт – дому смерть! Вот тогда-то и пришлось нанимать шабашников. Они ловко сколотили из старых досок высокие козлы: основательное сооружение, не то что алюминиевая стремянка. На таком приспособлении хочешь – стены крась, хочешь – крышу латай, не свалишься. Иван Анисимович выбрасывать козлы не стал, решив: пусть стоят себе возле сарая, еды-то не просят, может, на что и сгодятся. Вот теперь и пришлись к делу.

Зинаида Васильевна послушно пошла за мужем к сараю, но, взглянув на громадину, обречённо воскликнула:

– Да разве я смогу поднять такую тяжесть!

– Ты слушай меня, твоё дело стороннее, – деловито заявил Иван Анисимович. – Я понесу «козла» сперед, а ты подхватишь сзади.

Он встал внутрь сооружения, как бы под крышу, а Зинаида пристроилась возле задних стоек. Поднатужившись, согнув ноги в коленях, точно поднимал штангу, Иван Анисимович сделал рывок и подхватил за перекладину переднюю часть. Зинаида пыталась сделать то же самое, но сил не хватило. По-краснев от напряжения, Иван Анисимович сердито

запричитал:

– Ну ничего с тобой нельзя сделать! Ты ноги-то сгибай, нагрузку-то распределяй!

Жена чуть не заплакала, силы рвала, пыжилась, но выполнить указание так и не сумела.

– Нет, у меня ничего не получится. Ты, видать, совсем забыл, что я не мужик, – вздохнула она. – Позвал бы Егора подсобить.

– Мне только и делов, что по соседям бегать! – негодовал муж.

– Что ты всё злишься? Давай попробуем поставить задние стойки на тележку, может, довезём?

Иван Анисимович одобрил это предложение. Зинаида прикатила двухколёсную тележку-платформу, и с большим трудом супруги водрузили на неё заднюю перекладину сооружения. Мурашкин встал под козлы, как и в первый раз, и, подняв их, перехватывая дух, засеменял мелкими шажками. Зинаида одной рукой придерживала козлы, другой – управляла тележкой. Вроде дело сдвинулось с места, но на неровной дорожке сооружение подпрыгивало, а потом начало медленно заваливаться на бок. Иван Анисимович не останавливал движения, упрямо продвигаясь по намеченному маршруту. Ослабевшими руками Зинаида пыталась удержать задние стойки на тележке, но не справилась, и козлы со всего маху свалились на неё. Она вскрикнула от боли и, потирая ушибленный бок, прослезилась. Иван Анисимович не на шутку рассердился и смачно выругался, добавив в сердцах:

– До чего же вы, бабы, дуры! На что тебе руки-то! Держать надо!

Снова водрузив козлы на тележку, Мурашкины повторили попытку и наконец добрались до яблони.

– И что мне теперь с этим «козлом» делать? Как я на него залезу? – гневно спросила Зинаида. У неё не было сомнения, что именно ей придётся покорять вершину. Муж постучал кулаком по своей голове и опять сквозь зубы выругался:

– Ну, дура! Поставь лестницу!

Пока Зинаида пристраивала стремянку к козлам, хозяин сидел на лавочке и, покуривая, приостыл – незлобный человек, отходчивый. Жена начала взбираться, приставляя одну ногу к другой, и тут Мурашкин не сдержался, играючи, как бывало в молодости, шлёпнул супругу по задку, приговаривая:

– Эх, ядрёна-Матрёна! До чего же ты сладкая бабёнка!

Зинаида, вздрогнув, огрызнулась:

– Совсем озорник! Напугал до смерти! Гляжу, на старости лет мозги-то растерял, по саду разбросаны, пойдика, собери!

Иван Анисимович довольно кивнул головой, потом вскользь ударил ладонь об ладонь, смахивая мелкие песчинки, задрал голову вверх, оглядел яблоню, стоящую, как на пьедестале, Зинаиду и, направляясь к дому, деловито скамандовал:

– Ну вот, теперь рви свои яблоки!..

Весь день Зинаида провела в повседневных заботах, частенько прикладывая ладонь к сердцу. Станным показалось Ивану Анисимовичу, что жена завалилась спать прежде времени, от чая отказалась, любимую передачу по телевизору смотреть не стала. Ночью случился жар, да такой, что начала она бредить. Мурашкина жуть взяла: никогда ещё ему не приходилось воочию наблюдать бред. В кино-то сколько раз видел, а чтобы вот так, живьём! Совсем растерялся он, как-то сразу став беспомощным стариком. Однако пытался поить больную чаем из ложки, холодную салфетку прикладывал ко лбу. А несчастная, сидя на кровати, будто бы сына качала: значит, молодые годы вспомнила. Потом ни с того ни с сего села и будто бы начала картошку перебирать. Глаза открыты, как стеклянные, застывшие. Страшно! Складывает клубни и приговаривает: «Это – на семена, это – деткам, мелковатую сами съедим». Вдруг она притихла, как уснула. Иван Анисимович присел возле жены, обхватил сухими пальцами её тёплую обмякшую ладонь и печально склонил голову. Его сухие лопатки выпирали из-под рубашки, как два сучка. Муж смотрел на лицо жены, бледное, неподвижное, и его ещё сильнее обуял страх. Уже светало, но заря не принесла облегчения. Приехала машина «скорой», а жена так больше и не очнулась... Она умерла в больнице, не приходя в сознание...

Вот уже и молодой морозец прошёлся по саду. В доме так пустынно, хоть волком вой. Стоят в корзинах яблоки, разносится по всем углам их аромат. Иван Анисимович взял пилу и вышел в сад. Покручивая плечами, обливаясь потом, перекуривая время от времени, вытягивая шею и почёсывая седую бородку, он, в конце концов, спилил плодовитую яблоню. Потом посмотрел на «козла», решив сломать, но задумался: «Может, на что сгодится?»

Рассвет

Леониду Дудину

За уснувшим над полем туманом
Просыпалась румяная зорька.
В расписном сарафане багряном
Пробиралась по облачной горке.

А туман-то седой бородою
Закрывал её алые щёчки,
Не желая расстаться с землёю,
Он цеплялся за влажные кочки.

Но заря веселилась на травах,
Бередила притихшие дали
И будила полянки, дубравы,
Чтоб за сизым покровом не спали.

Раскрывались ладошки соцветий,
Ликовало душистое лето
От звенящих вокруг междометий
И сверкающих красок рассвета!

Ты позови

Ты позови, я брошу все дела,
Забыв обиды, полечу навстречу,
Ведь столько лет тебя, мой друг, ждала,
Неправда, что разлуку время лечит.

Всё расскажу, о чём не знаешь ты,
И выслушаю каждое словечко,
Ты только уведи от маяты,
Постой хоть миг у моего крылечка.

Я вижу сон, уже в который раз,
О том, как ты походкой деловитой
Уходишь прочь, а соль из грустных глаз
Течёт слезой, и горем я убита.

Ты приходи, я брошу все дела,
И станет лёгкой трудная дорожка,
А впрочем, знаешь, прошлое – игра,
Взгрустнулось что-то, лишь чуть-чуть, немножко.

Свет детства...

Свет детства, голос мамы манит...
 Сквозь годы слышу, как поют
 О том, что где-то на Майдане
 Цветы и яблоки растут.
 Звучат в округе радиолы,
 По вечерам в подъездах смех,
 И нет в карманах телефонов,
 И телевизор не у всех.
 Играет детвора в пятнашки,
 А мужики вокруг стола
 Переживают, кто вразмашку
 Быстрее всех «забьёт козла».
 Уютный дворик на Каширке...
 Детей – несчётная орда!
 Маринки, Надьки, Таньки, Ирки...
 Загнать домой – одна беда!
 И всё-то здесь, как в райском мире,
 И все здесь вместе, как родня,
 Хотя жить хочется в квартире,
 Встречать в удобствах утро дня.
 Как далеко осталось детство!
 Но не уходит до сих пор
 Из памяти души – наследство,
 Что подарил каширский двор.

Метель всю ночь под небом колдовала,
 Сквозь иглы сосен пробиралась вниз,
 По просекам вглубь леса проникала,
 С вихрастым ветром поднималась ввысь.

Под утро наконец уgomонилась,
 Сугробом белым пав на грудь земли,
 Еловой лапой будто бы укрылась,
 Притихла до неведомой поры.

Лесной тропой иду морозным утром,
 Вдыхая свежесть снежной белизны,
 Взрыхлив снежок, блестящий перламутром,
 Тону в объятьях сонной тишины.

Страна деревенская

Мне мила страна деревенская,
 Шелест прядей берёзы в ночи,
 Подмосковная или смоленская,
 Всё равно. Только слушай. Молчи.

Здесь, петляя тропинкою узкою,
 Пробирается к морю река
 И стыдливо прозрачною блузкою
 Укрывает листву ивняка.

Не забыто ещё, не погашено
 Пламя русской широкой души,
 Палисадники мальвой украшены,
 Простотою дома хороши.

Так наивны, немного застенчиво
 Смотрят люди, и нет кутерьмы.
 Здесь хранят деревенские женщины
 Свет улыбки родной старины.

Расшумится ли дождик настойчивый
 Или ветер ворвётся лихой,
 Мне неведомо, где так доходчиво
 Объясняется душам покой.

Снег

Чуть искрясь, спокойно, без помех
 Падает на тёмный город снег,
 Прячет в белом обличье земля
 Все заботы прожитого дня.

Слушая незыблемую тишь,
 Как в мечтах загадочных скользишь,
 А всю ночь небесный чародей
 Укрывает стёжки от людей.

И пока уставший город спит,
 Чистый снег покой его хранит.
 Только б утром добрый человек
 Потревожил задремавший снег.

Ты не верь мне, когда говорю,
 Что любовь в моём сердце остыла,
 Просто тешу я гордость свою,
 Словом дерзким я чувство укрыла.

Так бывает: среди ясного дня
 Небо серою краской зальётся,
 И внезапно, листву теребя,
 Вихрем дождь по земле пронесётся.

Ночь. Луна. Все окна настезь.
 Воздух стылый, но тепло.
 Что же, милый, не расскажешь,
 Как забыл моё окно?

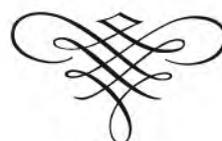
Самым лучшим мне казался,
 Страстью слова обжигал
 И в любви мне объяснялся,
 Но исчез, как не бывал...

Равнодушно друг пропавший
 Оборвал бывшего связь,
 Ласк любви моей не знавший,
 Ждать заставил, не простясь.

Я ждала в жару и стужу
 Столько долгих зим и лет!
 И казалось, ты мне нужен,
 А порою – вроде нет.

Тратить жизнь на ожиданье
 И нелепо, и грешно,
 Умирать должны желанья,
 Если время их пришло.

Ночь целуется с окошком,
 Обнимая ветхий дом,
 Мне осталось ждать немножко –
 Лик рассвета за углом.

Оксана Дашковец

г. Гомель, Беларусь

Голубая комната

1

В этой спальне всё голубое.
И торшер на винтажной ножке,
И две старые сонные кошки,
И сервиз, и всё остальное...
А ещё мечты на подушке,
Он, уехавший в Гонолулу,
Дерринджера стальное дуло,
Плед в осколках
разбитой кружки.
На стене безыдейный триптих,
На ковре вечернее платье.
Соло в воздух или проклятья,
Сигарета в руке – а-ля Дитрих.
А ещё мечты на подушке.

2

А из шкафа выходит ангел
Тёмной ночью, шурша крылами.
Пахнет небом и облаками
В голубом отутюженном фраке.
Под кроватью прячется демон –
В волосах голубое пламя.
Обещает исполнить желанья
И за душу – расслабить тело.
В голове голубые мысли,
А ещё мечты на подушке.
Сквозняком принесло
равнодушие,
Убивать голубые мысли,
А ещё мечты на подушке.

В такт

Ты не думай, свой белый флаг
Я давно подняла на рее.
И назад отступила на шаг.
Я тобой почти не болею.
И забыла уже, для чего –
Это мне так отчаянно нужно,
Просто мысли мои меня будят,
И особенно – ночью вьюжной.
Ты достал из меня любовь,
Как из раковины жемчужину.
Я качаюсь намеренно в такт
Своим мыслям. Всего хорошего,
Мой последний мужчина
из прошлого.

И роняют бессовестно в тишь
Бесы шорохи, знают, страшно.
(То, что было, не возвратишь,
Не надеюсь, зачем, напрасно.)
Но сходить с ума не пытаюсь,

Во мне столько осталось смеха,
Столько нежности,
столько злости.
Если б ты бы ко мне приехал,
Я б с тобой поделилась этим.
С кем ещё тебе хлебнуть лиха?
И поскольку давно всё ясно,
Улыбаюсь. Всего хорошего,
Мой последний мужчина
из прошлого.

Мне не встретить
двенадцать месяцев
В городской завьюженной чаще.
Оттого метель словно ящер –
Оттого, что не феи крестница.
Потому сама не царевна,
Потому злодею не нравлюсь.
Мне б исчезнуть,
и чтоб мгновенно.
Только я без тебя не справлюсь.
Я из рода обычных женщин –
Ты меня приручил с похмелья.
Отворотного дай мне зелья,
Я устала быть сумасшедшей.

Занавес

Занавес.
Сцена пуста.
Все чудеса –
пиротехника и рукотворство.
Всё, что случается,
верю, отнюдь неспроста,
Но в целом на бис
выходит сплошное притворство.
Так в душу с пожарной сиреной
въезжает суть.
Девочка, та, что была мной,
не плачет и знает:
Ей больше себя никогда уж
не обмануть.
Чудес, тех, что ждёшь...
никогда,
никогда
не бывает.

Ротация

Лёгким китайским фонариком
ввысь
снова и снова.
Осень мой секретарь –
рыже-красный,
на всё готовый.
Отметит в календаре важно
самое главное.
Будет, как в прошлой жизни,
дождь и промокшие ноги.
Сердце ненастоящее
из тёплого плюша – алое.

И два настоящих сердца
и путь на двоих пологий.
Все песни из старой жизни,
разбитые новым, сникнут.
Я прошлая стану будущей,
Всего лишь на миг погибнуть.

Хлопушка

Нам надо давно пропить
или выбросить –
Мягкий сценарий
из глупых сказок.
На нашем пути переводятся
стрелки –
Дьявол охоч до глупых развязок.

Переиграем – роли всё те же –
Только я теперь злее
вру неуклюже.
Ты из меня выноси крамолу
И руки на шее затягивай ту же.

(За кадром
взрывная и настоящая...)
Хлопушка – дубль...
ещё один, в общем.
Ну-с... ветра попутного –
флюгер-то сломан.
Тихо только, не ноем, не ропщем.

Сроки

Надвигаются непреложно
скоростной электричкой сроки,
И упёртость моя тревожить
перестанет тебя навечно.
Я сбегу от тебя звездой
по молочной ночной дороге.
Замечталась тобой безбожно.
Всё, доехала – до конечной.

Радость встречи не будет ранить.
(Этих встреч было впрок,
на сдачу.)
Костенеют слепые пальцы –
всё сложнее набрать твой номер.
Мы ошиблись в расчётах ночи.
Я боюсь, что тебя растрочу –
Серым пеплом пушу по ветру,
что забуду тебя на сломе.

Только если ты будешь грустен
и захочешь мне сделать кофе,
Даже если тебя забуду, ты зови...
ну а вдруг приеду.
Без тебя мне бывает больно –
ты запретный законом морфий.
Но устала мечтать безбожно
и бежать за тобой по следу.

Николай Дик

г. Азов, Ростовская обл.

Тени прошлого

Акварельные детские краски
постепенно смывает дождём.
Мы вошли в этот мир без опаски,
вряд ли так же спокойно уйдём.

Тени прошлого бродят за нами,
спотыкаясь о наши дела –
видно, осени сложно дождями
наши души отмыть добела.

Нам когда-то казалось не пошлым
не заметить, пройдя стороной,
а теперь, вспоминая о прошлом,
прикрываемся юной весной.

Искупить перед Богом ошибки
мы стремимся порой на ходу;
быть пытаемся более гибким,
продвигаясь по тонкому льду.

Дождь смывает вчерашние краски,
обнажая греховную суть...
Без злосчастных теней и без маски
сердце хочет закончить свой путь.

Самому себе

Погадать бы однажды на милость –
не вернёт ли хоть парочку лет?
Расспросить бы весну,
что приснилась,
где от юности спрятан секрет?

Разложить бы в пасьянсе удачу
и с Фортуной всю ночь до утра
не решённую в прошлом задачу
разбирать бы до пены у рта.

Обратиться с вопросом к надежде,
пригласив посидеть на скамье?
Но предстать перед девой
невеждой
неудобно по статусу мне.

Что вернее – к знакомой гадалке,
или в карты гадать на себя?
Видно, поздно – бывалой смекалки
не хватает в канун декабря.

А к чему за ушедшей весной
в ноябре запрягать лошадей?
Всё, что было, осталось со мною,
и завидовать юным – не смей.

Кумиры прошлого

Уходят гении со сцены...
В гримёрке прячутся шаги.
Последним стоном рвутся вены
о том, что так и не смогли
сыграть задуманные роли,
допеть поклоннику куплет
о той невыдуманной доле,
что вплетена судьбой в сонет.

Не доиграли в третьем акте.
Прервался чудный монолог,
над залом медленно в антракте
уйдя в печальный некролог.

Уносят старые кумиры
с собой вчерашние мечты,
неповторимые сапфиры
исконно русской красоты.

Уходит мудрая эпоха,
меняя истинный талант
на примитивность скомороха,
нелепо спрятанную в бант.

Счастливым днём

Счастливым днём, не уходи,
не уступай дорогу будням.
Пусть восторженно в груди
стучит неугомонный бубен.

Продли невидимый полёт
минут блаженного чудесья –
нежданный вечер подождёт
зашторить на ночь поднебесье.

Позволь насытиться теплом
такого редкостного счастья,
и так мы вечно под крылом
банальной серости ненастья.

Счастливым днём, не уходи
за горизонты ожиданий...
Как редко выпадают дни
на исполнение желаний.

К своей душе

В пылу хлопот житейской кутерьмы
прошу, душа, не погрузись
в сомненье –
наперекор превратностям судьбы
наполни смыслом каждое
мгновенье.

Не придавай значение словам,
пропитанным слащавостью
дурмана;
не позволяй завистливым глазам
сменить тебя на серебро кармана.

Прошу, душа, не вздумай
приберечь
на всякий случай
придорожный камень,
а лучше ароматом Божьих свеч
лечи других,
кто невниманьем ранен.

Проси ночами милости Творца
оставить разум бранный
без изъяна,
чтоб путь пройти
до самого конца
без глупости, коварства
и обмана.

Васильковое утро

В васильковый ситец
нарядилось поле,
за ночь превращаясь
в голубое море,
и былую юность
в свете перламутра
пригласило встретить
вместе это утро.
Под лучами солнца
юность, как и прежде,
щеголяет в поле
в ситцевой одежде,
наслаждаясь счастьем,
что с утра под осень
довелось украсить
васильками косы.

Желание

Как устал от сладких снов
в колыбели всепрощенья,
от наигранности слов
и излишка восхищенья...

Лучше правды полглотка
вместо полного стакана
кисло-сладкого обмана
для душонки простака,
чтобы утром я умел
беспольность обещанья
превращать в полезность дел,
отрезвляющих сознание.

Мне бы смелости души
вместо робкого смиренья,
урагана возмущенья
на банальность «Не взыщи».

И пока ещё не лень
чистой совести и чести
вызов наглый каждый день
принимать от лживой лести,
я готов идти на бой
за добро и наслажденье
и любовь от извращенья
закрывать самим собой.

Иван Дочев

г. Плевен, Болгария

Иван Дочев родился в 1925 году в деревне Мечка Плевенской области Болгарии. Окончил мужскую гимназию в городе Плевен. Там стал участником литературного кружка «Златоструй». Печатается с гимназистских лет. Окончил Софийский университет и Высший экономический институт. Автор 5 книг на болгарском и 4 книг на других европейских языках, в том числе на русском. Его стихи опубликованы в журналах и литературных газетах «Болгарское слово», «Сентябрь», «Новый импульс», «Земля», «Иная аудитория», «Созвучие», «Созвучие – 2». Сборник стихов «Окно любви» переведён на русский язык воскресенскими поэтами Леонидом Дудиным, Мариной Кабановой, Григорием Осиповым.

Я к морю твоему
пришёл счастливым днём...
Из всех сокровищ расчудесных
Одну мне море дарит песню –
О детстве радостном твоём.

Вот вижу маленькой тебя
в игре воды,
Гоняющей по пляжу чаек,
И детства призрак без печали –
До самой трепетной звезды.

Она, ещё тех поздних
вечеров звезда,
Тебе всё светит беспрестанно,
Через моря и океаны
Дорожку стелет без труда.

А ты по ней идёшь
в своих мечтах светло,
И дарят сны тебе тепло.
Перевод Леонида Дудина

Подсолнух

Вытью Раковскому

В ночи притаясь молчаливо,
Уснут, словно малые дети,
Но вновь вырастают большими,
Лишь солнце взойдёт
на рассвете.

И в небо глядят удивлённо
Глазами большими и светлыми.
И шепчутся так оживлённо,
Качаясь от свежего ветра.

Подсолнухи нив золотистых,
От спелых семян тяжелея,
Вы людям напомнить спешите
О вечных высоких стремленьях,

С которыми ждём мы рассвета
И день Божий каждый встречаем,
Они нам от колкого ветра
Сердца берегут, согревают.
Перевод Марины Кабановой

Осень

Тихо приблизилась осень,
Мрачная осень Славейкова,
Песня не слышится вовсе,
«Самая милая сердцу...»

Высохли сочные травы
Рано так и так невесело,
И не звенят звёздной ранью
Колокола новых песен.

О, как грустна эта осень,
Нет нам дороги обратной.
Стала Земля наша снова
Домом, закрытым внезапно.

Станет ли тёплое слово
Тою мечтой об ушедшем,
Что возратить нам позволит
Нашу желанную встречу?
Перевод Марины Кабановой

Прощание

В это утро безумно-решительно
Ты пошла против ветра одна.
Ах, зачем те шаги были быстрыми?
То Судьба уходила сама.

Миг один. День один. Одна Вечность.
И свинец расплавлялся в глазах,
И по кругу гнались бесконечно
Мысли сердца, как огненный знак.

Нет спасенья – тебя поглотила
Бездна сумрака, боли и льда,
И кровавая ночь погасила
Звёзды глаз дорогих навсегда.
Перевод Марины Кабановой

Как долго нет тебя!

Как долго нет тебя! Одна
осталась, как Луна,
И некому дыханием
согреть лицо моё,
И радость больше некому
зажечь во мне сполна,
Мне руку не подаст никто,
когда иду домой.

Как долго нет тебя! И птиц
печальных не слышать,
Деревьев ветки клонятся
сочувственно ко мне,
И боль, во мне растущую,
я не могу унять,
Шагов чужих пугаюсь я
в зловещей тишине.

Но дни пройдут, хоть кажутся
годами нам порой,
Я знаю: ветром принесёт
шаги твои ко мне,
И озарятся небеса
улыбкою родной,
И будут росы-звёздочки
светиться и звенеть.

Тогда мечтою в светлом сне
к тебе я полечу,
Тогда в единственный тот миг
я всё тебе прощу.
Перевод Марины Кабановой

Пастораль

Откроешь второпях
конверт с письмом,
влетевший в дом
в начале дня, как птица,
корявых строчек смысл
поняв с трудом,
ко мне опять захочешь
возвратиться.

Из слов простых
на маленьком листке
узнаешь, как провёл я это лето.
Как от тебя в далёком далеке
благоухала сочная трава,
мигали светлячки вокруг
без цели,
кузнечики вблизи задорно пели.

Вот здесь, на склоне
солнечной горы,
той благодатной,
сказочной поры,
я буду ждать, сгорая от волненья,
когда соединим сердцебиенья.
Перевод Григория Осипова

Александр Драло

г. Азов, Ростовская обл.

Дышать тобой

Средь острых скал и пламени пустыни,
в тени лесов и нежности лугов
мне не найти такой как ты – святыни,
моя надежда и моя любовь.

Пусть быть с тобой мне трудно, но другие
не смогут подменить тебя собой.
Им не дано любить, как ты, и с ними
Я не смогу дышать, дышать тобой.

Аллилуйя

Кричал я «Аллилуйя» Богу в небо,
Молился неустанно по ночам,
Чтоб оказаться там, где раньше не был,
И там, где место преданным очам.

Часами мог с закрытыми глазами
Стоять, просить прощенья у креста
Под тлеющими белыми свечами
И улетать с молитвой в небеса.

Но «чуда» райского не получилось –
Ни ранним утром, ни в плену ночи
С небес не опустилась божья милость,
Не спала пелена с моей души.

Я в поисках. Пусть путь мой быстротечен,
Но я не покорился адской тьме –
Борюсь по-прежнему со злом извечным
И жду удачу в собственной судьбе.

Вальс

Я не могу забыть наш танец,
Забыть цвет лучших в мире глаз
И то, как трепетно сливались
Сердца двоих, танцуя вальс.

Вальсируя в безлюдной зале,
Мы наслаждались тишиной,
И ты с закрытыми глазами
Мне напевала «Вальс цветов».

Мерцанье звёзд и блики света
Луны холодной за окном
Сближали нас; ночное небо
Кружилось с нами в танце том.

Той ночью поздней в миг прощанья
Ты подарила поцелуй
И, ничего не обещая,
Сказала мне: «Тебя люблю».

Сияние

Тыходишь к зеркалу и видишь
След печали на своём лице.
В небе краски снова голубые,
Но не в сердце, не в твоей душе.

Знай, что бросит много испытаний
Под ноги коварная судьба,
Но борись и следуй за мечтами
В мир, что полон счастья и тепла.

Так затми скорее мир сиянием,
К небесам заоблачным лети,
Будь свободой в каждом вздыханье
И бушуй, как можешь только ты!

Небо

Мы уходим в наше небо красиво.
Мы летим, порхаем вдвоём,
Выбирая, что сердцу лишь мило,
И друг другу даруем тепло.

Я смотрю в необъятное небо:
Ты сияешь в нём ярче лучей,
Что срываются солнечным светом.
В этом мире нет места светлей.

Поцелуи похожи на шёпот,
А объятья до дрожи крепки.
Бесподобные наши полёты
Перепутали мысли и дни.

Мы, как пух одуванчика, нежны,
Невесомы, свободны, легки.
Нерушимы все наши надежды –
Мы невинной любовью полны.

Только ты

Только ты, мой друг сердечный,
В мире грёз танцуешь вечно.
Только ты задуешь свечи
Этой ночи бесконечной.

Если дни туманно слепы
И когда весь мир одетый
В краски тьмы, ты будешь светом,
Вдохновенным дунешь ветром.

И лишь ты, мой друг сердечный,
Переполненный надеждой,
Только ты ведёшь к рассвету
От теней, от боли этой.

Дарья Духленкова

пгт. Белоозёрский, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Родилась в г. Верецагино Пермской области 4 мая 1989 года. Окончила Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, получив два высших образования. Стихи пишет с 9 лет. Печаталась в детской республиканской газете «Диагональ», «Республика молодая», являлась внештатным корреспондентом газеты «Трудовая правда» (Республика Мордовия). Является членом ЛИТО им. И.И. Лажечникова (г. Воскресенск). В марте 2013 года заняла 2 место в ежегодном конкурсе «И просыпается поэзия во мне».

Работает в администрации городского поселения Белоозерский.

Активно занимается спортом, является кандидатом в мастера спорта по волейболу, свободное время посвящает любимому хобби (различные виды рукоделия).

Прожить бы жизнь, как поле перейти,
Легко, без ям, идти, не спотыкаясь,
Махать рукой тому, кто впереди,
Кто ждёт тебя, так мило улыбаясь...
Чтоб небо было точно синева,
Без серых туч и облаков нависших,
Раскинуть руки, свежестью дыша,
Под крики птиц, в той синеве паривших...
Но зачастую это как обман,
И каждый путь себе готовит разный..
Вот так приходится идти через бурьян
За тихим и спокойным словом СЧАСТЬЕ!

А мне бы жить в красивой весне,
Проснулась – солнце висит в окошке,
И тёплый лучик на простыне
Ко мне прилёт подремать немножко.
А мне бы жить в горячих дождях,
И капли с неба согреют душу,
И в торопливых унылых днях
Прекрасно знать, что кому-то нужно
Тебя до дрожи прижать к себе,
Поцеловать, как вина напиться,
И, как в приятном волшебном сне,
Закрывать глаза и на миг забытья...

Мы, может быть, когда-то станем ближе,
Придём к тебе, не включим свет в прихожей...
Лишь будет дождь опять стучать по крыше,
Смывая день, ужасно непогожий.
В крови вино, в бокалах терпкий запах,
А ты ласкаешь струны на гитаре,
И звуки ночь в своих широких лапах
Раскидывает прямо на бульваре...

.....
Мы, может быть, проснёмся на рассвете,
Уж не стучит ночной проклятый ливень...
И никому не скажем о секрете,
О том, что стали мы чуть-чуть счастливей.

Всё это было в улыбочивых снах:
Бабочка села ко мне на рукав,
Куст земляники, цветная травинка,
Речка широкая, как на картинке,
Сосны высокие, хворост скрипучий,
Медленно ползает ёжик колючий,

И незабудки в любимых руках...
Всё это было в улыбочивых снах...
Было, что ты улыбался рассветам,
Щурил глаза от янтарного лета,
Мошек смешливо руками ловил...
Я это помню. А ты не забыл?

Я со счастьем поздоровалась за руку,
И оно улыбнулось в ответ –
Начертило над облаком радугу
После тёплого ливня в обед.
Мы со счастьем теперь неразлучные,
Вкусный завтрак с утра на столе,
И мелодия светлая, звучная
Разлетается птицей во мне.
Мы со счастьем ночами бессонными
В небе звёзды считаем одни,
А потом за прозрачными шторами
Сочиняем стихи о любви.
Счастье в жизни мне щедро отмерено,
Я иду и зову за собой.
И оно зашагало уверенно
Лёгкой поступью рядом со мной.

Наверно, я немного старомодна:
Предпочитаю плед, диван и книжку,
Пока подружки вечером холодным
Спешат крутить недетские интрижки.
Наверно, я – не тема разговора
И не ношу алмазную корону,
Вяжу крючком ажурные узоры
И вышиваю бисером иконы.
Наверно, я устала от прогресса,
Как прежде, шлю по почте телеграммы,
Не вызывает Twitter* интереса,
И нет меня в картинках Инстаграма**.
Наверно, я немного старомодна,
Раз покупаю древние картины
И, не считая жизнь свою свободной,
Люблю единственного верного мужчину.

* Социальная сеть и сервис микроблогов, использующий технологии обмена мгновенными сообщениями, SMS и веб-интерфейс для публикации твитов.

** Приложение обмена фотографиями и видеозаписями, позволяющее пользователям снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей.

Валентина Дьяченко

п. Андреевка, Балаклеяский р-н,
Харьковская обл., Украина

Работаю в провайдерской фирме. Все эмоции выливаются в стихи. Как ни странно – верю в добро, стараюсь видеть его во всём и в каждом. Обожаю семью, люблю природу, прогулки, животных :)

Стихи публиковались в коллективных сборниках Издательского Дома «Серебро Слов» (Россия) и альманахе «Скифия – 2013. Осень» (Украина).

Зачем расставаться

А в глазах и без слов – нежность.
Знаю, этому есть причина.
Изменить хотел неизбежность,
шаг навстречу, он – для почина.

В уголках губ заботы бремя.
Расставаться – такая мука...
Неужели уходит время?
И зачем нам нужна разлука?

Разметались ветрами звуки.
Потерявшись, по жизни бродим.
Я твои ощущаю руки
каждый миг, что Любви угоден.

Не всегда объяснить словами
то, что в сердце саднит занозой.
Почему всё случилось с нами?
Не понять...

Не объять...
Проза...

Рулетка

Мир не всегда прекрасен,
как я предполагала.
Капризен и опасен.
Жаль, поздно я узнала.

Изменчив, как рулетка.
Давай начнем сначала?
Зеро свободна клетка.
Жаль, ставка не сыграла.

И снова шарик манит –
ещё одна попытка.
Жаль, снова он обманет –
ну вот, опять ошибка.

Играет мир, искрится,
А жизнь близка к закату.
Жаль, ей не повториться.
И...

нету виноватых...

Цвет индиго

Шалью цвета индиго принакрылся закат.
Как мы были наивны! Возвратить бы назад
Убежавшее время, сбросить тяготы лет.
Но обратной дороги к прошедшему нет.

Перед зеркалом сяду, выгнув дерзкую бровь.
Боль таится в глазах, сердце стоптано в кровь.
Не страдать – прикажу отражению в стекле.
Жизнь прекрасна на Богом нам данной земле!

Пусть дрожит на реснице слезинки алмаз,
Рвётся в небо мечта – ей никто не укаж,
Ей не сможет никто и ничто помешать.
Лишь бы

мы научились
прощать.

Благодарю

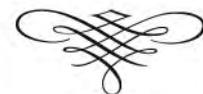
Спасибо, Боже, за мечты,
за дымку веры, лучик света,
за летний зной, весны приветы,
когда по явственным приметам
иду тропею доброты.

Благодарю тебя за жизнь,
за то, что по дороге дальней
в глухой ночи и утром ранним
спешу с надеждой на свиданье,
и ты мне мысленно – держись!

Не устаю я дорожить
поступком добрым,
тёплым словом.
Когда во взгляде незнакомом
я искру зажигаю,
снова
тебя хочу благодарить.

Осень

Закружился листопад
вальсом на заре.
Ярок осени наряд
в этом сентябре.
Ожидание чудес
спрятано в листве.
И кружится голова
в этом волшебстве.
Осень завлекает нас
бликов ворожкой.
Мы шагаем в листопад,
словно в жизнь, с тобой.

Елена Есина

г. Москва

Елена Есина родилась в Москве. Окончила Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького. Член Союза писателей России.

Награждена Золотой Есенинской медалью за верность традициям русской культуры и литературы, серебряной медалью «Добрые люди мира», медалью «За доблестный труд» от Правительства Москвы, дипломом и медалью М.Ю. Лермонтова, дипломом 1-й степени «Золотое перо Московии», лауреат премии Козьмы Пруткова в жанре сатиры и юмора, лауреат премии имени Ярослава Смелякова в области литературы за 2009 год.

Автор книг стихотворений «Небесная сосна» и «Пленённая любовью».

Всё я вижу, ветер вороватый,
Как ты хочешь
пыль в глаза пустить,
А позднее сизые закаты
Отогнать в темнеющую зыбь.

То взлетаешь к голубой дороге,
То ныряешь прямо в чернозём.
Ты не любишь подводить итоги,
Даже если вызываешь гром.

Не умею объяснить значенье
Я летучей сущности твоей.
Ощущаю головокруженье,
Как доносишь запахи с полей.

По мосткам бежали блики,
Время покатилося вспять,
К водам вышел Пан великий
На сиринге поиграть.

Значит, будет разноситься
Песня, полная цветов,
Буду белою девицей
Плыть на всемогущий зов.

Станет берег отдаляться,
Как несбывная мечта.
Но пришелец сладкогласный
Появился неспроста.

Меня ты слишком строго судишь,
В твоём сознании провал,
Скажи, меня ещё ты любишь?
– Ты опоздаешь на вокзал.

В вагонных окнах запylённых
Вечерний свет подслеповат.
Ещё есть время для влюблённых,
Подумав, повернуть всё вспять.

Перрон откатывался в сумрак,
Любимый отдалялся взгляд.
Кому-то признавался умник,
Что он прощанью даже рад.

Казалось, покатила разом
Вся жизнь моя в ночной провал.
Сосед всех потчевал рассказом
И, хмываясь, выпивал.

Ловлю, отдернув занавеску,
Уютные огни домов.
И нахожу я повод веский
Для разобщающих годов.

Художник

Он краски подобрал
К душе мятежной.
Уже лица овал
Светился снежно.

В углах усталых губ
Лежали складки,
Во взгляде – холод выюг,
Невзгод осадки.

Вверху был солнца шар
Земного счастья
И прошлого пожар
Гасил бесстрашно.

Но наливалась плоть
Сентябрьским соком.
Художника полёт
Царил высоко.

За рамки вышел холст,
Сливаясь с явью.
Мир был велик и прост,
И скрашен далью.

Проплывают тучи
Чёрными дельфинами,
Небеса текучи,
Зыбки над Афинами.

Мой попутчик бледный,
Мощный, как Пракситель,
Он не собеседник –
Просто искуситель.

Говорит – я нимфа,
Фея, Мнемозина.
Чёрные дельфины
Выгибают спины.

Мне знакомо счастье
Прожитой минуты.
И готова впасть я
В пасть любовной смуты.

Вновь не дождёшься и уйдёшь.
Читай меня во сне глубоко.
Но забытьё – не значит ложь,
А просто быть, что ходит боком.

Но что же будешь ты читать? –
Пусть я не многое скрывала,
Губами скреплена печать,
Но сон срывает покрывало.

Уже не слушаются кисть
Простые линии и краски.
И мы летим куда-то вниз
Ещё задолго до развязки.

Когда не жду твоей любви,
Несу в руках протуберанцы.
Ты чёрной розой не зови
Ночь восхитительного глянца.

Когда не жду твоей любви,
Ко мне летит осенний ангел.
Заходит в тучу, как в овин,
Луна изогнутою аркой.

Когда не жду твоей любви,
Деревья шелестят в печали.
Ты словом чувство оживи,
Чтоб наши музы не молчали.

Ты бессовестно прост,
По натуре ты – странник.
Дома ждёт меня холст,
Обтянувший подрамник.

Я забуду слова,
Что в запале сказала,
Не заплакав едва
На Варшавском вокзале.

Забываю молву
И вагонов шеренгу,
Променяв на Москву
Строгость линий Кваренги.

Эльвира Зенина

г. Омск

В ЗАМОРСКИЙ ВЕТЕР ВЛЮБЛЕНА...

(Цикл стихов)

Посвящается Григорию Жоржу Късеву
и всем болгарским друзьям...

Разговор с другом

Говори, мой друг, говори!
Я вдыхаю твои дороги,
как пленённый орёл –
тревоги
и восторги степной зари!
Говори ещё!
Расскажи
о болгарских мужах и жёнах!
Воскресая к желанью жить,
стану слушать заворожённо,
потеху по твоим словам
в нарисованные озёра...
Годы жизни за час отдам,
час – в компании фантазёра!
Наши души давно «на ты»,
чуть смущают тела и лица...
Не нарушим её, границу
заповеданной чистоты!
Говори...
Закипает чай.
Час полночный давно уж пробил –
не для нас!
Мы ещё побродим,
я – в твоих, ты – в моих очах...

Просто руку положил.
Положил – приворожил.
И качнулась синева, пьяным
пьяная.
Покачнулась, поплыла...
Как легко я умерла,
пала росами в поля конопляные.
Лью дыханье на свечу.
Я мечтаю и молчу,
и тепло твоё ишу в жарком
пламени.
От меня – меня спаси!
Прикоснись – и воскреси!
И с собою унеси в высь желания!

Что со мною, милый?
Или ночь колдует?
Вдруг тебя спросила:
– Можно – поцелую?
И никто не видел,
как на звёздном троне
мне кивнул Юпитер
в золотой короне.

Я по тебе схожу с ума

Я по тебе схожу с ума!
Фортепиано ранят пальцы,
Дрожит бемольная струна
В груди шопеновского вальса,
Гримасой губ обожжена,
Срывается «Ave Maria»!
Песчинка малая России
В заморский ветер влюблена!
Я по тебе схожу с ума...
Какая сладостная мука...
Благодарю тебя, разлука!
Я б не поверила сама,
что я могу сойти с ума!

Учителю

*Весь мир преклоняется
передо мной,
а я преклоняюсь
перед учителем
Петром Доновым
из Болгарии.*
Альберт Эйнштейн

Союзом священного братства
скрепили сердца мы навеки!
Открыли истоки БОГатства
в величии ЧЕЛОВЕКА,
чей ум к просветленью идущим,
как солнце, пути освещает
и сердца кристалл очищает,
рассеяв невежества тучи.

Прозревший вселенной законы,
а сердцем – Христову обитель,
Болгарии сын – Пётр Донов*,
народов великий учитель!

Пётр Донов (Дынов) (29.06.1864 – 27.12.1944), духовное имя – Беинса Дуно, сын священника, видного деятеля болгарского возрождения. Создатель паневритмии – системы музыкально-физических упражнений, гармонизирующих человека с самим собой и окружающим миром. В 1898 году он обращается с посланием к болгарскому народу и славянству, в котором говорит о приближении новой культуры и о том, что славянству надлежит сыграть ведущую роль в её установлении на Земле. В начале XX века широко зазвучало его Слово – Слово Учителя Беинса Дуно, выраженное в 7000 беседах и лекциях. В нём раскрывалась сущность нового учения, названного учением Всемирного Белого Братства, учением Шестой расы.

Памяти Николая Каллерта

Сорок дней по душе Николая.
Кафедральные купола.
Вас при жизни почти не зная,
На свидание к Вам пришла.
Вас так долго, так долго искала!
Сквозь Сибирь брела и тайгу!
Не успела я. Опоздала.
И простить себе не могу.

Панихида давно пропета,
минул месяц от встречи той.
Я одна на закате лета
Перед горькой стою чертой.
Почему-то тревожит память,
И забыть не могу никак
эту женщину в светлом, в храме.

Впрочем, может быть, и пустяк.
А быть может, знаменье неба:
Эта женщина подошла,
Улыбнулась и подала
Мне кусочек святого хлеба.

19.08.1992. Рига

Каллерт Николай Павлович (1903 – 9.06.1992) – латвийский астролог, перед Второй мировой войной посетивший Болгарию, где встретился с учителем Петром Доновым, стал его учеником и принёс учение в Латвию.

Прости, Болгария...

Ты помнишь эти вечера,
свечи мерцание?
Я помню, словно бы вчера,
наш миг прощания,
подарок с дальних берегов
из рук Учителя,
Рабиндраната том стихов,
до дыр зачитанный,
рояля сбившийся пассаж...
Я помню всё ещё
предутренний пустынный пляж
и нас, танцующих,
следов цепочку на песке
и парков шорохи,
моя рука – в твоей руке,
а в сердце всполохи.
Пронзает ночь любви мотив.
Жива ли? – эхо ли?
Прости, Болгария, прости,
что не приехала...

22.01.2014.

Мария Зинина

г. Рига, Латвия

Свидание

У меня свидание с дождём...
Пригласил, постукивая в стёкла.
На безлюдной улице вдвоём –
Он и я...
И серые полотна,
На которых капельки, спеша,
Выбивали тихую чечётку
И, цветы черёмухи кроша,
Выстилали белую дорожку.
А потом показывал круги –
Рисовал касанием на лужах.

Затихали медленно шаги,
Оставляя след
из мокрых кружев...

Май

Взбил зелёные подушки
И, как будто невзначай,
Ярко-жёлтые веснушки
На лугах рассыпал май.

Невесомым тёплым светом
Ежедневно, по утрам,
Сотни солнечных букетов
Он бросал на бархат трав.

А когда дождался лета,
Не прощаясь, как всегда,
Одуванчиковым ветром
Разлетелся в никуда...

Воровка

Осень тихо, как будто воровка,
Всё ходила, ходила кругом,
А потом ненавязчиво, ловко
Заглянула под вечер в наш дом.

Попросила горячего чаю,
Сбросив тонкий
промокший платок,
Прошептала: «Давай погадаю...» –
Доставая кленовый листок.

И, сверкая волос позолотой,
Встала молча у края стола.
Мне казалось – искала кого-то...

Оглянулась – уже увела...

День бродил не спеша...

День бродил не спеша по аллеям
С листопадом осенним вдвоём,
А под вечер, о чём-то жалея,
Прослезился холодным дождём.

И усталый,
в промокшей рубашке,
Ненадолго присел на скамью,
Написал:
«Очень жаль...» –
на бумажке,
Не нашёл ни приют, ни семью.

А потом уложил чемоданы,
Попрощался и тронулся в путь.
Был сегодня
немножечко странным,
Но уехал. Уже не вернуть...

Подарок

Потрогала бережно дочка рукой
Холодный гранит обелиска
И куклу,
что всюду носила с собой,
Поставила молча у списка.
– Оставишь? – тихонько
спросила её...
– Один из любимых подарков?

И замерло женское сердце моё...
– Оставлю. Героям не жалко.

Исповедь

Свою исповедь белому снегу
Написала в нехитром письме:
Как готовилась тихо к побегу,
Не признавшись об этом зиме.

Как завьюженных песен куплеты
Я сжигала дотла сгоряча
И цветную мозаику лета
Собирала во сне по ночам.

Мне хотелось
вернуться в рассветы
И в полей лепестковую гладь,
Там знакомое:
«Доченька, где ты?» –
Доносилось из дома опять...

Снег молчал и, холодною влагой
Размывая узоры чернил,
Всё кружил и кружил
над бумагой.

Но надеюсь, что понял...
простил...

Утро

Растворилась туманами зыбко
Кружевная зелёная сень.
Рассвело.
Тихо скрипнув калиткой,
Показался проснувшийся день.

Тёплый ветер в ночную шкатулку
Положил капли собранных рос,
А теперь не спеша в переулке
Гладит платья для лип и берёз.

Улыбается летнее солнце,
Облакам стелет утренний путь.
Отражается небо в колодце –
Хочешь –
можно ведром зачерпнуть!

Картина

Выткан холст
из чёрно-белых нитей,
краски-ноты смешаны в тона...
В ожиданьи таинства событий
замирает в зале тишина.

Взмах руки...
ещё одно мгновение –
и коснулись пальцы полотна!
Повинуясь кисти мановенью,
заплескалась музыки волна.

Новелла

Воробьиным пёрышком на лужах
Ветер пишет что-то не спеша...
Облака, подглядывая, кружат,
Умоляют небо не мешать.

Свой сюжет задуманной новеллы
Он в душе вынашивал давно,
А теперь и время подоспело
Дописать, пока ещё светло.

А когда закат закроет ставни
И на небо выплеснет чернил,
Уходящей осени недавней
Прочитает всё, что сочинил...

Гостья

Ночью, ворвавшись без боя,
Не человек и не зверь...
Грязной дорожной клюкою
Ткнула в закрытую дверь,
Молча прошла и присела –
Ей не нужны хлеб да соль.
Ни до кого ей нет дела.
Ей всё равно.
Это – боль...

Гармонь

Запылилась старая гармонь,
Целый год её не брали в руки –
Не касалась тёплая ладонь,
Не звучали радостные звуки.

На двухрядке память о боях –
Давний след от минного осколка.
Много лет играла в деревнях,
Веселила свадьбы без умолку.

Но пришлось
привыкнуть к тишине,
Хоть молчать подолгу не умела:
Гармониста нет... Наедине
Со своей бедой. Осиротела...

Перемены

Опустели старые каштаны,
Растеряли листья веера,
Но с ветрами спорят постоянно,
Иногда – до самого утра.

И струится дождь
по тонким венам
Без пальто оставленных берёз.
Кто придумал эти перемены?
Нелегко и холодно до слёз.

И не зря зелёные сорочки
На полгода спрятали поля,
Ведь весна теперь
уже ни строчки
Не напишет им до февраля.

Под луны вечернее сопрано,
Под зонтом полночной синевы
Вяжет осень молча из туманов
Для деревьев тёплые шарфы.

Девятый день мая...

Год прошёл –
и весна за окном,
день девятый цветущего мая.
В тишине зазвучит метроном –
и застынем в минуте молчанья.

Утром каждый весенний цветок
поминальной росой прослезится
о погибших,
склонив стебелёк...
...тех, кто так и не смог
возвратиться.

Крошки

Сладкий чай
с ароматным вареньем –
Незатейливый завтрак с утра,
А за окнами смех и веселье –
Кормит птиц у скамьи детвора.

Смёл заботливо хлебные крошки
Со стола в свою руку старик.
По привычке...
Война уже в прошлом...
Только он до сих пор не отвык...

Ель

Пышной шапкою седин
Лес украсили метели.
Белый, мягкий серпантин
Лёг на лапы старой ели.
С высоты легко парил
И казался чист и ярок,
Но уже не удивил
Декабря ночной подарок.
Одинока. Не первой
Спорит с ней мороз упрямо,
И который год одной
Слушать ей метелей гаммы.
Что скрывать, немолода...
Повидала зим немало.
Гнули ветры и беда –
Не сломалась... Устояла...

Календарь

Похудел отрывной календарь,
Растерял красоту по дороге:
Выходил – начинался январь,
Оглянулся – декабрь на пороге.

Раздавал, не жалея, листки,
Постоянно платил новой датой.
Время шло, поседели виски...
Бесполезно искать виноватых...

Там...

Глупый ветер...
душа нараспашку,
разгулялся, ему всё равно,
а луна одинокой дворняжкой
смотрит молча в чужое окно.
Не завидует, нет.
Просто знает,
что за тонким
прозрачным стеклом
ни дождей,
ни снегов не бывает...
Там уютно,
легко и тепло...

Подруги

Много лет они знают друг друга –
Две потёртые временем стрелки,
Но идут по знакомому кругу
Под стеклом
своей маленькой клетки.

Вместе знали печаль и недуги,
Ранней ржавчины горечь и раны.
Две уже поседевших подруги
Продолжают свой путь
неустанно.

Не считая рассветов, закатов,
Для кого-то, а может, для многих,
Каждый день
на стене циферблата
Отмеряют остаток дороги...

Чужое одиночество

Я в чужое вошла одиночество,
ненадолго, совсем на чуть-чуть,
к незнакомке,
чьё имя и отчество
не спросила.
Но видела грусть,
пережитую боль, сожаление
в горьком взгляде,
тоскливость ночей...

И за четверть часа откровения –
Будто жизнь прожила
вместе с ней...

Лето

Выткало лето из радужной нити
Синюю шаль васильковых полей,
Белый, нарядный
ромашковый ситец
Утром кроило
для тонких стеблей,
Шёпотом ветра
в берёзовой роще
Травы ласкало
и каждый листок...

И накануне Купаловой ночи
Спрятало счастья
заветный цветок.

Поклонник

Упало солнце за пригорок.
Простился день, и зимний вечер
укроет сумерками скоро,
потом зажжёт на небе свечи.
Возьмёт луну в свои ладони,
под ветра тихие аккорды
Подарит ночи.
Он поклонник,
который верен ей все годы...

Кружево

Появляются чудные знаки,
И стежками ложатся слова
На листке белоснежной бумаги,
Вышивая стихов кружева.

Подбирая эпитеты-нити,
Чтобы были нежнее, чем шёлк,
Описанием чувств и событий
Излагается мысль виток.

Не спеша, от души, кропотливо
Выбирая расцветку, узор,
Час за часом трудясь терпеливо,
Тонкой рифмой ведём разговор.

Уменьшаются нити катушки,
Заполняется текстом тетрадь.
Чем сложнее ажур, завитушки,
Тем труднее его вышивать...

Марина Золотова

г. Воскресенск, Московская обл.

Родилась в г. Воскресенске Московской области. Работает в ГБУЗ МО «Воскресенская станция переливания крови».

Член Союза писателей России. Награждена Золотой «Есенинской медалью», медалью А.П. Чехова, медалью им. Елены Слободянюк, дипломом Н.С. Гумилёва. Дипломант Международного фестиваля песни среди медиков-студентов и медицинских работников в г. Астрахани в апреле 2010 г.

Участница конференции Славянских народов в г. Плевене (Болгария, май 2010 г.). Участница фестиваля Авторской песни «Воскресенская Заря» (2010 г.) – Приз зрительских симпатий. Участница международного поэтического форума в Греции. Принимала участие в международном фестивале студентов-медиков и медицинских работников в г. Твери. Участница благотворительных концертов. Автор двух поэтических сборников: «Любви всегда на свете мало» (2005) и «Я счастливая» (2010).

У моей Кристины
Нынче именины.
И с утра Кристина
Ждёт к себе гостей.

Кашу всю доела,
Платьице надела –
Нет на целом свете
Никого милей.

Для своей я внучки,
Крошки-почемучки,
Книжечку купила
Про аэрофлот.

Пусть её читает,
В небесах летает
И вопросы новые
Чаще задаёт.

Молока дадим котёнку
И конфеты «Барбарис».
Покричим с сестрёнкой громко:
«Киса-киса! Кис-кис-кис!»
Блюдец быстро стало чистым,
А живот, как шар, повис.
Любит молоко котёнок,
Но не любит «Барбарис».

Далёкое детство,
Ах, как ты далёко,
Где солнышко тёплое,
Дождь синеокий.
Где хлеб очень вкусный
И мамыны руки
Меня обнимают –
Там лжи нет и скуки.

Классики

Расчертили на асфальте
Мы с Кристиной мелом клетки.
Будем в классики играть,
Прыгать шустро, очень метко,
Словно ласточки, летать.

Доброе утро

Заглянуло солнышко
Утром к нам в окно.
И сказало солнышко:
– Встать пора давно

И подставить носики
Ласковым лучам,
Чтоб росла здоровая
Ребятня у мам.

Щедрое лето

Чудо из чудес: грибы,
Ягоды, орехи.
Щедро лето на дары,
Забавы и потехи.

Подсолнушек

Тянется к солнышку
Маленький подсолнушек.
Он и сам на солнышко
Жаркое похож.

Лепестки, что лучики, –
Оранжевые, яркие –
До чего ж подсолнушек
Светел и пригож.

Солнышко подсолнушку
Свет и ласку дарует,
Нежит и купает
В ласковых лучах.

Вырастет подсолнушек
И детей обрадует,
Много спелых зёрнышек
Спрятан в лепестках.

Внучке Кристине

Завиток кудряшек озорной,
Из лучей он солнца сотканный,
Да украшенный зарёй,
Да любовью позолоченный.

Мы читаем с внучкой книжки,
По душе они малышке.
Удивлённо смотрит внучка:
– Что за вензель, что за штучка?

Пусть скорее подрастает,
Буквы все она узнает.
Будем вместе с ней читать,
Мир огромный познавать.

После каши, после манной,
Мы уселись на диване
И читаем наши книжки
Про детей и про зверей.

Но одну читаем чаще,
Нам она милей и слаще,
А название этой книжки:
«Где обедал воробей?»

Маленькая модница

Мы с проказницей Кристиной
Нынче мерили ботинки,
Перед зеркалом Кристина
На мысочках, и на пятках,

И кружится, морщит носик,
То смеётся звонко-звонко.
По душе ей процедура,
Озорной моей девчонке.

Выбирали долго-долго
Туфли, сабо и сандалии.
От примерки мало толку,
С нею мы вдвоём устали.

Нам подмога – мама с папой.
Предлагают на свой вкус:
– Эти туфли в тон со шляпкой,
– Эти – цветом как арбуз.

Выбрали с цветной бечёвкой
И устали вчетвером,
Но счастливые, с обновкой
Мчим в машине с ветерком.

Я сегодня нашла котёнка

Я сегодня нашла котёнка,
Просто крошечку-малыша.
Плач сродни был плачу ребёнка,
Был он маленький – в чём душа?..

Люди мимо, спеша, шагали –
В мире много других забот,
И котёнка не замечали:
– Ну подумаешь, кошка, кот...

Подняла его, взяв в ладони:
– Упокойся, всё позади,
Мы тебя вот сейчас накормим,
Ты немножечко потерпи.

Я за пазуху пуха комочек
Посадила, прижав к груди,
И притих мой дружок-дружочек
К нашей дружбе на полпути.

Зимний день

День чудесный. Зимний. Утро.
Снег пушистый за окном.
С внучкой нам совсем не скучно,
За столом сидим вдвоём.

Мы теперь совсем подружки,
Молоко дымится в кружке,
Мы сейчас с едой закончим
И на улицу пойдём.

Рукавичек тёплых пару
Мы в запас ещё возьмём,
Для воды пустую тару,
Сладкую морковь найдём.

Бабу снежную мы с внучкой
Во дворе начнём лепить:
Нос – морковка-закорючка,
Губки, чтобы говорить.

Спорится у нас работа,
Краски есть, и есть вода.
Из прохожих крикнул кто-то:
– Ах, какая красота!

На носу изюм – веснушки,
Серьги – яркие хлопушки,
Из мочалочки – коса.
Да, и вправду – красота!

Мы прервёмся на обед,
В наших планах – «снежный дед».

К дяде Боре

К дяде Боре за духами,
К дяде Боре за кольцом,
За серьгами и часами
Мы всегда к нему идём.

Выбираем, покупаем,
Носим, радуется глаз,
Потому что все товары
В магазине – высший класс.

На моём пороге
мальчик озорной,
В гости он пожаловал
со своей семьёй.
В маминой ладошке
ручка малыша,
Папа с умилением
смотрит, чуть дыша.

Зонт

Небо хмурит грозно брови,
Не боимся мы его.
С внучкой по аллеям бродим,
В сумке зонтик у неё.

А на зонтике – горохи,
Даже «ушки» есть на нём.
Очень нравится он крохе,
Любим мы гулять с зонтом.

Он – как яркая букашка,
Как забавный летний жук,
От дождя спасёт рубашку
Зонтик-жук, помощник, друг.

Хочу домой!

Я утром зеркалу
игриво подмигну.
Припудрю носик. Шпильки.
В бой. Работа.
Я вежлива, я улыбаюсь, я шучу,
Но мне домой,
всегда домой охота.

Я целый день верчусь,
кручусь, парю,
Но убежать домой мечту лелею,
С людьми охотно и открыто
говорю,
От мысли, что приду домой,
я млею.

Я знаю, что меня там ждут.
Я знаю, что меня там встретят
И щёчки поцелуи обожгут,
Обнимут и по-дружески
приветят.

Есть дочка у меня, и есть сынок,
Зять, внучка, внук.
О них моя забота.
О них я думаю,
удачлив мой денёк,
И пусть простит меня моя работа.

А вечером,
когда большой семьёй
Собраться сможем –
это ли не счастье?
Мы вместе – это сила,
дружба и покой
И не страшны
нам беды и ненастья.

Вот почему всегда спешу домой!

Буду майским теплом

Буду солнца лучом,
Буду майским теплом,
Снегом, ветром, водой,
Лишь не буду с тобой...

Солнце снова взойдёт,
И опустится ночь,
Если вдруг ты придёшь,
Прогоню тебя прочь...

Ноты песни моей
Пляшут в струнах дождя,
Только в песне моей –
В ней не будет тебя...

Буду солнца лучом,
Буду майским теплом,
Научусь снова жить,
Не жалеть ни о чём...

Всё реже думаю и вспоминаю
Слова, обиды, злобу, ложь.
Я успокоилась и забываю.
Я прогоню, когда придёшь.
А ты придёшь, но слишком поздно,
Затихнет боль, уснёт любовь,
Не испугаешь взглядом грозным –
В немом укорё вздрогнет бровь.

Ты уйдёшь от себя
И не сможешь вернуться.
Ты забудешь меня –
Наше время ушло.

Но упрямо хочу
Я к тебе прикоснуться
На исходе ушедшего дня.

Прикоснуться к любви,
Что дышала и пела,
Что дышала буквально вчера.

Но озябла, продрогла,
Шагнула несмело
На дорогу измен,
Где дожди, где ветра.

Моё сердце молчит,
Окунувшись в разлуку.
Только разум кричит –
Прогони боль и скуку.

У судьбы на краю
Нет ни боли, ни страха,
Ветром в ключья
Разорвана жизни рубаха.

Сделать шаг
Ничего, ничего не мешает,
Часто тихое слово
Всесильно решает.

У судьбы на краю
Сбросьте наземь рубаху,
Не спешите склонить
Вы колени у плахи.

Сергей Иванов-Мехнин

г. Борисоглебск, Воронежская обл.

Иванов Сергей Николаевич (литературный псевдоним, Иванов-Мехнин Сергей). Образование высшее. Член Союза дизайнеров России, член Русского Литературного Клуба (Москва). Художественные выставки (Россия, Польша, Казахстан). Старший преподаватель факультета ДАС (дизайн архитектурной среды), ВГАСУ (Воронежского государственного архитектурно-строительного университета) (г. Борисоглебск). Руководитель дизайн-студии «Живая линия». Участник поэтических проектов: «Чувства без границ» (1-17 вып.), «Золотая строфа» (2009 и 2010 гг.), «Зов Нимфея», «Стихи.Ру», «Поэт года – 2011», «Поэт года – 2012», «Поэт года – 2013», «Наследие», «Серебряный дождь» и т.д.

Творчески активен. Любит поэзию, шахматы, музыку и хороших друзей.

К17С декабрь

Я опоздал на много лет,
Тебя я ждал, искал повсюду.
Очередной с души сонет
Упал – как падает посуда.

И разлетелась на осколки
Моя ранимая душа.
И очень, очень, очень звонко,
При лунном свете хороша.

Твоя прозрачная улыбка,
И локон падает с плеча.
Как будто золотая рыбка,
И ветер дёргает, ворча,

За ветку клёна у дороги,
Там, где притихли дни мои.
И стёрты и устали ноги,
А ты слова мне говори.

Хотя мне и без слов всё ясно,
Я вижу трепет и волнение.
Но там, где ты, –
там всё прекрасно,
Там для души легко движение.

И плавно падают снежинки,
Напоминая листопад.
И бабье лето – паутинки,
И я – словами невпопад –

Наверно, снова затерялся
Там, где блуждала Моя Осень.
В который раз я ей признался,
На раннем. В серебре. Покосе.

А я опять бегу к тебе,
Моя загадочная грусть.
Я отдыхаю при ходьбе,
Устать я больше не боюсь.

Упасть в траву и в синь уткнуться,
Прохлада бродит в вышине.
Слегка своей души коснуться
И раствориться в тишине

Моих привыкших ожиданий,
Где я бегу и возвращаюсь.

Там много разных наказаний,
Слегка к которым прикасаюсь.

Но я к тебе опять спешу,
Листвой стряхнув свою обиду.
Может, прощенья попрошу
У тех. Потерянных из виду.

Они куда-то ускользнули,
Куда? Пока не знаю я.
Лишь тени чьи-то промелькнули,
Узнал. Одна из них – моя.

Я вижу берег. Тени бродят,
Твоя, моя. Они в пути.
Их одиночество находит,
И снова будут заперты

Своих взволнованных мечтаний,
Где синий свет от фонарей.
Спешу опять я на свиданье
Из темноты – где посветлей.

Мои мысли смотрят в небо,
Небо смотрит на меня.
Взгляд, исчезнувший бесследно
У засохшего ручья.

Где деревья наклонились,
Сильно их подмыл ручей.
Они ночью мне приснились,
Чтобы были горячей

Затяжные поцелуи
И с хитринкой милый взгляд.
Тёплые ветра нам дули,
Просыпался листопад.

Просыпалось всё, что спало:
Разве можно спать, когда
Ты по радуге бежала,
Это будет так всегда.

Это снова на дорогах
Мы оставили свой след.
Это снова взгляд твой строгий,
Ну а дальше силуэт.

Безуспешны ожидания,
Сладкий взгляд меня тревожит.

Не давай мне обещания,
Даже если будет сложно.

Даже если цвет изменчив,
Даже радуга поплёкла.
Мою душу кто-то лечит –
Может, тот, кто бьёт по стеклам.

Опять идём на выживание,
Бросая тени под колёса.
Кому-то это наказание –
Упасть с огромного откоса;

Кому-то это наслажденье –
Почувствовать полёта миг.
И мыслей пламенных движенье,
И видеть то, чего достиг.

Но кто-то жадность свою лечит,
Не замечая, что устал.
И говорит пустые речи,
Себя подняв на пьедестал.

А сверху видно,
как пространство
Сжимает в крепкие тиски
И давит, давит чьё-то хамство,
И рвёт на мелкие куски.

И чтоб возврата на потери,
Пусть невысоких берегов,
По жизни нужно очень верить,
Но и к иному был готов.

Слова и взгляды, всё иное,
Порой покоя не дают.
Спасает небо голубое,
Светло и чисто, там уют.

Там облака в своих оттенках,
В своём пространстве. И легки.
Но дрожь скользнула по коленкам,
Исчезла – будто пузырьки.

После дождя на грязных лужах
Лежит вчерашний день. Пока.
И снова ночь моя утюжит
Домов поникшие бока.

Прикоснись ко мне случайно
Мокрым взглядом Осени.
Ты открой свою мне тайну,
Что на счастье бросили.

Ты запомни, забывая,
Сладких слов журчание.
Не давай мне обещастья,
Будет наказание.

Это я открылся настежь,
Это я взметнулся птицей.
Синей краской небо красишь,
Чтоб увидеть в прошлом лица.

Чтоб увидеть мои мысли,
В цвете спелой Осени.
Это клён роняет листья,
Мы ладонь подносим.

Может быть, она вздохнула,
Может, я услышал шёпот.
Может, тень опять мелькнула,
Чей-то там беззвучный хохот.

Он ли это, цвет Осенний,
Ветер тёплый, но не очень.
А во мне проснулся гений,
Ветер лишь один хохочет.

На дорогу грусть упала,
На душе моей пустынно.
Как холодным покрывалом –
Это было, было, было...

Это воздух тёмно-синий,
Где-то свет луны струится,
Очень много тонких линий,
Кто-то темноты боится.

Тени длинные мелькают,
Шелестят мои страницы.
Кто друг друга догоняет?
Почему же им не спится...

Что же бродите устало,
Мои думы, мои мысли,
Между двух пустых кварталов,
Где на ветках вновь повисли

Мои дни. В них отраженье,
Гул шагов воспоминаний.
Сделал лёгкое движенье
Без особого внимания.

Кто Вы, милая принцесса,
Моё нежное создание?
Тени вышли из-за леса,
Будто снова на свидание.

Это свет опять струится,
На моей душе волнение.
Пусть другой кто-то боится
Сделать лишнее движение.

Я продолжаю грусть тревожить...
Зачем? Пока не знаю я.
Наверно, очень, очень сложно
Держаться за свои края,

Где есть возможность улыбнуться
И разделить печаль свою.
Деревья лишь от ветра гнутся
И смотрят в сторону мою.

Где я один и мне не спится,
Все мысли где-то в вышине.
Мои намокшие страницы,
В которых лишь понятно мне:

Ты от меня опять скрываешь
Свою нахлынувшую грусть.
Как я люблю – это узнаешь,
Дождём осенним я вернусь.

Приду к тебе, моё волнение,
Мой цвет от радуги, тебе.
По жизни плавное движенье
И осторожность при ходьбе.

Но где? Куда? Никто не знает,
Зачем пришли мы и откуда.
Лишь ветер нас перегоняет,
И ревность у него упруга.

Но мы с тобой не лыком шиты,
У нас строка идёт к строке.
Это дороги все размыты,
Но что-то ждёт нас вдалеке.

На землю падал белый снег,
Я точно видел – белый падал.
Бежал счастливый человек,
И это ему очень надо.

И стало всё вокруг бело,
И даже белые деревья.
Как птицы белое крыло,
И дом, у дома двери белы.

По жизни белое пятно –
От счастья или от разлуки.
Друг другу пишем: «Повезло», –
И крепко жмём друг другу руки.

Не прячьте грусть свою напрасно,
Ваш взгляд пронзит до глубины.
Неужто в жизни так ужасно,
И взгляд с обратной стороны...

Там неуютно и прохладно,
Сквозь слёзы смех совсем чужой.
Смотреть нам нужно очень жадно,
Чтоб встретить
собственный покой.

Себя жалеть – пустая трата,
Себя обнять, поцеловать...
Улыбку снова кто-то спрятал
Под деревянную кровать.

Кружит ветер одинокий,
Будто что-то потерял.
И ложатся снова строки
Про сиреневый вокзал.

Про неровные дороги,
Про волнение, грусть тая...
Снова мчат куда-то ноги,
Мысли этим теребя.

Наперёд, или о прошлом, –
Руки сами смотрят ввысь.
Где-то горестно, где пошло...
Всё равно к себе вернись.

Моё светлое начало,
Шум раздался у ручья.
Это птица прокричала:
Больно ей, она ничья.

Жаркий огонь обнимает поленья,
Буквы лежат на холодном снегу.
Имя твоё написал я с волнением,
Имя твоё я забыть не смогу.

Где ты, моя одинокая песня?
Где вы, мои одинокие дни?
Улыбка фортуны. Сегодня мы вместе,
Для нас вдалеке зажигают огни.

И травы зелёные нам обещают
Дорогу зелёную, лёгкость в пути.
Но кто-то по жизни нас догоняет,
К нему обязательно нужно зайти.

Где жаркий огонь обнимает поленья
И ваза стоит на столе, не пуста.
Где чисто, уютно,
и плавны движенья,
И звуки, и музыка, и простота.

Я туманное утро, дождливая Осень,
Я завтра, я день, я дорога в лесу.
Росистые травы с тобою мы косим,
В ладонях я утро тебе принесу.

Я принесу тебе поле с цветами,
Дорогу,
по ней мы пройдем босиком.
И пусть проплывают
тихонько над нами
Те дни облаками, что были вдвоём.

Ты думала – я улетел одиноко,
Да нет же! Я рядом, омытый дождём,
И опускается в душу глубоко
Страница, её мы листаем и ждём.

Мы ждём,
Что промчатся по нашей дороге
Слова утешенья и грусти без слов.
Ты тихо обнимешь уставшие ноги
И будешь сидеть
среди наших костров.

Марина Кабанова

пгт. Белоозёрский, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Член Союза писателей России. Член ЛИТО им. И.И. Лажечникова г. Воскресенска. Автор поэтических сборников: «Я – большого случая маленькая дочь» и «Тростиночка». Один из авторов поэтических переводов книги стихов болгарского поэта И. Дочева «Окно любви». Член редакционного совета альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...». Дважды лауреат конкурсов «Литературное Подмосковье». Дипломант областной губернаторской премии имени Р. Рождественского 2007 г. Дипломант литературной премии им. А.П. Чехова 2008 г. Награждена Золотой Есенинской медалью, медалью имени Елены Слободянюк. Лауреат 2 степени литературной премии имени Е. Слободянюк 2013 г.

Между рождением и смертью,
Жизни приемля закон,
Мы – несмышлёные дети
На перекрёстках времён.

Кто мы? Что жизнь наша значит?
В дали какие уйдём?
И отчего тихо плачем
О невозвратном былом?

В тёплых объятиях планеты
Под бесконечностью звёзд
Ищем на ощупь ответы
На мирозданья вопрос.

Мы бороздим океаны,
Мы научились летать,
Только себя, как ни странно,
Нам до сих пор не понять.

Не накопила я добра,
Того добра, что пахнет пылью,
Ни шуб и ни автомобилей,
Ни золота, ни серебра.

Трудясь, не покладая рук,
Добро я щедро раздавала,
И другу стол я накрывала,
Лишь был бы хлеб,
Лишь был бы друг.

И сердце каждый раз звало
Туда, где солнце и улыбки,
Где детский сон лелеет в выбке
Добро, что побеждает зло.

Словно снег колючий, больно
Чья-то злоба по щекам,
И захочется невольно
Поскорей укрыться нам
В скорлупе обиды вечной,
Все невзгоды позабыть,
Только знаешь, бесконечно
На Земле не будем жить.
Нам отпущено так мало,
Чтоб весеннею порой,
Позабыв ночей усталость,
Утро праздновать с тобой.
Лишь бы времени хватило
Приласкать своих детей.

Поработать что есть силы,
Посмеяться веселой,
Стать попросе, посердечней,
Ах, успеть бы полюбить,
Скорлупу обиды вечной
Всепрощением разбить.

Виктору Лысенкову

Мы бронзовели от загара,
Не бронзовея от похвал,
И этот парк огромный старый
Для нас с тобой казался мал,

И гор, и рек нам было мало,
А может, и планеты всей,
Мы к небесам легко летели,
Забыв отсчёт часов и дней!

Мы позабыли телефоны,
Мы позабыли адреса, –
Всю суету оставив дома,
Учились верить в чудеса!

Ты называл меня наивной,
Но строгий взгляд уже теплел,
Ведь этот
майский парк старинный
Грустить о прошлом не умел!

Не отпускай

Не отпускай меня, любимый,
Солги, что потерял ключи,
Скажи одно: «Не уходи!» – мне,
И я вернусь, ты не молчи!

Когда летят по небу звёзды
И ярче звёзд твои глаза,
Мне так в любовь поверить просто,
Поверь и ты! Не отпускай...

Кто прав из нас, не разберёшь,
Но полуправда – тоже ложь!

Уже не ночь, ещё не утро,
А значит, время есть пока
Кому-то оказаться мудрым
И всё решить наверняка,

Я так устала от разлук,
Не отпускай меня, мой друг!

Прощёное воскресенье (песня)

Я простила, и ты прости
За невольные все обиды,
За несбыточные мечты
И за то, что они разбиты,
Что Любовь не смогли спасти,
Что судьбою она не стала,
Я простила, и ты прости.
С чистым сердцем
начнём сначала.

Припев:

Воскресенье прощёное,
Светлый миг на моём пути,
В этот день говорю с поклоном я:
– Я простила, и ты прости!

Я прощаю, мой дорогой,
Даже то, что простить не в силах,
Я прощаю... и ей, другой,
Что украдкой тебя любила.
Ради этого светлого дня
И Любви, что дарует крылья,
Я прошу:
– Ты прости меня...
Бог простит,
Ну а я простила...

Припев.

В комнате пахнет сиренью,
А за окном – соловьи.
Ветер врывается в сени,
Солнцем раскрашены сны.

Дремлешь пока и не знаешь,
Чем удивит новый день,
Перечеркнёт стих вчерашний
Яркая синяя тень,

Высохнет след на подушке
Слёз, позабытых к утру,
Сон твой кукушка нарушит
Долгою песней – к добру!

Ты улыбнёшься спросонок,
Всё как впервые вокруг,
Словно опять ты – ребёнок.
Кто-то зовёт тебя? Внук!

Последний листик

Последний листик на берёзе –
Последний маленький боец,
Он тоже верует серьёзно,
Что лету вовсе не конец...

Что осень – это просто повод
Отправить к югу журавлей,
Что так желанен этот холод
Уставшей от жары земле.

И это завтра лишь настанет,
Когда, верша круговорот,
Метель внезапная отправит
Его в прощальный тот полёт –

Полёт последний... или первый?
Да разве раньше он летал!
Взмывал ли он, как птица, кверху
И с высоты весь мир видал?

И оттого ль не видно грусти
В румянце позднего листка,
И ветку он легко отпустит,
На миг взлетая в облака.

Вся посуда перемывается,
Песни все перепоются.
Наконец-то успокоятся
Свежевымытые блюда,

Что они, застолье выдержав,
В этот раз опять целёхоньки,
Тёплым полотенцем вытерты,
Знать, дела не так уж плохи-то.

Лишь конфеты бьются в панике
По карманам с перепугу.
Что одни оставит фантики
Тот, кого зову я другом.

Сказ о Лешем-дембеле

Едет леший на пенёчке
Вдоль обочины,
Едет, едет налегке
Да хохочет всё.
...Отслужил он водяным
Службу ратную,
И к местам своим родным
Мчит обратно он.
– Прощайте навсегда
Вы, лягушечки!
Вряд ли свидимся когда
В пору лучшую.
Смастерю себе избу
Под берёзами.
Ночью – звёздочки в пруду,
Утро – росы всё!
Изумруда ярче ель
Машет лапами,
Я русалку по весне –
Ох, сосватаю.
Пусть хлопочет на ветвях,
Словно белочка,
И постель мне стелит, ах!
Кажным вечером!..
...Размечтался лешачок,
О невесте-то,

Да ворона на плечо
Присоседилась:
– Ой, пока ты отбивал
Службу ратную,
Кот учёный охмурил
Ненаглядную.
Ох, котовой стать женой
Согласилась,
Видно, цепью золотой
Соблазнила.
На дубу их дом богат,
Там красавица
Нянчит в люльке котят –
Не печалится...
...Оглушился смехом лес.
Звери крестятся:
– Знать, вселился в него бес!
Что же делается?
Иль ему Зелёный Змий –
Лучший друг теперь?
Хочь смотри, хочь не смотри,
Хочь глазам не верь!
...Ехал леший молодой
Да к зазнобушке,
Да обнялся под сосной
С горем-горюшком!

Новый день

Серебром роса
на солнце светится,
Новый день родится не спеша.
Что со мной?
Мне и самой не верится,
Так поёт от радости душа!

Что со мной?
Как будто всё по-прежнему –
Этот сад, и небо, и трава...
Но слова твои – такие нежные,
Что от них кружится голова.

Но слова твои
даруют крылья мне,
И весь мир мне хочется обнять!
Отчего же сердце
вдруг забилось так,
Что легко ты можешь услышать!

Отчего земля
быстрее вертится,
Вся в цветах весенних хороша?
Серебром роса
на солнце светится,
И от счастья светится душа!

Раскинул ветер крылья облаков,
Размахом и пугая, и пленяя,
А песнь его –
тревожной птицы зов,
О чём она – не ведаю, не знаю,

Смогу ли я пропеть её слова
И угадать мелодии аккорды,
Той, что легко склоняет дерева
И волны трав волнует,
словно воды.

И только мне не ясно ничего,
Могучий ветер – горе
или радость,
Довериться дыханию его
Или идти навстречу, не сдаваясь?

Что за горизонтом?
Пустота?
Ну а может, новый горизонт?
За которым новая звезда
Начинает радостный полёт.

Думаешь: вот и сбылись мечты,
Можно тихо греться у огня,
Молча поливать в горшках
цветы,
Свой покой лелея и храня.

Только залетит в моё окно
Юная звезда издалека,
Позовёт, и, значит, суждено
Вместе с ней лететь за облака!

Леониду Дудину

Не успев купить билет
до Счастья,
Сяду в скорый поезд на авось,
Вдруг сегодня повезёт – удастся
То, что в суете не удалось.

Неужель доеду понемногу
К самым чистым песням
и словам?
Ваша светлость, светлая дорога,
Кажется, конца не будет Вам.

Только «зайцем»
долго не проехать,
С ревизором спорить нелегко...
Стук колёс. Гудит начало века.
Может, Счастье и недалеко.

Ворожба

...Как с гуся вода –
скатись худоба...
Пусть слово худое
легонько отстанет,
Разбившись на звуки,
тебя не поранит.
Души не коснётся пусть
зависть людская,
Осыплется пеплом,
бесследно сгорая...
Пусть вешние воды
тоску твою смоят,
А солнце осушит,
а ветер разгонит.
И в час, когда страшно
и холодно станет,
Пусть мама во сне
одеяло поправит.
Опять защитит, и спасёт,
и прикроет,
Как в детстве, тебя её слово
простое:
– Как с гуся вода –
скатись худоба.

Сергей Калабухин

г. Коломна, Московская обл.

Сергей Владимирович Калабухин родился и живёт в древнем русском городе Коломна. Верный сторонник дефицитного ныне жанра – научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи. Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США, Финляндии и Франции. Автор четырёх книг.

**Произведение-призёр
конкурса «Новогодний рассказ»,
проводимого нашим издательством
на сайте tvoaykniga.ru**

БЛАГО ДАРА

В длинном ряду тесно прижавшихся друг к другу павильонов эти два стояли рядом, что было очень удобно: Наталье Николавне не придётся мотаться в поисках нужных покупок по всему торговому комплексу. В одном из магазинчиков продавали духовную пищу, в другом – мясопродукты. Стекланные фасады павильонов одинаково сверкали гирляндами разноцветных бегущих огней, поздравляя посетителей с наступающим годом Лошади. Наталья Николавна замерла, как тот пресловутый буриданов осёл меж двумя равными охапками сена, решая, в какую из двух дверей войти.

Праздников впереди было много. Католическое Рождество наступало уже завтра. Через неделю будет бессонная ночь Нового года. Ещё через неделю – родное православное Рождество. Ну а ещё через неделю, как обычно, нужно будет отметить и Старый Новый год. За двадцать пять лет семейной жизни Наталья Николавна с мужем Васенькой ни разу не пропустили ни один из этих праздников, справедливо полагая, что календарь – дело искусственное: сегодня так дни считают, завтра – иначе, кто тут прав – никому точно не известно, так что лучше одинаково радостно отметить все даты, и тогда вероятность ошибки сведётся к минимуму.

Ещё пять лет назад это были семейные праздники. Но теперь сын Петечка живёт отдельно, собственной семьёй, и Наталья Николавна могла только надеяться, что он в один из рождественско-новогодних праздников придёт в родной дом со своей женой Катей и дочкой Машенькой. Ну, или хотя бы забежит на полчаса сам, чтобы поздравить родителей и забрать подарки. Потому что с тех пор, как Петечка женился, Наталья Николавна встречает Новый год в одиночестве. В первый год после свадьбы молодые собирались где-то своей компанией. На следующий Катерина забеременела и плохо себя чувствовала. Затем родилась Машенька, и Катя не могла её оставить, а везти на всю ночь в дом свекрови не пожелала, и Петечка, конечно, остался встречать Новый год с женой и дочкой, а в последний раз Машенька подхватила где-то под самый праздник то ли простуду, то ли грипп.

Конечно, Наталья Николавна с Васенькой каждый раз очень расстраивались, но старались не показывать вида. Они дружно собирали в специальный праздничный пакет подарки для детей и внучки, бережно укладывали в сумку-холодильник пару ло-

точков обожаемого Петечкой холодца, кастрюльку с салатом «Оливье» и торт «Наполеон», собственноручно изготовленными Натальей Николавной накануне, и ехали на другой конец города в битком набитом людьми автобусе, чтобы поздравить сына, сноху и любимую внучку с праздником. А потом возвращались домой, где вместо радостных голосов, шуток и весёлых тостов их ждал просто непривычно обильный и продолжительный ужин.

Наталья Николавна с тоской представила, как она в предновогодний вечер накрывает, как обычно, праздничный стол в большой комнате и зажигает гирлянды на ёлке. Васенька аккуратно, чтобы пробка осталась в его руке, а не стрельнула куда-нибудь в окно или люстру, откроет бутылку шампанского, и они выпьют по бокалу за наступивший новый год. А почему бы и нет? Пусть не в их городе, но где-то в Сибири или на Урале он же как раз в это время наступил! Тем более что наши правители своими дурацкими играми с переходом на «летнее время» всё равно совершенно спутали все сроки. Так что час туда, час сюда – какая разница?

Затем, обзвонив и поздравив детей, друзей и соседей, Наталья Николавна накладывает себе и мужу на тарелки по кусочку кролика, приготовленного в белом соусе, исходящую паром рассыпчатую картошечку, добавляет по паре ложек оливье и хрустящей квашеной капусты. Васенька открывает запотевший после холодильника графинчик водочки, на дне которого желтеют лимонные корочки, и разливает янтарную жидкость по старинным, оставшимся ещё от его родителей, гранёным лафитничкам. Так они и сидят весь вечер вдвоём, немного выпивая, не торопясь закусывая, и смотрят по телевизору какой-нибудь концерт или известный чуть ли не наизусть фильм «С лёгким паром!» А где-нибудь между десятью и одиннадцатью часами вечера Васенька отправляется спать, оставляя Наталью Николавну дожидаться, непонятно зачем, полуночи и поздравления президента. И будет она упрямо сидеть одна перед телевизором, пить чай с тортом «Наполеон», слушать бессмысленные песенки давно надоевших поп-звёзд, взрывы петард и пьяные крики за окном. А утром, часов в шесть, проснётся и придёт Васенька, они вновь откроют и допьют наконец бутылку шампанского, и Наталья Николавна, в свою очередь, пойдёт спать...

«Господи! – мысленно взмолилась Наталья Николавна. – Сделай так, чтобы на этот раз всё было иначе».

Она решительно распахнула дверь и вошла в книжный магазин. Здесь пахло свежей ёлкой и ещё чем-то приторно-сладким. Теперь, когда под давлением борцов за авторские права книги в полном смысле стали одноразовыми изделиями, содержа-

ние которых доходит до мозга потребителя через желудок, отличить обычную конфету от рассказа можно только по фантику-обложке. Наталья Николавна протёрла запотевшие очки – делает операцию по коррекции зрения она категорически отказывалась, говоря Васеньке и сыну, что лучше потратит деньги на подарки Машеньке, – и пошла вдоль витрины, рассматривая названия «тортов»-романов, «шоколадных плиток»-повестей, «конфет»-рассказов. В жестяных коробочках разноцветными «леденцами» блестели в свете ламп стихи и анекдоты. Наталья Николаевна с тоской вспомнила времена, когда книги печатали на бумаге. Специфический шелест страниц, запах типографской краски – где это всё?

– Ну, выбрали что-нибудь? – искусственно улыбаясь, поторопила Наталью Николаевну продавщица. – Может, вам что-нибудь посоветовать?

Та попросила завесить ей новый роман Сэма Симмонса (Васенька обожает исторические боевики этого автора), кулёк фантастических рассказов разных авторов для Петечки, разрисованными женскими детективами для Катерины. Сама Наталья Николаевна предпочитала перечитывать старую русскую классику, бережно храня свою небольшую библиотечку раритетных бумажных книг. Для Машеньки у неё была приготовлена стопка детских книжечек с красочными картинками, разрисованными разноцветными фломастерами ещё Петечкой, когда тот был пятилетним ребёнком.

– Зачем ты хранишь этот рассадник пыли? – время от времени ворчал Васенька. – Сама глаза испортила, хочешь и внучке зрение поломать? Сейчас, слава богу, читать ничего не надо: тексты прямо в мозг через желудок попадают.

– А если я удовольствие от самого процесса чтения получаю? – возмутилась как-то Наталья Николаевна. – Может, я хочу каждым словом прочитанным насладиться, над фразой подумать...

– Тоже мне, гурман какой нашлась! – отмахнулся Васенька. – Ну, не глотай роман большими кусками, ешь его маленькой ложечкой. Петька вон, тоже весь в тебя уродился. Дашь ему рассказик какой-нибудь, так он его лижет, сосёт потихоньку, вместо того, чтобы сразу разжевать и проглотить. Смотреть противно!

– Тебе б только жрать! – срывалась на крик Наталья Николаевна. – Книжки – это же духовная пища, а не холодец.

– Так ведь сама ж говоришь – пища! – пожимал плечами Васенька и демонстративно шуршал фантиком-обложкой какого-нибудь рассказа, отправляя его в рот.

– У-у, потребитель! – мычала в ярости Наталья Николаевна и уходила от греха на кухню, где долго потом гремела посудой, постепенно успокаиваясь.

«Что уж тут поделаешь? – вздохнула Наталья Николаевна, принимая из рук усталой продавщицы покупки. – Книгоиздание изменилось, и назад дороги нет. Хорошо хоть пираты не сдаются и как-то умудряются оцифровывать и выкладывать в Интернет новые книги». Нет, она вовсе не разделяла взглядов поборников «свободной информации». Просто привыкла именно читать текст, размышлять над ним, наслаждаться фразой или мыслью, а не заглатывать его, как кусок колбасы.

Наталья Николаевна отошла от прилавка к столу, стоящему рядом с дверью, уступив место шумно ворвавшейся в магазин группе подростков. Закончив бережно укладывать покупки в сумку, она вдруг увидела, что снаружи, за прозрачной стеной мага-

зина, тесно прижавшись лицом к стеклу, стоит ребёнок лет семи, жадно разглядывая широко раскрытыми глазами заполненную красочной продукцией витрину.

«Вот ведь чудак, – подивилась Наталья Николаевна. – Вон же, напротив, люди толпятся в очередях за настоящими тортами и конфетами, а этот малыш любит фальшивыми». Приглядевшись повнимательнее, Наталья Николаевна узнала в юном ниголюбе одного из сыновей Нинки, своей непутёвой соседки снизу. Эта вечно пьяная, неопределённого возраста женщина появилась в их подъезде пару месяцев назад, поменяв ради доплаты свою трёхкомнатную квартиру в соседнем микрорайоне на двухкомнатную в их доме. Вера Иванна, всегда всё обо всех знающая соседка Натальи Николаевны по лестничной площадке, рассказала ей, что муж Нинки пару лет назад полез пьяным в речку купаться и утонул. Та и сама пила не меньше мужа, была не раз им бита, а потому в полицию о его пропаже сообщать не стала, наслаждаясь внезапным покоем и свободой. И только когда «труп неизвестного мужчины» похоронили за счёт города, Нинка заявила о том, что её муж исчез.

– Эта лахудра всё прекрасно знала, – осуждающе поджмая губы, шептала Вера Иванна Наталье Николаевне. – Просто не хотела платить за гроб и похороны.

– Ну что вы, – не верила Наталья Николаевна. – Даже если и знала, может, просто денег тогда не было. Всё же у этой женщины трое детей на руках осталось.

– Совести у неё не было и нет, – отмела возражения Вера Иванна. – Не пила бы столько, и деньги бы были.

Да, резон в словах всезнающей соседки, конечно, был, признавала Наталья Николаевна. Трое малолетних детей непутёвой Нинки целыми днями бегали на улице, потому что в их квартире немедленно образовался притон для окрестных алкашей, которых наступающая зима выгнала с детских площадок и дворовых скамеек. Сама Нинка нигде не работала, жила на пенсию, что ей платили за погибшего мужа, и детские пособия. Спиртное и закуски приносили собутельники. Чем питались вечно голодные дети Нинки, никто не знал. Кое-какую одежду и обувь, из которых выросли собственные сыновья, им отдали сердобольные соседи.

Вот и этот, самый младший, стоит на улице, за стеклом павильона, съевшись от холода, одетый в старое и не раз латанное пальтецо неопределённого цвета, видимо, доставшееся ему после старшего брата, лохматую, сдвинутую на затылок собачью шапку-ушанку и растоптанные башмаки со шнурками разного цвета.

Наталья Николаевна вздохнула, вспомнила красотульку Машеньку в новом зимнем комбинезончике и нарядных сапожках, вернулась к прилавку и купила пару «чупа-чупсов».

Выйдя из духоты магазина, Наталья Николаевна пошла к мальчику.

– Здравствуй.

– Здравствуйте, – удивлённо повернулся тот к ней.

– Как тебя зовут?

– Саша, – шмыгнув носом мальчик. – А что?

– А я – Наталья Николаевна, твоя соседка по подъезду. Любишь читать книги?

Мальчик как-то затравленно посмотрел на Наталью Николаевну, вытер ладонью соплю и повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – удержала его Наталья Николаевна. –

Я вовсе не хотела тебя обидеть. Вот, возьми, – и она протянула ему «чупа-чупсы». – С наступающим тебя праздником, Саша! Это рассказы о приключениях мальчика по имени Денис Кораблёв. Моему сыну, когда он был в твоём возрасте, они очень нравились. Правда, тогда рассказы не нужно было сосать, и я читала их ему по бумажной книжке. Бери же!

– Спасибо! – мальчик жадно схватил «чупа-чупсы» и, не разглядывая обложки-фантики, сразу спрятал в карман, словно боясь, что странная тётя передумает и заберёт подарок назад.

– Ты заходи ко мне, Саша, – смущённо сказала Наталья Николавна. – Я живу прямо над вами. У меня дома есть много хороших детских книг...

– Сашка! – раздался вдруг хриплый голос.

Наталья Николавна обернулась. Рядом стояла, шагаясь, пьяная Нинка. Под распахнутой облезлой коричневой шубой виднелся грязно-зелёный байковый халат. В углу ярко накрашенного рта дымилась сигарета.

– Опять ты здесь ошиваешься, дрянная девчонка! – мать грубо схватила ребёнка за шиворот старенького пальто и потащила прочь. – А ну марш домой!

– Девчонка? – ошеломлённо проговорила Наталья Николавна. – А я-то, старая дура, ей мальчуковые рассказы подарила...

Она с жалостью в сердце проводила взглядом уходящую пару. Саша шла, сгорбившись, не глядя по сторонам. Руку с зажатым в кулаке подарком она загнула в карман своего драного пальтишка. Нинка брела, опираясь на хрупкие плечи дочери, и громко материла её и встречных прохожих.

Когда через полчаса нагруженная покупками Наталья Николавна вошла во двор своего дома, она увидела на качелях съёжившуюся от холода фигурку Саши. Та сидела, закрыв глаза. Из рта у неё торчала палочка литературного «чупа-чупса», а на лице блуждала счастливая улыбка.

Вдруг завибрировала клипса-телефон.

– Здравствуй, ма! – услышала Наталья Николавна голос Петечки. – Как у вас там дела? У нас всё хорошо. Машенька немного покашливает, но температуры у неё нет. Так что мы с Катюхой надеемся, что к Новому году она будет полностью здорова. Можно мы подбросим её вам на всю ночь? Видишь ли, нас пригласили за город отметить праздник на природе, с шашлыками и фейерверками. Детей никто с собой не берёт. Что скажешь? Дед не будет возражать? Чего ты молчишь, ма?

Декабрь 2013 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ МОЕГО ОТЦА ВЛАДИМИРА КОЛАБУХИНА

В сорок первом

То было время
Грозное:
Земля и небо –
Всё в огне.
И город наш,
Что под Москвою,
Был с фронтовыми
Наравне.

Без роздыха
Рвались снаряды.
Дома валились
И сады.
Не то что хлебу –
Были рады
Мы горьким щам
Из лебеды.

Но что они
Для карапузов,
Те щи пустые –
Лишь вода.
И, подтянув к груди
Рейтузы,
Мы к свалке
Двинулись тогда.

Был слух такой –
Туда порою
Из кухонь
Всех госпиталей
С картофельною
Шелухою
Бросали клубни
Погнилей.

Лишь жёлтый гипс
Да бинт кровавый
На свалке мы
С дружкой нашли.

И хуже не было
Отравы
Для впечатлительной
Души.

Домой летели –
Как поближе,
Зажав сырой ладонью
Рот...
Мне о войне
Не надо книжек –
Забудь ли
Сорок первый год?!

Память сердца

...Всё снился хлеб,
Такой душистый –
Глаза бы мне
Не открывать!..
– Вставай, сынок!..
Опять фашисты...
Опять летят! –
Металась мать.

Мне было жаль
Расстаться с хлебом.
Но пушки грохали
в ночи,
И, словно ножницами,
небо
Кромсали белые лучи.

Я
В погребушку,
Оглушённый,
Спешил за мамою
Молчком...
И вслед крестам
На крыльях чёрных
Грозил бессильно
Кулачком.

За всё,
Чем мы сегодня живы
И счастливы
В родном краю,
Герои
Голову сложили
В суровом
Праведном бою.

Об этом
Нам и внукам помнить.
Затем, чтоб каждый
За двоих
Могущество Отчизны
Полнил
Во имя павших
И живых.

Я в краю берёзовом
Родился и рос,
Там,
Где за покосами,
Золотистый плёс.

Там,
Где земляничкою
Светлый лес пропах,
И дергач
Пиликает
В заливных лугах...

До сих пор,
Где б ни был я,
Помню
Этот плёс,
Дергача пиликанье,
Хоровод берёз.

Я помню всё:
Метель мела
По опустевшему
перрону.
И ты –
белым-белым-бела –
Спешила
к моему вагону.

И вот к нему ты подошла
И, вскинув белые
ресницы,
Меня в его окне нашла
И взглядом позвала
проститься.

О, что бы мне
забыть тогда
Про нашу глупую
размолвку
И не твердить бы
без умолку,
Что слишком ты
была горда!

Но мой состав уже дугой
Поплыл
вдоль Главного вокзала.
И снежной завертью
тугой
Метель к столбу тебя
вязала...

Теперь за всё себя корю,
И взгляд твой грустный
вспоминаю,
И в муках памяти горю,
И без тебя как жить –
не знаю.

Елена Качина

г. Пермь

Тебе...

*Продав невесть кому мечту за медный грош,
Среди чужого хлама, пыльных чувств, иллюзий,
Лишь иногда, чуть приоткрыв надежды шлюзы,
Сам на себя ты вдруг становишься похож...*

Я так люблю, когда мы пьём на кухне чай...

(Обыкновенная история)

Какие стали ныне в моде ноябри –
Капризно нежные...
Дождями призрачными пятый день хандрит
Погода грешная...
В четверг под вечер – долгожданный первый снег –
Дар от Всевышнего.
«Зима», – подумаю и стану печь тебе
Шарлотку с вишнею...
На скатерть белую рассыпав пралине
Прозрачно-алое,
Отыщем истину – и в зрелом «Шардоне»
Утопим шалую.
Помянем вскользь лихие дни календаря
Чужими песнями.
Им вопреки (а может, им благодаря?),
Сегодня вместе мы.
От счастья плакать я найду хоть сто кручин,
Ах, как рыдала бы!
Прошепчешь: «Сладко...» ...Очень сладко помолчим,
Чуть-чуть усталые...
Вновь расцелуемся, бывое – трын-трава,
Досужий вымысел...
Ты скажешь странные слова, что «Боливар
Двоих не вынесет»...
И будет много – вдруг, и много – невзначай...
Аж до безбожия!
...Я так люблю, когда мы пьём на кухне чай,
В дни непогожие...

Быть обещаю обязательно с листопадом

Я позвоню, может, не скоро, просто верь мне...
Быть обещаю обязательно с листопадом...
Знаю – ты утром навстречу сам выйдешь первым,
Станет дорога ко мне сладостною привадой.
Множат пустые ночи тоску тысячекратно.
Буду рыдать навзрыд, наверное, так легче,
Или читать стихи, но шёпотом в парадном,
Или твои нежно опять целовать плечи...
В осень сбежим, хочешь? Рябины уже алы.
Ты заведёшь песню – звенит печаль струною.
Если живой песне воздуха станет мало,
Не обрывай её, пой – просто дыши мною...

Он не любил дождей осеннего разлива...

Она любила дождь осеннего разлива...
Он репетировал сценарий мелодрамы...
Скрывая прошлое под чернью амальгамы,
Сентябрьским блюзом ночь текла несуетливо...
«Ты так хотела получить секрет свободы?» –
Отравой лживых поцелуев обездущив,

Он примерял груз старых масок, запах кружев
И нафталина, гримируя тщетно годы...
Она латала перья... Может, зря хранила?
Он фокусировал любовь в крестах-прицелах,
Сто сорок осеней скулил мотив несмело...
И было ясно – жизнь привычно сентябрила...
Сто сорок осеней... С карниза молчаливо
Она шагала, расправляя руки-крылья...
...Он взвёл курок, покрытый серой сканью-пылью...
Он не любил дождей осеннего разлива...

Читала ночь нам сагу...

Горела рыжая листва озябшей вишни,
Костры пылали, стынть октябрьскую пророча,
Сочилась боль по венам ржавых червоточин:
Металась осень в неглиже: «Кто третий лишней?..
Дождь перемешивал палитры наших судеб,
Вливая в скудность будней свежесть новых красок.
Потёк фальшивый грим на лицах серых масок –
Мы доиграли свою притчу об Иуде...
Под стон органно-водосточного хорала
Читала ночь нам сагу – песнь прощальных писем...
Свободой жадно упивались, но «на бис» мы
Опять чужие покоряли пьедесталы...
Там, на изнанке дней, стирая грань приличий,
В ложь добавляли шлейф амбре тоски-печали...
Как мы любили... Но той осенью венчали
Рассветы страсть с туманной хмарью безразличий...

Не напишу Вам в разлуке письмо я, ей-богу

Не напишу Вам в разлуке письмо я, ей-богу.
Милый, оставьте, пожалуйста, знойные речи.
Я ухожу, я проверила – время не лечит.
Не напишу... Боль вползает змеёй в монологи...

Шепчут иссохшие губы вчерашние брани...
Стыль одиночества сердце сжимает бронёю...
Просто уйду, чтобы страстью наотмашь шальнойю
Не погубить ненароком любовь, не изранить...

Без крестов...

Не зима... Выть да мерять предзимие –
Одиночества горький уклад.
Мне – тоска, Вам – любовь невпопад.
Смятым снегом прикрыв благочиние,
Жечь елейную скорбь из лампад –
Смолянистые капли медяные,
Без крестов, на чужих простынях,
Зеркала за иконы приняв...
У небес не моля подаяние,
До озноба любя – в полымя.

**Произведение-победитель
конкурса «Новогодний рассказ»,
проводимого нашим издательством
на сайте vovaykniga.ru**

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

Как-то, 31-го декабря, когда моей маленькой дочке Дусеньке было лет пять, мы с ней смотрели по телевизору какую-то предновогоднюю передачу. Там рассказывалось о том, что когда-то давно-давно, в древние времена, в деревнях было такое поверье – что если ребёнку накануне праздника залезть внутрь печки и там попросить Деда Мороза о желаниии, – оно обязательно сбудется...

Посмотрели мы эту передачу – да и ладно, я и вни-мания-то не обратила... пошла по своим делам, подарок дочке мною уже был заготовлен... Через какое-то время подхожу к кухне и в приоткрытую дверь вижу – дочка открыла электродуховку, засу-нула туда голову и отчаянно громко шепчет: «Де-душка Мороз, я хорошая девочка, пожалуйста-пожалуйста, подари мне домик Барби! Я его очень-очень хочу!»

Так. Я онемела. Подарок-то для дочки у меня был заготовлен совсем другой!!!

Я себе представила это детское разочарование... Аж сердце заболело.

Да и дочка ведь в то время болела сильно...

И дело-то уже к вечеру! Срочно бросилась звонить мужу.

А надо сказать, что в начале 90-ых настоящий До-мик Барби был большим дефицитом, такие вещи продавались только в фирменных магазинах, а их на всю Москву было тогда всего-то – три, и выбор там был совсем небольшой, да и стоил домик очень до-рого! Да что всё это по сравнению с детским горем! Рассказала я мужу эту нашу печальную историю, надо отдать ему должное – всё бросил и помчался в

Татiana Касаткина

г. Москва

магазины. Позвонил с дороги: в одном – нет, в дру-гом – нет... Оставался один, совсем далеко от нас, на проспекте Мира – последняя надежда, да и вре-мя поджимало... «Беги, – говорю, – сломя голову!»

Но чудо таки произошло! Купил он там наш вожде-ленный Домик в последний момент!

И вот раздаётся звонок в дверь. Открываю. Захо-дит муж с огромной коробкой в руках, в подарочной обёртке, с бантиком – и так озадаченно-удивлённо говорит: «Так странно, подхожу сейчас к подъезду, а там Дед Мороз стоит с этой вот коробкой. Что в ней – ума не приложу. Он мне говорит: «А вы не зна-ете, случайно, девочку Дусю из 271-ой квартиры?» Я говорю – знаю. А он: «Как удачно, у меня тогда к вам просьба большая – вы не могли бы ей передать от меня подарок, а то времени-то у меня осталось очень мало, а надо всех деток успеть поздравить»... Ну, я и взял».

Главное дело, так естественно и убедительно го-ворил – я и сама чуть не поверила. Смотрю – у дочки глаза загорелись, схватила она эту коробку, вся дро-жит, часто дышит, прямо невменяемая, сразу в кори-доре стала срывать бумагу... И как завизжит! Какая же это была огромная радость. Даже не радость – настоящее детское счастье! Я на всю жизнь запо-минаю то мгновение.

И дочкины восторженные глаза.

Прошло много лет. Моя Дуся уже взрослая, закон-чила институт, замуж собирается... И вот как-то не-давно вдруг говорит она мне: «Мам, всё хочу тебя спросить, пролей свет... скажи честно – а это прав-да тогда Дед Мороз мне Домик принёс? Или вы как-то сами догадались? Но ведь... о моей мечте же ни-кто не мог знать! Я никому не говорила».

«Не знаю, – ответила я. – Сама всю жизнь удивля-юсь».

Я ведь ей до сих пор не сказала, что подслушала тогда её горячий шёпот в электродуховке. И не ска-жу. (Да и муж теперь не с нами, живёт далеко, спро-сить у него самого не представляется возможным...) Хотя и выросла дылда, и всё понимает, а вижу – в са-мой глубине души ещё верит в Деда Мороза! И в то чудо. Да и пусть живёт с этим ощущением по жи-зни. Каждому, и даже взрослому, необходимо иметь его в душе. А оно ведь у моей дочки – на самом деле было.

Я плету стихи

Я плету стихи – как кружева –
И вяжу сюжет крючками слова,
Вот и стих мой – для тебя обнова,
Надевай, носи, пока жива.

Я сотку из строчек тёплый шарф,
Повяжу тебе его на шею,
Я ведь мастерица, ткать умею!
Стопочкой сложу все строчки в шкаф...

А когда захочется тепла,
Ты его откроешь – и примеришь,

Ткань из чувств наденешь и, как дервиш,
С посохом пойдёшь под купола,

В дальний путь... Услышишь шёпот мой,
Песни тихий звон, далёкий голос
Нежный и глубинный, словно логос,
Через сто разлук – привет немой...

Вот и буду я тебя везде
Грустью тихой греть из тёплой шерсти,
И тогда с тобой мы будем вместе –
Кожей... Ты – во мне, а я – в тебе!

Наплету тончайших кружев сеть...
Я тебя в себя хочу одеть!

Улица детства

А на знакомой мне улице
 Прошлого нет и следа!
 Долго в житейской распутице
 Я не являлась сюда...
 Жизнь пронеслась полустанками,
 Детство, привет! Сколько зим!
 Там, где катались на санках мы –
 Новый стоит магазин.

Нет и друзей – поразбросило,
 В Лету исчезли пруды,
 И не найти в дымке осени
 Старой беседки следы...
 Ах, путешествие детское,
 Вот на скамейке старик –
 Время не помнит соседское
 И не узнал, хоть умри.

Шахматный гений, бульвара ас,
 Вечно ругался сосед –
 Клял во дворе за гитару нас...
 Но... и двора уже нет.
 Песней, как шлюпкой спасательной,
 В памяти билась печаль,
 Девочкой той в «автомате» я
 Чуть не расплакалась – жаль!

Яркие блики рекламные,
 Банк, развлекательный клуб –
 Улица чудилась странной мне...
 Вдруг... я увидела дуб!
 Здравствуй, мой друг, наконец-то и
 Ёкнуло, бросило в дрожь
 Воспоминание детское...
 Ты хоть меня узнаешь?

Вот мимо дуба высокого
 В школу бреду каждый день,
 Настежь открытыми окнами
 Мама кричит: «Шарф надень!..»
 И с незнакомыми лицами
 Тают надежды мои.
 Кружатся с ветром синицы и –
 Рады мне лишь воробы!

Стоя вороною белую –
 Чувствую улицы власть,
 Господи, что я тут делаю?
 Ведь никому не сдалась!
 Словно – чужая приبلудница,
 Да и пора мне назад.
 Только... из вечности улицы –
 Машины смотрят глаза...

Обыкновенное чудо

ОНА – жила светло... и одиноко.
 И о любви мечтала в коммуналке,
 К целителям ходила и к гадалкам,
 Но было от усилий мало прока...

Среди подруг – как белая ворона,
 Старела постепенно в тихом доме,
 Сосед совет ей дал: «Сходи к иконе,
 Тебе поможет матушка Матрона!..»

ОН – трудно жил. Давно уже в разводе –
 Хотел семью, детей, но жизнь сурова,

Мотался – без тепла, любви и крова,
 На приисках работал, на заводе...

В Москву вернулся – не было порога,
 У друга поселился за бесплатно,
 Что счастья нет – пожаловался как-то,
 Сказал тот: «В храм иди, проси у Бога...»

Они стояли в очереди длинной,
 К Матроне оба выбрались за счастьем –
 И рядом оказались. Час за часом
 Всё ближе были в радости невинной...

Знакомиться у храма? Неудобно.
 Просили лишь в душе – одно и то же.
 И ОН пошёл погодкою погожей
 Один. На остановку. Благородно.

Увидел объявление – три слова,
 Что комната сдаётся недалече.
 И вечером отправился на встречу
 С хозяйкою жилья недорогого...

ОНА открыла дверь – и обомлела.
 Да нет, такого в жизни не бывает!
 Друг друга в изумленьи узнавая –
 Стояли в ожидании несмелом...

Глаза её сверкнули изумрудом!
 А сердце вдруг зашлось набатным боем...
 Всё хорошо. Живут, детишек двое...
 И что ни говори – но вот ведь чудо!

Встреча с домом

Калитка отворяется с трудом –
 Сто лет на старой даче не бывала,
 И вот в знакомый двор вхожу усталю,
 Ну, здравствуй, мой забытый добрый дом!

Он был оставлен мной на много лет
 На отповедь ветрам. И как занозой
 Саднит внутри, накатывают слёзы,
 Вокруг во всём – прошедшей жизни след...

Построенный давно моим отцом,
 Когда-то шумный дом – притих и дремлет,
 Уменьшилось,росло как будто в землю
 Крапивой позаросшее крыльцо...

Лишь шаг – и всё сжимается во мне,
 Ведь в прошлое войти – такая пытка!
 Вот стол... и электрическая плитка...
 Вот дочкины рисунки на стене...

Привет издали – душа болит,
 И виснет паутиной запустенье,
 Моё здесь детство тихо бродит тенью,
 И юность дневником лежит в пыли –

Как я мечтала здесь по вечерам!
 Сидела на качелях в старом плеле,
 На простеньком своём велосипеде
 С мальчишками гоняла по дворам...

Но мне пора. Я вышла за порог,
 Взглянула на трубу... ещё чуть выше...
 Вдруг вижу – аист свил гнездо на крыше!
 Как символ жизни. Мудрый мне урок.

Родимый дом, пожалуйста, прости!
Клянусь тебе – отмою всё до блеска!
И новые повешу занавески!
Ведь я ещё вернусь. Ты не грусти.

Вот оно, счастье!

Увижу – и руками обовьюсь,
Лианой нежной, мне теперь всё можно!
Сиамским близнецом, пиявкой к коже
И бабочкою лёгкой приколюсь...
Оставим разговоры на потом,
У нас сегодня время веселиться,
И видит Бог, от страсти не укрыться!
Ну разве что – лишь фиговым листом.

Иди ко мне в ночное забытьё!
Иди! Я знаю, как тебя утешить,
И пусть порыв мой откровенно грешен –
Давай на этот миг оставим всё!
Забудем про проблемы хоть на час,
Про боль прошедших зим, что веют стужей,
Долой весь свет! Он больше нам не нужен!
Пусть обойдётся этот мир без нас.

Внутри во мне – блаженство и вулкан,
Я брежу твоим ртом, руками, шеей,
И чувства извиваются, как змеи,
Ведя меня в заманчивый капкан...
Я буду из тебя верёвки вить,
Зашкаливает градусность желанья!
Лечу в любовь, как в пропасть на закланье –
И не замедлить, не остановить...

Я жить, и пить, и петь – в постель иду!
Какое это, право, безрассудство,
Рукой колдую – сущее распутство,
Грядёт разлука? Пусть. Я встречи жду!
Шампанского за счастье пригублю –
Сегодня повод выдался шикарный!
Прости мне этот слог высокопарный,
Но мне теперь всё можно –
Я ЛЮБЛЮ!

Грустный юбилей

посвящение другу А.М.

Мой друг, ты знаешь, что такое счастье?
Скажи! И я прислушаюсь к тебе.
Гоняемся за ним с завидной страстью
И с возрастом – лишь убыстряем бег...

А я плетусь, как псина та хромая,
И с безлюбовью праздную свой век,
В теченьи лет всё больше понимаю,
Как слаб и неустойчив человек.

Ведь жизнь, друг, – существует только в паре!
А остальное – полная фигня.
Вот про несчастье я всё точно знаю,
И в том оно – нет пары у меня.

Что есть? Долги. Уже не расплатиться.
Не тем я жил... Не тем я козырял...
А мне б понять! Найти! Остановиться!
Но я смеялся. И терял... терял...

Теперь седьмисеми. И сын далече.
Я стал не нужен... Время всё спешит.

Нет чтоб лечить – враньё! Оно калечит.
И нет вокруг меня родной души...

А хоть и юбилей – не надо тостов,
Сегодня просто рядом посидим.
Ведь я всё тот же мальчик. Только взрослый.
Ты помнишь? Помнишь. Но лишь ты один.

Дружок, ну – за тебя, святое дело!
Ещё чуть-чуть – и станет хорошо.
Да я в порядке, видно, накопело,
Я просто очень рад... что ты пришёл!

Как глупо жить всю жизнь одной бравадой...
Дурак. Давай ещё по сто! Давай?
И знаешь... не жалею меня, не надо.
Сам виноват.
Что ж делать.
Наливай!

Романтика от капитана Блада
Порой находит болью, как недуг...
Одно прошу – прости! Речей не надо.
Я знаю – ты единственный мой ДРУГ.

Когда меня с тобой не будет

Если когда-нибудь случай нерадостный
Землю бедой уведёт из-под ног
Или внутри станет плохо и гадостно,
Злая хандра завернёт на порог,

Если окутают воспоминания
И заиграет знакомый мотив,
Или к тебе серой птицей израненной
В душу тревожная грусть залетит,

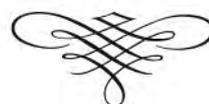
Если в ночи одолеет бессонница
И растревожит мечтательный миф,
Или из прошлого что-нибудь вспомнится,
Сердце безумной тоской зацемявит,

Если рука к телефону потянется,
Сияясь забытые цифры набрать,
Дикая похоть – злодейка-охальница –
Тело начнёт на куски разрывать,

Или вдруг скрутит в глухом одиночестве
Боль от разлук с дорогими людьми –
Есть способ верный – лекарство, пророчество:
Книжку стихов моих в руки возьми!

Пей их живой эликсир чайной ложечкой,
Просто представь – что я здесь, я с тобой...
Ну потерпи, потерпи хоть немножечко!
И полегчает. Я знаю, родной.

В строчки ныряй с головой, как в спасение,
Я же – в душе за тебя помолюсь...
Не забывай нашу встречу осеннюю!
Ты не скучай.
Обещаю – приснюсь.

Антонина Киселевич-Бурель

г. Седа, Латвия

Я – маленький, там, далеко во Вселенной,
ещё не рождённый на свет человек.
Сквозь призму времён, через вечность мгновений
готовлюсь шагнуть в человеческий век.
Пробьюсь сквозь преграды, любые лишения,
на ласковом облаке к вам прилечу.
Вы ждёте с любовью! Я чувствую это!
Ах, мамочка, папа, я так к вам хочу!
Кем быть мне для вас – пусть решает Всевышний!
Я истово верю в Его доброту.
Быть может, я буду чудесным мальчишкой,
а может быть, девочкой в дом ваш войду.
Мне путь предстоит и далёкий, и трудный –
я первого шага немножко боюсь.
Но ваша любовь сотворит это чудо –
я звёздочкой счастья для вас появлюсь.

Зарекалась

Зарекалась, что в сердце близко
не впущу ни мужчин, ни женщин,
Но порою невыносимо
тяжесть ноши носить под сердцем.

Так бывает – коснутся взгляды,
слово за слово – и знакомы,
Позабыты на время страхи...
И всё реже скучаешь дома.

И бежишь поскорей на встречу,
позабыв обо всём на свете.
И надеешься, веришь в чудо...
И напрасно... Печаль на плечи.

Фантазия любви

В мир фантазий любви протоптали дорожку...
В параллелях живём и тоскуем немножко.
Не смотрела в глаза, чуть раскосые, смело...
Я любила тебя – как впервой, неумело.
Души наши сплелись, на двоих одно небо!
Падал снег в тишине...
То ли была, то ли небыль...

Чашка кофе одна на двоих

Чашка кофе одна на двоих, секс по-быстрому – вместо зарядки.
Ты страданий не видишь моих... Жаль, что время бежит без оглядки.
На обед приглашаешь в кафе, там от скуки читаешь газету,
Поцелуй, словно дань, на щеке – «Детка, вечером я тебя встречу».
Вот и вечер, звонит телефон: «Ты прости, дорогая, работа...
Сладких радужных, милая, снов». Чашка кофе... а пить неохота.

Дай силы, Боже!

Не в февралях, не в зимних стужах причина холода зимы.
Ты разлюбил... И ветром вьюга позамела любви следы.
Там – запах милой орхидеи, что согревал своим теплом
И прятал в куртке от мороза. Не надо было лишних слов.
Наверно, это неизбежно: любить не тех... И отпускать.
Придет моё, я верю, время – и дай Бог силы! Чтобы ждать.

Ты где-то там

Ты где-то там, в Туманном Альбионе,
Один. Скучаешь. Пьёшь английский чай.
Твой телефон молчит в немом укорё...
Дождливым выдался цветущий май.

А я – где лето, солнце, море, чайки,
И звёзды в небе, словно маяки,
Признаюсь, милый, честно, без утайки...
Скучаю очень...
Жаль...
Что далеки...

Ура! Дома!

Я закрою все окна, двери, притушу очень яркий свет.
Тёплый плед, диван...
Ура! Дома!
Надоел каждодневный бег.
Буду просто лежать и думать, может, книгу начну читать...
Или шарфик свяжу для друга, Он зимой будет в нём гулять.
Заварю себе чай с малиной, коньяка в рюмку чуть плесну,
Потихоньку уйдут заботы, и счастливою я усну.

Летнее утро

Раскроет ночь нежнейший лепесток
Туманно-блёкло-синего рассвета,
Где поутру лимонный мотылёк
Вспорхнёт легко, как пёрышко поэта.
Сонливый город сбрасывает сон...
Трамвай, звеня, торопится игриво,
И колокольный тихий перезвон...
Знакомо всё до боли... и любимо.

Девичьи страдания

Вышивала я
Крестиком узор,
А игла-змея
Сделала укол
Прямо в пальчик мой –
Вот теперь болит...
Да не в этом соль –
Сердце мне щемит
Одолень-тоска
По вине другой:
Едет не ко мне
Любый-дорогой...
И не мой рушник
В руки он возьмёт,
Не моим шитьём
Он лицо утрёт,
Улыбнётся он
Не на мой привет...
Жду-пожду его,
А его-то нет...

Заглянул в окошко вечер

Заглянул в окошко вечер,
Всё притихло как-то вдруг.
Ожиданьем новой встречи
День сомкнёт событий круг.

Прикоснётся сумрак нежно,
Поменяет антураж:
Полутени... мир безбрежный –
Полупризрачный мираж.

Пролетит минутой время.
Ночь откроет сундуки
И начнёт без промедленья
Черпать звёзды из реки.

Ангелы тихо с неба спустились.
«Аве Мария» плывёт над землёй.
Сердце моё навеки открылось...
Господи! Вечно я буду с тобой!
День. Воскресенье. Тихое пенье.
Звуки органа. И тишина.
Я замерла. И в восхищении...
Знаю, что значимой встреча была.

У меня свидание с дождём

У меня свидание с дождём.
Выхожу, дарю
Ему улыбку...
Скучно одному?
Теперь вдвоём!
И играют фуги альт и скрипка.
Мы гуляем с ветреным дождём,
Он шалит
И дарит мне сонеты.
Ярко-рыжий зонт –
Подарок твой –
Позабыт,
Как все твои запреты...

Больше чуда не жду

Больше чуда не жду.
Позабыто вчера
и девчонка с косой по пояс.
Я сегодня одна,
Я и завтра одна...
И с судьбою уже не поспорить.
Пусть померк белый свет,
Ночь стеною стоит,
Лишь во снах
Иногда вижу лето.
Я исчезну когда-то...
Но ангел взлетит!
До рассвета, душа!
До рассвета!

Я буду всегда

Я буду всегда, даже если умру,
В весеннем звенящем напеве...
И в облаке лёгком,
парящем в жару
На синем безоблачном небе.
А если зима и случится мороз,
Спущусь белокрылой снежинкой,
Останусь узором из инея роз,
Оконной случайной картинкой.

Вдова

Пальто.
Вуаль...
И дикий холод.
Чужие люди за спиной
Пришли проститься:
Жаль... так молод.
И боль по сердцу: не со мной...
Вчера в объятьях счастья были,
Я рисовала твой портрет,
Дурачась,
в красках извозились... –
Одна.
Не сон...
Надежды нет...

Волшебство

Исчезла из жизни проза.
Спешу я к тебе на встречу.
Вдвоём не страшны морозы,
Уютнее зимний вечер.
Тепло позабытых сказок
Припрячу от всех в платочек!
Распутав узлы завязок,
Коснусь среди ночи строчек...

Я – частица мироздания

Ночь встряхнула одеяло,
В небесах зарю зажгла,
Звёзды все пересчитала
И в шкатулку убрала.
Рань... Ползёт из переулка
Ускользящий туман.
Вкусный завтрак – кофе, булка.
Всё. Бегу. Ключи – в карман.
Отраженью в знак вниманья
Улыбнулась просто так.
Я – частица мироздания,
Не какой-то там пустяк!

Двое под зонтом

Где блёклость палого листа,
Водой размытая дорога,
Всё дышит духом естества...
За летом осень у порога.
И двое под зонтом бредут,
Ещё не ведая исхода,
Касаясь нежно плеч и рук...
Не замечая непогоду!

Я, знаешь, всё переживу

Я, знаешь, всё переживу:
Твоё предательство и горе.
Сожму в кулак сильнее волю.
Я, знаешь, всё переживу.
Я, знаешь, всё переживу:
Ведь не убили, не распяли,
Потери только закаляли.
Я, знаешь, всё переживу.
Я, знаешь, всё переживу
И новый мир впущу однажды!
И приглашать не надо дважды.
Я, знаешь, всё переживу!
Я, знаешь, всё переживу!

Раздолье зимней непогоды

Темно. И давит тишина.
Уснула ночь на небосводе,
Раздолье зимней непогоде...
Как долго тянется она!

И что-то делать тоже лень,
И снег все квоты превышает,
И думы грустные витают –
Нет ни улады, ни потерь.

Другу Виталию В.

Небо хмурое, мятежное,
Тучи тёмные гурьбой,
И берёзки – девы нежные –
Чуть дрожат перед грозой.
Разгулялась непогодушка,
Хлынул дождик проливной.
Запропало ясно солнышко...
И тоскливо день-деньской.

Она смеялась стуже назло...
Шло забытое ретро кино:
Застывший взгляд
величавых лип,
Шляпы снега –
шикарнейший вид.
Дорога вьётся серых машин.
Мегаполис, где ты в нём один.
Среди морозной, белой зимы
Чёрно-белые снятся ей сны.

Дом

Закрываются двери на засов.
Лишь ветра гул. Покинут кров.
Забиты окна. Навсегда.
Вокруг – крапива, лебеда.
А раньше... Просто, без затей,
Всегда был полон дом гостей.
Теперь – забытый и пустой
Перед последнею чертой...

Царила в доме колгота:
Дед с бабкою и два кота,
Да внуков-внучек хоровод
Съезжались в гости каждый год.
Чай, горы свежих пирожков –
Дом к встрече был всегда готов!
Хозяев нет... Зарос погост...
И старый дом
Идёт под снос...

Март

Солнце радость на землю
приносит
Позолотой ступившего дня.
Озаряя стволы стройных сосен,
Заглянула к нам в гости весна!
И подтаяла, будто просели,
Рек, речушек, озёр берега.
Март слезой заливаает постели,
Что зимою стелила пурга.

Грёзы поэта

Поэт во сне осеннем видит грёзы:
Средь ярких красок праздничной листвы,
Где в позолоте девицы-берёзы...
Вдруг мотыльки на стебельках травы,
И робко расцветают первоцветы,
И крокусы волнуют по весне!
В душе проснулась радость – скоро лето!

Вот так стихи приходят и ко мне...

Конец февраля

А за окном февраль-проньера,
То дождь в окно, то снегопад –
И обречённости картина,
И холода уже на спад...

Местами снег тревожно-серый.
Зима уходит на покой.
И будоражит луч весенний
Своею яркою игрой.

Весна – капризная девица

Весна – капризная девица.
То снег стеной, а то дожди.
Пять раз на дню меняет лица.
Не угадать, что впереди.

Но вдруг подует южный ветер,
Прильнёт теплом к щеке земли,
Не соблюдая дат, отметин...
Вернутся с юга журавли.

Проснётся спавшая гулёна.
Из глаз покатится слеза...
Вздохнёт легко, непринуждённо!
А тут и первая гроза...

Пятый день января

Пятый день января. И на улице тридцать:
Тишина за окном, не щебечут синицы,
Злой трескучий мороз пробирается в щели.
Далеко до весны. Холода надоели.

Дым из труб за окном струйкой тянется в небо.
Я глаза прикрываю от яркого снега.
Пешеходы скользят и ступают несмело.
Лишь одной детворе нет до этого дела.

Листок обречённый из школьной тетради

Листок обречённый из школьной тетради
Упал, замирая, на мокрый асфальт.
Слова, что из сердца скользили по глади
Линеек листа, – не прочитаны... Жаль.

И мокнет бумага... и тают надежды...
Его ты уже никогда не прочтёшь...
Всё в прошлое канет, не будет как прежде.
Немного тревожно, но веришь и ждёшь.

Четыре строчки

Четыре строчки с кончика пера,
Четыре строчки с сердца на бумагу...
Четыре строчки...
Я обречена...
Ничем не излечить мне эту тягу.

Предрассвет

Ни ночь, ни день, а предрассвет.
Спит в полудрёме вся природа.
Нечётко утра силуэт –
Прохлада, сладкая истома.

И вдруг, раздвинув горизонт,
Пробьётся лучик первый робко,
Сыграет гаммы чистых нот –
И день проснётся ярко, звонко!

Обычный день

Обычный день – восьмое, вторник.
Погода радостна, светла.
Метёт дорожки старый дворник,
Снуёт туда-сюда метла.

Мороз забористый под ворот,
Галдят о чём-то снегири...
И в белоснежной шапке город...
Как все похожи декабри!

Сиюминутное

А мне так хочется по полю,
По росной травке – босиком,
Чтоб شمель жужжал над головою...
И любоваться васильком.

Вдыхать духмяный запах чудный,
Чтоб закружилась голова.
Побыть немножко безрассудной...
Мечтать под птичьи голоса.

Дни-близнецы

Дни-близнецы живут в душе отныне,
Застыла жизнь с пометкой «января».
Вопрос – ответ, а были ли иные?
Возможно! Там, где любишь, говорил.

Неторопливо зимняя позёмка
Метёт в немой за окнами тиши.
Соседский пёс скулит порой негромко...
И больше в мире нет живой души.

В лиловом сумраке заката

В лиловом сумраке заката
Тревожен сад и старый дом.
Играют всполохи стаккато...
В волшебном танце заводном.

Струится томная прохлада,
И трав чарует аромат.
На небе семь сестёр – Плеяды
И лунный диск... и звездопад.

Ольга Клён

г. Приекуле, Лиепайский район,
Латвия

Осенний дым

Казалось, на часах застыли стрелки.
Мы с Осенью молчали ни о чём.
Косился дождь на наши посиделки:
Сошлись в безмолвьи жертва с палачом.

Ты, как всегда, обрушилась незванно
Охапкой листьев у моих дверей.
Но в стоне ветра – чистое сопрано:
Ах, Осень, коль пришла, входи скорей!

Ты весело пропела бабье лето,
В историю ушёл мой бабий век...
Мы у зимы – на мушке пистолета,
Нам снег не даст открыть замёрзших век.

Садись, подруга, помолчим с тобою
О том, что потеряли, что нашли,
О тех, которых сдали мы без боя,
Как оказались обе на мели...

Влетев в окно, запутался в герани
Осенний дым, тугой, как новый жгут.
Он в душах сединой осядет ранней:
Не листья палят. Нашу юность жгут.

Оттепель? Да!

Рыщет позёмка
Несмело и тонко,
След заметая несбывшихся снов.
Мысли о счастье
Разбились на части.
В этих осколках – несказанность слов.

Трудно заметить
Хоть нотку о лете
В звоне морозного, зимнего дня.
Но не поверю
В счастья потерю:
Лето дотронется и до меня...

Нам пережить бы
Пустые женитьбы
Ветра с метелью в стане снегов.
След твой оттаёт!
Потерянной стаей
В дом свой вернутся сотни шагов.

Злые метели
Спрятать хотели
Нашу любовь под бесчувствием льда.
Но не успели...
Звуки капли!
– Слышишь, любимый?
– Оттепель?
– Да!

Отражение

За оконным стеклом –
Безучастная ночь.
Зло дневное стекло
По оконнице прочь.
Очертанья ошибок
Исчезли, как день.
Стайка снов на отшибе
Не отбросила тень...
Мы молчим многословно, –
Одиноки вдвоём, –
Я себя вижу снова
В отраженьи своём.
В доме выключу свет,
И исчезнет оно...
Память дня – как навет,
То, что застит окно.
И на чёрном проёме
Белым днём напишу
Счастье в полном объёме...
Пред собой не грешу!

Полнолуние

Полночь насыщена призрачным светом,
Где-то беззвучно рождается сон.
Стон, по крупицам рассеянный ветром,
Фетром полночным приглушен на тон.

Лунные нити прядут свою небыль,
В небе подвесив манящий клубок.
Рок нереальности был? Или не был?
Мне бы погладить Луны круглый бок.

Лунные сети поймали сознание...
Знание реального мира ушло...
Жгло понимание мироздания...
Тайной мистической мир обожгло.

Старому поэту

В глубине твоих глаз –
Скорбь забытых миров,
Параллельности выцветшей
Память нагая.
Твой запал не угас:
Парой чувственных строф
Наслаждался торшер,
От восторга мигая.

Ты – один на один
С грузной поступью лет,
Стихотворной строкой
День земной знаменуеть.
Ты – её господин –
Отправляешь в полёт
Вертикальной тропой,
Букву «есть» заменив лишь...

Сколько б ни было слов,
Открывать горизонт
Не устанут они:
Новизна их безбрежна!
А реальность – из снов:
Подмигнут в унисон
Вновь торшера огни,
Не горевшего прежде.

Ненужные крылья

Бескрылые птицы
Уносятся в небо:
Застывшие лица,
Смотрящие слепо.
А люди крылаты!
Но смелость исчезла:
Закована в латы,
Зашорена честно.
Шагая устало,
В плену тяготенья,
Пред вечностью талой
Познаем смятенье:
Желание сладко
Вдохнуть полной грудью,
Расправить лопатки,
Наполнить их сутью...
Сознание выльет:
«Никто не летает!»
Ненужные крылья
Махнут птичьей стае...

Секундная стрелка

Секундная стрелка шагает упрямо.
По кругу. По кругу. По кругу. Не прямо...
А ей бы промчаться вперёд по прямой!
И путь выбирать лучше всё же самой.
Гоняться за каплей, упавшею с неба,
Метнуться за зёрнышком спелого хлеба,
Для радуги сочной создать новый цвет,
Удачной строкой обессмертить сонет,
За взмахом крыла нежной бабочки – в лето!..
Секундная стрелка мечтает об этом.
Но путь её кем-то навек предрешён,
А ветер мечтаний нелепо смешон.
Ведь стрелка привязана к сонному кругу:
Её метроном навевает ей скуку...
Когда же судьба остановит часы?
Зимой бледноликой? Под топот грозы?
Секундная стрелка шагает упрямо.
По кругу. Но мысленно всё-таки прямо.

Таю надежду

Невероятность бытия –
Как вероятность видеть чудо!
Последней осени простуда
Пронзит, иголок не тая.
Туманы плавают из свинца
В том мире, где исчезло солнце.
Его лучей победных стронций
Свинцовость удалит с лица.
Когда проклюнутся ростки
Тепла и света сквозь туманы?
Их жажду, как небесной манны!
Ну а пока вокруг – ни зги.
В осенней тычусь темноте, –
Слепой котёнок поневоле!
К осенней приручаюсь боли,
Но даже боли здесь не те.
Как надоел туманный слёт!
Таю надежду видеть чудо.
Оно придёт из ниоткуда...
Но обязательно придёт!

Осеннее буквенное

Это, видно, подруга-осень
Затуманила грустью строки:
Гулко падают буквы оземь,
Рассыпаясь, как на уроке.
В одиночку живётся стыло,
Лучше сбиться в простые строфы.
Эта осень заходит с тыла
Непредвиденной катастрофой.
Буквы прыгают в омут мыслей
И сбиваются зябко в строчки.
Снова осень. Я помню, мы с ней
Грусть испили до самой точки.

Зеркальный разговор

Срывают позолоту зеркала.
Срывают маски, роли и личины.
В их глубине года проходят чинно
И вразной звонят колокола...

Я вглядываюсь в облик двойника,
Что так потрёпан в зазеркальном мире.
Жизнь – не в халве там, видно, не в зефире,
Не сладко заточённым быть в веках.

Но вот гляжу: слеза в глазах была,
А в ней – мои и жалость, и мученье.
Не может для меня иметь значенье,
Что у него улыбка – в два крыла.

Мы – двойники, но чужда наша суть,
Ведь сердце у него трепещет справа,
И мысли в голове совсем не правы,
Когда меня он хочет упрекнуть.

Мол, вон, осадок жизни – на лице,
И годы талию не пощадили.
Как приговор! Как будто пригвоздили
Зеркальные глаза – судьбы прицел!

Прости, наскучил мне бесед накал,
И знаю: ложь в том мире – в нашем правда.
Души не заслонит зеркал бравада,
Глаза любимого правдивей всех зеркал.

Уймись, метель!

Не смей швырять в лицо мне обвинений!
И колким взглядом не трави глаза.
Не шли, метель, заснеженных видений:
Блестит не от раскаянья слеза.

Шаманишь птицей белою зловещей
И заметаешь все пути вокруг...
Порыв твой просвистел намного резче?
Не принято сердиться на подруг!

Уймись, метель! Промозглой ночью стылой
Холодный вздор мне в уши не мети!
Угомонись! Лишь враг заходит с тыла
И обнажает острые мечи.

Возможно, ледяной застыну стелой,
Ты в руки дашь мне зимнюю пращу...
Метель! Забрать ты сможешь только тело,
Но в жар души тебя я не пущу!

Зоя Корниенко

пгт. Белоозёрский, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Всё звучит

Всё в мире этом как-нибудь звучит –
Звучат дома, и улицы, и люди,
Звучат слова в светлеющей ночи,
Цветной узор определённых судеб;

Звучит огонь в походном камельке,
Звучит ручей в журчащем водопаде,
И я – звучу; и знаки на руке –
Как ноты снов в исписанной тетради.

Я не одна

Я не одна: со мной поля, и лес
Стоит стеной до самого предела,
И наконец я ощущаю вес
Души и тела.

Янтарный луч ласкает облака,
И, рассыпаясь бликами по лугу,
Смеётся солнце: «Вот моя рука!
Не ждите вьюгу».

И всё как будто дышит в унисон.

О летящих и живых

Пусть всё будет хорошо! –
Повторю как заклинание
И открытою душой
Я приму на веру знание

О летящих и живых,
Вечно светлых и чудесных,
И о таинствах земных,
И о таинствах небесных,

И о том, что чудеса
Составляют все дороги,
И о том, что небеса
В каждом сердце – на пороге,

И о том, что мир земной
Каждый день о чём-то плачет,
Потому что он – живой,
И не может быть иначе;

И о том, что в каждый миг
Человек творит душою...

...В строчках старых, добрых книг
Это знание со мною.

Мне кажется, стихи должны звучать:
У них без нас нет голоса живого.
Стократ твердят: «В начале было Слово», –
Но был и тот, кто мог Его сказать!

Мне кажется, стихи должны расти
Из глубины, тянуться на свободу,
И словно те, что смотрят с небосвода,
Оберегают идущего в пути.

Мне кажется, стихи – как волшебство:
Слова, слова, но, скованы искусно,
Слова преобразуются в искусство
Посланием неведомых миров!

И этот мир, что вроде бы давно
Исследован, изучен и известен,
Окажется одной строкою песни
И тайной из далёких детских снов...

Одиночка

Если ты – одиночка, то следуй своим путём,
Не жалей ни о чём и не бойся своих желаний.
Дверь входную всегда открывая своим ключом,
Позабывшие мысли таскаешь в своём кармане.

Если ты – одиночка, твой голос всегда слабей,
Только знаешь, всё это – досужие предрассудки;
Ты непонятым странником бродишь среди людей,
Разделяя сентябрь на рваные промежутки.

Если ты – одиночка, не верь никому из них:
Тех, кто спятил, исчез, убежал, почему-то сдался;
Ты не знаешь, что хуже, – так значит, тянись, тянись
И хватай этот ветер, что кружится в ритме вальса.

Если ты – одиночка, то помни, что я – с тобой:
Я смотрю на тебя и вплетаюсь в твоё дыхание,
А порой прикасаюсь незримо своей душой,
И неважно, что мы никогда не встречались ранее.

Проходя по асфальту, немного замедли шаг,
Если видишь, как облако спорит с лучами света;
Если ты улыбнёшься, то это хороший знак, –
Ты, ломаясь, выходишь за линии трафарета.

Кто здесь исчез, тот где-то появился,
А может, просто он переродился,
Как в день перерождается заря,
И если ты решишь, что люди зря
Живут на свете, мыслят и страдают,
То значит, просто ты не понимаешь
Божественной
Природы
Бытия.

Михаил Коробов

г. Воскресенск, Московская обл.

«Я мерил жизнь томами книг!»

85-летию со дня рождения В.С. Пикуля посвящается...

Это признание о себе замечательного советского писателя Валентина Саввича Пикуля, который вошёл в нашу жизнь смелым и отважным человеком, гражданином и вот уже более полувека своими интересными произведениями волнует читателя. Его книги и в наше смутное и тяжёлое время, когда интерес к книге практически потерян, пользуются большой популярностью и переиздаются крупными тиражами. Пикуль, пожалуй, самый читаемый писатель. Я впервые с этим автором познакомился в 1979 году в журнале «Наш современник», где вышел журнальный вариант нашумевшего тогда романа «У последней черты». О, сколько в печати было крика, гама, недоброжелательных статей и рецензий по выходе этой книги! Некоторым до смерти не хотелось, чтобы этот роман вообще появился на свет. Ему угрожали, даже жестоко избили. Но это была мелочь, так сказать, цветочки. «Ягодки» последовали после выступления секретаря ЦК КПСС М. Сулова и звонка М. Зимянина. Состоялось заседание секретариата правления СП РСФСР, где публикация романа в журнале «Наш современник» была признана ошибочной. По существу, секретариат того времени осуществил акцию по дискредитации не только «Нечистой силы», но и всего творчества Пикуля. И это несмотря на то, что после выхода в 1961 году его первого исторического романа «Баязет» Пикуль стал знаменит.

В одном из писем своё состояние писатель выразил так: «Живу в стрессах. Меня перестали печатать. Как жить – не знаю. Писать хуже не стал. Просто не нравлюсь советской власти...» Из многих библиотек стали изымать немногие оставшиеся журналы с публикацией романа. Почти десять лет тянулось молчание.

Какую же надо иметь волю и веру, чтобы выжить в атмосфере непонимания и травли! В этот тяжелейший период Валентин Пикуль потерял жену, отвернулись друзья и знакомые писатели, но он находил в себе силы и продолжал усиленно работать. Один роман заканчивал, брался за другой, надеясь на то, что время его придёт. И оно пришло.

Лёд тронулся в 1988 году. Совсем неожиданно для автора Красноярское книжное издательство предложило издать сокращённый вариант «У последней черты», на что Пикуль согласился опубликовать «ещё неизвестный до того времени роман «Нечистая сила». Затем Воронеж выпустил двухтомник тиражом 120 тысяч экземпляров. На следующий год под воздействием читательского спроса тираж резко возрос: 250 тысяч экземпляров книги выпустил ленинградский «Росвидеофильм», 200 тысяч – московский Воениздат. А потом была «Роман-газета» с её трёхмиллионным тиражом. Трескучие фразы рецензий забыты, а интерес к книге и спрос на неё не ослабевают.

Полное признание она получила в 1993 году после смерти писателя и была удостоена самой престижной литературной Шолоховской премии. И не случайно, поскольку книги его чрезвычайно интересны и познавательны!

А как увлекательно, захватывающе и интригующе начало его любого произведения! Вот, к примеру, «Пером и шпагой» – роман-хроника из истории секретной дипломатии и войны, которая получила название Семилетней; о подвигах и славе российских войск, дошедших в битвах до Берлина, столицы курфюршества Бранденбургского; а также достоверная повесть о днях и делах знатного шевалье де Ёона, который 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной, и в мундире и в кружевах сумел прославить себя, одинаково доблестно владея пером и шпагой. Этот роман не избежал той же участи, что и «Нечистая сила». Он был написан в 1963 году, ожидая девять лет встречи с читателями, и вышел в 1972 году в сборнике, выпущенном Лениздатом тиражом в 100 тысяч экземпляров.

Без сомнения, одним из лучших произведений о войне является и роман Валентина Пикуля «Реквием каравану PQ-17». Талант писателя, объективность и добросовестность веет непосредственным его участием в описываемых событиях. Лишь тот, кто всё это пережил и испытал на себе лично, мог написать такие строки:

«По ночам в Атлантике, этой извечной колыбели флотов всего мира, жутко иногда становилось человеку...»

Ты встречал мертвецов с пропавших кораблей, а волна несла их на своём ликующем гребне, а мертвецы не тонули, раздутые, как и бушлаты на них, насыщенные капкой и воздухом.

Ты слышал, как во мраке начинали работать дизеля, питая током опустошённые за день батареи подлодки, а вот и она сама – низкая длинная тень с бульбой рубки, которую заплёскивает море.

Ты видел, как пронеслась растворённая в ночи тёплая громада крейсера, а куда он идёт – об этом зачастую не ведали даже те люди, что несли вахту на его мостиках. Ты невольно вбирал голову в плечи, когда из ночных туч, с воем, поглощая пространство, падала тяжёлая «каталина» на четырёх звенящих моторах, из фюзеляжа её рушилось что-то похожее на бочку – это ещё одна мина прибавилась в океане.

И чаще всего погибал человек в Атлантике самой худшей из всех смертей, которая зовётся безвестной. Это не та общедоступная смерть, когда тебя подберут, накроют шинелью и уложат в братскую могилу. У этой смерти нет даже могилы...»

После такого монолога цепенеет душа, пробегают по телу мурашки – становится страшно, но любопытно. А что дальше?!

Даже построение первой фразы и первого абзаца Пикуль всегда считал одним из главнейших моментов в написании книги, ибо первая фраза – это тот самый камертон, который задаёт тональность всей вещи. В работе над коротким романом «Париж на три часа», как писатель откровенничал, – он долго бился над первой фразой, пока не отыскал той, какая нужна: «Один император, два короля и три маршала с трудом отыскали себе для ночлега избу теплее...» И такой художественный приём завораживает читателя. Вот почему автору удаётся с первого слова до конца последней страницы книги держать читателя в особом волнительном напряжении. И ты на одном дыхании проглатываешь его очередной исторический том. Даже его биография читается, как захватывающая повесть.

Родился Валентин Пикуль 13 июля 1928 года. Отец – крестьянский парень, начинал жизнь матросом на эсминцах тревожной Балтики, а закончил её комиссаром батальона морской пехоты в руинах Сталин-

града. Мать из псковских крестьян. Самостоятельность, по сути дела, обрёл в тринадцать, когда на крышу его дома в Ленинграде посыпались первые «зажигалки». Он тушил их, дежуря на чердаке.

Выехав весной из осаждённого города в Архангельск, и в июле 1942 года – как раз в день своего четырнадцатилетия – бежал из дома, обуянный жаждой флотской романтики. Отплыл морем на Соловки, где в звании юнга, держа в посиневших от стужи руках винтовку, он дал воинскую присягу и освоил специальность рулевого-сигнальщика. В возрасте пятнадцати лет начал воевать на Северном флоте – в составе экипажа Краснознамённого эскадренного миноносца «Грозный».

«До сих пор вижу, – вспоминал Пикуль, – как в разгневанном океане, кувиркаясь в мыльной пене штормов, точно и решительно идут строем пеленга корабли нашего славного дивизиона: «Гремящий», «Грозный» и «Громкий». А хорошо было! Качало тогда зверски, в кубриках гуляла мутная ледяная вода; потрескивали борта, над волнами плыл морозный туман; ежечасно громыхали взрывы глубинных бомб, вечно мокрый, усталый от качки и хронического недосыпа, я по 12 часов в сутки нёс боевую вахту наравне со взрослыми.

В шестнадцать лет стал командиром боевого поста, а в семнадцать лет уже начал писать свой первый роман. Об этом он позднее напишет: «Шагнув с корабля на берег, почти сразу же я устремился в литературу – с такой неистовой страстью, будто там только одного меня и не хватало! ... Мне было 19 лет, когда редакция журнала «Звезда» заключила со мною договор на издание романа «Курс на солнце». Слава Богу, этот роман света не увидел. Я написал второй. Он тоже полетел в корзину. Тогда я сел и, обозясь на весь мир, накатал третий роман...»

Тут я снимаю шляпу перед памятью ленинградской писательницы Елены Катерли – эта умная женщина в своём отзыве о моём третьем романе устроила мне такой хороший разнос, что я долго не мог опомниться. Как же быть? Писать дальше или... в пивную? Утром я сунул в печку все три романа, объединённые общей хорошей идеей, и сел писать четвёртый.

Прошёл год, второй. Я сижу и честно пишу всё по-новому...» И так родился его первый роман «Океанский патруль», который хорошо был всеми принят. Сколько упорства и трудолюбия проявил молодой, начинающий литератор. И дальше над собой очень и весьма много работал Валентин Пикуль, пока не стал знаменитым писателем. В своей жизни он поистине совершил героический гражданский подвиг! С самых ранних лет он закалил в себе твёрдый характер и познал любовь к книге.

«Моё детство прошло в голоде и лишениях. По городу бегал босиком: обуви не было... Читать я выучился сам в возрасте трёх с половиной лет по кубикам и газетам... При полной нищете отец, помню, на последние гроши покупал мне книги из серии «Книжка за книжкой»...

От этих книжек, по словам Пикуля, и началась его любовь к литературному слову. Но не меньшее влияние оказала на будущего писателя бабушка – Василиса Минаевна Каренина, возясь с детьми, она пела колыбельные песни, рассказывала внукам сказки и небылицы той псковской деревни, в которой она выросла.

Его жизнь сложилась так, что он остался самоучкой. Занимаясь самостоятельно своим образованием, сначала «на ощупь», потом всё более целенаправленно, он, в конце концов, нашёл свою настоя-

щую любовь, которая заполнила его всего без остатка, стала смыслом и целью жизни, – историю. У него зародилась мечта стать писателем. За плечами была война и пять классов доверенной школы.

«Я ясно понимал, что если серьёзно не займусь самообразованием, писателя из меня никогда не выйдет. Я начал изо дня в день, как на работу, ходить к открытию в публичную библиотеку. Делаюсь размагниченным, если в какой-либо из дней не «впрысну» в себя хорошую дозу научной информации». Валентин Саввич подчёркивал: «Образование чрезвычайно важно в становлении личности. Однако в моём представлении образован не тот, кто получил аттестат зрелости или диплом института, а тот, кто всю жизнь непрестанно учится. Интеллигентность, на мой взгляд, определяется благородством натуры, добротой, отзывчивостью души, стремлением помочь ближнему».

Из всех его страстей самой сильной и долгой осталась любовь к книге. В их доме книг было немного: «Помню, стояли на полке «Краткий курс ВКП(б)», томик стихов Тараса Шевченко на украинском языке, сборник М.Ю. Лермонтова. Правда, довольно много было тоненьких детских книжек, с помощью которых отец привил мне любовь к чтению». Этим объясняются его частые хождения ещё в молодые годы по букинистическим, книжным магазинам, клубам, выставкам. «А вообще я лакомка, как лакомка пожирает конфету, так я – книги. Считаю свой день потерянными, если не узнаю что-то новое. И я был бы самым несчастным человеком на свете, если бы меня лишили общения с книгой. Библиотека у меня, на мой взгляд, интересная, но гоняюсь за некоторыми изданиями годами. Она для меня всё!»

*Когда ты будешь в этот город вхож –
Из прошлого в грядущее войдёшь,
Заглянешь в страны и во времена.
Любая книга – время и страна!*

«Главная задача для меня – найти ответ на любой вопрос. Сразу же, мгновенно, не выходя из дома. Питаю слабость к писателям – Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Серафимович, Франсуа Рабле, Бронислав Нушич. Из поэтов люблю Пушкина, Баратынского, Тютчева, Блока, Есенина. Что касается исторической романистики, то здесь мне ближе всего Вячеслав Шишков, всегда неукоснительно следовавший исторической правде. Я не могу не восхищаться гражданской позицией замечательных наших писателей Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова. Уважаю Александра Малышкина, Карпова, Яковлева, написавшего о Жукове».

Очень большое влияние на Пикуля как литератора оказала русская классическая и мировая живопись. Музеи научили его многое понимать, а картины обострили глаз. Он много раз убеждался, что живопись и литература взаимосвязаны. Поэтому ещё молодым начал собирать репродукции картин, составлять портретную картотеку, в которую вошло более двадцати пяти тысяч портретов. Он не уставал повторять, что знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, твёрже характером и зорче разумом. История воспитывает в нас необходимое чувство национальной гордости.

Валентин Пикуль работал над собой очень много: «Жизнь буквально без выходных, без праздников, без дней рождения, без отпусков. Жена – без тени юмора – не раз говорила мне: «Ты у меня законченный трудоголик!» Это продолжалось сорок лет. И на вопрос «Счастливы ли Вы?» – он твёрдо отвечал: «Да, счастлив! Я нашёл любимое дело, любимую работу,

которая стала не просто частью моей жизни, но и самой моей жизнью. Главное для писателя – любить свой народ и всеми силами служить ему».

Валентин Пикуль написал более двадцати исторических романов. Главные из них: «На задворках великой империи», «Битва железных канцлеров», «Пером и шпагой», «Моонзунд», «Фаворит», «Нечистая сила», «Слово и дело», «Из тупика», «Реквием каравану PQ-17», «Баязет», «Океанский патруль», «Богатство», «Крейсера», «Каторга». Им написано более сотни исторических миниатюр. Издавалось собрание сочинений в тридцати томах, московское книжное издательство «Новатор» выпустило собрание его сочинений в суперобложке в двадцати восьми томах, АО «Деловой центр» – в двадцати семи томах. Его художественные произведения издаются за рубежом: в Англии, в странах бывшей Югославии, в арабских странах, в Японии, Китае, Франции, Польше, Болгарии и Германии.

Его часто сравнивали с Александром Дюма, но в отличие от автора «Трёх мушкетёров», Пикуль скрупулезно исследовал историю, опираясь чаще всего на подлинные исторические документы того времени, о котором писал. В каждом его романе чувствуется любовь к России.

Книги Пикуля и сейчас продолжают пользоваться большим спросом и издаются и переиздаются практически ежегодно многотысячными тиражами. По словам вдовы писателя А. Пикуль, на 2008 г. общий их тираж достиг 500 миллионов экземпляров. По его произведениям сняты фильмы: «Юнга Северного флота», «Моонзунд», «Бульварный роман»: телесериалы: «Баязет», «Богатство», «Конвой PQ-17», «Фаворит», «Пером и шпагой». За выдающиеся заслуги в области литературы и участие в Великой Отечественной войне Валентин Пикуль награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Он удостоен Государственной премии РСФСР за роман «Крейсера» (передал пострадавшим от землетрясения в Армении), литературной премии Министрства Обороны СССР за роман «Из тупика» (отдал рижскому госпиталю, где лечились воины-«афганцы»).

Высокую оценку его творчеству также дал живой

участник Великой Отечественной войны, писатель с мировым именем, классик советской прозы Юрий Васильевич Бондарев: «Валентин Саввич Пикуль, наделённый незаурядным талантом писателя-историка, обладал удивительным качеством не писца фактов, а исследователя явлений. У него было и писательское зрение, и зрение учёного. Он видел не только бесконечную поверхность исторического океана, но был способен увидеть подводные течения, тревожащую жуть глубинной темноты, её бездонных пластов, где коварно таится опасность, жестокость сильного, страх слабого, предательство ничтожного, самодовольство победителя, унижение побеждённого».

Он видел и чувствовал это непрерывное течение подводных сил, что и делают саму историю, видел разрушение и созидание одновременно, скрытую игру страстей, честолюбий любовластия, мелких и глобальных пороков, изменяющих судьбы народов, видел человека в потоке истории, его взлёт и падение, его слабость и его мужество.

Книгам Валентина Пикуля суждена долгая жизнь. Об этом говорит многолетняя неиссякаемая и верная любовь к нему читателя».

Валентин Пикуль умер 16 июля 1990 года. Ему было всего шестьдесят два года. Похоронили Валентина Саввича Пикуля на Лесном кладбище в Риге.

В увековечивание памяти писателя в Мурманске на аллее писателей в 2008 году был установлен бюст В.С. Пикулью, в июле 2011 у школы № 1 был заложен памятник. Ныне имя В.С. Пикуля носят: сухогруз «Валентин Пикуль» (порт приписки Санкт-Петербург); тральщик Черноморского флота «Валентин Пикуль» (порт приписки Новороссийск); пограничный сторожевой корабль «Валентин Пикуль» (порт приписки Каспийск, Дагестан); планета Пикулия (Т4174; открыта в 1982 году); улицы в городах Балтийске и Североморске (с 1991 года); библиотеки Балтийского и Тихоокеанского флотов; премия МО – за лучшее произведение на военно-патриотическую тему.

В 1996 году В. Пикуля посмертно избрали действительным членом Петровской Академии наук и искусств, а в 1998 г. (к 70-летию со дня рождения) его имя было занесено в листы памяти Золотой Книги Санкт-Петербурга (за № 0004). В 1996 году на доме № 16 по 4-й Красноармейской улице Петербурга, где Пикуль жил с 1947 по 1961 гг., была открыта Памятная доска с соответствующей надписью.

В 2008 году о Валентине Пикуле был снят документальный фильм «Перо и шпага Валентина Пикуля», а также в области литературы учреждена премия имени Валентина Пикуля.

Большую работу по увековечению имени писателя и пропаганде его творчества ведёт жена писателя Антонина Ильинична Пикуль. Из-под её пера вышло несколько книг о В.С. Пикуле: «Валентин Пикуль. Из первых уст», «Уважаемый Валентин Саввич!», «Валентин Пикуль. Я мерил жизнь томами книг», «Живёт страна Пикулия», а также фотоальбом «Жизнь и творчество Валентина Пикуля в фотографиях и документах». За эту писательскую деятельность А.И. Пикуль была принята в Союз писателей России. В 2011 году под авторством А. Пикуль вышла новая книга «Фарватер жизни и творчества Валентина Пикуля». В 2013 году к его юбилею издана новая её (А.И. Пикуль) книга: «Валентин Пикуль. Слово и дело великого романиста».

И дай Боже, чтобы память о великом труженике, талантливом романисте, беспримерного мужества человеке, безмерно любящем своё Отечество, жила в веках!

2013 г.

Вера Кошелькова

п. Фосфоритный, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Вера Николаевна Кошелькова родилась в 1948 году в селе Фос-Завод Курской области. Окончила СОШ №14 г. Воскресенска. В 1977 году окончила Коломенский Государственный педагогический институт. Работала учителем начальных классов в МОУ «Хорловская школа-интернат». В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Писать стихи начала в зрелом возрасте. Печаталась в районных периодических изданиях, коллективных сборниках (альманах «Воскресенск – моя родина светлая» №4, №5, антология писателей Болгарии и России «Созвучие» и «Созвучие – 2», международный сборник авторов поэтического интернет-сообщества «Artelen»).

Автор книги «Мы вместе», в которой наряду со своими стихами поместила стихи юных поэтов школы-интерната. Является лауреатом поэтических районных и областных конкурсов.

Член Союза писателей России.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ РЯДОВОГО ВАСИЛИЯ ТАРАСОВА

Людмила Васильевна бережно хранит фронтовую фотографию отца Василия Фёдоровича Тарасова. Людмиле шёл шестой год, когда началась Великая Отечественная война. На второй день после нападения фашистских захватчиков на нашу страну отец был призван на фронт Егорьевским военкоматом. В это время Людмила со своим братом Евгением болели корью и находились в больнице. Не видели они, как мама с двумя другими детьми плакали, провожая отца.

Уже за первый час войны немцы разбомбили многие наши аэродромы и воинские части и продолжали стремительно продвигаться вглубь страны. Пылали города и сёла, гремели бои. Вся Россия поднялась на борьбу с врагом. Понимал Василий, что Отечество в опасности, но твёрдо верил, что не прорут немцы к Москве.

Воинская часть, в которой он находился, была направлена в г. Истру на строительство оборонительных сооружений. Командование торопило с выполнением работ, т. к. немцы были уже на подходе к городу. В сентябре 1941 года в одном из писем Василий попросил жену приехать к нему с детьми. Он встретил семью, устроились в старом заброшенном доме на окраине города. Дети видели, как вместе с солдатами готовили город к обороне все от мала до велика. Люди строили, укрепляли, возили материалы на лошадях, на тачках, носили на носилках, просто в руках. Раздавалось ржание лошадей, доносился лай бегающих собак. Дни и ночи шла напряжённая работа. Люди от усталости и бессонницы буквально валились с ног, но движимые чувством ответственности за судьбу Москвы, за судьбу Родины, проводили огромную работу по созданию устойчивой обороны.

Людмила запомнила прогулки к реке Истре, где на высоком берегу стоял монастырь с куполами необыкновенной красоты. Во время боёв собор Ново-Иерусалимского монастыря был разрушен фашистами. Спустя десятилетия после войны Людмила отдыхала в одном из санаториев под Истрой и побывала на экскурсии в этом монастыре. К её великому удивлению, он был совсем не таким, каким запомнился ей в детстве. Он не был восстановлен в

первоначальном виде. Из архитектурных памятников Российской Палестины, находящихся за стенами монастыря, сохранился только Скит с золотыми буквами на дверях: Патриарх Никон. В храме сохранилось распятие, которое не тронули ни огонь, ни бомбёжки.

В середине октября 1941 года разгорелись ожесточённые бои на всех главных направлениях, ведущих к Москве. Отправив семью в родной Егорьевск, Василий Тарасов участвовал в боях под Истрой в одной из стрелковых дивизий. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве, но был разгромлен. Оправдались надежды Василия на успешный исход битвы за столицу. Противник начал отходить на запад. После войны Василий рассказывал родным, как приходилось в перерывах между боями рассчитывать дороги, забитые разбитой вражеской боевой техникой и автомашинами. День за днём, преодолевая упорное сопротивление фашистов, советская армия освобождала захваченные ранее населённые пункты.

КОМАНДИРОВКА

(в сокращении)

После разгрома немцев под Москвой из ставки был получен приказ о дислокации некоторых воинских частей в Прибалтику. Судьба забросила Василия в Литву. Он вспоминал об одном из тяжёлых боёв в местечке Зелёная роща. Продолжительное время немцы удерживали там высоты. Подступ к ним осложнялся тем, что вокруг были болотистые места. Каждая попытка подобраться к высоткам заканчивалась неудачей: многие солдаты, попадая под обстрел врага, утонули в болоте. Силы были уже на исходе. Среди добровольцев вновь идти на штурм высоток был и Василий. Командир хорошо знал и ценил его за преданность своему долгу и поначалу отклонил его кандидатуру: «У тебя четверо детей, я не хочу рисковать твоей жизнью». Но Василий настоял на своём. Обнявшись, они плакали навзрыд, как родные. Перекрестил его командир и сказал: «Ну, с богом». Пробирались по болотной жиже. Кругом лежали тела погибших солдат. Дважды прямо над головой со свистом пролетели пули. Третья пуля попала в спину. Ему стало горячо, затем он почувствовал слабость и начал терять сознание. Проваливаясь в темноту, он услышал крики «Ура!» Высотки были освобождены от фашистов. Очнувшись Василий в военном госпитале в г. Каунас. Более двух месяцев продолжалось лечение, после чего он снова был в строю. За участие в боевых действиях в Прибалтике и проявленное мужество рядовой Василий Тарасов награждён медалью «За отвагу».

В конце осени 1943 года стрелковая воинская часть, в которой находился Василий, в составе 1-го Украинского фронта участвовала в форсировании Днепра. Со слезами на глазах вспоминал он эти жуткие дни и ночи и сам удивлялся, что остался в живых, т. к. вся тяжесть форсирования легла на стрелковые части. Правый берег реки немцы превратили в огромный комплекс преград и сооружений. У наших солдат катастрофически не хватало плавсредств, поэтому основным силам приходилось форсировать реку на подручных средствах: рыбацких лодках, плотках из брёвен, бочках, стволах деревьев. Вода в Днепре была красной от крови, пенилась и всплывала от разрывов снарядов. Ценой огромных потерь переправа через Днепр была осуществлена. В числе награждённых медалью «За боевые заслуги» был и Василий.

Контрнаступательные движения на запад продолжались. По приказу Гитлера немцы опустошали территории, с которых им приходилось отступать, однако они уже понимали, что крах неизбежен.

Фронтные дороги привели Василия на территорию Польши, затем в Венгрию и, наконец, в Германию. Дошёл он до Берлина и летом 1945 года вернулся домой с победой и ещё с двумя наградами: медалью «За освобождение Варшавы» и медалью «За взятие Будапешта».

А дома нужно было поднимать детей. Людмила с сестрой учились в медицинском училище. Василий работал литейщиком на Егорьевском механическом заводе. По сезонам подрабатывал в колхозе «Большевик».

Война, ранение, тяжёлый труд привели к нервному и физическому истощению, и в возрасте сорока семи лет, в 1954 году умер скромный труженик, горячо любивший свою Родину, рядовой Василий Фёдорович Тарасов.

Первую годовщину нашей с Михаилом совместной жизни мы отметили в Закарпатье, куда он был направлен в командировку, а я поехала с ним просто так, отдохнуть на Тиссе. Это самый большой приток Дуная. Протекая среди гор, Тисса имеет быстрое течение и прозрачную воду. По равнине течёт медленно, а вода мутная, особенно после дождей, когда с гор в неё стекают грязные потоки.

У меня было на берегу излюбленное место, откуда открывался необыкновенно красивый вид на Карпаты. У подножия тор тянулась яркой зелёной полосой пышная южная растительность, а вершины гор словно растворялись в голубоватой дымке.

Мы снимали комнатку у пожилой мадьярки. Днём она обычно спала, закутавшись в перину, из-под которой раздавался её громкий храп. По ночам, жалюсь на бессонницу, гремела посудой, готовя себе пищу на электрической плитке. Мы обедали в столовой местного винсовхоза. Повариха не скупилась, подавала огромные порции первого и второго, очень горячего и напёрченного. После обеда мужчины возвращались на рабочее место в железнодорожное депо, а я, взяв книгу, отправлялась на Тиссу. По выходным ходили на реку всей бригадой. Стоило начать на берегу игру волейбол, как со всех сторон к нашему кругу примыкала местная молодёжь. Среди играющих я обратила внимание на хорошо загоревшую, общительную девушку по имени Анна. Работала она продавцом в киоске «Союзпечать», но купить там газету днём было невозможно. На закрытом окошке постоянно висело объявление: «Пишла на пошту», но никакой «поштой» там и не пахло. Анна проводила время на Тиссе, а торговать приходила утром и вечером. Чтобы купить газету, надо было ловить момент.

За время отдыха не обошлось без курьёзов. Как-то на Тиссе, войдя в воду, я не удержалась. Быстрый поток подхватил меня и стремительно понёс вперёд. Спасло то, что умею плавать и течением не снесло меня на камни, торчавшие из воды огромными глыбами. Кое-как выбравшись на берег, с дрожью в коленях, я прошла назад метров двести к своим и бесильно упала на траву.

Второй случай, правда, уже не связанный с риском для жизни, произошёл в небольшом ресторанчике, куда мы ходили поужинать, иногда просто посидеть с друзьями и послушать музыку. В один из таких вечеров друзья оживлённо беседовали, потягивая виноградное вино, которое заказывали большими бутылками в плетёном оформлении. Обратили они внимание, что я ничего не пью, – а к тому времени я ещё даже не знала вкуса алкоголя, – и заинтересовались, в чём дело. Мой Михаил с серьёзным видом сказал: «Она только чистый спирт употребляет». За столом стало непривычно тихо. Один из парней встал, вышел, буквально через минуту принёс стакан спирта и поставил передо мной. Все взоры устремились на меня. Я почувствовала, как жар прихлынул к лицу, не знала, что делать, и мужёнок мой не ожидал такой реакции на свои слова, но быстро разрядил обстановку, пояснив, что это была шутка. А мне какво было!

Домой возвращались тоже с приключениями – и в самолёте, и в электричке, но всё закончилось благополучно, и в семейном кругу мы отметили первую годовщину нашей свадьбы. Без курьёзов.

Алексей Кулешов

п. им. Цурюпы, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Алексей Анатольевич Кулешов родился в 1945 году в городе Москве. Первые публикации состоялись в стенгазете техникума, где он учился. Во время службы в Советской Армии печатался в газете Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». Публиковался в газете «Наше слово», в альманахе «Воскресенск – моя родина светлая...», в сборнике рассказов «Серебряный родник». Член Воскресенского литературного объединения «Радуга». Живёт в посёлке имени Цурюпы Воскресенского района.

ЛЮБОВЬ СО ВТОРОГО ВЗГЛЯДА

Любовь! Нет, наверное, во всём мире человека, не испытывавшего этого всепоглощающего чувства.

Как она приходит? Никто не даст ответа. У каждого по-своему. Сколько бы ни написали романов, повестей, рассказов о любви, особенно о любви с первого взгляда, – всё равно в жизни случается совсем по-другому и порой совсем не так и не сразу.

...Этот случай произошёл в далёкие шестидесятые, в наши студенческие годы.

Лето только вступило в свои права. Жаркое солнце разогрело асфальт городских дорог. Все, кто мог, покидали свои душевные квартиры и устремлялись на лоно природы.

Не исключением были и мы, студенты, стремясь хотя бы ненадолго вырваться из тесных общежитий и подышать свежим загородным воздухом. Взяв рюкзаки, палатки, мы отправились в турпоход в ближайшее Подмосковье. Особенно нас привлекала речка Нерская. Неописуемая красота её берегов и типично русские пейзажи радовали глаз. И притом некоторые наши сокурсники были родом из этих мест. Разбив лагерь на поляне, недалеко от речки, мы разожгли костёр, пекли картошку, пели под гитару и мечтали о том, где будем работать по окончании института. Куда нас закинет судьба в результате распределения? Не секрет, что многие хотели бы остаться в Москве или хотя бы в Подмосковье, но шансов было мало. Оставались в Москве только те, кто имел исключительные способности или влиятельных покровителей.

Вася, особенно сокрушавшийся по этому поводу, со вздохом заявил: «Вам, девчонки, легче, выйдете замуж за москвича, и вас распределят в Москву. А нам, мужикам, придётся ехать куда-нибудь в захолустье». Нина, красивая, стройная, очень бойкая и острая на язычок девица, заявила: «Я бы рада выйти замуж за москвича, но как же так, без любви?» На что Вася ответил: «Господи! Не обязательно по любви, можно и без неё. В Москве оставят, а потом разведёшься». Нина пристально посмотрела на Сёму Головина и, неожиданно обняв его, ласково защелкала: «Сёмочка, возьми меня замуж, не понравился – потом разведёмся. Ты же точно в Москве останешься, я знаю, папа с мамой постараются». Сёма от такой перспективы не знал, что ответить. Нина, поняв, что ей здесь не светит, обратилась ко всем нам: «Ну найдите мне мужа с московской пропиской, не хочется мне уезжать из Москвы». Мы с ребятами переглянулись, и у нас всех одновременно возникла одна и та же мысль, что помочь Нине может только Толик.

Толик Шамшураин! Душа всей нашей мужской компании. Он учился в аспирантуре и жил в небольшой однокомнатной квартире недалеко от нашего института, где мы часто устраивали мальчишники,

весело проводя время. Помимо того, что он был великолепным рассказчиком, он ещё и обладал поистине энциклопедическими знаниями, которыми мы часто пользовались при написании курсовых работ, рефератов и даже дипломных проектов. Человек широкой души, он никому не мог отказать, порой даже в ущерб своим собственным интересам. При этом у Толика, с его необычайно стеснительным и робким характером, не складывались отношения с девушками. Рыжий, курносый, он не производил на них впечатления. Мы не раз пытались познакомить его с кем-нибудь, но все наши попытки оканчивались неудачей.

На этот раз мы решили не только познакомить его с девушкой, но и женить. Не буду утомлять вас подробностями, как и с какими усилиями нам удалось уговорить Толика помочь Нине, взять её замуж. Главное, что нам это удалось.

Все предварительные хлопоты по подготовке этого события мы приняли на себя. Взяв паспорта Нины и Толика, подали от их имени заявку. Через положенные две недели, тогда на раздумье именно столько и давалось, наша братия собралась у входа в ЗАГС. Первым привезли Толика. Он очень нервничал и пытался покинуть мероприятие, но ребята окружили его плотным кольцом, из которого он не мог вырваться. Наконец подъехала Нина. Надо сказать, что до этого они никогда не встречались и познакомились только сейчас, перед входом в ЗАГС. Нина выглядела великолепно в своём белом подвенечном платье, что не скажешь о Толике. Хотя и в дорогом, но старомодном костюме, в плохо выглаженной рубашке рядом с Ниной он, просто говоря, не смотрелся. «Господи! И за это чучело я выхожу замуж», – подумала Нина, но перспектива Москвы пересилила все её антипатии. Они расписались, Нина уехала, а мы с ребятами устроили великолепную вечеринку на квартире у Толика.

...Прошло два года. Мы закончили институт. Защищали свои дипломные проекты и разъехались кто куда.

Нина осталась в Москве и работала в одном из НИИ. Толик удачно защитил свою кандидатскую и получил работу в престижном КБ. За эти два года Толик с Ниной ни разу не встречались, да и, по правде сказать, даже не пытались найти друг друга. Толик из-за своей врождённой стеснительности, а Нина из-за своей беспечности. Но мир тесен, и вот, совершенно случайно, они встретились на одной из улиц нашего города. Слегка оторопев, они не знали, что сказать друг другу. Первой очнулась Нина: «Толя, нам, наверно, надо поговорить о сложившейся ситуации». Толик, опомнившись, пригласил её зайти в близлежащее кафе. Сидя за столиком в ожидании

сделанного официанту заказа, они не знали, как приступить к предстоящему разговору. Тут Толик поднял глаза, которые он почему-то всё время прятал, и посмотрел на Нину. Нина вздрогнула. Что-то необыкновенное было в этих глазах, на их фоне незаметными были оттопыренные уши, курносый нос. «Да он симпатичный парень, и какой вежливый... Как он открыл дверь в кафе, пропуская меня вперёд, как придвинул стул, чтобы я могла сесть, и только после этого сел сам...» Выпив по бокалу шампанского, они завели разговор о своих институтских друзьях. Толик немного раскрепостился и проявил весь свой талант рассказчика. Нина смотрела на него и улыбалась. Оба почувствовали, как им вместе хорошо и уютно.

Они были счастливы и лишь сожалели, что это не произошло два года назад, и почему любовь не всегда приходит с первого взгляда...

КЕША

Последний месяц весны. Наверно, самое прекрасное время года. Белые облака цветущих вишен и яблонь в сочетании с только что появившейся зеленью листочков радовали глаз. Мягкая, словно пух, травка начала скрывать тёмную серость ещё влажной от растаявшего снега земли. Ароматы и запахи, пьянящие и одурманивающие, охватили всё живое вокруг.

Кеша, типичный представитель кошачьего племени, рыже-белого окраса, со слегка приплюснутым носом и длинной шерстью (я не особо разбираюсь в породах, но мне кажется – есть что-то от персидских кошек), развалился перед домом напротив сквера на этой травке. Отогреваясь в лучах всё больше набирающего силу, с каждым днём всё выше поднимающегося над горизонтом солнышка, он, утомлённый ночной охотой на мышей, по всей видимости, удачной, поскольку с утра, не выпрашивая, как обычно, своим громким мяуканьем корма у хозяйки, крепко спал. Как говорится, «без задних ног».

В это время Боря, пёс (да простят меня читатели, что не знаю и его породы, а только предполагаю: по всей видимости, боксёр или бульдог) своим лаем разбудил хозяйку Людмилу. Пора и прогуляться. Как можно в такое прекрасное утро сидеть дома? Вы думаете, что это было нужно ему? Ничего подобного. Это было нужно Людмиле. Сидячая работа, в душном помещении, каждый день. Так и здоровье можно потерять. И только братья наши меньшие, в том числе и он, Боря, заставляют каждый день совершать прогулки на свежем воздухе. Будем же им за это благодарны. До чего же все мы ленивые! И только необходимость заставляет нас совершать полезный для здоровья утренний моцион. Людмила встала, оделась и, нацепив поводок, вывела Борю на прогулку. Подойдя к скверу, она, как обычно, сняла поводок, и Боря, рыская по сторонам, совершал под тем или иным деревом свои естественные потребности. Тут он увидел лежащего в травке кота. Во всю свою собачью прыть Боря ринулся, готовый разорвать или, по крайней мере, загнать этого наглого кота на дерево. Хозяйка, испугавшись последствий того, что могло случиться, закричала: «Боря, Боря, ко мне!» Но Боря в своём охотничьем азарте ничего не слышал. Кеша лежал, как мёртвый. Удивлённый его неподвижностью, Боря ткнул кота носом. Кеша приоткрыл один глаз. «Господи, приснится же такое...» И, махнув лапой, продолжил свой безмятежный сон. Вы бы видели морду этого пса. Глаза, и без того крупные, от удивления увеличились раза в два. Боря подбежал к звавшей его Людмиле, оглянулся

на кота и, глядя в лицо хозяйки, удивлённо залаял. Людмила надела на собаку поводок и поволокла его, постоянно оглядывающегося и недоумевающего, домой. Кеша продолжал спать, но уже не так безмятежно. Ему снилось его детство, трудное и жестокое. Но это уже другая история.

ЛЕЩ

Ночью я неожиданно проснулся, в доме было ещё темно, рано, и снова закрыл глаза. В это время в окна проник какой-то необычный свет. Потихоньку, чтобы не разбудить жену, слез с кровати, оделся и вышел на веранду. Пахнуло холодом. Надел брюки, свитер, намотал на ноги портянки, натянул резиновые сапоги, взял приготовленные с вечера удочки и банку с навозными червями, накинув телогрейку, вышел на улицу.

Стояла удивительно лунная ночь. Всё вокруг преобразилось до неузнаваемости. Казалось, что ты не на земле, а на какой-то другой планете. Неестественно голубой свет луны изменил все привычные при солнечном свете краски. Берёзки с голубыми стволами оделись в тёмно-синие листья. Струившийся от прогретой за день солнцем земли лёгкий туман создавал иллюзию движения. Кусты и пенки от вырубленных деревьев казались сказочными живыми существами, готовыми тронуться с места и куда-то идти вместе с тобой. Необыкновенную тишину этой ночи неожиданно нарушило пение – нет, не пение, не знаю, как это выразить, – щёлканье, свист. Наверное, всё-таки трели соловья.

На мгновение застыл, с восторгом осматриваясь и прислушиваясь ко всему, что меня окружало, и потом зашагал по тропинке вдоль оврага, спускаясь к реке. На востоке – нет, скорее на северо-востоке, – небо начинало розоветь, ранний рассвет пробуждал ночную тишину. Началась утренняя перекличка петухов, и где-то в лесу за рекой закуковала кукушка, кому-то отсчитывая долгие-долгие годы жизни.

Я настроил свои удочки как донки, насадил на крючки червяков, закинул наживку в небольшой омут и, положив удилца на кусты, присел в ожидании поклёвки. Такой способ ловли не обещал обильного улова. Местные в основном предпочитали ловить на проводку, идя вдоль речки за плывущим по течению поплавком. Но я не гнался за уловом, это хождение утомляло, а в выходной хотелось просто посидеть, отдохнуть на лоне природы, подышать свежим воздухом, и потом – на проводку ловилась в основном плотва, а на донки был шанс поймать более крупную рыбу. Неожиданно на правой донке дёрнулась леска, подсечка, удилице выгнулось дугой. Потихоньку, не делая резких движений, потянул леску. В сверкающих лучах восходящего солнца из воды показалось что-то похожее на огромное золотое блюдо. Лещ! Глотнув воздуха, лещ замер, и я начал вываживать его по поверхности на берег, не давая ему уйти под воду. Внезапно лещ приподнял голову и голосом жены произнёс: «Дорогой, вставай». Открываю глаза. Лежу в своей постели, а жена ласково будит меня словами: «Дорогой, вставай. Хорошо, что не сбежал на рыбалку. Давай завтракать, и пойдём картошку сажать». Тяжело вздохнув, я встал, умылся, позавтракал, взял лопату и отправился на огород. А в глазах всё стояла, как наяву, эта сказочная лунная ночь, слышались волшебные трели соловья, перекличка петухов на рассвете, кукованье кукушки в лесу за рекой, виделась сама река и блестящий золотом в лучах восходящего солнца огромный лещ.

Любовь Кузьменко

г. Азов, Ростовская обл.

Чудо белой ночи

Вновь Нева приснится –
чудо ночи белой!
Что могло бы сбыться
у души несмелой...
В кружеве узоров
дремлет Летний сад...
К набережной выйду –
здесь мой Ленинград!
Всплеск волны тревожный...
Взгляд неосторожный...
И прикосновенье
твоих нежных рук...
Фонари – в тумане,
голова – в дурмане,
и началом станет
неизбежность мук...
Время потерялось...
Вот мосты разводят,
словно караваны,
корабли идут...
Чудо белой ночи
над Невою встретить
молодые пары
часовыми ждут...
Мне Нева всё снится!
Всё, что не случилось,
что могло б случиться...

Откровенная Венера (Эрмитаж)

Взгляд
беспомощно-наивен,
будто
просит
извиненья!..
Отвести глаза
не можешь,
точно
каюсь
в прегрешенье...
Белый мрамор,
веет холод,
а тебя
бросает
в жар...
Мысли
грешные
вспорхнули:
нега,
страсть,
в душе – пожар!

Откровенная Венера
сводит мир
давно с ума:
наготово горделива,
вся –
божественность сама!
Взгляд твой
просит
извиненья...

Самолёт – аэропорт

Мчалась я в аэропорт
и молила самолёт:
поскорей взлетай, лети,
мне – счастливого пути!
Мне
чтоб счастье обрести,
поскорей взлетай, лети!
Побыстрее, самолёт:
там другой аэропорт,
где меня любимый ждёт!
В небе вот летим ночном –
тучи, звёзды за бортом...
Подлетаем, подлетаем,
сердце радостью пылает...
Город светом весь залит,
он сверкает и мерцает,
как в объятья принимает!
Здесь
меня любимый ждёт!
...Самолёт – аэропорт!

Не сгущайтесь, тученьки!

Что вы, тучки чёрные,
стали, призадумались:
дождиком пролиться вам
или улетучиться?
Не сгущайтесь,
тученьки,
над моей головушкой,
над моей кудрявою
да над бестолковою...
Лучше б улетучиться,
дождика не надо,
слёз моих достаточно,
полито с лихвой,
и не стойте,
тученьки,
здесь вы надо мной...
Я сама не знаю,
что мне делать, тучки,
вот с такой
упрямой
рыжей головой!
Что вы, тучки чёрные,
стали,
призадумались?
Не сгущайтесь,
тученьки,
лучше б улетучиться!..

Белый прямоугольник

Из святых –
икона –
чистая
страница:
той,
что от рожденья
суждено
молиться!
Исповеди
примет
белый
лист
бумаги!..
А душе
и сердцу
дай,
Господь,
отваги!..

Спасенье наше

В Рождество Христово
Зажигаю свечи,
И они заплачут
Восковой слезой...
А молитвы слово
Переполнит душу
Так, что дух захватит,
Как перед грозой!..
Голову смиренно
Опущу пред Богом.
Лики на иконах
Не отводят глаз.
Рождество Христово
Славим вновь и снова!
ОН – спасенье наше!
Духом крепким – в нас!

И без путеводаителя

Я
от себя
ушла,
чтобы к себе прийти.
И в этом
путешествии,
скорее –
происшествии,
бессчётных бед
нашествии,
где
без путеводаителя
звезда небес
Святителя
мне
помогла в пути
себе
себя
найти!

Любовь Кушнир

д. Аксёново, Луховицкий р-н,
Московская обл.

Родилась на Кубани, окончила филологический факультет пединститута. С 1967 года живёт в Москве. Много лет преподавала литературу в школе и в техникуме. С 2000 года активно печатается в периодической печати г. Москвы и в регионах. В 2003 году вышел первый сборник рассказов «Материнская любовь». Сейчас готовится к изданию новый сборник повестей и рассказов.

ДЕВСТВЕННОЦА

Глава 1

Анюта твёрдо решила избавиться от девственности. Как это будет, когда, с кем, – она не знала, знала одно: от неё нужно избавиться, потому что эта девственность, ещё её называют дурацким словом «невинность», стала мешать жить.

Ещё учась в железнодорожном техникуме, она чувствовала себя «белой вороной» среди подруг. Однокурсницы, её окружение, давно уже познали все взрослые тайны и не стеснялись делиться ими друг с другом. Они приносили какие-то таблетки, и когда Анюта наивно интересовалась, от чего они, девчонки насмешливо отвечали: «Поживёшь – узнаешь». На вечеринки её не приглашали – какой с неё прок? Парни с нею не заигрывали по той же причине. Её невинность стала чем-то вроде клейма, физического недостатка.

Анюта не считала себя хуже всех. Да, не красавица, но и не дурнушка. Среднего роста, худенькая, ножки стройные. Лицо, правда, неброское, зато черты правильные и очень даже милые. Хоть застенчива и скромна была девушка, но язычок имела острый и постоять за себя умела. Это тоже отпугивало от неё робких парней, а нахальные сами не зарились, находили девчонок по себе.

Так вот и двадцать стукнуло; техникум давно окончила, на работу устроилась в дистанцию сигнализации и связи – много чего изменилось, а личная жизнь по-прежнему не складывалась. На станции сразу заметили новенькую, кое-кто подкатываться стал. Мишка Веселов, слесарь подвижного состава, решил за ней приударить. Анюта, как узнала, что он женат и ребёнок есть маленький, подарила ему прилюдно большой пакет детских подгузников со словами: «Тебе есть за кем ухаживать». Его, конечно, на смех подняли, а Мишка обиду на неё затаил.

Васька-механик тоже не раз к ним в техотдел заглядывал, а потом подловил в коридоре и начал лапать. Анюта прибор механикам несла, барахлить что-то стал. Так она наглеца так им отходила, что списать пришлось прибор – не подлежит ремонту.

С этих пор за Анютой закрепилась слава недоτροги и мымры, которая из-за своей девственности человека запросто покалечить может. «А раз так – пусть носится со своей девственностью, как дурень со ступой, а мы других найдём, попокладистей», – рассуждали парни, и было им невдомёк, что Анюта с радостью, с головой окунулась бы в океан любви, если бы нашёлся мужчина, за которым хотелось бы ей прыгнуть в этот самый океан.

Год шёл за годом, а девушке всё труднее было пересилить себя, изменить принципам и вкусить

запретный плод хотя бы из любопытства. Девчонки-ровесницы давно уже повыходили замуж, нарожали детей, успели разойтись, а Аня, пряча от посторонних тоску в глазах, ждала своего суженого.

– Хорошая девка, а пропадаешь зря, – сетовала, глядя на неё, тётя Клава, сослуживица, сорокапятилетняя разбитная тётка. – Чего ждать-то? Жизнь, как вода сквозь пальцы, уходит – не удержишь. А молодость – миг! Раз – и нету! Чё беречь-то?! Это раньше мужики ценили девичью честь, стрелялись за неё на дуэлях, а сейчас... им это мешает, им чего проще подавай! Цветы, охи-вздохи – пустая трата времени! Мельчает мужик душой-то!

Безнадежно махнув рукой, она озорно пропела:

*Вечерок уж наступил,
Дело к ночи клонится,
Парень девушку целует –
Хочет познакомиться!*

– Вот как сейчас! А в том, что настоящий мужик выродждается, мы, бабы, сами виноваты. Всё от женщины идёт и в семье, и... везде! Раз мы позволяем себе не уважать, так чего ж им пыжиться? И так сойдёт!

– Вы и мне советуете перестать себя уважать? – колко спросила Аня.

– Ах ты какая! Думаешь – я глупее тебя? Я ж совсем про другое говорю! Оставайся собой, только... узел на душе не затягивай. Опusti узду-то! Жизнь веселее покатит. Чего же себя обкрадывать?

– Не так всё просто... Ну, нужно же, чтобы хоть душа к нему лежала. А тут – ни-ко-го! Да и разговоров не оберёшься. Нет. Не хочу!

– А при чём здесь – тут? Что – на нашей станции свет клином сошёлся? Мир большой! У нас на Чёрном море дом отдыха есть, «Зелёный Гай» называется. Я там была не раз. Там... – она мечтательно закрыла глаза, – воздух любовью пропитан, надышишься им, всё само собой получится. А как запрет с себя снимешь, так жизнь сама по-другому повернёт. Точно тебе говорю, – заключила тётя Клава.

Ей можно было верить: несмотря на три неудачных замужества, она не утратила оптимизма и надеялась ещё встретить любовь, которой, как известно, «все возрасты покорны».

Мысль о поездке на юг понравилась Анне. Коренная сибирячка, она ни разу за свои двадцать четыре года не видела моря, гор, не отдыхала одна так далеко от дома. Девушка не умела быстро принимать решений, сначала всё обдумывала, взвешивала, советовалась с мамой – своим единственным верным другом, а потом, «заболев идеей», претворяла её в жизнь.

Вопрос с путёвкой решился быстро, и главное, что необычайно обрадовало девушку – лето! Целых

двенадцать июльских дней она проведёт на неведомо прекрасном юге.

«Зелёный Гай» встретил её пышной тенистой зеленью. Когда она смотрела на огромные деревья, на цветущие олеандры, магнолии, когда спускалась по узкой серпантинной дорожке к морю, ей казалось – она в сказочном царстве или на другой планете, потому что растения, и воздух, и запахи, царившие здесь, были необычными, особенными, незнакомыми.

Море её покорило. Она стояла на смотровой площадке, открывающей панораму безбрежного пространства, испытывая радостное волнение, которое переполняло её. Несмотря на застенчивость, девушка не могла сдержать детский восторг: лицо сияло, душа пела, мелодия вырывалась из груди и неслась над водой. В такие минуты Аня ощущала себя радостным шаловливым ребёнком, которому всё позволено, и не могла понять для себя источника этой радости. Вокруг – чужие люди, в основном семейные, она по-прежнему одна, но почему ликует душа? Может, и вправду здесь воздух пропитан чем-то особенным? Молодая сибирячка, наслаждаясь отдыхом, молила об одном: пусть медленнее вращается Земля, чтобы не так быстро отщёлкнували ответственные ей дни в Раю.

Глава 2

Владимир Иванович Божко хлопотал на кухне, помогая жене, и думал о сыне, в честь которого устраивалось застолье. Повод был значительный: Олег окончил институт инженеров железнодорожного транспорта. Его ожидала блестящая карьера. Владимир Иванович, будучи начальником дороги, давно уже придерживал хорошее место для сына, который во многом повторил отца: такой же серьёзный, ответственный, технарёв до мозга костей, только ушёл дальше: компьютерщик, программист – умница! Гордость распирала душу отца – далеко пойдёт сын, глядишь – отца перескочит.

Одно только настораживало и волновало родителей – его отношение к девушкам. То есть отношения как раз никакого не было, он их не замечал. Особенно волновалась мать: ненормально это, ну хоть какие-то приятельницы должны же быть, ну хотя бы для обычного общения! Она осторожно заводила разговоры с сыном, но он отмалчивался или шутил.

Владимир Иванович знал, что и тут сын повторил его. Он сам в юности робел в присутствии девушек, терялся, не зная, что сказать и как вести себя с ними. Так бы и остался холостым, если б не взяла его в свои руки озорная, бойкая и красивая медсестричка Зиночка. Она женила его на себе, чему он был безмерно рад и счастливо жил с нею вот уже двадцать семь лет. Повезет ли сыну, как ему? Сейчас девчонки – ой-ёй-ёй! Безнравственные пустышки! У него холодело внутри от ужаса, когда он видел на улице молоденьких девушек, которые, сквернословя, отхлёбывали пиво прямо из бутылки, курили и громко смеялись. Не дай Бог, такая окрутит его сына! Тогда он сам заводил разговоры с женой, чем немало удивлял её.

– А что, Зиночка, раньше-то люди были не глупее нас. Невесту сыну родители находили. Семью знали – три поколения, не меньше. И здоровье, и наследственность – не только материальное положение. И браки крепкими были...

– Ты бы ещё Домострой вспомнил! – резонно замечала Зиночка. – Ты много знал обо мне, когда женился? Дело ж не только в этом. Замужество, женитьба – лотерея! Кто счастливый билет вытащит, а кому-то

не повезёт. Всё дело в человеке: каким он окажется в быту, как поведёт себя в упряжке – тянуть будет или постромки сбрасывать – не угадаешь.

– И всё же, дорогая, присмотришься к дочерям своих подруг, так, на всякий случай.

– Если б дети слушали родителей, насколько легче жилось бы и им, и нам, – вздыхала Зиночка, но, внимая советам мужа, внимательно присматривалась к знакомым девушкам.

– Возьми, сынок, – говорил через неделю Владимир Иванович, вручая Олегу путёвку в «Зелёный Гай», – позагорай на море, отдохни от своего компьютера, наберись сил, а потом приступишь к работе, я тебя введу в курс дела. Но сначала – отдохни! Номер «люкс» – к твоим услугам. Мы с матерью на выходные приедем, если не возражаешь.

Олег обрадовался путёвке. Честно признаться, он за последнее время устал – привык относиться к делу серьёзно. Его обрадовало ещё и то, что жить будет один. Он чувствовал себя неуютно рядом с чужими людьми, не знал, о чём говорить с ними, а потому больше молчал, из-за чего имел репутацию высокомерного человека. Девушки, конечно же, интересовали его, он любил незаметно наблюдать за ними, но о чём с ними говорить, решительно не знал. Его интересы были далеки от обыденной жизни, поэтому обычная болтовня, разговоры ни о чём приводили его в уныние, казались пустой тратой времени. Девушки, в свою очередь, недолюбливали его: ни компанию поддержать, ни танцевать, ни ухаживать – ничего не умеет! Одним словом, ни рыба ни мясо. Чудак-человек!

Олег увидел её в первый же день на пляже. Девушка выходила из воды, поправляя мокрые волосы. Лицо светилось счастьем, словно она только что испытала невероятную радость и теперь несла её в себе, не пряча от посторонних. Она села на песок и, откинувшись назад на руки, подставила лицо солнцу.

Олег отметил, что девушка на пляже одна, без спутников. Он невольно продолжал наблюдать за нею, пытаясь понять, что же вызвало такой восторг незнакомки. Судя по загару, она здесь недавно. На какое-то время его отвлек разговором знакомый, он потерял девушку из виду и неожиданно для себя обрадовался, увидев её в столовой дома отдыха за соседним столом. Глаза незнакомки, как и прежде, источали радость.

«Какая странная!» – подумал он и отвёл взгляд, а потом почувствовал, что девушка за соседним столом притягивает его, как магнит. Он продолжал незаметно следить за нею и, не закончив ужинать, встал, потому что она, пожелав соседям приятного аппетита, направилась к выходу.

Обычно после ужина отдыхающие спешили на танцплощадку, но девушка неторопливо пошла по центральной аллее, а потом свернула туда, где росло огромное дерево цветущей магнолии. Стала спиной к стволу, немного закинув голову и прикрыв глаза, замерла. По всему было видно, что она испытывает блаженство.

«Очень странная!» – вновь подумал Олег, подошёл поближе и остановился, в упор разглядывая девушку. Она почувствовала присутствие постороннего и, открыв глаза, впервые обратила внимание на молодого человека.

– Скажите, – вдруг обратилась к нему, – вам не кажется, что магнолия таит в себе что-то... сверхъестественное?

Олег сначала растерялся – вопрос прозвучал неожиданно – потом серьезно ответил:

– Не жаль. Хотя вы правы, в ней всё необычно: крона, жесткие листья, огромные цветы. А главное – запах, удивительно ароматный, неповторимый.

– А вот скажите, – продолжала девушка, – почему именно здесь, на юге, почти все растения источают необычно сильные запахи? У нас так деревья не пахнут. И цветы так не пахнут.

Олегу хотелось спросить: «Где это – у вас?» – но вместо этого стал с серьезным видом рассказывать об особенностях флоры субтропиков и при этом обнаружил недюжинные познания и в ботанике, и в дендрологии. Потом спросил:

– Вы побывали уже в Дендрарии?

– Нет, – с сожалением ответила девушка.

– А хотите – поедем завтра! – неожиданно предложил он. – Там есть что посмотреть!

– Хочу! – обрадовалась она.

Случайно завязавшийся разговор увлек обоих. Аня подбрасывала ему вопросы, как дрова в топку, и разговор не затухал.

Олег чувствовал неподдельный интерес собеседницы и старался открыть ей как можно больше тайн природы и мироздания. Так, увлеченно беседуя, они гуляли целый вечер и, лишь прощаясь до завтра у корпуса Ани, вспомнили, что не представились друг другу, посмеялись и назвали свои имена.

Глава 3

Поездка в Дендрарий помогла Олегу лучше понять новую знакомую. Нет, она оказалась не странной, а романтической девушкой, тонко чувствующей красоту и непосредственно реагирующей на всё, что трогало её душу. Общаясь с Аней, он не испытывал робости, может быть, потому, что с первой минуты знакомства она отдала ему роль ведущего. Он чувствовал себя радужным хозяином и старался доставить гостю максимум удовольствия.

Олег показал ей Сочи, свозил на винзавод под Туапсе, где изумлённая Аня сделала для себя открытие. Оказывается, виноделие – это искусство, о котором можно говорить стихами и складывать легенды; искусство, тающее в себе специфические тайны и требующее высокого мастерства.

Они поднимались в горы, ночной катер уносил их в открытое море. Аня так глубоко воспринимала увиденное, что на смуглых щеках появлялся румянец, а глаза, казалось, застыли в немом восторге. Они много говорили, но ни разу не опускались до бытовых тем: как-то недосуг было спрашивать о семье, о работе – словом, вели себя так, будто им была отпущена вечность. Прошло всего три дня, а обоим казалось, что они знакомы очень давно.

Олег чувствовал себя счастливым: судьба так легко и просто подарила ему любовь. В том, что его чувство взаимно, он не сомневался и был совершенно прав.

Для Ани Олег стал частью волшебного мира и так естественно вошел в её жизнь, что она даже не удивилась.

Молодые люди возвращались с прогулки, когда неожиданно и грозно зашумели кроны деревьев. Аня испуганно прижалась к Олегу:

– Как страшно! Это ураган? – ей ещё не были знакомы субтропические ливни.

– Не бойся. Не ураган, но давай поспешим – сейчас хлынет дождь.

Взявшись за руки, они побежали к воротам. Здесь и настиг их бешеный ливень. Потоки воды беспорядочно обрушивались на головы, тугие струи били по спине, ноги тонули в мутных ручьях, стремительно срывающих с асфальта пыль и мусор.

Убегая от ливня, Аня всё же пыталась рассмотреть его:

– Смотри, смотри – всё плывёт!

– Держись крепче, а то и тебя смочет, – пошутил Олег.

Промокшие до костей, они вбежали в его номер.

Дрожь от холода, Аня рассматривала помещение:

– Слу-у-шай! А ничего апартаменты! Ты один здесь живёшь?

– Ну, в общем, да. Родители на выходные приедут.

– Наверное, твой папа – большой начальник.

– Угадала. Возьми вот сухую одежду и бегом в ванную, иначе простудишься.

Когда Аня вышла из ванной, Олег, уже переодевшись, изучал содержимое бара, соображая, чем угостить гостью. Остановились на шампанском.

На всю жизнь Аня запомнила этот вечер. Ей казалось, что всё происходило не с ней. Она видела, словно со стороны, как девушка сама протянула руки, обняла ладонями голову парня и осторожно целовала глаза, нос, щеки, не решаясь припасть к губам. Она видела, как он сначала нежно обнял её плечи, а потом неожиданно привлёк к себе с такой силой, что ей стало больно.

Всё произошло само собой и было прекрасно, только беспокоило ощущение раны внизу живота. Она лежала на спине, а он, склонившись над ней, нежно убирал пряди волос с её лица и осторожно целовал глаза, нос, щеки...

Ливень отшумел, стояла тишина за окном, и здесь, в комнате, было так же тихо.

– Выходи за меня замуж, – сказал он так, чтобы не испугнуть тишину.

– Смешной. Я даже фамилии твоей не знаю. Ничего не знаю, как и ты обо мне, – улыбнулась она.

– Я знаю главное: я люблю тебя... на всю жизнь. А фамилия моя – Божко.

– И я люблю тебя, – серьезно сказала Аня, а потом улыбнулась снова: – Божко – от слова Бог? Святая фамилия... и ты, должно быть, необычный человек.

Они замолчали, прислушиваясь к тому, что происходило внутри каждого из них.

Глава 4

Утром, несмотря на уговоры, Аня свернула простынь и положила в пакет.

– Ну как же!.. Стыд какой... Нет-нет, я сама постираю, – она стыдливо спрятала и унесла с собой следы их первой ночи.

Проводив любимую, Олег вернулся в номер. Не успел привести себя в порядок, как к нему постучали. На пороге стоял директор дома отдыха Тарас Иванович, седовласый, колоритный мужчина. Олега не удивил его приход, так как Тарас Иванович всегда использовал момент, когда отдыхал сам «шеф» или его сын, и, используя дружеское расположение начальника, постоянно обращался с разными просьбами.

На этот раз в бухгалтерии зависли компьютеры. Можно было позвонить в Туапсе, вызвать настройщика, но зачем, когда под боком «компьютерный гений», безотказный молодой человек.

Узнав причину визита директора, Олег быстро собрался, и они пошли в административный корпус.

Войдя к себе, Аня почувствовала неладное. Соседка с печальным лицом протянула ей телеграмму:

– Вчера пришла. Ты... сядь.

«Срочно приезжай. С мамой несчастье. Клава», – прочитала она и на миг онемела. Потом, не веря глазам, прочитала ещё и ещё раз и спросила:

– Вчера, говорите?

– Вчера после обеда. Я искала тебя, а ты и на ужин не пришла...

Аня дрожащими руками собирала сумку. Не собирала – запиховала всё подряд, что попадалось на глаза. Её испепеляло чувство вины. Если бы не ЭТО, она была бы уже в пути, мчалась к маме, а может, была бы уже дома и не мучилась неизвестностью. Что случилось? Какое несчастье? Жива ли она?

– Рая, пожалуйста, вызови мне такси. Я – мигом!..

– Я уже вызвала, сейчас уезжаю на вокзал.

– Умоляю – подожди меня! Пять минут!

Она метнулась к корпусу Олега, постучала в номер – закрыто! Где же он? Помчалась в столовую – нет! Ушёл на пляж? Она металась по территории, ища его. Не нашла и заплакала – сдерживать душевное напряжение не было больше сил. Вернулась к себе, сумбурно написала на листочке: «Олег, где ты?! Срочно улетаю домой. С мамой несчастье. Напиши мне! Я буду ждать тебя!», указала адрес, свернула записку, сунула в дверь Олега и помчалась к воротам, потому что там ожидало такси.

Горничная, придя убираться в «Люкс», отперла дверь своим ключом и оставила открытой на время уборки. Записка упала к ногам. Прочитав, она снова свернула её и положила на стол, чтобы не потерялась. Протерев пыль и вымыв полы, она открыла окно, чтобы проветрить помещение. Сквозной ветер неслышно снёс записку, она упала за стол и осталась там, никем не замеченная.

Вернувшись из административного корпуса, Олег сразу направился к Ане. Закрыто. Странно, где она? Он опоздал на завтрак. Обиделась? Ушла на пляж? Теперь он метался в поисках девушки, строя самые нелепые предположения. Испугалась – чего? Не поверила ему? Сыграла с ним злую шутку? Не похоже. Он терялся в догадках и мучился оттого, что раньше не придавал значения важным вещам: он не знал её фамилии, отчества, места работы – ничего о ней не знал! Да и когда было узнать – три дня их знакомства были заполнены до отказа эмоциями и впечатлениями. Он не воспринимал её умом, был безмерно счастлив ощущением её присутствия, а потому бесцелен.

Вечером его осенило: карточка отдыхающего! В ней указаны все данные. Утром помчался к администратору, получил необходимую информацию, потом поспешил на телеграф, отправил телеграмму, полную тревоги и недоумения, и указал свой адрес и телефон.

На следующий день, убедившись, что она уехала, Олег тоже собрал вещи – оставаться здесь без неё не имело смысла.

Он каждый день слал ей письма, стараясь сказать недосказанное, но ни на одно из них ответа не получил. Пытался искать, используя возможности компьютера. Напрасно. Девушка, которой он навсегда отдал своё сердце, канула без следа. Он мучился неизвестностью и не мог знать, что администратор, заполняя карточку, ошибся, написав вместо дом 15, кв. 5 – наоборот. Одинокая старушка, жившая в 15 квартире, получая письма, читала и перечитывала их, как роман, промокая слёзы скомканным платочком.

Смерть мамы, похороны, поминки, суд над водителем, сбившим её на дороге – все эти события на долгое время захватили мысли и чувства бедной Анюты. Были моменты, когда она вспоминала о поездке на юг, о первом сильном чувстве к мужчине, но теперь всё это казалось ей сном или чем-то далёким. Время шло, боль утраты не притуплялась, появился страх перед жизнью. Вместе с мамой ушло что-то очень важное, и пустоту, образовавшуюся вокруг, нечем было заполнить. Она осталась совсем одна среди людей, и нужно было научиться жить без мамы.

День, когда Аня почувствовала, что беременна, стал днем её возрождения. Теперь она постоянно думала об отце ребёнка, до мельчайших деталей вспоминая три дня и одну ночь, проведенные с ним. За всё время она не получила ни одного письма от него, но, несмотря на это, верила, что любима и что какая-то нелепая случайность различила их. Очень сожалела, что не осталось фотографии. Со временем черты любимого стирались в памяти, лишь сердце хранило ощущение пережитого счастья. Она не раз строила планы, как отыскать его, но слишком мало знала о нём, чтобы начинать серьёзные поиски. Аня уволилась с работы – не хотела давать повода сослуживцам для пересудов и насмешек. Устроилась продавщицей в киоск. Больше всего в новой работе её устраивало то, что она в нём – одна, никто не лезет в душу.

Иногда в тяжёлые минуты её давила мысль, что их короткий курортный роман – всего лишь эпизод, но тотчас гнала её – ведь Олег сделал ей предложение! Этим не шутят. Она – его жена, а значит... значит, ребёнок должен носить фамилию отца! Он вырастет, так им легче будет найти друг друга. Ну конечно! Она обязана это сделать!

Анна обратилась в ЗАГС с просьбой изменить фамилию. Заведующая, приняв к сердцу историю бедной одинокой девушки, поддержала её решение. В положенный срок Анна Божко родила сына, которого назвала в честь отца Олегом. Так появился на свет ещё один Олег Божко.

Прошло шесть лет. Олежа вырос разумным, коммуникабельным мальчиком, серьёзным и критичным. Он очень любил мать и ревниво оберегал её от внимания мужчин. «Этот дядька, мамочка, на цаплю похож. Неужели ты не видишь?» – говорил он о долговязом поклоннике матери.

Если раньше Аня страдала от недостатка внимания мужчин, то теперь – от его избытка. «Что случилось? – недоумевала она. – Что они увидели они во мне теперь, чего не видели раньше? Ничего же не изменилось!»

На самом деле, став матерью, Анна очень изменилась. Её формы приобрели округлость, движения утратили порывистость, взгляд стал спокойнее, улыбка – мягче, голос теплее. В ней проснулась женственность, а присущая ей скромность только усиливая обаяние. Она казалась вполне самостоятельной, глубоко спрятав от посторонних свою печаль.

Анна деликатно отклоняла ухаживания мужчин, потому что, надеясь на чудо, ждала Олега. Но год шёл за годом, и её надежда вновь встретиться с любимым стала призрачной мечтой. Жизнь требовала своё и постоянно возвращала с небес на землю, по

которой всё увереннее топал её подрастающий сын. И настал день, когда он задал вопрос, на который она не знала, как ответить.

– Где мой папа? – спросил он, провожая глазами мальчика, которого вёл за руку отец.

Анна ждала этого вопроса, но всё равно растерялась и ответила машинально:

– Не знаю.

– Как? – удивился рассудительный карапуз. – Ты не знала, что встретишь папу? Ты не знала, что женишься на нём? Ты не знала, что родюся я, вырасту и спрошу тебя об этом? Странная ты, мамочка!

– Ну хорошо. Я скажу тебе правду: наш папа... – потерялся.

– Как это? – не понял малыш. – Разве взрослые могут теряться? Они же – взрослые! – он развёл в стороны ручки, выворачивая вверх ладони.

– Могут, детка, – грустно сказала мать и, как сказку, поведала сыну историю встречи и разлуки с его отцом.

Олежка долго молчал, потом заплакал:

– Бедненький папочка! Он там совсем один без нас... плачет, наверное...

Анна пожалела, что сказала сыну правду, лучше б соврала что-нибудь.

– Не плачь, сынок. Он обязательно найдётся, обязательно! Надо только подождать. И слушаться маму.

С этого дня папа поселился в их семье и жил, невидимый, неосязаемый, но любимый и долгожданный. Всё, что делал Олежка, сводилось к одному: похвалил бы или нет за это его папа.

Анна понимала, что эта игра может плохо закончиться, если папа, наконец, не объявится в семье. Романтическая мечта о чудесной встрече с Олегом постоянно вытеснялась заботой: кого из реальных мужчин она решится представить сыну в качестве его родного отца.

Претендент на эту роль вскоре нашёлся. Им стал новый начальник Дистанции сигнализации и связи Иван Евсеевич, симпатичный мужчина лет тридцати пяти. Зашла как-то Анна тётю Клаву проведать, он увидел её. Иван Евсеевич жил одиноко и трезво, любил читать книги, в выходные частенько засиживался перед телевизором, особенно если транслировали футбол. Однако с тех пор, как увидел Анну, его жизнь стала более насыщенной и живой.

Он ухаживал красиво, был щедр, и Анна впервые за много лет обратила внимание на мужчину. Узнав его поближе, она не разочаровалась, а наоборот, утвердилась во мнении, что именно он подойдёт на роль отца Олежки, если, конечно, согласится на эту роль. Анна не спешила показывать сына, понимала – не имеет права на ошибку.

Отношения Анны и Ивана Евсеевича принимали всё более серьёзный характер, и наступил день, когда он признался ей в любви, сказал, что станет счастливейшим из мужчин, если она выйдет за него замуж.

Анну глубоко тронуло это признание, она ответила, что примет его предложение при одном условии, и рассказала Ивану Евсеевичу о своей утраченной первой любви, об Олежке и его святой вере, что папа найдётся.

И тут важно – не разочаровать его, быть естественным, а главное – суметь полюбить сына так, как любил бы его родной отец. Задача нелёгкая, но это единственное условие, при котором она примет его предложение.

Иван Евсеевич, движимый большим чувством, готов был на всё. Оставалось главное – увидиться

с «сыном» и понравиться ему. Договорились, что в субботу он придёт к ним домой под видом электрика и поменяет люстру в большой комнате. Олежка, конечно же, будет крутиться рядом, «помогать», потом они сядут пить чай. Таким образом состоится знакомство, от результатов которого будет зависеть их дальнейшая жизнь.

Всё прошло так, как было задумано. Смешливый мальчик буквально покорило сердце старого холостяка, и он, как юнец, волновался, понравился ли сам ребёнку. Когда «электрик» ушёл, Олежка заговорил первый:

– Мамочка, этот дядя Ваня вовсе не работник.

– А кто же он? – растерялась мать.

– Не знаю, – признался сын.

– Смотри, как здорово он сделал нам люстру, а ты говоришь – не работник!

– Ты не понимаешь... Он как будто бы не чужой, как будто бы любит нас...

– Он тебе понравился? – осторожно спросила Анна.

– Не очень.

– Почему?

– Он какой-то ржавый, – задумчиво ответил сын.

– Господи, что ты говоришь! – воскликнула Анна, у которой упало сердце. – Человек ведь не железка!

Но сын уже сидел перед телевизором, сосредоточенно наблюдая за тем, что происходило в мире животных.

В мае Олежка заболел – воспалились бронхи, потом – лёгкие. Анна с ума сходила в тревоге за сына, всё забросила: работу, дом, личную жизнь. На минуту боялась отойти от сына, ей казалось, что именно в эту минуту может случиться непоправимое, и только её неотступное внимание спасёт его от роковых случайностей.

Врачи, выхаживающие ребенка, всерьёз обеспокоились состоянием Анны – с такой материнской самоотверженностью они встречались нечасто. Всё обошлось благополучно, но встал вопрос о необходимости закрепить успех лечения – свозить ребёнка на море, а заодно поддержать здоровье матери.

Иван Евсеевич купил им путёвки в «Зелёный Гай». У Анны часто-часто забилося сердце, когда она дрожащими пальцами прятала путёвки в сумочку. Она выглядела совершенно измученной, и Иван Евсеевич, отвозивший их с Олежкой в аэропорт, несмотря на горечь разлуки, был доволен, что сумел помочь любимой женщине в таком важном деле.

Глава 7

В «Зелёном Гае» почти ничего не изменилось: та же серпантинная дорожка к морю в четыреста ступенек, те же аллеи, та же смотровая площадка над обрывом, те же ажурные беседки, те же олеандры и магнолии. Всё оставалось прежним, только не было восторженной девушки, опьянённой ароматами юга и предвкушением любви.

Анна, зная свой уравновешенный характер, не ожидала, что её захлестнет буря эмоций. Прошлое настойчиво напоминало о себе: оживали звуки, голоса, Анна боялась, что у неё начнутся галлюцинации. Её изводила тоска, она не знала, куда деваться от неё. Всё вокруг кричало о нём, она уехала бы, если б не Олежка.

Ему тут всё нравилось. Он был счастлив, как она когда-то, и, казалось, не замечал подавленного состояния матери. У них было «своё» место на пляже, но однажды, задержавшись после завтрака, они обнаружили его занятым и пошли искать другое.

Нашли. Правда, не такое удобное, но ничего, пойдёт на денёк. Разложили подстилку, погрелись, поплавали и вернулись на место. Анна, прикрыв голову шляпой, легла загорать, а Олежка рядом строил пирамиды из песка, потом заскучал и стал оглядывать окружающих, подбирая себе компанию.

– Мама, – вдруг сказал он, – мне нравится вон тот дядя.

– Какой? – удивилась Анна.

– Тот. В белой кепке.

Анна увидела невдалеке мужчину в белой кепке, который сидел вполоборота к ним и, надвинув на нос тёмные очки, читал книгу. Ничего особенного, единственное, что отметила она, – наметившийся животик.

– Чем же он тебе понравился? – улыбнулась мать.

– Не знаю. Можно я с ним познакомлюсь?

– Сынок, это неудобно. Человек читает, а ты ему помешаешь. Нехорошо.

– Я не буду мешать. Я только поиграю рядом. Я никуда-никуда не уйду! Можно?

– Ну хорошо. Только не приставай к людям. Яблоко хочешь? – она достала из сумки два яблока – ему и себе.

– Хочу! – сын выхватил из рук матери оба яблока и направился в сторону незнакомца.

Анна, улыбаясь, следила, как он сначала с независимым видом ходил вокруг мужчины, потом присел рядом, потом протянул ему яблоко, а потом с серьёзным видом рассказывал о чём-то. Мужчина, отложив книгу, с интересом слушал, потом говорил что-то сам. По всему было видно, что они нашли общий язык.

Мать испытывала чувство неловкости, боясь, что ребёнок может надоест чужому человеку, а тот из деликатности будет терпеть детскую болтовню, поэтому через полчаса позвала сына.

На следующий день их прежнее место оказалось свободным, но Олежка упрямо тянул мать туда, где они были вчера. Анна неохотно уступила и поняла каприз сына, увидев на прежнем месте вчерашнего мужчину в белой кепке. Олежка настаивал, чтобы она положила подстилку рядом с ним, но мать облюбовала место немного в сторонке.

Сын не сводил глаз с нового знакомого и, улучив момент, снова подошёл к нему. Мужчина тотчас отложил книгу и заговорил первый. Он внимательно слушал ребёнка, иногда на его губах появлялась улыбка, лицо светлело, потом опять становилось серьёзным и немного грустным.

– Надо же! Как похожи! – сказала женщина, сидевшая рядом на песке.

– Кто? – не поняла Анна.

– Да вон – мужчина сидит с сыном, – она указала на Олежку. – Вылитый отец! Надо же! Мы, бабы, мучаемся, а мужикам всё достаётся.

Анна растерялась, потом возразила:

– С чего вы взяли? И вовсе не похож. Это мой сын, прилип к чужому мужчине.

– Надо же! – снова всплеснула руками словоохотливая женщина. – Бывают же чудеса на свете!

Анна, поднявшись, подошла к ним и, извинившись, увела сына.

– Нельзя так надоедать людям. Нужно знать меру, сынок.

– Мамочка, ну я же нисколько не надоел! Я же знаю! – чуть не плакал Олежка. – Ему со мной интересно! Он хороший. Он всё-всё на свете знает. И даже какая температура на Марсе!

– Ну хорошо, хорошо! Завтра вы снова поговорите, а сегодня – нам пора.

Олежка подчинился матери, но насупил и, уходя с пляжа, всё время оглядывался на своего нового друга.

Глава 8

Молодой мужчина в тёмных очках, белой кепке и с наметившимся животиком был не кто иной, как Олег Божко. Каждый год он приезжал в «Зелёный Гай» с надеждой вновь встретить там свою любовь. Не получив ответа ни на одно письмо, он сначала страшно переживал, а потом решил, что у Анюты, видимо, была веская причина не отвечать на них. Он перебрал в уме несколько вариантов, объясняющих её нежелание поддерживать с ним отношения, но когда вспоминал её ясные глаза, милую застенчивую улыбку, что-то в душе подсказывало ему, что все его логические умозаключения ложны. Каждый год он ехал в «Зелёный Гай», уже не веря в возможность встречи, просто сердце настойчиво стучало: «А вдруг? А вдруг?»

Мать одолевала его настойчивыми просьбами завести семью, он отмалчивался, а для себя решил, что не женится никогда, а если женится, то только на девушке, похожей на Аню.

Мальчик на пляже ему понравился. Он почувствовал в ребёнке что-то знакомое, даже попытался вспомнить, где он мог его видеть. Когда малыш сообщил, что они с мамой живут в «Зелёном Гае», успокоился. Конечно, там и видел, но не обратил внимания. Рассеянным взглядом отметил, что мать малыша симпатичная женщина, наверное, и отец ей под стать. Вечером, лежа у себя в «люксе», он почему-то возвращался мыслями к малышу и, желая поощрить его любознательность, решил научить его играть на компьютере. Ноутбук был всегда при нём. Правда, не было детских игр, но это не проблема. Привыкнув ко всему подходить серьёзно, утром он задержался, подбирая наиболее интересные детские программы.

Олежка, едва позавтракав, помчался на пляж. Анна по пути хотела зайти на рынок, купить фруктов, но мальчик торопил её, словно опаздывал куда-то. Придя на место, он осмотрелся и поник, Анна поняла, почему – мужчины в белой кепке на обычном месте не было.

– Не расстраивайся, сынок. Придёт твой друг попозже. Мало ли какие дела у него. Зря ты меня торопишь, вот – без фруктов остались.

– А ты сама сходи. Рынок же близко.

– Нет уж, пойдём вместе, я тебя одного тут не оставляю.

Олежка, надув губки, поплёлся за матерью. Она пыталась взять его за руку, он отводил её, всем видом давая понять, что обижен.

Мальш был страшно расстроен, не увидев на месте дядю Олега. Никогда ещё он не испытывал такого притяжения к незнакомому человеку, никогда и никто не воспринимал его так тепло и так серьёзно, как он. Они были тёзки, и это обстоятельство тоже радовало его. Дядя Олег обещал научить его играть на компьютере, как раз сегодня он собирался пригласить его к себе в гости, если, конечно, мама разрешит. Мальш был уверен, что уговорит маму. И вдруг – он не пришёл. Почему? Нет, он совсем не похож на обманщика!

«А вдруг он уже пришёл, а нас нет! Подумает, что это мы не пришли, и уйдёт куда-нибудь. А вдруг он пойдёт купаться, заплывёт далеко-далеко и утонет», – эта мысль полоснула ребёнка по сердцу. Нуж-

но скорее вернуться на пляж! Что же мама так долго выбирает персики? Вот, теперь стала в очередь. Нетерпение и тревога охватывали ребёнка все сильнее, наконец, улучив момент, он ускользнул от матери и помчался на пляж. Сын знал, что мама испугается, не найдя его рядом. Но ведь она найдёт его очень быстро, потому что он будет сидеть на прежнем месте. Ничего же не случится!

Олежке казалось, он хорошо запомнил место, но, к удивлению, не мог найти его. Он остановился и, сощурившись, внимательно осматривался. Скоро у него зарябило в глазах от солнца и обилия сидящих, стоящих и лежащих людей в купальниках. Все они были какие-то одинаковые. Он стал искать белую кепку, но это не помогло: шляпы, панамы, кепки сливались в нескончаемую полосу. Малыш растерялся.

Анна купила персики и повернулась, ища глазами сына. Только что стоял рядом! Внутри всё похолодело. Громко звать сына она постеснялась, только спрашивала прохожих, не видели они мальчика пяти лет в голубой кепочке? Кто-то сказал, что он бежал в сторону пляжа. Мать ринулась туда. К её ужасу, сына на месте не оказалось. Никто из сидящих рядом его не видел. В состоянии, близком к обмороку, она подбежала к берегу: может, сидит у края моря и играет с мокрым песком? Вытирая трясуцимися руками тихие слёзы, Анна не знала, в какую сторону идти. Кто-то подсказал, что нужно объехать по радио, дети часто теряются на пляже – найдётся! Она ринулась к радиорубке и, заикаясь от волнения, еле выговорила имя и фамилию сына.

Олег неторопливо расположился на привычном месте на пляже и огляделся по сторонам. Не увидев Олежку, неожиданно огорчился. Он быстро окунулся в море и вышел, невольно озираясь вокруг. Вдруг услышал свою фамилию, прислушался: на весь пляж звучали его имя и фамилия, но в каком-то необычном сочетании слов: «Олег Божко пяти лет из города Красноярска, тебя ждёт мама у радиорубки. Граждане, нашедшие ребёнка, приведите, пожалуйста, Олега Божко пяти лет к радиорубке».

Сначала Олег удивился: надо же, такое совпадение! Потом подумал, а не тот ли это мальчик, который общался с ним. Тоже Олег, пяти лет...

Вдруг его словно молнией ударило, он даже вздрогнул, вспомнив слова: «из города Красноярска». Анята ведь тоже из Красноярска! Но она – Михайлова. Да при чём тут это! Она давно поменяла фамилию! Вышла замуж за Божко?! Не бывает таких совпадений! Мысли роились, в душе росла тревога, которая заставила его прочёсывать пляж, потом бежать краем берега, потому что отсюда лучше просматривалось пространство воды и суши. Никого не стесняясь, он громко звал мальчика.

Услышав голос Олега, мальчик обернулся на зов, увидел своего друга, вероятно обрадовался и, заверещав пронзительно: «Я нашёлся, нашёлся!» – кинулся к нему.

Олег подхватил мальчика на руки и, глядя в радостное личико, спросил:

– Что ж ты, тётка, людей пугаешь? Куда ты шёл?

– Вас искал. Мы с мамой пришли, а вас нет. Я думал, вы куда-то пропали... Вы же обещали...

– Так я потому и задержался, что обещание своё исполнял. Такие игры достал – сам увидишь!

Они шли через пляж к радиорубке. Олег крепко держал малыша за руку, а тот, глядя на него снизу вверх, счастливо улыбался. Мужчина, вытирая кепкой пот с лица, тоже имел вид вполне счастливого человека. Они шли, одинаково наклоняясь вперёд,

оставляя немного в сторону коленки, одинаково улыбаясь, сияя похожими глазами.

– Го-о-о-с-поди! – прошептала Анна, увидев их, и в изнеможении села на песок.

– Мамочка, родненькая, прости меня, пожалуйста! – умолял сын, утирая ладонками слёзы матери. – Не плачь, мамочка, я же нашёлся! Меня дядя Олег нашёл!

– Это ты его нашёл, – пробормотала сквозь слёзы мать.

– Мамочка, ну почему ты плачешь? Радоваться же надо!

– Я и радуюсь, сынок, – наш папка нашёлся.

Мальчик широко открыл глаза, несколько секунд смотрел на мать, потом спросил растерянно:

– Где он? – огляделся вокруг, увидел стоящего за ним Олега и кинулся к нему с воплем: – Па-по-чка-а-а!

Олег поймал на руки сына, крепко прижал к себе. Пытаясь подавить комок в горле, подошёл к Анне, которая по-прежнему сидела на песке. Не выпуская из рук сына, опустился рядом с нею, крепко обнял свободной рукой и, уткнув лицо в её плечо, сказал, как тяжкий груз свалил: «Наконец-то!»

Зиночка и Владимир Иванович сидели во дворе собственного дома под виноградом и пили охлаждённый компот из вишен. К вечеру жара спала, и можно было в полной мере насладиться прохладой. Они сидели за столом и неторопливо обсуждали семейные дела. Как всегда, говорили о сыне.

– Да-а-а, – печально вздыхала Зиночка, – наверное, и правда Бог ничего не даёт людям сполна. Взять хотя бы Олежку: ну всё ему дано: и ум, и талант, и красота, и здоровье, и деньги – всё есть! А вот судьбы – нет! Да неужели ж не найдется на него хорошей женщины! Да неужели ж мы с тобой, отец, внуков не понянчим! Да за что ж ему такая судьба! – сокрушалась она.

Владимир Иванович молча внимал жене и полностью разделял её переживания.

– Может, порча на нем? Может, к гадалке сходить? Ну надо же что-то делать! Ты бы как мужчина с мужчиной с ним поговорил. Может, у него что не так, да стесняется сказать...

Погружённые в свои невесёлые думы, они не слышали шума подъехавшей автомашины, не слышали, как открылась железная калитка, а отреагировали только на голос сына:

– Добрый вечер!

Всполошились, побежали навстречу и оторопели, увидев рядом с сыном незнакомую женщину с ребёнком и чемоданы в его руках. Остановились в растерянности, наконец, воскликнули разом:

– Сынок! Как неожиданно...

Олег прошёл во двор, поставил чемоданы и, выдвинув вперёд Анну и Олежку, сказал:

– Знакомьтесь, родители! Это – моя жена Анна, а это – мой сын Олег. Прошу любить и жаловать!

Возникла немая сцена. Из оцепенения вывел всех звонкий детский голос:

– Дедушка! Бабушка! На самом деле всё случилось очень просто: сначала мы с папой потерялись, а потом все нашлись. Бывает!

Февраль 2006 г.

Николай Кушнир

д. Аксёново, Луховицкий р-н,
Московская обл.

Кушнир Николай Андреевич родился на Кубани в 1940 году. Окончил Краснодарский педагогический институт, работал учителем биологии. С 1970 года жил и работал в Москве.

Стихи пишет с юных лет. В 1995 году вышел сборник стихов «Отцвело на лугах, отыгралось», в 2010 году вышел второй сборник стихов «Колокола души моей».

Сейчас на пенсии, живёт в дер. Аксёново Московской области.

В. Осокину

Отпустив ручьи-поводья,
Мчит весна из поля в сад.
Молодые травы всходят,
Жить по-новому хотят.

Нам по-новому зажить бы,
Наледь сердца распыля.
Помнишь, были до женитьбы
Мы – два белых журавля.

Не вернуть уже бывшее,
Но подметил я в саду –
Ходит небо голубое
У ручья на поводу.

В стороне курлычут стаи,
Молодых с собой ведут.
Нас в неведомые дали
Жить по-новому зовут.

Райские кущи

В огуречном краю
У межи с Луховицами
Я живу, как в раю
С верным псом и синицами.

Рай обычный, земной,
С огородными грядками
Есть картофель родной,
Погреб с бочкой и склянками.

А какой светлый сад!
Уголок в нём сиреневый,
И цветочный оклад,
И газоны расстелены.

Ежевика еже
И красавицы-яблони,
А у самой межи
Две осины – две ябеды.

Ветерок чуть дохнет
Из безмолвия синего,
Его вздох выдаёт
Лепет нежный осинового.

Я с рассвета в трудах,
И рыбалка ждёт с вечера...
А года? Что года...
Как вода быстротечная.

Позвал синиц я на обед
Из пойменной округи,
На зов слетелись млад и сед,
Выписывая дуги.

Посыпал корм на решето
Среди ветвей осины,
Слетелся рой голодных ртов,
Пытаясь страх осилить.

Одна приблизилась ко мне,
Крупинку подхватила,
Другая на лихой волне
Тот подвиг повторила.

Всего с десяток смелых птах
Присели, ели крохи,
А остальных окутал страх –
Дела с ним в стужу плохи.

Как и у нас, в сердцах живёт
У птичек убежденье:
Кто не рискует – тот не вьёт
Гнезда порой весенней.

Здесь лето

Здесь лето, тишь и благодать...
Прошёлся ветер по соломе,
Ветла над речкою в поклоне
И хата, как забыта мать.

Забыта, брошена в глуши,
В молитве стала на колени.
А души... души не ушли
Чредой прошедших поколений.

Я ощущаю их везде:
На ставнях в лёгких паутинах,
В беседке ветхой под осиной
И на наличниках в резьбе.

Всему здесь скоро прахом быть...
На то дано благословенье.
Но будут души приходить
На место своего рожденья.

Такая ж будет благодать.
Пройдётся ветер по бурьяну,
Проснётся верба рано-рано,
А слово некому сказать.

Зачем?

От Соломона до Сократа
И дальше до наших времён
Поднимался неоднократно
Вопрос:
Зачем мы живём?
Вот я в дождик иду по лету,
В мыслях мелькает то
И это:
Как прекрасно, что я живу,
Что, раздетый и босоногий,
Земной ощущаю мир,
Нежно-ласковый от Бога,
Его б вечно вдыхал и пил.
От земли по ногам прохлада,
И сразу является мысль:
Как трава я, что солнцу рада,
Но взлетаю порою ввысь.
Вот...
А трава-то зачем живёт?

Огород мой у скромной речки
На склоне солнечном.
Он от тучности меня лечит
И от бессонницы.

В нём какая-то есть загадка,
В нём чудо водится:
Я, как Карлсон, лечу над грядкой
В преклонном возрасте.

И в каком бы углу я не был,
В какой сторонке –
Между мною, землёй и небом
Связь – головоломка.

Легонько взором я дотронулся
До липовых аллей,
До ивняка, в багрянце тонущем,
До вспаханных полей.

А тишина слегка колышется,
В глуши та тишина,
Когда и голос дальний слышится,
В ушах звенит она.

И нити к небу паутинные
Взлететь влекут меня...
Лечу путями соколиными...
Земля, я твой, Земля!

Твоё разумное создание,
Твой радужный полёт.
Зовут меня просторы дальние,
И глубь твоя зовёт.

Как жаль, что это скоро кончится,
Как жаль, до боли жаль...
А мне ещё увидеть хочется
За далью даль, за далью даль...

Залезу в галоши, фуфайку накину
И выйду за угол по малой нужде.
Вдохну свежесть утра и запах мякины,
Кивну загулявшей на небе звезде.

Махну запоздавшему птичьему клину
И взглядом окину крестьянский надел,
Примерю я что-то и что-то прикину,
Навалится уйма делишек и дел.

Там стукну-пристукну, там грядку вскопаю,
Для роздыха только на небо взгляну.
И мысли о таинствах мира вскипают,
Меня нестерпимо зовут в глубину.

Хочу улететь, где рождаются зори,
И в мир непривычный уводит стезя...
На мыслях, на чувствах земные мозоли –
Никак от земли оторваться нельзя.

Залезу в галоши и выйду за угол...
В упряжке крутой на крутых виражах
За хлебом насущным бегу я по кругу,
Пока не готов сделать в сторону шаг.

Гроза

Как свекровь, отсверкала довольная молния,
А за ней отворчал по-домашнему гром.
Полилась голубая с Востока симфония,
Засвистел, зачирикал берёзовый дом.

В этом доме зелёном родился не пасынком,
Понимаю мелодию синих небес,
Понимаю траву, что грозой обласкана,
Этот свет обновлённый, ликующий весь.

Невозможно глубокое, светлое, вечное
Обнимает меня, не даёт возражать.
Ощуцаю душою такую сердечную
И всегда непонятную мне благодать.

Петухи вдалеке кукарекнули.
Чья-то песня грустит за рекой.
Сядем рядом, где речка коленками
Упирается в берег крутой,
И послушаем песню заречную...
Отчего же так плачет душа?
Иль обидел кто ласковым вечером,
Иль любовь стороной обошла?
Что ты, песня, так в грустное рядишься,
За живое берёшь и берёшь?
Слава Богу, у нас пока ладится,
Чую губ твоих сладкую дрожь.
Упирается речка коленками...
И рождается тихий прибой...
Так неожиданно рассветами летними
К нам пришла самозванка-любовь.

След

Как-то тысячи разных молекул
Собрались на пути бытия,
Сговорились себе на утеху,
Обнялись, и вот на тебе – я!

И пошёл я единственным долом,
Где был выдан кусочек пути.
Только я мог войти в его лоно,
Только я по нему мог пройти.

Только я так слова растревожу
И зажгу в моих мыслях тот свет,
Что во времени высветить сможет
Мой – из тысяч – единственный след.

А когда подойдёт разрушенье,
Распадусь на молекулы я,
Разбредутся они по Вселенной,
По бескрайним путям бытия.

Но пока в мироздании будет
Хотя б искра живого ума,
Со следа толщу времени сдует.
И его засверкает канва.

К мысли мысль с уважением коснётся,
Суеверных не зная оков,
Через толщи прошедших веков
Между ними беседа прольётся.

Слово

В. Осокину

Укрывается ветер ржанкою соломой,
Засыпает и чутко так спит...
Только мне не уснуть,
Ищу нужное слово
Для ночной затаённой степи.

Только мне не уснуть:
Во мне молодость бродит
Не с того ли, что лунность хмельна?
Из небес так янтарно сочится она
И в душе хороводит.

В тишине где-то перепел кличет подругу,
А она так любовно вторит...
Это так хорошо, что по вечному кругу
Всё живое над бездной парит.

Хорошо,
Что душа моя в лунной купели
Освятилась и сбросила гнёт
Ежедневной, житейской, пустой канители
И за словом над степью плывёт.

Арина Ладенка

г. Москва

Родилась в г. Москве. Юрист, преподаватель.
Публиковать стихи начала с 18 лет, но фактически – после одобрения её творчества В.Г.Распутиным – выдающимся российским писателем.
В 2009 году вышла книга стихов А. Ладенки – «Дорогами надежд», а в 2012 – проза – «Крыша поехала».

Дом

Дом доживает век, как человек, –
Печалится, что сила молодая
Ушла из дома, словно бы от бед –
Дом подновлять
и строить не желая...

Дом постарел
и словно в землю врос,
И, горький час
как будто приближая,
Двор завалился –
прежде был высок –
Теперь стоит,
с кустом себя ровняя...

Крестьянский двор
кормил нас сотни лет –
Кричал петух, и гуси гоготали,
Корова здесь не мёрзла
в холода,
Топтались овцы,
птицы щебетали...

Сошёл сюда невиданный покой:
Семья распалась –
рухнет домина...
Весёлым окнам
не сиять в рассвет –
Не отражаться зóревым рубинам!

Лишь только печь
поёт по вечерам –
Дом согревая хладный и убогий, –
В весенних
стылых мартовских ветрах,
И топит печь
отец твой одинокий...

Из города сюда в перекладных
Он добирался долго, через силу –
Он топит печь,
Чтоб дому жизнь продлить,
Собрать родню
и дать наказ свой сыну:

«Храни очаг! Храни свою семью!
Чтоб не сидеть
под старость на руинах,
И душу православную свою
Не дай грехам блазнить,
пока ты в силах!

Ты созидай работой отчий дом –
Расти детей, душой их согревая –
Без дома мы –
песчинки на ветру –
Нас без корней
развеет вражья стая!...»

Огонь в печи –
в оконце тусклый свет –
Тот свет в ночи –
заветный свет России,
О, скольких,
скольких отогрел от бед –
Свет праведный,
свет горький –
ностальгии...

Ночь морозная

К фразе
«...ну не на войну же уехал,
чего волноваться?», –
улышанной на улице
из таксофона...

...Ночь морозная над Россиею...
В небе звёзды, в домах – огни.
Божья Матерь
...с иконок смотрит,
Дети-ангелы спят в тиши...
Мама-мамочки молодые, –
Не сыскать в сером дне утех!
Что же Вы не спите, родные,
Иль какой на душе Вашей грех?

Руки стёрты от вечных стирок,
Лбы в морщинках –
Чем деток кормить?
Недоглаженное,
недоштопанное –
Сколько ж дней
на стульях копить?

...Гудом ноги – дела, магазины,
Да по дому сколько пройдёшь,
А ещё капризы у сына –
Детских слёз
кратковременный дождь!

Круговерть, круговерть заводная,
И не виден, не виден просвет...
Говорят, виноваты правители –
Есть кафтан – хозяйина нет.

И поправит платочек молодушка,
как начнёт в ночи припевать
Чудотворцу, Христу-Спасителю, –
Чтобы больше войне не бывать!

...
«Ты услышь, Творец и Создатель, –
Две руки не боятся труда,
Баба русская выдюжит много,
Только чтобы война не была!

...
Посчитали бы генералы,
Сколько стоит один мужик
И бессонных ночей материнских,
И трудов, что не вставишь в стих!

...
Пресвятая Дева Мария!
Образумь людей, образумь!
Отведи напасть от России,
Чтоб в сердцах воссияла лазурь!

Коль и правда собирать мне мужа,
Провожать бы не на войну,
Чтоб детей не одна растила,
Чтобы хлеба хватало в дому...»

...Полночь тёмная.
Захолонуло.
А в домах огоньки-огни –
Божья Матерь с иконы смотрит,
Бабы
молятся на Руси...

От автора – тогда шли девяностые...
а чуть позже... был Грозный, война
в Чечне.

Хиросима

Мне без тебя не живётся, не дышится,
Мне без тебя – небо плачет отчаяньем.
Слепо рыдает пустыми глазницами,
Серыми каплями, мёртвыми птицами
Вновь поливает поля моей памяти.

Ты – словно клин посреди мироздания,
Тот, на котором дороги все сходятся...
Точка. И мой вечный знак препинания.
Все мои сны, паранойи и мании
Всё без тебя как-то не успокоятся.

Мне без тебя – в пустоте сумасшествия
Кажется, гибнут миры в столкновениях.
Ты – моя вечность. Причина и следствие.
В днях, когда я без тебя, нету бедствия,
И... миллион Хиросим – во мгновениях...

Я хотела быть больше

Я хотела быть больше, чем двери открытой скрип,
Чем манящая вспышка, чем просто щелчок
в душе,
Я хотела петь песни, но голос совсем
охрип,
Литься нежностью клавиш, но ты предпочёл
туше.

Я пила запах ветра, крылом ощутив
полёт,
И пусть плачем за мною летел колокольный
звон,
Я не знала, что вечность уже обо мне
поёт,
Что ты молча в двустволку уже зарядил
патрон.

Переплавила сердце в развёрнутый белый
лист,
Без чужих отпечатков, следов, ярлыков
и проб,
Я мечтала цветами раскрасить весны
батист,
Но ты саваном белым его положил мне
в гроб.

Мне всегда было мало твоих сумасшедших
слов,
Мне хотелось в ладонях рассветы тебе
нести,
Я теряла бессмертность в глубинах твоих
миров,
Я хотела быть больше... За это меня прости...

Лёля Ладная

г. Сумы, Украина

Девять дней под водой

Девять дней под водой... Мой текучий, навязанный мир.
Погружаю сквозь страх в Марианскую впадину тело.
Вытекает стеклом из разорванных лёгких эфир,
Льётся струями «холод», «тоска». И никак – «отболело»...

Я пишу имена на потрёпанных картах морей,
Утонувших со мной. Там, где выплывших в небо – так мало,
Раздвигая слои беловато-молочных костей
Осьминогом ползут, прорастая сквозь сердце, кораллы.

Я в холодные дни заливаю расплавленный воск,
Разрезаю глаза об осколки зеркал водопадов.
В них я – слово Никто, параллельных вселенных песок,
В треугольник Бермуд занесённый вчерашним торнадо.

Улыбаемся жизни оскалом поломанных скул,
Губы – в слизи медуз, заражённых дыханием СПИДа.
Набиваем живот истеричных тигровых акул,
Исчезаем внутри, как исчезла навек Атлантида.

Наши ангелы – скаты. Со скользким, пятнистым крылом.
Счастье – сшито из пены, в обход всех канонов покроя.
Рай – ни небо, ни дно. Наша жизнь – это вечный шансон.
Наше тело, как порча, под серой болит чешуёю...

Я жду

Так много причин не ступать за порог,
Так трудно уснуть по ночам.
Я многое в жизни смогла запороть,
Не думая даже начать.
И порох в патронах давно отсырел,
А люди приходят, как спам.
Я жду, когда желчь, что держу я в себе,
Без слов превратится в напалм.

И как тонким слоем элитной икрой
Размазан по лицам порок,
Как вдруг обернётся кипящей смолой
Направленный в душу плевков.
А тучи расписаны синим под гжель,
А прошлое – в хлам, в хохлому.
Я жду, когда сердце ударит о мель,
Осколками брызнув во тьму.

Когда, разрывая мембраны в куски,
Я выблюю душу до дна.
Я часто пыталась бежать от тоски,
Да вот не смогла ни хрена.
И я перестану писать, наконец,
Щадя искалеченный слог.
Потеряна в мире остывших сердец.
Не жду. Не ищи меня, Бог.

Анна Ланская

г. Луховицы, Московская обл.

Снежные пчёлки

...Небо замёрзло, крошится и падает,
Падает, падает музыкой звонкой,
Снегом порхающим, лёгким и колким,
Ярким, как семь из семи цветов радуги.

Жалят снежинки, как пчёлки, безвредно,
Тают, лишь только к теплу прикоснутся.
Снежные пчёлки, упавшие с неба,
Станут водой, чтобы в небо вернуться...

Творческий кризис

«Не то!
Не так!
Всё плохо!!!
Всё напрасно!»
Швырнула на пол краски,
холст проткнула,
Рисунки порвала,
реву белугой...

Проходит час: реву, но улыбаюсь,
Всё поднимаю и рисую снова:
«В конце концов, мир начинался с хаоса...
Какое же терпение у Бога!...»

На рынке мудрецов есть правило негласное.
Чем более странно твоё искусство,
Тем выше ценится.
Только одно неясно:
Как отличать шедевры от безумства?

Больше, чем время,
Цени вдохновение:
Время возможно
Чуть-чуть растянуть,
Но вдохновение
Ты, к сожалению,
Коль проворонишь,
Не сможешь вернуть...

В кошке нежность и жестокость
Соединены;
И глаза её – два солнца;
Две луны;
Мило с мячиком играет
Днём;
Ночью птица умирает
Под когтём;
Спит сегодня
На руках –
Завтра убегает
Навсегда...

Коты у нас часто игрушки в руках,
Живые ручные игрушки.
Не знают отказа в различных кормах
И спят на красивых подушках.

Живут, словно в сказке: не ловят мышей,
Играют, весь день отдыхают.
Гордится хозяин игрушкой своей:
Гостей хорошо развлекает.

Нам жаль, без сомнений, кота-сироту:
Всю жизнь его кормит помойка.
Домашнему лучше.
Тогда почему
Он слёзы роняет тихонько?

Спросите его, почему иногда
Вас очень больно кусает;
В смелых мечтах из окна навсегда
На улицу он убегает?

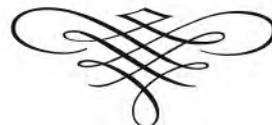
Конечно, молчание будет в ответ,
Но ясно всё без разговоров:
Под шубкою мягкой тысячи лет
Кот прячет хищника норов...

Смотрите, как мило свой мячик грызёт
Живая игрушка с усами!
Кто бы увидел, как грустно живёт
Хищник, изнеженный нами...

Мы верили когда-то в раннем детстве,
Что феи вместе с нами по соседству;
Но, повзрослев, считаем это бредом,
Не верим в чудеса, что рядом где-то.
Слепцами бродим среди серых улиц,
Но так хотим, чтоб волшебство вернулось...

Идей и замыслов большое множество;
Но я хочу, чтоб часом не зазнаться,
Сказав: «Я исчерпала все возможности!» –
За что-то новое скорее взяться!

Быть недовольным тем, что ты имеешь,
На самом деле – благо, да какое!
Ты недоволен, значит, крепко веришь,
Что завтра будет лучше, чем сегодня!

*Я собираю осколки то ли лиц, то ли масок,
Людей, что столкнулись со мной в этой жизни
И считавших: «Прямая спина – это символ свободы», –
А любовь и душа – утешенье для слабых.
Что ж, ступайте,
А я наклонюсь над цветком и ребёнком.*

Любимой

Кому с кем быть – решают небеса.
Кому – награда, многим – в наказание.
Любимым быть хотя бы полчаса –
Ответ на все вопросы мироздания.

Под перестук, под пересуд молвы,
Рутинный быт, потери и разлуки,
Взорвав асфальт с неистовством травы,
Мы сквозь года друг к другу тянем руки.

17 июня

А я влюблён в тебя, как в самый первый день.
В тебя, в твои глаза и дивный голос.
Ты в зной – глоток воды, спасительная тень,
Ты мне, как журавлю – зерном налитый колос.
Ты для меня – и жизнь, и явь, и сон,
Мечта, желанье, вздох и путь к ответу.
Ты – ритм, в котором сердце в унисон
То вдруг замрёт, а то рванется к свету.

Зимний триптих

Тьма за окном похожа на проклятье...
Плач ангелов на крышах в декабре,
И морозящий дождь зовёт меня в объятья,
Дробя свет фонарей в оконном хрустале.

Январь. Иерусалим луною полной болен,
И нету никого, кто б мог ему помочь.
Играет ветер марш в гобой туннелей-штолен,
Свет окон, звёзд и фар выдавливая в ночь.
Мой город ждёт дождя, как благо омовенья,
Чтоб взвесь вернуть назад летящего песка
И зазвучать в рассвет молитвой дозволения,
Соединив в себе сегодня и века.

Свинцовых туч стада, готовые заплакать,
Гоняет ветер, корчась и рыча.
А за окном – Иерусалим, февраль и слякоть,
А дома – Ты, тюльпаны и свеча.

Яков Левин

г. Иерусалим, Израиль

Цикл МарианНская впадина

Возвращаюсь к тебе через Чёрное море,
Но задержка в Стамбуле на восемь часов.
Муэдзинов турецких кричащее горе
С минаретов стекает на чаши весов.

До тебя два часа и ещё одно море.
Бьются льдинки в бокале о стенки стекла.
Дежавю о любви, что проявится вскоре,
Только вот не припомню, какого числа.

Приезжай... (диптих)

Порезал август звездопадом небо,
Ночь расцветив на зависть и Парижу.
Я обойдусь без зрелищ и без хлеба
За обещанье, что тебя увижу.

И я готов поверить в это чудо,
Создав мираж из дыма сигареты,
Из пачки, что с картинкою верблюда,
И напишу тебе ещё сонеты.

И жду сентябрь без тоски и боли.
Неверием судьбу я не обижу.
Я жить готов без хлеба и без соли
За обещанье, что тебя увижу.

Приезжай поскорей, облетают берёзы...
Я молю их наряд сохранить для тебя,
Чтоб вручить тебе рощу букетом мимозы
И, коснувшись руки, вдруг умолкнуть, любя.

И воды родника дать возможность напиться,
И попробовать петь, о весне не скорбя.
Это ж надо на старости было – влюбиться...
Приезжай поскорей. Не могу без тебя.

Плоская Земля

Я в прошлой жизни
Был одним из трёх китов,
Чьи спины Землю на плаву держали.
Но люди, поумнев, её свернули в шар
И покатали к пропасти прогресса,
Наивно думая, что это будет взлёт.
И мы уплыли, расплескав по звёздам
Иллюзию, что у Земли есть шанс
Стать снова плоской и по-детски чистой.

Пока звучат стихи

В любом возрасте,
Если в тебе ещё звучат стихи,
У тебя есть возможность
Сменить монолог одиночества –
На диалог любви.

На бёдра марта с талий февраля...

На бёдра марта с талий февраля
Сползает год змеиным переливом,
Шипя о том, что жизнь дана не для...
А для того – чтоб быть с тобой счастливым.

И просыпаться, зная, что любим,
И верить, что вернутся те апрели,
Где был ты, есть и будешь – молодым,
Где чувств не потускнели акварели.

И ты любима больше, чем вчера,
Хотя представить это очень сложно.
Да, знаешь, что сказали доктора?... –
«Вам без неё и выжить невозможно».

Лечу-лечу

Листом опавшим я к земле лечу
Вдоль линий жизни на руке у Бога.
И пусть закат, и тяжела дорога, –
Твоей любовью я себя лечу.

Крылья

Кто ушёл из любви, сдавши в чистку крыла,
Не услышит в ночи, как Земля замерла,
Как, сгорая, стремится в рассвет Зодиак,
Не поймёт, что в душе его что-то не так,
Что бессмысленна жизнь, хоть сыта и светла...
И на стенке прибиты два чистых крыла.

Поэту

Л. Хауту

А мы веками уходили в небо,
Оставив за спиной сирены паник.
Вокруг кричали: зрелищ, крови, хлеба!!!
Бросая вслед: чужой, изгой и странник!

Мы за Руном, Граалем, Синей птицей...
Сума и посох – дальняя дорога.
Не ожидая ваших инвестиций,
Ни одобрения, ни даже некролога.

Мы уходили в небо серым дымом,
Не веруя в возможное: «ВОСКРЕСНИ»,
На встречу с чем-то важным, неделимым.
И уходя, вам оставляли песни.

Гость

Мы по жизни плывём, как паром,
В ритме рваном, сквозь радость и злость.
Рад за вас, вы построили дом,
Ну а я здесь по-прежнему гость.

Дверь в замках охраняет покой,
Всё добротное, а не на авось.
Жизнь как пруд, а была ведь рекой.
Ну а я здесь по-прежнему гость.

За достатком, престижем – не зря
Вы рвались, как на нерест лосось.
Вы приплыли, отдав якоря,
Ну а я здесь по-прежнему гость.

Вы не бойтесь, что я на бегу
Вдруг склюю вашу спелую гроздь.
Почему? Объяснить не могу.
Просто я здесь по-прежнему гость.

Такие наступили времена

Какие наступили времена?
Те, что уже никто не выбирает.
Иерусалима древняя стена,
Как глыба льда, в закат слезами тает.
Под низкий бас больших колоколов
Молитва славит Бога и тревожит
Осколки вдребезги разбитые основ.
И новый день опять бездарно прожит.
В душе любовь растворена до дна,
И стаю слов дотла сжигает лето.
И меж друзей то ссора, то война,
Чувств темнота, вопросы без ответа.
Жизнь – как любовница: вкусна, влажна, грешна,
Что над тобой смеётся и гуляет...

Иерусалима древняя стена,
Как глыба льда, в рассвет слезами тает.
Такие наступили времена.

Пальцы в золото

Осень ветреной девчонкой
Закрутила подолом,
Разноцветною юбочкой
Будит мысли о былом.

О прошедших свадьбах где-то,
О пирах в другой стране,
Где горит чужое лето,
Где не помнят обо мне.

Боли нет и сожаленья,
Что я что-то не успел.
Нам Господь (оставь сомненья)
Пальцы в золото одел.

Ода Ушедшим друзьям

Я славлю тех, кто, подойдя к черте
И пережив и взлёты, и опалу,
Не дав себе повиснуть на кресте,
Взметнувши меч в руке, вошёл в Валгаллу.
Кто на подъёме не бросал друзей
И не стрелял врагам заклятым в спину,
И не копил ни злата, ни вещей,
Не верил ни мулле и ни раввину.
Кто знал любовь, и кто писал, как пел,
Не сожалея о прошедшем лете,
Кто сам собою в жизни быть посмел,
Не изменив последней сигарете.

PS. Оставив завещание в сонете.

И лишь надежда собирать слова

А я не верю больше в чудеса,
Ни в добрых фей, волшебников, кентавров...
Земля опять меняет полюса,
Готовясь нас стереть, как динозавров.
С ухмылкой Чеширского кота
С календаря сползает год Змеиный.
В Миру свечою тает доброта,
Нам предвещая путь пустой и длинный.

И лишь надежда собирать слова,
Болезнь, страдать и спорить с небесами,
Себя забыть, сплетая кружева...

Их, может, кто-то назовет стихами.

Бело-чёрные ночи

Ночь серо-белую и хищную, как лунь,
Шлёт Питер в сны, дробя их и тревожа.
Колодцем высохшим закончился июнь,
Загара звук оставивший на коже.

Иерусалимской ночи чернота,
Как кофе молоком, разбавленная Белой.
Стихов и чувств глухая немота,
И свет луны, от зноя опьянелый.

И ветер северный, вздымающий песок,
Привет Исаакия несущий к Храму Гроба,
Мигренью памяти стучится мне в висок,
В которой юность, и любовь, и плач, и злоба.
Отъезд, разлука, жизнь и маята,
И дикое желание проснуться...

Иерусалимской ночи темнота,
Баюкает и обещает утро.

С годами проще понимать

С годами проще понимать
Желанья, чувства и резоны.
Любить свой дом, чураться зоны,
Друзей своих не предавать.
С годами учишься терять,
Не паникуя, без истерик.
И не желать чужих Америк,
Которых надо открывать.

С годами всё труднее жить,
Не разменяв себя на водку,
Жену – на новую молодку,
Чтоб страх и горечь погасить.
Годами можно пренебречь,
Когда глаза любимой рядом.
И осень огненным нарядом
Душе твоей прикажет петь.

Музыка жизни

Коснуться и лететь тягучей нотой «ДО»,
Моля о том, чтоб опоздало утро,
Где ждёт тебя старинное ландо
И путь в реальность нитью перламутра.
И чувствам, что построены в каре,
Готовые к атаке и успеху,
Отдать приказ: «Отбой», – щемящей нотой «РЕ»,
Открывшись счастью, воздуху и смеху.
Поверить: «Свет возможен меж людьми».
И красота – подарок и награда –
Влечёт к себе поющей нотой «МИ»,
Не требуя восторга и парада.
Струной гитарной зазвучит строфа,
В венки вплетаясь нового сонета,
Капелью слов стучится нота «ФА»,
Вопросы оставляя без ответа.
Стремится к берегу, где ждёт тебя Ассоль,
Забрызгав небо алыми шелками.
Рокочет шум прибоя нотой «СОЛЬ»
И полирует скалы ноготками.
И осознав, что жизнь дана не для
Того, чтоб забиваться в норы,
А чтоб взлететь звенящей нотой «ЛЯ»,
Внизу оставив беды, боли, ссоры.
Врагов не бойся, дружбы не проси...
Не сожалей о прошедшем лете,
Закончи жизнь высокой нотой «СИ»
И чувством, что не зря ты жил на свете.

Что случилось?

Мы раньше штурмовали города
И обрушали крепостные стены.
Во рву пираньями кипящая вода
Нас не пугала.
Трубами арены
Звала любовь,
и не было дилеммы:
«Быть иль не быть?»
Конечно же – любить,
Сложить к её ногам
и головы, и шлемы,
Готовы были пасть или Руно добыть.

Так что случилось?
Скука? Километры?
Остывший градус крови?
Суета?
Откуда пустота внутри?
И только ветры
Поют в цепях подвёмного моста.

У меня без тебя...

От тебя до меня пролегло полстраны,
У меня без тебя стали тусклыми дни.
Я забыл, как в окне твоём гаснет закат,
Я не знаю, что знаю (почти как Сократ).
Только вот в полнолуние мне видятся сны,
Что я встречу тебя с наступленьем Весны.

Ты позволь протянуть тебе руку...

Ты позволь протянуть тебе руку,
позволь рассказать,
что не стоит лелеять в ночи застарелую муку
и хранить, как святыню, пустую кровать.
Пенелопою ткать и беду, и разлуку,
Серым цветом наполнив свои небеса,
запретив себе верить в грядущее чудо,
и с тоскою глядеть, как спорает роса
у обочин дорог – в никуда, в ниоткуда.
Зиму длить, полагая умершей Весну
и несбыточной сказкой – цветенье сакуры,
и увядшим цветком опускаться ко дну,
превращая бессонную ночь в перекуры.
И поверь в то, что ты никому не должна,
и позволь зазвучать в себе новому звуку.
И в тебе, как когда-то, проснётся княжна,
только просто позволь протянуть тебе руку.

К чему покидать Содом?

На шее удавка – гаррота,
Словами кровавит Скальд.
Стихи, словно капли пота,
Стаккато долбят асфальт.

Не пишутся Ниды и Висы
По чистому снегу листа.
Руны сбежали, как крысы,
Как краски стекли с холста.

Не в радость уже работа,
И пуст и холоден дом,
И нету жены у Лота...

К чему покидать Содом?

Желанья Казановы

Юбилей. Сгорело лето,
Осень вешает покровы.
Жизнь накладывает ВЕТО
На желанья Казановы.

Гаснет свет в банкетном зале,
И в душе гнезятся совы.
Не искрит вино в бокале
Без желаний Казановы.

Ночь. Иерусалим в тумане,
Будни серы и суровы.
Пустота, дыра в кармане
Без желаний Казановы.

Но придёт Весна. И сердце
Разобьёт души оковы,
В жизнь швырнув огня и перца,
И желанья Казановы.

Сон

Ваш взгляд во сне скрутил меня плющом,
И вертикаль стены моей была дорогой.
Я к Вам спешил, укутанный плащом,
К той, что слывёт святою недотрогой.
Вот Ваш балкон и мягкий запах роз,
Распяты, пеньюар, открывший Ваши плечи.
В глазах испуг, и радость, и вопрос,
И пониманье: «Ни к чему здесь речи».

А после – стук копыт и лязганье мечей,
И стражников толпа, визжащая от злости.
Всё стоило того. О свет моих очей!
Я счастлив, что вчера был приглашён к Вам в гости.
Остались позади и скачка, и резня,
Твой герцог-муж, убитый на дуэли,
И мести ждущие и слуги, и родня...
Об остальном расскажут менестрели.

Я понимал, что сплю, что век сейчас иной,
И вряд ли шпаги свист меня заставит драться,
И прыть моя пусть выглядит смешной,
Но... как мне не хотелось просыпаться...

Короли

Короля «играет» свита,
Понимая свою важность.
Прочь сомнения – Dolce Vita,
Бьёт ключом ажиотажность.

Короли обычно голы,
Беззащитны, как младенцы,
Но забравшись на престолы,
Могут выкинуть коленца.

Не допустит это свита:
И поправит, и остудит.
Всё, что было – шито-крыто,
А порядок – есть и будет.

Долг, закон, наследник трона...
И любви желанья тают.
Слава Богу, без резона
Короли порой сбегают.

Не любитя, не пишется, не пьётся

Не любитя, не пишется, не пьётся.
С гирлянды слов следы исчезли смысла.
А сердце вдруг замрёт, а вдруг взорвётся,
в календаре вычеркивая числа.
И новый день, в котором нет коня
и жажды горьким ветром захлебнуться,
В том городе, где нет давно меня,
но где хотелось утром бы проснуться.
Совой в душе гнездится немота,
и кубик льда в бокале виски бьётся,
А завтра новых будней маета:
Не любитя, не пишется, не пьётся.
Затихла музыка, звучащая внутри,
и ритма нить, запутавшись, порвётся.
Слова как кляксы – лучше их сотри:
«Не пишется, не любитя, не пьётся».

Якоря

Ну почему, собравшись в жизни путь,
Когда на небе плещется заря,
Отдав швартовы и отплыв чуть-чуть,
Мы тут же вновь бросаем якоря?

Вот первый – с шумом устремился вниз,
Вцепился в грунт, лишь чмокнула вода.
Карьера. Жизнь теперь от сих – до сих,
В стол кабинета вписана всегда.

А следом загремел на дно второй.
Тяжёлый. Одному и не поднять.
Ты обзавёлся собственной норой
С лужайкою, что надо подстригать.

И якорь третий – без него никак:
Ведь без семьи ты пропадёшь зазря.

Но кто, скажите, странный тот чудак –
Остервенело рубит якоря?

Деградация души

Над Шёлковым путём натянут Пояс Млечный.
Меж ними караван, везущий жизни смысл.
Колёс Сансары скрип пронзительный и вечный,
Взлетают души вверх, но чаще – чаще вниз.

С гор стекают облака

С рассветом с гор стекают облака,
Лес одевая в кружево из тюля.
Киргиз-сосед не топит печь пока,
Живя воспоминанием июля.

Но август на исходе, а за ним
Придёт зима, собакой белой ляжет.
И вальс берёз в снегу, неповторим,
Спуститься по дороге вниз обяжет.

И вспомнить, что закончился мой год,
Когда я от себя сбежать пытался,
Вернуться в юность и начать отсчёт
Не получилось, как я ни пытался...

И вспомнить о стране, где всё ещё жара
И воздух раскалён аж до седьмого пота,
Где ждёт прохлады стар и детвора
В преддверии весёлого Суккота.

Мужчина прощает – женщина забывает

О Господи, мужчины так наивны,
Считая: ЖЕНЩИНА способна им простить
Измену, ложь... Что мы в любви пассивны,
Простить не сможет – может лишь забыть.

Забуть, что мы не помним дни и даты,
Что наша совесть очень часто спит,
Что мы давно купцы, а не солдаты.
Забуть забудет – только не простит.

И примет нас таких, как есть. О Боже!
Хоть наши губы вяжет немота,
Она, смахнув слезу и улыбнувшись всё же,
Забыв, начнет всё с чистого листа.

Праздник-прощание...

Утонули берёзы в тумане рассвета,
Замерев в предвкушенье грядущего солнца.
Скоро праздник-прощанье ушедшего лета,
Где я тратил себя, не считая, до донца.

Где казалось, что песня моя не допета,
Там, где кони козлами карабкались в горы,
Мы с тобой одногодки, последнее лето,
Жизнь читаем с листа, словно главы из Торы.

И недолго осталось уже до ответа,
До МАХСОМА*, откуда нельзя обернуться.
Здравствуй, праздник-прощанье ушедшего лета,
Дай нам силы обоим любить и вернуться.

*Махсом – критическая жизненная отметка и точка
перехода (Блок-Пост).

Старость

А мы уже не верим в чудеса,
и временами нас подводит тело.
Груз знаний – бесполезная оса.
Не хочется, чтоб юность не умела.
Чем кончится – мы знаем наперёд,
мы те, к чему вы все вот-вот придёте.
Заходит на посадку самолёт,
туда, где вас не ждут, где вы не ждёте.
И поутру не хочется вставать
навстречу безразмерному досугу,
Еда, лекарства, Интернет, кровать –
как по манежу, бегают по кругу.
И только изредка, врываясь в наши сны,
звучит мелодия забытого романса,
В котором мы юны и рождены,
чтоб руку даме предложить для танца.

Delete

Мы закованы в латы условностей,
И душа не хрипит, не болит.
Жизнь течёт без проблем, без неровностей,
К пункту «Б», где надавят – DELETE.
Режет «Сеть» на куски одиночество,
Создав флёр у разбитых корыт,
Мы не верим в Судьбу и пророчества,
И что кто-то надавит DELETE.

Мой дом – Иерусалим

Вписаться в поворот летящей в ночь дороги,
Разрезав на куски тумана плотный дым,
Чтобы, омыв в рассвет водою «мёртвой» ноги,
Вновь вознестись к тебе – мой дом – Иерусалим.

Вернуться в твой закат, пропахшим злой полыньёю,
Стряхнув с себя Содом, как верный пилигрим.
Чтоб душу здесь омыть твоей небесной синью,
Впитав покой и свет, мой дом – Иерусалим.

Иерусалимская ночь

Иерусалимская ночь, рассекаемая светом фонарей,
Пытается вжаться в шероховатые стены домов,
Но, отторгаемая
желтовато-белым цветом иерусалимского камня,
Стекает на серый асфальт, делая его чёрным.

Иерусалимский рассвет

Ночь муаровым пеньюаром
Сползает с плеч города,
Обнажая груди холмов
Просыпающегося Иерусалима.

Холмы Иерусалима

Холмы Иерусалима, словно груди,
Сосками храмов соблазняют небо,
Раскинувшись на жёлтом покрывале
Пустыни, ожидающей дождя.
И веруют: вот-вот придет Машиах.

Ветры Иерусалима

Ветры Иерусалима могут дуть одновременно
со всех сторон,
Как дети – бегать по кругу, плакать, кусаться
и рисовать смешные рожицы на желтом песке.
Возможно, все ветры рождаются здесь,
А повзрослев, разлетаются по Свету,
Становясь Борейями, Зефирами,
Мистралями, Сирокко,
Несущими в мир частичку души
Иерусалима.

Иерусалима синь

Мы вдвоём уходим в осень,
Пусть волос коснулась проседь,
Но нам вместе вдвое меньше, как ни кинь.
Мы года свои разделим,
Осень золотом оденем,
Завернув её в Иерусалима синь.

Но мы молоды, как прежде,
И верны своей надежде,
Хоть горчит порою память, как полынь.
Старый вальс с тобой станцуем,
Зиму кистью нарисуем,
Окунув её в Иерусалима синь.

Не страшны зима и вьюга,
Мы нашли с тобой друг друга,
Как две половинки круга – Янь и Инь.
И легка теперь дорога,
Что ведёт нас к дому Бога,
А вокруг плывёт Иерусалима синь.

На Мёртвом море хлещет дождь

Проснуться от гремящего дождя,
Не понимая, как возможно это, –
Что тучи чёрные ползут по склонам гор
На триста метров ниже океана,
Слезами создавая реки, речки,
Топя рассвет и редкие машины,
Пытаясь обнажить супругу Лота,
Застывшую уже от удивленья...

На Мёртвом море хлещет зимний дождь.

Хамсин

У меня тридцать семь. Тихо плавают горы,
Завернувшись в хамсин, как в бурнус бедуин.
Окна триссы надели, как лошади шоры,
Ожидая, когда прокричит муэдзин,

Ожидая заката, молитвы и ветра,
Когда солнце, утонет в нагретых песках
Иудейской ночи – цвета чёрного фетра.
И восторга, и стоны на жарких губах.

Хайфа

Чек-Пост огромным осьминогом
Раскинул щупальца дорог,
В Мифрац, в стране хранимой Богом.
В Залив надежды и тревог.

Звучит кифарой Галилея,
Тягучей музыкой полна.
Как ягод гроздь, под солнцем рдея,
Со вкусом сладкого вина.

И город, оседлавший гору,
Жужжащий день-деньской, как шмель,
Уставший так, что плакать впору,
Склоняет башни на Кармель.

Хайфский залив

Опять затянуло небо
Туманом залив молчащий.
Как нищий, просящий хлеба, –
Маяк, в темноту кричащий.

И ветер, как стая койотов,
То плача, то скалясь обидно,
Грызёт тишину Краётов*,
Подол им задрав бесстыдно.

Волна, что летит на север,
Зелёной кантатой плещет.
Погода, раскинув веер,
Дождями, как плёткой, хлещет...

И только твоё молчанье
Всю серость и мрак стирает,
Сжигает моё отчаянье
И жажду жить возвращает.

* Города-спутники Хайфы

Мёртвое море

Мёртвое море – угрюмо-бесполое –
Тычется в берег без всплеска и ропота.
Горы уснули, и небо тяжёлое
Шьёт колыбельную песню из шёпота.

Звёзды застыли бездетными вдовами,
Вечность – сестра им. Им хватит терпения
Век пережить – и взорваться сверхновыми,
Мир возвестив о богов возвращении.

Тель-Авив

Не отдыхает ночью Тель-Авив,
Разинув рты кафе, он до рассвета,
Манхеттенем себя вообразив,
Напялил на дома гирлянды света.

А поутру он мчится и звонит,
Сгоняя клерков в клетки-кабинеты,
Как Лондон-Сити, строг и деловит,
На все вопросы дать готов ответы.

И только днём, под тяжестью жары,
Под ярким светом солнечного ока,
Мне лезут в глаз бухарские ковры,
И крик, и запах Ближнего Востока.

Jewish Holidays

Размазать лето по лицу руками
И смыть дождём осенним ожиданье
Еврейских праздников.
И встретить Новый год,
Подняв бокал в обнимку с пьяным Эхом.

Иерусалимская молитва

Спасибо, Господи, за то, что довелось
Услышать песню утренней пустыни,
Губами тронуть винограда гроздь
И запах пыльный чувствовать полыни.
Спасибо, Господи, за то, что довелось.

Спасибо, Господи, что дал мне увидеть
Твой город, созданный для песен и молитвы,
И башен белокаменную рать,
Уставшую от славы и от битвы.
Спасибо, Господи, что дал мне увидеть.

Спасибо, Господи, за радость бытия,
За жажду губ и сладость поцелуя,
За счастье опьяняться без питья,
За жизнь и смерть, за праздник. Алилуйя.
Спасибо, Господи, за радость бытия.

Спасибо, папа

Я помню мальчика, не верящего в Бога,
Наивного и наглого юнца,
Которого всегда влекла дорога –
С возможностью читать от первого лица.

Отца молитва от сумы и от острога
Хранила неразумного птенца.
И хоть я до сих пор не верю в Бога –
В молитву верю моего отца.

Памяти мамы

Мой чай остыл, стал горьким и уснул.
Закончен день, но мне опять не спится,
А в двух часах ходьбы раскинулся аул,
Тот, из которого я мог бы дозвониться.

Вокруг – берёз и сосен караул,
И темнота, кричащая, как птица,
А в двух часах ходьбы – раскинулся аул,
Откуда Ей я мог бы дозвониться.

Осиротеть, шагнув за шестьдесят,
Ещё страшней, чем в юности. Когда
не умерла в душе твоей надежда,
что в жизни есть бессмертье, смысл и Рай.

Мы пишем книги*Асе Хаит*

Мы пишем книги,
книги пишут нас,
Рождаясь и рожая в полнолуние.
Закат, упав в сиреневый окрас,
Читает сказки синей ночи-врунье...

В хрустальном звуке дождевой струны
Услышав музыку сомнения и забвенья,
Мы сеем на бумагу явь и сны,
В любимых обретая вдохновенье.

Испанская песня

Вы слышите, как пахнет бой быков:
Навозом, кровью, потом и испанцем,
Углем, огнём, и тарантеллы танцем,
И мачо, не приемлющим оков.

Вы видите, как шепчет тишина,
Дневной слизнувши сахар Барселоны,
И кипарисов скрученные кроны,
И как дрожит гитарная струна.

Вы помните, что всё здесь на века:
Мадрид и Франко, танго и Гренада,
Кастилья, мавры, евнухи и Прадо,
И Лорки музыкальная строка.

Вы понимаете, куда вас занесло?
Костёл, мечеть – одной покрыты пылью.
Жара, нагеля, трогает Севилью,
И чуть скрипит Сервантеса перо.

Поломанные крылья – прекрасный финал
И свидетельство о полёте.
И не стоит жалеть о былом,
Если всё ещё хочется завтра.

Доброе утро

Наглотавшийся звёздной пыли,
Обжигаемый солнечным ветром,
Я прорвался сквозь Чёрные дыры,
Чтоб сказать тебе: «Доброе утро».

Я сбежал от тебя

Я сбежал от тебя, как купец за три моря,
Разменяв, как пятак, непутёвый апрель,
Убеждая себя, и надеясь, и споря,
Что разлука скрепляет, хоть верь, хоть не верь.

Жизнь, как поезд-экспресс, не даёт оглянуться,
Но я понял, душой замерев на бегу:
Я сбежал от тебя для того, чтоб вернуться,
Потому что я жить без тебя не могу.

Последний поцелуй

Последний поцелуй всегда горчит
И обещает слякоть и морозы.
Разлука-наркоманка ищет дозы
И кошку, что меж нами пробежит.

А ревность жгучим ядом сердце ранит:
Мол, на войне, дружок, как на войне...

Ты утром просто вспомни обо мне –
И в мире, может быть, теплее станет.

А я забыл, какой бывает осень

А я забыл, какой бывает осень,
Та, с ароматом яблока и мёда.
Как женщина, нашедшая любовь,
Но помнящая вкус непостоянства.

Вино в стакане грубом умирает,
Как женщина, лишённая любви,
Что ждёт в ночи, чтоб кто-то позвонил
И произнёс: «Простите, я ошибся».

Твой выбор

Как тяжело спускаться с пьедестала,
С вершины, где всегда светило солнце
И музыка, стремящаяся ввысь.
И понимать, что твой окончен праздник.

А одиночество, поджав в ухмылке губы,
Готово разделить с тобою вечер
Воспоминаний о прошедшем бале
И объяснить о тщетности побед.

И предложить покорно тлеть в тени,
Храня огонь под толстым слоем пепла,
И экономить сны, слова и мысли,
Желание молитвой заменив.

А можно прыгнуть вверх, презревши соль и боль
В негнущихся от возраста коленях,
Попробовать взлететь, забыв расправить крылья.
Да, разобьёшься, но какой был выбор!

Андрей Лысенков

г. Воскресенск, Московская обл.

Андрей Викторович Лысенков родился 20 мая 1988 года в городе Воскресенск Московской области. Окончил Московский государственный технический университет «МАМИ» (факультет автоматизации и управления). Работает инженером-технологом.

Член Союза писателей России. Член литобъединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова. Член редакционных советов альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...» и русско-болгарской антологии «Созвучие».

Автор книги «Искушение светотенью». Публиковался в антологиях «Золотая строка Московии», «Золотая строка Подмосковья», «Литературный

Воскресенск», «Созвучие», «Созвучие – 2», альманахах «Воскресенск – моя родина светлая...», «Подсолнушек», «Белоберёзовый мир», «Подмосковные поэтические созвездия» (Болгария), журналах «Поэзия», «Московский Вестник», «Форум», сборнике рассказов «Серебряный родник – 2».

Лауреат литературной премии им. Елены Слободянюк (2013 год), дипломант конкурса «Воскресенск литературный» (2008 год). Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью им. Е. Слободянюк, Дипломом Московской областной организации Союза писателей России.

Летние сумерки

Летние сумерки в городе нашем:
Замер в объётах прохлады проспект,
Из фонаря опрокинутой чаши
Из неподвижного кокона лампочки
Нежно-искристыми крыльями бабочки
Выпорхнет в тихие улочки свет.

Вновь на прогулку зовут ароматы:
Бархатцы в клумбах, чубушник у пня.
Запах корицы и перечной мяты
Будет витать над уютной кондитерской.
Бликом заката скользнёт по-над вывеской
Полуулыбка прощальная дня.

С чашкою кофе под вечер в кофейне
Будем гадать мы по гуще на дне,
Слушать мечтательно Баха и Черни –
Первый концерт пианистки молоденькой.
Влюбится примула на подоконнике
В бабочку света на тёмном окне.

Мы укрылись с тобою в троллейбусе от непогоды,
А который маршрут – было, в общем-то, нам всё равно.
Сели мы у окна, но пейзаж искажали разводы,
И стекло от дыхания стало туманным пятном.

Наш троллейбус дрожал и спешил к остановке конечной.
И, в пути на сидениях жёстких обсохнув едва,
На согретом стекле рисовали «цветы» и «сердечки»,
Выводили несмело невысказанные слова.

На конечной усталый водитель открыл в ливень двери –
Все слова и рисунки исчезли за пару минут.
Только мы и не думали вовсе тужить о потере.
А кондуктор сказал, что троллейбус закончил маршрут.

Мы вернулись опять в мир промозглый и недружелюбный,
В мир, который и вовсе забыл о душевном тепле.
И тогда понял я, мы на фоне толпы многолюдной –
Словно тёплые пятна на вечно холодном стекле.

Василёк над Нерской

В.И. Лысенкову,
автору книги «Излучины бытия»

Там, за перелеском
У сухих коряг,
Василёк над Нерской –
Маленький маяк.
И к нему стремятся,
Серебрясь вдали,
Долгих моих странствий
Годы-корабли.
Торопясь по Нерской,
Мне несут привет
От истока детства,
Устья зрелых лет.
И плывут беззвучно,
Бурям вопреки,
Вдоль крутых излучин
Бытия-реки.
Я стою у речки –
Взрослый человек.
Радость новой встречи
Каплет из-под век
В Лету с тихим всплеском,
Где душа моя –
Василёк над Нерской,
Маленький маяк.

Губ овальный след

1.

Из пёстрой толпы фотокамеры
Глаза рвали яркими вспышками.
И, пряча пластинки под мышками,
Звезду ожидая, все замерли.
И выплыл объект воздыхания
Легчайшею лунной походкой,
С фломастером наизготовку
Спеша одарить всех вниманием.

Уже на пластинки ложатся
Причудливой вязью каракули.
Фанаты кричали и плакали
От счастья, не в силах сдержаться.

Фломастер стащил кто-то радостный,
А юноша жаждет автографа,
Тогда, на забаву фотоаграфам,
Пластинку целует прекрасная.

2.

Звезду лимузин умчал вкоре.
И всё это было немислимо.
Под залпами взглядов завистливых
Брёл, в счастье не веря такое.
Он долго дрожал в эйфории,
Не помнил, какой шёл дорогою
Домой, а в душе молодой его
Уж радости сказка творилась.

И стёрся старанием лет
Пусть тот отпечаток помады –
Но помнит он самый отрадней
Желанных овальных губ след.
Того отпечатка хозяйку
По-прежнему он вспоминает –
Ведь прошлого радость не тает
И не улетает чайкою.

Пасмурный день
И люди в толпах с походкою зомби.
Прячется тень
От взглядов фар, полных бреда и злобы.

В молчании стен
Строкой капризной опутан, окован.
В пасмурный день
Мне предстоит танец мысли и слова.

Увлечённый художник

Замерев под фламенко и стук кастаньет,
В светлой студии был часа три я:
Увлечённый художник творил мой портрет,
Наполняя всё действие интригой.

И казалось, когда нас, как нитью, связал
Тех минут бег неспешно-воздушный,
Что художник глядит сквозь мольберт мне в глаза,
Созерцая притом мою душу.

Да, он вовсе не прост. И мне кто-то сказал:
«Был в Крыму с ним и на Кара-даге:
Мир пещер набросал он, глаза завязав,
Мир подводный – ваял в акваланге.

Не поверишь: в жару как-то снег рисовал –
Иней с рук без конца осыпался,
А когда на холсте он огонь создавал,
То внезапно обжёт себе пальцы!»

...Был закончен портрет. «Как же точно ты смог
Сотворить меня! – молвил я. – Мастер!»
Отмахнулся художник: «Творил тебя – Бог.
Я же – только слегка приукрасил...»

ПЕРЕВОДЫ С БОЛГАРСКОГО

Весна (Люлин Занов)

С холмов съезжает так, что не поймашь взглядом,
Душистая весна на солнечных санях.
И, словно девушки – все в свадебных нарядах, –
Как жениха, с утра деревья ждут меня.

И прилетают аисты в просторы наши стаей,
На крыльях принося небес прозрачных синь,
И с песней в добрый час они вдали растут,
Всё небо затянув в лазоревый настил.

Вот это чудеса! Земля от умиления
Раскрыла нежную ладонь живых цветов
И в праздничный костюм одела день немедля,
Стянула радугой заместо поясов.

И, пролетая над мятежностью земною,
Запели птицы гимн весны, лаская слух,
А пенье – жизнь вдохнёт в поля, в людей, с собою
Неся уютность дней, цветенья буйный дух.

Послание (Венета Николова)

Уйду – и грусть накроет,
Что обо мне забудут.
Но на земном просторе
Следы мои пребудут.

И, может, кто-то вспомнит
Про день мой в ярких красках,
Про лето моё томное
Из васильков прекрасных.

И некто, запинаясь,
Промолвит моё имя,
В потомках узнавая
Мои черты живые.

Крошки (Венета Николова)

На кухонном столе остались крошки.
Никто к ним не притронется. Тогда я
Их в горсточку возьму и птицам брошу –
Они мне будут благодарны.

Добро так сотворю, оно, я знаю,
Единственное, что я сохранила.
Когда ж себя по крошкам раздала я,
Лишь птицы одолжили крылья.

Россия (Люлин Занов)

Пусть враг никак пыл не остудит,
Ругая тебя на весь свет,
Сиять нам звезда твоя будет,
В грядущем храня нас от бед.

Проходят года, тем не менее
Твой свет силы не потерял.
Развяжешь все хитросплетения –
С надеждой глядим на тебя.

И ты для одних – станешь чудом,
Другим же – сестрой, если вдруг
Подставишь плечо им в час трудный.
Для третьих – отзывчивый друг.

Пусть враг никак пыл не остудит,
Ругая тебя на весь свет...
Я знаю, в веках путь твой будет,
И ярче тебя в мире нет!

Виктор Лысенков

г. Воскресенск, Московская обл.

Виктор Иванович Лысенков родился 4 апреля 1954 года в деревне Губино Воскресенского района Московской области. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член высшего творческого совета Московской областной организации Союза писателей России. Автор книг: «Адрес мой: ст. Воскресенск...», «Борис Пильняк в Кривякино», «Воскресенские пенаты», «Не просто возраст...», «Излучины бытия». Печатался в центральных и региональных периодических и краеведческих изданиях, имеет публикации на болгарском языке. Председатель редакционных советов альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...» и русско-болгарской антологии «Созвучие».

Лауреат литературных конкурсов, награжден многими государственными и общественными наградами, в том числе медалями: Золотой Есенинской, имени А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, Е.А. Слободянюк.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ВАСИЛИЙ АНДРИЯНОВ

О событиях Первой мировой войны (1914 – 1918) мало что известно нашим современникам. А в своё время эта война именовалась не иначе как «Второй Отечественной» и «Великой». На фоне следовавших в России бурных событий минувшего XX века, когда бывшие однополчане оказались по разные стороны братоубийственной Гражданской войны, сражения и герои Первой мировой были незаслуженно преданы забвению.

Это повествование об одном из храбрых воинов той великой войны – уроженце деревни Губино Воскресенского района Подмосковья, полном Георгиевском кавалере подпрапорщике Василии Ивановиче Андриянове.

Родился будущий герой России в 1891 году в деревне Губино, тогда ещё Ашитковской волости Бронницкого уезда Московской губернии.

В 1913 году 22-летнего парня призвали в армию. Служить направили в 71-й пехотный Белёвский полк 18-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса, квартировавший тогда в местечке Ново-Александрия (ныне город Пулавы) под Люблином в Польше. Стоит напомнить, что Польша с 1815 по 1918 год была частью Российской империи.

71-й пехотный Белёвский полк имел славную боевую историю. Создан он был в 1763 году по указу императрицы Екатерины II и отличился во многих военных кампаниях как на южных, так и на западных рубежах России.

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Германия объявила России войну. Началась Первая мировая война, продлившаяся до 11 ноября 1918 года.

Варшавский военный округ вступил в войну одним из первых. 71-й пехотный Белёвский полк боевое крещение получил 4 августа под Красником.

Солдат Василий Иванович Андриянов за воинские подвиги на австро-германском фронте стал полным Георгиевским кавалером, то есть получил Георгиевские кресты всех четырёх степеней.

Высшее воинское отличие, учреждённое 13 (25) февраля 1807 года императором Александром I для нижних чинов: солдат, матросов и унтер-офицеров, – Георгиевский крест вручался исключительно за личное мужество, проявленное в боевых условиях на поле брани.

Кресты первой (высшей) и второй степени изготавливались из золота, третьей и четвёртой – из се-

ребра. На георгиевской ленте у 1-й и 3-й степени имелись банты, поэтому награждение четвёртым крестом составляло «полный Георгиевский бант».

«Георгий» был в Русской армии самой почётной боевой наградой. Заслужить его можно было, лишь совершив явный боевой подвиг. Статут награды ревностно оберегался. Награждались ею только за «истинно выдающиеся отличия».

Наш земляк Василий Иванович Андриянов получил полный Георгиевский бант в первый год войны, совершив подвиги как минимум четырежды.

Первый Георгиевский крест старший унтер-офицер (сейчас это соответствовало бы сержанту) Василий Андриянов заслужил уже через два месяца с начала войны.

Приказом по 71-му Белёвскому полку от 6 марта 1915 года № 72 (*Здесь и далее: РГВИА. Ф. 2685. Оп. 2. Д. 117, 118, 120, 143, 144*) был объявлен список награждённых командиром 14-го армейского корпуса генералом от инфантерии (сейчас это воинское звание соответствовало бы генерал-полковнику) Ипполитом Паулиновичем Войшин-Мурдас-Жилинским Георгиевскими крестами и медалями за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения в боях против неприятеля с 22 по 24 сентября 1914 года.

Как явствует из приказа, «с.у.о. *Василий Андрияновъ Георгиевский крест 4-й степени № 137315*» получил за то, что вместе с рядовым 12-й роты Филиппом Лохматовым «под сильным и действительным огнём противника, руководя командой, были в течение боя на важном пункте, поддерживали связь наших войск /п. 21 ст. 67 стат. Георг. кр./».

Из статьи 67 Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали о том, какие подвиги на поле брани награждаются Георгиевским Крестом:

21) Кто, при телеграфных, телефонных и сигнационных работах, под сильным и действительным огнём неприятеля, руководя командой, или лично, будет в течение боя, на важном пункте, поддерживать непрерывную связь наших войск, причём действия эти послужат одною из главных причин достигнутого нашими войсками крупного успеха или предотвратят неминуемое поражение.

Это произошло в самом начале Варшавско-Ивангородской оборонительно-наступательной операции русских войск Юго-Западного (командующий – генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов) и Северо-Западного фронтов (командующий – генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский) против германо-австрийских армий (15 сентября – 26 октября 1914 года).

14-й армейский корпус, в котором воевал наш земляк, вошёл в состав 9-й армии под командованием генерала от инфантерии П.А. Лечицкого.

Платон Алексеевич Лечицкий в начале войны командовал группой войск, направленной на помощь 4-й армии после её неудачи у Красника, а 9 августа 1914 года был назначен командующим 9-й армией, действовавшей на левом фланге Юго-Западного фронта. Он командовал армией в Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской операции, Брусиловском прорыве.

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, воевавший в 9-й армии с осени 1915 года (сначала прапорщиком, а затем штабс-капитаном), в мемуарах «Дело всей жизни» (М.: 1978) вспоминал: «9-й армией командовал генерал П.А. Лечицкий, единственный в то время командующий армией, вышедший не из офицеров Генерального штаба, то есть не получивший высшего военного образования. Но зато это был боевой генерал: в русско-японской войне он командовал полком и был известен в войсках как энергичный военачальник...»

Варшавско-Ивангородская операция по количеству участвовавших в ней сил (6 армий, или около 900 000 человек), по своему замыслу и по своим результатам была одной из крупнейших операций Первой мировой войны на русском фронте и как стратегическая операция двух фронтов представляла новое явление в военном искусстве. Русские войска испытывали мощный натиск 12 германских и 40 австрийских дивизий, предводимых талантливыми полководцами – генерал-фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом и генералом Эрихом Людендорфом.

Не прошло и месяца, как в самый кровопролитный период контраступления русской армии старший унтер-офицер 12-й роты Василий Андриянов вновь был отмечен «за переправу через р. Сан и р. Вислу и за бои на правом берегу ея по 14-е октября 1914 года» Георгиевским крестом 3-й степени (№ 18824).

Они вместе с ефрейтором 13-й роты Лукой Стельмахом «*примером личной храбрости ободрили подчинённых, чем способствовали вытеснению противника из окопов /п. 2 ст. 67 стат. Георг. кр./*».

Из статьи 67 Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали о том, какие подвиги на поле брани награждаются Георгиевским Крестом:

2) Кто, командуя взводом или другою частью, или за выбитием из строя всех офицеров, приняв команду, вытеснит неприятеля из окопа, засеки или какого-либо укрепленного места.

По оценкам военных специалистов, задержка наступавших германцев на Висле, встречный манёвр 5-й, 4-й, 9-й и 2-й армий, переход русских войск 21 октября 1914 года в контраступление через Вислу представляют высшее достижение русской страте-

гии в Первой мировой войне. В результате неприятелю было нанесено крупное поражение.

Однако к весне 1915 года ситуация на фронте начала меняться к худшему, вследствие чего русская армия оставила Галицию, а к июлю, несмотря на упорные бои, начала отходить и из Польши.

В этот драматичный период старший унтер-офицер Андриянов продолжает показывать пример отчаянной храбрости. Вот сухие строки приказа по полку, в котором объявлено о награждении героя Георгиевским крестом 2-й степени (№ 44535): «*21 июля 1915 г. вызвался охотником, узнал о силе и расположении противника и своевременно донёс /п.п. 16 и 17 ст. 67 стат. Георг. кр./*».

Из статьи 67 Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали о том, какие подвиги на поле брани награждаются Георгиевским Крестом:

16) Кто, вызвавшись охотником на опасное и полезное предприятие, совершит оное с полным успехом.

17) Кто, будучи разведчиком, с явною личною опасностью добудет и доставит важное о противнике сведения.

Полным Георгиевским кавалером с последовавшим пожалованием воинским званием подпрапорщика (соответствовало нынешнему старшине) 24-летний храбрец стал осенью 1915 года (приказ по корпусу от 2 ноября за № 274).

Георгиевским крестом 1-й степени (№ 6193) он был награждён Его Императорским Высочеством великим князем Георгием Михайловичем (двоюродным дядей Николая II) от имени Государя Императора, в изъявление особой монаршей милости к армии в день годовщины войны, за выдающиеся мужество и храбрость, проявленные им в боях против австро-германцев.

Награждённые Георгиевским крестом имели «особые права и преимущества», например: каждому удостоенному Георгиевского креста назначалась со дня совершения подвига ежегодная денежная выдача (после смерти героя его вдова пользовалась этим правом ещё один год), предоставлялось преимущество при производстве на вакансии в офицеры.

Нижние чины при пожаловании Георгиевским крестом 4-й, 3-й степеней производились соответственно в ефрейторы и в унтер-офицеры. Удостоенные Георгиевского креста 2-й степени при увольнении в запас награждались без экзамена званием подпрапорщика, а награждённые крестом 1-й степени получали это звание сразу при награждении.

За годы Первой мировой войны полный Георгиевский бант заслужили около тридцати тысяч воинов. Среди них известные полководцы последовавшей вскоре в России Гражданской войны, такие, как Семён Михайлович Будённый, Иван Владимирович Тюленев.

Дальнейшая судьба нашего героического земляка Василия Ивановича Андриянова пока неизвестна. Известно только, что провидение долго хранило его от пули, снаряда и штыка. В Именном списке нижних чинов 11-й роты 71-го пехотного Белёвского полка, составленном уже на 12 января 1917 года, в строке подпрапорщика Василия Ивановича Андриянова в графе «*Был ли ранен и когда*» стоит жирный прочерк.

И это притом, что полк участвовал во многих сражениях, в том числе в знаменитом Брусиловском прорыве весны-лета 1916 года.

В 1917 году, в период революционного брожения, 71-й пехотный Белёвский полк сохранил дисциплину и боеспособность, удерживая германский фронт на своём участке. Не случайно приказом Верховного главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова полку, наряду с несколькими десятками других частей «Революционной армии свободной России», было присвоено почётное наименование «Часть смерти». То есть солдаты и офицеры полка единодушно приняли на себя *«ответственный, тяжкий, но почётный долг умереть за родину, не зная сомнений и колебаний в борьбе с жестоким врагом»*.

Расформировали 71-й пехотный Белёвский полк в марте 1918 года.

Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 2 марта 1992 года в системе государственных наград современной России восстановлены военный орден Святого Георгия и знак «Георгиевский крест» за подвиги и отличия в боях по защите Отечества, служащие образцом храбрости, самоотверженности и воинского мастерства.

Есть великая надежда, что, отмечая в 2014 году столетие начала Первой мировой войны, будет восстановлена и память о доблестных сынах России, «живот положивших на поле брани за веру, Отечество и други своя».

85-ЛЕТИЕ ВОСКРЕСЕНСКОГО РАЙОНА

Подмосковный город Воскресенск своё название получил по имени села Воскресенского, а точнее – от сельской церкви Воскресения Христова. Первое упоминание о селе и его храме мы находим в Писцовой книге Коломенского уезда за 1577-78 годы. То есть селу-праородителю не меньше 437 лет.

Строительство в полутора верстах от села в 1860-62 годах «чугунки» – Московско-Рязанской железной дороги, – а на ней станции Воскресенск, положило начало формированию пристанционного посёлка. Открытие с 5 июля 1862 года движения от Москвы до Коломны обусловило потребность обслуживания поездов, путевого хозяйства и пассажиров, что вызвало появление здесь технических служб, торговых предприятий, кустарных мастерских, госучреждений (почта, телеграф, органы правопорядка, надзора и прочие), строительство жилых домов. По данным Всесоюзной переписи 1926 года, в посёлке было уже 192 домохозяйства, 657 жителей.

12 июня 1929 года Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного комитета (ВЦИК) № 58 «О составе округов и районов Московской области и их центрах» был образован Воскресенский район, включивший в себя селения Колыберевской, Мячковской, Непецинской волостей Коломенского уезда, Спасской, Чаплыженской и Усмерской волостей Бронницкого уезда. Районным центром стал пристанционный посёлок Воскресенск. Тогда же возник и Ашитковский район (в 1930 году переименованный в Виноградовский), куда вошли деревни и сёла Ашитковской, Михалёвской и Усмерской волостей Бронницкого уезда. 1 января 1958 года оба района составили единый Воскресенский район.

В годы индустриализации, в связи с масштабным строительством химического комбината, второго цементного и шиферного заводов, в районе особенно интенсивно развивались две территории: посёлок при станции Воскресенск и бывший волостной

центр – село Колыберево. Постановлением ВЦИК от 1 июля 1934 года «Об образовании новых рабочих посёлков в Московской области» были образованы:

«2) Рабочий посёлок «Воскресенск», Воскресенского района, при станции того же наименования М.-Казанской ж.д., включив в его состав следующие населённые пункты при станции Воскресенск: Неверово (посёлок и селение), Кривякино (посёлок и селение), а также территорию строительства Химкомбината и кирпичного завода».

«4) Рабочий посёлок «Колыберево», Воскресенского района, включив в его состав следующие населённые пункты: Колыберево, Павлово, Суворово, Погост пяти крестов, «Красный строитель» и территорию действующих промпредприятий – асботрубного, шиферного, цементного, кирпичного и механического заводов и строительство асботермитного и нового цементного заводов.»

Четыре года спустя, 11 июля 1938 года, президиум Московского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (РК и КД) принял постановление № 345 «О преобразовании рабочего посёлка Воскресенск, Воскресенского района в город». Текст гласил (**ЦГАМО. Ф.2157, Оп.1. Д.1766. Л.25**):

«Принимая во внимание значительный рост населения (20 тыс. человек) в рабочем посёлке Воскресенск, рост культурно-бытовых учреждений, рост благоустройства посёлка – водопровод, асфальтированные дороги, тротуары и несоответствие структуры поссовета с возросшим городским хозяйством, – Президиум Мособлисполкома постановляет:

Рабочий посёлок Воскресенск – преобразовать в город, сохранив за ним прежнее наименование.

Просить Президиум ВЦИКа утвердить настоящее постановление.

Поручить МОКО (Московский областной коммунальный отдел. – В.Л.) и Воскресенскому Райисполкому после утверждения Президиумом ВЦИК настоящего постановления, – провести черту города в натуре».

Таким образом, за двенадцать лет количество жителей райцентра с присоединёнными селениями выросло за счёт приехавших на стройки первых пятилеток из других регионов страны почти в 15 раз.

Любопытно, что подписавший это постановление председатель Мособлисполкома Иван Сергеевич Хохлов, возглавивший через два года российское правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, – наш земляк, уроженец деревни Губино.

25 августа 1938 года это постановление было подтверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, ставшего по новой Конституции высшим республиканским органом государственной власти вместо ВЦИКа.

Благодаря высоким темпам промышленного и жилищного строительства город рос и развивался. 15 апреля 1954 года он получил новый статус и границы: Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об отнесении города Воскресенска Московской области к категории городов областного подчинения» в его черту был включён посёлок Колыберево.

В растянувшемся на шестнадцать с лишним километров вдоль Москвы-реки нынешнем Воскресенске, с годами вобравшем в себя деревни Федотово, Лопатино, Беркино, сёла Воскресенское, Новлянское (северную часть) и посёлок Лопатинский, проживает теперь более 90 тысяч человек. А весь Воскресенский муниципальный район насчитывает свыше 150 тысяч жителей.

Денис Минаев

с. Матыра, Луховицкий р-н,
Московская обл.

Родился 19 июля 1977 года.

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы.

Автор книг: «Моя родная» (стихи и рассказы, 2009 г.), «Поэт и осень» (стихотворения, 2010 г.), «Мне бы в юность» (стихи и рассказы, 2013 г.) и книжки-раскраски для детей «Одуванчик» (стихотворения, 2013 г.).

Также его стихи и рассказы вошли в три десятка коллективных сборников. Награждён Большой серебряной медалью им. Н.С. Гумилёва, дипломом и медалью М.Ю. Лермонтова.

По плодам их узнаете их.
(Из Нагорной проповеди Иисуса Христа)

(вместо пролога)

Злюсь...
 Душа моя не на месте...
 Пребываю я в шоке полном...
 Покупал незнакомец крестик.
 Молвил: «Дайте с гимнастом голым»...

.....
 Представляется нам хорошим
 Всё, что делаем на планете.
 Даже вдруг окажись мы в прошлом –
 Эдак двадцать назад...
 столетий, –
 Нам бы не было стыдно, плохо.
 Мы б смотрели, как представленья:
 Человек... один!.. на Голгофу
 Крест...

наш!..
 тащит...
 во искупленье...

Мы бы начали делать ставки:
 «Упадёт...
 Донесёт...
 Всё. Bravo!!!»
 «Ой, смотрите, кого-то в давке
 Затоптали»...
 Аншлаг!!!
 Забава!!!

А потом, позабыв о каре,
 Мы бы снова предались блуду.
 И, нажравшись, в хмельном угаре
 Стали все обнимать Иуду –
 Лицедея бессмертной драмы,
 Что поставлена гениально.
 Показушно всплакнули б... дамы,
 Привлекая самцов брутальных...

А в ближайшее воскресенье
 Побежали б мы ставить свечи.
 Просто так...
 Заодно со всеми...
 И не каялись...
 «Нам же не в чем, –
 Ведь не мы «мужика» прибили
 К кипарисовым деревяшкам.
 Сам избрал свою не по силе
 Ношу.
 Ведал, что будет тяжко»...

(вместо эпилога)

О Господь, Ты прости заблудших,
 Научи соблюдать заветы,
 Изничтожь бесовщину в душах,
 Помоги обратиться к Свету.

Старик

*А он шепчет во сне – «Мила!
 Потерпи там...
 Чуть-чуть осталось...»*

Катя Селюк

Утро. Собаки взрывают нехоженный снег.
 Как бесподобны, наверное, их ощущения...
 Где-то в сторонке идёт пожилой человек.
 Он незаметен.
 Безмолвен.
 Окутан забвеньем.

Нетороплив. Он давно никуда не спешит.
 В память о юности бурной – лишь пара медалей.
 Все остальные награды зятя-алкаши
 За самогонки пол-литра с похмелья продали.

Дочки, которым он всю свою жизнь посвятил,
 Не забывают – в дни пенсий приходят исправно.
 Но ненадолго – нет времени вовсе и сил.
 Так что не нужно их помощи ждать и подавно.

Мог ли подумать в войну боевой офицер,
 Что он заслужит такую «счастливую» старость?
 Мог ли представить, фашиста беря на прицел,
 Что благодарность ему будет меньше, чем малость?

В драповом, пахнущем дурно, потёртом пальто
 Бродит старик, стеклотару с земли поднимая.
 И возле мусорных баков не видит никто
 Тусклого взгляда героя победного мая.

Вечером дома дешёвую сварит лапшу.
 Съест безразлично.
 Один.
 И нахлынет усталость.
 Скажет, на фото супруги смотря:
 «Я спешу...
 Ты потерпи Там,
 родная...
 Недолго
 осталось...»

Людмила Михеева

г. Луховицы, Московская обл.

Михеева Людмила Афанасьевна родилась 8 августа 1933 года. По месту рождения – сибирячка. По трудовой биографии – сахалинская учительница-холмчанка, «Отличник народного просвещения». По развитию литературного творчества – луховичанка.

Помимо публикаций в газетах и десяти литературных сборниках издала пять книг и стала автором-составителем сборника стихов луховицких поэтов для детей «Чудесные истории».

По матери – Москвитина, по отцу – Крыжановская, по мужу – Михеева.

Дельфины

Внучкам моим...

Идёт теплоход,
разрезая волну.
А прямо по курсу
дельфины плывут.

По левому борту
их мокрые спины.
По правому борту
тоже дельфины.

На палубе
Лена и Лида стоят.
– Дельфины, дельфины! –
с восторгом кричат.

Когда же дельфины
в глубины уходят,
с волнением девочки
смотрят на воду.

И губы их шепчут:
– Ну, выпрыгни, милый!
Скорей покажи нам
ещё свою спину!

Как будто услышан был
детский призыв.
Дельфины подпрыгнули,
в воздухе взмыв.

И слева, и справа
одновременно
прыжок совершили
дельфины-спортсмены!

Красиво на солнце
тела их сверкнули
и снова в родную
стихию нырнули.

Надолго запомнили
Лена и Лида
игры дельфинов
вблизи Сахалина.
12.04.2003 г. Луховицы

Ураган

Над морем кто-то поразвесил
обрывки туч, шторма нагнал.
На Сахалине куролесил
ноябрьский ветер-ураган.

Топил суда, валил опоры
и провода, как нитки, рвал.
Сбивал он крыши и балконы,
деревья с корнем корчевал.

Где кран порталный опрокинул,
а где волной накрыл причал,
и ценный груз в пучине сгинул.
Вот это ветер погулял!

Отметил, сколь хватило силы,
он День Седьмого Ноября,
который власти исключили
из Красных дней календаря.

Да, ураганное веселье
и сумасшедший бури вой,
тайфуны и землетрясения
островитянам не впервой.

8.01.1996 г. Холмск

Опять завывает ветер

Опять завывает ветер,
взмывая облако пыли,
обрушивает на море
неистовые порывы.

А море из голубого
становится грязно-серым,
холодным и неприятным,
опасным для жизни смелых...

Из телефонной трубки
встревоженный женский голос:
– Скажите, где наше судно?
Все ли на нём здоровы?

В ответ:
– Не волнуйтесь, даже
гриппом никто не болен.
С опытным экипажем
не страшно в открытом море.

Они ж моряки! –
Но сердце
не может не волноваться,
пока не устанет ветер
отчаянно бесноваться.

27.04.1968 г. Холмск

Паром

От Ванино до Холмска мост
плавающий
стал ожившей сказкой.
«Мурчит» паром, входящий в
порт,
как сытый кот, пригретый лаской.
На морвокзал пришли встречать
все те, кто ждёт,

скачает,
любит.

Пыхтит буксир. Готов причал.
Швартовка чёткой,
быстрой будет.

Стоянки всей
лишь два часа.

А дел по горло
у команды.

Ждут дома дети и жена.
Короткой встрече каждой рады.
Из этих встреч,

тоски,

разлук

в моряцких семьях
строят счастье...

А дети – без отцов растут,
и жёны – старятся напрасно.

23.02.1988 о. Сахалин

Памяти капитана...

В середине двадцатого века
Начинали курсантскую жизнь.
В сахалинском порту, а не где-то,
В пароходстве пути их сошлись.

Сколько зим
с той поры пролетело...
Кто сочтёт эти мили и дни?
Жизнь морская была их уделом.
Капитанами стали они.

За живучесть судов, за команду,
За погрузку, разгрузку и план
День и ночь на морях-океанах
Отвечает за всё капитан.

Как известно,
труду есть пределы.
Подожли к пенсионной зиме.
У кого голова поседела,
Кто-то лысиной светит во тьме.

И разъехались капитаны
На родные места по стране.
Да тихонько года коротали,
Привыкая к желанной земле.

Но когда собирались в деревне
Одного из друзей навестить,
То они на глазах молодели.
Разговоры – не остановить!

Вспоминали своё пароходство,
Рейсы, страны, морские суда
И, конечно, других мореходов,
Сахалинскую жизнь и шторма...

Ну а время приводит к финалу,
Выбивая из жизни людей.
И опять капитана не стало.
Он ушёл... Но есть память друзей.

13.03.2013 г. Луховицы

Стефан Моллов

г. Плевен, Болгария

Стефан Колев Моллов родился в 1939 году.

Член Союза болгарских писателей.

Почётный член Воскресенского ордена «Культурное наследие» литературного объединения им. И.И. Лажечникова (Россия).

До 2011 года руководитель Содружества плевенских писателей, главный редактор литературного альманаха «Мизия», автор многих поэтических и прозаических произведений.

Новые политики предложили ему выступить с декларацией против России, но он заявил с телеэкрана: «В этой стране я никогда не останусь без пиццы и ночлега».

Он инициатор литературных связей с русскими коллегами по перу. Участник (глава делегации) Международных писательских встреч «Братство» в городе Воскресенске (2010, 2013 гг.).

Его литературные произведения переведены на русский и многие европейские языки.

Ночной дождь

Слабым звоном
серебряных капель
Дождь ночной
ясный сон оборвал.

Я тепло потянулся к дождю...
И в руках задышал
фиолетовый запах
жасминов.
Словно миро лилось...
А его аромат
негой ноги мои омывал.

Дождь ночной оборвал
под радушным карнизом
И доверчивых
ласточек сон.
В их глазах
любопытство искрилось,
Исполнение желаний
с дождём в унисон.

Это было ещё до зари.
Дождь ночной разбудил
птиц для ласки, любви.

Я завидовал им.
Перевод Леонида Дудина

Ода чувствам

Чувства мои,
кто прислал вас так рано,
чтоб меня разбудить?
Кто вам дал
эти слёзы иллюзий,
что меня можно
очень любить?

Какие ветра
тайно в уши шептали,
что женщина эта
и мига прожить без меня
неспособная даже?

Кто нарёк её
богом души и печали,
если сердце
кукушкиной
спутано пряжей?

Мои дорогие друзья!
И враги дорогие, любимые!

Перед вами склонюсь,
победители!

Всю-то жизнь мне по нраву
замес того теста,
который я сам сотворил
у большого огня.
Пусть потомки ломают
мой хлеб –
мою песню,
если даже не будет меня.

Перевод Леонида Дудина

Полуночный оптимизм

И вчера, и сегодня спросила:
– Как живёшь без меня?
– Представляю и в мыслях,
и в снах одиноких,
как с неистовой силой
обнимаю ночами тебя.

Но помню, что ты –
несвободная женщина.

А когда я представляю –
тебя обнимает другой, –
то в открытых глазах
не замечу ни счастья
зелёных приливов,
ни страсти
желанной твоей.

Вот так и живу
в заблуждении,
что мне

с тобой
хорошо.

Перевод Леонида Дудина

Итог

Голос птицы ночной
разорвал мои сны...
И, предвидя исход,
всё ищу
на бессмертье надежду.

Голос птицы ночной
дни тревожит мои.
Ну а я жду конца,
облекаясь в другие одежды.

Голос птицы ночной
добывает и совесть мою...

Я бы выглядел мёртвым
красиво и просто,
Если бы хоть одной сироты
обронила слеза, –
И на всех, кто меня
препроводит к погосту,
Приоткрылись глаза.

...Голос птицы ночной
Призывает меня к покаянию.

Обязан ли я это сделать?
Перевод Леонида Дудина

Хочу, чтоб ты пришла ко мне,
Когда дожди весь мир пугают...
Пусть туфли белые в руках,
Подобно бабочкам, порхают.

Встречаю... Вся промокла ты,
Туман волос, любви и чуда.
Таких дождей уже не будет,
Такой крылатой красоты.

И мы, когда в себя придём –
На всё найдём свои ответы.
...И рук, и глаз, и губ огонь,
Груды кристальные браслеты.

Перевод Леонида Дудина

Светлана Моисеева

г. Волхов, Ленинградская обл.

Стихи пишу – сколько себя помню, люблю все свои стихотворения, и хорошие, и не очень, как мать любит всех своих детей. Увлечение поэзией, вероятно, повлияло и на профессиональный выбор: много лет учу детей «разумному, доброму, вечному» – работаю учителем русского языка и литературы в родной средней школе №8 города Волхова.

Она приходила...

Она приходила как будто всегда невзначай:
Немного испуга, немного вины и усталости.
Бросала на столик перчатки – и мы пили чай,
И я доставал для неё припасённые сладости.

Дрожал у виска её локон смешным завитком,
Когда, запинаясь, она говорила измученно,
Что это – последнее наше свиданье. Потом
Рассеянным жестом, за многие годы заученным,

Небрежно роняла на стул невесомую шаль
И с грацией кошки в мои устремлялась объятия...
А в окна стучал ошалевший от ветра февраль,
Суля нам, безумным и грешным,
пустые проклятия...

Она уходила – я долго курил в темноте,
Огонь сигареты в такт сердцу неровно подрагивал,
И тени металась по стенам в немой суете,
И снова февраль
свои лапы с тревогой протягивал...

Любил я её? Мне и нынче дать трудно ответ,
Тогда я и вовсе вопросом таким не печалился.
Но только однажды померк без неё белый свет:
Огарком свечи помигал, закоптил и оплавился...

Она простудилась тогда и к весне умерла,
Избавив тем самым себя и меня от падения...
А я... Я с тех пор никогда не смотрю в зеркала:
До боли боюсь в них увидеть её отражение...

Здесь жили люди

Верблюд кирпичный на светлом фоне –
Картонным траурным силуэтом...
Краснеют клёнов листья-ладони,
Горят осины тревожным светом.

Бездомный ветер в траве осенней
Скрипит стеблями сухой крапивы.
А здесь когда-то была деревня,
И были избы, и люди живы.

Венчалась тропка резным крылечком,
Стежками вышла двор солома,
В избе уютно пыхла печка –
Шеф-повариха, хозяйка дома.

Глядели хитро печурки-глазки,
И топки рот улыбался томно.
А над лежанкой струились сказки,
Что пела бабка внучатам сонным.

Скрипели петли – и пар морозный
Врывался в дом, чтоб растаять тут же:
Следила печка, чтоб не замёрзли
Сердца людские в январской стуже!

Верблюд кирпичный про это помнит.
Пока не рухнет, всё помнить будет.
Остов от печки на светлом фоне –
Как указатель: «Здесь жили люди».

Это падает свет из окна...

Вьюга яростно пляшет кадрили
На паркете из снежного крошева...
Гулкий мрак. Невесомая пыль
На портрете, глядящем из прошлого.
Липко вязнет в углах пустота.
«Слушай, а на портрете – не та?»

Скрипнет досочка в тёмном углу,
Ветра стон пробежится за ставнями –
И она, как тогда, на балу,
Поведёт вдруг глазами печальными:
Три столетия она влюблена...
«Знаешь, кажется, это она!»

Жёлтой клавишей вздрогнет рояль –
Отведя кружева паутинные,
Под ресницами спрятав печаль,
Вновь шагнёт она в залу старинную,
Словно в бурную реку – с моста.
«Взгляд живой у неё неспроста!»

Сердца стук, словно дробь каблочки,
Гулким эхом летит меж колоннами:
И душе нет покоя, пока
Не отыщет глазами влюблёнными
Взгляд его равнодушный она.
«Это падает свет из окна...»

– Слушай, а на портрете – не та?
– Знаешь, кажется, это она!
– Взгляд живой у неё неспроста!
– Это падает свет из окна...

С добрым утром!

На ночных небесах расстилает рассвет
Переливчатый шёлк цвета нежных гардений...
Открывая глаза, ты шепнёшь мне: «Привет!
Я вернулся из дальних своих сновидений!»

Тёплым пальчиком луч пробежит по плечу,
Заиграет в моих волосах перламутром,
И чуть слышно в ответ я тебе прошепчу:
«С возвращеньем, родной!
А ещё – с добрым утром!»

Лету вышел срок

Зацепилось солнышко за лепной балкон –
На перилах лучики бахромой повисли,
С колокольни-свечечки льётся перезвон,
Шоколадно-сладкие навеваю мысли.

Хорошо в объятиях облаков-перин
До обеда нежиться, благо воскресенье!
Интересно, тапочек почему один?
Интересно, бабушка к чаю даст варенья?

У матроски латаной – новый воротник,
Брючки бумазейные сложены на стуле.
Хорошо б с кузинами снова на пикник,
За лесок осиновый, как тогда, в июле!

Солнце кошкой ластится, гладит по щеке,
Золотистым зайчиком скачет по постели.
Вот сейчас бы здорово побежать к реке,
Завизжав восторженно, прыгнуть на качели!

За окном обиженно завывает шмель:
Тоже ведь, наверное, хочет шоколадки!
Скрипнет дверь, и бабушка сядет на постель:
«Нынче возвращаемся, просыпайся, сладкий!»

В город возвращаемся. Лету вышел срок.
Счастье упаковано с вечера в корзинки.
Пахнет ранней осенью лёгкий ветерок.
И щекочут щёки мне горькие слезинки...

На все четыре стороны

На все четыре стороны
Отправлюсь в путешествие,
Избавлюсь от нашествия
Тяжёлых липких дум –
И пути все разорваны,
И сердце – вверх по лесенке,
И вместо грустной песенки –
Ветров попутных шум!

На все четыре стороны
Уйду однажды вечером,
Ни в чём плохом замечена
Как будто не была:
И счастье не своровано,
И пятна только белые,
И скрупулёзно сделаны
Текущие дела!

На все четыре стороны!
Но оглянусь нечаянно:
Прохожего случайного
Узнаю и замру...
И память непокорная
С сомнением перемножится,
Замечется, встревожится,
Как листья на ветру.

На все четыре стороны
Теперь пути заказаны,
Слова, что прежде сказаны, –
Пустой и вздорный звон:
Дорожка, что проторена,
Пусть и неказистая,
Но светлая и чистая, –
Дороже всех сторон!

Окна крестовина

Плещет горечью ночь
за окна крестовиной,
Еле слышно шуршат
по стеклу её волны...
И теперь ни к чему
пузырёк со снотворным:
Кто-то сердце мне вечером
бережно вынул...

Не сказал грубых слов,
не устроил скандала,
Только колкой щекой
на мгновенье прижался
На прощанье – и мир
сразу в бездну сорвался,
Стало воздуха мне
до обидного мало...

Вслед за вынутым сердцем
души половина
Утекла, превратившись
в ночные чернила...
Пустота... Всё, что я
берегла и любила,
Зачеркнула в мгновенье
окна крестовина...

Пойдём со мной, сынок...

Застыв от горя соляным столбом,
Она стояла на перроне шумном:
В своём предновогодии безумном
Привычный мир катился кувырком.

Она-то точно знала, что навек
За край земли уполз вагон купейный.
И жизнь текла остуженным глинтвейном
В размешанный ногами чёрный снег.

Тихонько кто-то тронул за рукав:
Чумазый символ горечи вокзальной
В лицо её заглядывал печально, –
«Вам плохо, тётя?» – только лишь сказав.

Она с досадой взгляд перевела,
Собрав по крохам гаснущие силы, –
И кончиками пальцев ощутила
Скупое дуновение тепла.

Сорвавшись из-под купола земли,
Снежинки закружились над вокзалом...
«Пойдём со мной, сынок», – она сказала.
Оттаяла – и слёзы потекли...

Мы в Театре теней не кусочки картона – актёры:
Пьеса – профилем вниз, две другие – конечно, анфас.
Наши роли, как пятна, из жизни стираются скоро –
Сразу после того, как прожектор за сценой погас.

Мы в Театре теней, наши судьбы банальны и плоски.
Нам не дарят цветов, нас не знают в лицо неспроста:
Чёткий профиль на фоне багряной закатной полоски –
А потом, как в бездонной ночи, темнота, темнота...

Ольга Монкина

г. Луховицы, Московская обл.

К портрету

Её лицо из прошлых дней,
Из дали грёз, воспоминаний,
Оно мне кажется нежней,
А взгляд как будто ждёт признаний.

Ах, как знакомы мне черты
Того лица, что было мило!
Глаза божественной красоты
Всегда смотрели горделиво.

Её прекрасное лицо
Не знало слёз и нот печали,
Шёлк длинных локонов волос
Спадал игриво за плечами.

Ах, не вернуть тех прошлых дней,
И как горьки часы разлуки!
Не стала ты женой моей,
Теперь один терзаюсь в муке.

Держу в руках её портрет –
Воспоминания так близки...
Ещё б хоть раз увидеть свет
Прекрасных глаз, её улыбки.

Её лицо из прошлых дней
Вновь стало мне всего дороже.
Пусть загоню я сто коней,
Но с ней увидимся мы всё же!

Два поэта

Ты похож на Серёгу Есенина,
Даже носишь имя его,
Улыбаешься так же застенчиво
И в стихах прославляешь любовь.

Многих женщин ты любишь украдкой,
Как и он, только в сердце – одна.
Не бывает, чтоб всё было гладко:
Вот такая она – судьба.

У тебя очень много знакомых,
И друзей среди них не счесть.
Как рязанский Серёга Есенин,
Не выносишь неправду и лесть.

Словно нитью одной вы связаны,
Что отличия так малы,
Но не нужно петли затягивать,
Как бы жизнь ни сплетала узлы.

Ты – как солнышка лучик ясного,
Как далёкая в небе звезда.
Сохранит тебя Бог пусть, пожалуйста,
Не оставит в беде никогда.

Для меня вы с Серёгой Есениным –
Два соловушки в майском саду,
Оба милые сердцу, талантливы,
И стихи ваши все я люблю.

Оба славите вы свою родину,
Восхваляя её красоту,
Воспевая леса с огородами,
Сенокос, птичью трель поутру.

Вы – поэты, и этим всё сказано,
Вы – безумно мне дороги,
Вот поэтому сердцем привязана
Крепко к вам на морские узлы.

Отчего шумят берёзки?
То ли ветер их колышет,
То ли хочется им просто
Поболтать, но их не слышат...

Зелень кудрей распустили,
Словно девицы-подружки,
В белый ситец нарядились,
Шапки-гнезда на макушках.

Пёстрой зеленью качают,
Приглашая всех к беседе.
Только птиц болтливых стая
К ним слетится по-соседски.

К нему

Не высказать всех чувств словами,
Не выразить порыв души,
Когда два тела говорят сердцами
И лишь дыхание слышится в тиши.
Нет ничего блаженнее на свете,
Чем нежное касанье твоих рук...
Я помню всё... Воспоминанья эти
Живут в прикосновенье твоих губ...
Тех губ, которые влекли так страстно
В ночи, под звёздами и проливным дождём,
Как будто с неба к нам спустилось счастье –
И ничего не надо – только быть вдвоём.
Твоей любовью допьяна напиться,
Быть рядом, на одном с тобой пути,
В твоих объятьях нежных раствориться,
Чтоб вновь взойти на пьедестал любви.
К тебе лишь одному все мысли рвутся,
И сердце стонет по тебе в тоске,
Так пусть воспоминанья жизнью обернутся,
Пусть вновь окажется – рука в руке.
Пусть ночь укроет тёплым одеялом,
Пусть за окном метёт, метёт метель,
И только мы одним единым станем
Среди любовью смятых простыней.

Читая пушкинские строки,
Ты забываешь обо всём,
Вникая в мир его жестокий
С дуэлями, завистниками, злом.

И этот мир с собой влечёт
Всё выше, дальше, дальше,
Познать вершину всех красот,
Увидеть истину и фальшь.

Где страстные любви порывы,
Жеманницы надменной лёгкий флирт,
И чистая мечта Татьяны молчаливой,
И сказок мудрость учит жить.

Здесь и прекрасная природа:
И осени багряной красота,
И утро зимнее, пушистые снега,
Весеннего ручья журчанье, –
Всё увлекает в даль мечтанья.

И этот мир забываем:
Там много скрыто разных таин,
Никто б не смог узнать всё это
Без строк великого поэта.

Сыну

Ты стал такой большой!
Достоинств всех – не счесть!
Исполнилось тебе
Сегодня ровно шесть.

Летели дни за днями
С того момента, как
Родители назвали –
Арсений – малыша.

Из маленького крошки
Ты быстро стал расти,
И шустренькие ножки
Уж не догнать в пути.

Сегодня поздравляем
Мы всей семьёй тебя,
Подарки, пожеланья
Приносим в дар любя.

Расти, взрослей и дальше,
Таланты развивай,
А бабушек и дедушек
С почтеньем уважай.

Будь сильным и здоровым,
И слабых защищай,
А папе с мамой всюду
Старайся – помогай!

2013

Леса, поля, луга и реки –
Безумно это всё люблю
Душой и сердцем человека,
Что ценит родину свою!

Какие статные берёзки!
Стоят, как будто на посту,
Пораспустили ветви-косы
И машут ими на ветру.

Мой Есенин

Молодой, красивый, смелый,
С золотой копной волос –
Это мой Сергей Есенин,
Душу тронувший до слёз.

Он в стихах свою Россию
Воспевал из года в год,
Осуждая злую силу,
Что лишь мучает народ.

Не боялся правду власти
Говорить он никогда,
Ведь и впрямь «Москвой кабацкой»
Сплошь покрыта вся земля.

Но за дерзкие словечки
Надо было отвечать:
Тюрьмы мерзкие, психушки
Приходилось «посещать».

И судьба была несладкой:
В личной жизни не везло,
Но держался крепкой хваткой,
Будто бурям всем назло.

Этот парень деревенский
Для меня всегда живой:
Знаю, чувствую и верю,
Что он рядом, за спиной.

Надо лишь услышать сердцем,
Прочитав его стихи,
И окажется он рядом –
Дух поэта, крик души.

Осенний путешественник

Я иду по городу
И в облаках витаю,
Никого не вижу
И никого не знаю.

Осень. Жёлтый листопад,
Шелест под ногами,
Всюду-всюду лишь вода
Мутными ручьями.

Вот и листик золотой
От берёзки оторвался,
На ветру с моей щекой
Он поцеловался.

И такой счастливый
Дальше полетел,
Будто он всё время
Этого хотел.

И таких подобных
Листьев очень много,
Но у каждого своя
Осенью дорога.

МОРОЗ

Павел Петрович Круглов вдруг встал среди ночи и на дрожащих в коленях ногах заходил беспокойно по комнате. Руки у него тоже дрожали. Кажется, и уши у него тряслись мелкой противной дрожью, а лысина на голове покрылась липкой испариной.

Что же это? Что же это ему такое приснилось? Ух! Даже и вспоминать не хочется! Он покосился на дверь в спальне – там отдыхала жена. Сам он спал на диване. Как прилёт в одежде пьяный, так и заснул. Страшный, страшный сон ему приснился! Кто-то душил его, кого-то душил он. Бред, одним словом!

Павел Петрович на цыпочках, довольно легко и мягко для своего грузного телосложения, прошёл мимо спальни, стараясь не разбудить Светлану, прятником на кухню и стал шарить в холодильнике в поисках минералки.

Чтобы унять доставшую уже его нервную дрожь и какой-то жуткий, давящий сердце страх, он стал тихо, полушёпотом, декламировать детские стишки, единственные стихи, которые он помнил:

*Мороз десятиградусный
Трещит в аллеях парка.
Нам весело, нам радостно
И на морозе жарко!*

Эти стихи он запомнил, потому что во втором классе выучил их и читал на детском утреннике. Светлана, его будущая жена, тоже читала тогда какие-то стихи.

Они стояли тогда вдвоём на сцене, взявшись за руки, и читали по очереди каждый своё стихотворение. И уходили со сцены под щедрые рукоплескания родителей, по-прежнему держась за руки. Он запомнил: её ручка была такая нежная и послушная в его руке... Он впервые тогда почувствовал себя взрослым мужчиной, ответственным за свою женщину.

После утренника они возвращались домой вместе. Когда шли через парк, Света вдруг стала резвиться и кидать в него снежками.

– Мороз десятиградусный трещит в аллеях парка! – кричала она, весело смеялась и кидала в него рассыпчатым снежком.

– Постой, – сказал он себе, сделав глоток из бутылки. – А почему «десятиградусный»? Когда это десятиградусный мороз трещал? Ну конечно! У автора, наверное, было: сорокаградусный! Мороз сорокаградусный, вот как!

– Мороз сорокаградусный трещит в аллеях парка! Видать, бдительные цензоры не пропустили, чтобы поменьше упоминать её, то есть водку, сорокаградусную.

Николай Николаев

г. Екатеринбург

И он почесал пятернёй свой большой живот, довольный своей логикой.

Павел Петрович отошёл от холодильника и, приоткрыв дверку шкафчика под мойкой. Пошарил там рукой – ему даже пришлось, кряхтя, с головой залезть в шкафчик – так далеко он спрятал бутылку с водкой. Дальше положишь – ближе возьмешь! Это он от Светланы её прятал. Иначе вылила бы её прямо тут же, в раковину.

Светлана в последнее время просто житья ему не давала. Всё грызла его и грызла. Просто ела поедом. Мегера, да и только!

Павел Петрович работал до недавнего времени ведущим инженером на оборонном предприятии. Но завод сначала перепрофилировали на выпуск спутниковых тарелок для телевизора, а потом и вовсе прикрыли. У Павла Петровича специальность была узкого профиля, поэтому вот уже почти год он никак не мог найти себе работу. Пособия по безработице только и хватало, что на дешёвую водку.

Павел Петрович дрожащей рукой налил себе сразу полстакана и тут же выпил.

– Ух!

Он выудил ложкой красный, треснувший от спелости помидор из трёхлитровой банки и закусил... Хорошо! Стало хорошо! Мозги у него прояснились, на душе стало легко и приятно.

– Нам весело, нам радостно и на морозе жарко!

Павел Петрович взял с подоконника пачку дешёвых сигарет, закурил. Он смотрел на изрисованные морозом заиндевевшие окна и пытался вспомнить тот страшный сон, который только что ему приснился. Что же ему приснилось?

Он ловил обрывки сна, как рыбак – уходящие в прорубь концы сети. Но ничего толком не мог вспомнить. Кто-то, кажется, накидывал ему на шею полотенце и хотел задушить... Или нет, вроде это он полотенцем чью-то шею давил, вурдалака какого-то.

Выползающий из тьмы подсознания ужас медленно-медленно подкрадывался к сердцу и сжимал его своей клешнёй. Павел Петрович даже почувствовал, как холод от замёрзшего окна добрался до него. Казалось, морозная ночь просочилась не только через окно, но и сразу через все стены и заморозила цветы в горшках на подоконнике, рыбок в аквариуме в прихожей, всю квартиру и самого Павла Петровича, оставив биться только одно сердце.

Пальцы, державшие сигарету, у него задрожали, а слюна вдруг куда-то исчезла, и во рту стало сухо-сухо. Павел Петрович попытался облизнуть пересохшие губы, и тут в дверь постучали. Павел Петрович от неожиданности вздрогнул и чуть не обронил на пол дымящую сигарету.

– Кто это среди ночи?

Он испуганно покосился на дверь в спальню. Светлану бы не разбудили!

Павел Петрович подошёл к двери и, даже не поглядев в глазок – так он боялся пробуждения жены, быстро открыл её.

На лестничной площадке стояли три милиционера, соседка баба Лида и Василий с первого этажа.

Милиционеры быстро, оттеснив его дальше, вглубь прихожей, вошли в квартиру.

– Круглов? Павел Петрович? – сказал один из них.

– Да, – ответил Павел Петрович в недоумении, – чем обязан?

Баба Лида согласно закивала головой. Да, он, это он.

Милиционеры, не снимая обувь, прошли в квартиру. Один из них заглянул в спальню.

– В чём дело? – возмутился Павел Петрович. – По какому праву?!

– Да, – сказал милиционер из спальни. – Она здесь. Вызывайте следователя и судмедэксперта! Поняты! Подойдите сюда!

– Что? Что такое! – закричал Павел Петрович, готовый броситься на милиционера. Но стоявшие рядом стражи порядка быстро скрутили его.

– Как она кричала! Как кричала! – баба Лида качала головой и всё ахала и ахала.

Через раскрытую дверь спальни Павел Петрович увидел жену. Она распростёрлась на полу рядом с кроватью, словно безжизненный манекен. Вокруг её шеи было затянуто узлом тонкое полотенце. Мороз сковал его сердце.

РЕКА СМЕРТИ

Последние несколько лет население всех деревень в нашей округе было обеспокоено приближением реки Смерти. Раньше она величественно протекала вдалеке за высокими холмами и густым лесом. Мы все просто знали, что она где-то там, далеко-далеко, в синей дымке.

Время от времени кто-нибудь из старших уходил туда посмотреть, как она течёт, в своих ли берегах, не поменяла ли русло. А мы, ребяташки, и думать о ней не думали.

Всё поменялось нынешней весной. Река Смерти пошла по другому руслу. Теперь она огибала сразу пять деревень, взяв их в кольцо. При этом русло реки продолжало расширяться; берега обвалились, превращая наши земли в остров. И взрослые, и дети взбирались на самое высокое место в нашей деревне – Лисью Горку – и тревожно смотрели на тёмные воды реки, неумолимо к нам приближающиеся. Если внимательно смотреть на реку, можно было увидеть, как по ней стремительно проносятся Сущности.

Самый старый житель нашей деревни – Остроглаз; сколько помню, его так всегда называли – Остроглаз. Точнее, Хитрый Лис Остроглаз. Почему его так звали, не знаю. Он был настолько старым, что ходил очень медленно, опираясь на суковатую ореховую палочку, не поднимая глаз от земли и не разгибая спины. Он ходил и всё охал:

– Ох, ноженьки мои, ноженьки! Будь у меня такие ноги, – и он почему-то всегда указывал палкой на меня, – я бы уже давно перебрался на ту сторону реки. Там волшебная земля, на которой произрастают чудесные фруктовые деревья и ягодные кусты, там настоящие, полные рыбой реки, а в лесах там водится самая разнообразная дичь. Ох! Какие там леса, вы бы знали! Не то что наша Богом проклятая земля!

Остроглаз говорил нам:

– Тени, которые мелькают в реке Смерти, – это Злые Сущности. Ещё никому из нашей деревни не удавалось преодолеть эту реку вброд. Набегали Злые Сущности и проглатывали всех, кто осмеливался перебираться на ту сторону. Но будь у меня такие ноги, как у Рыжика, – и он снова тыкал в меня палкой, – я бы смог юркнуть между этими Сущностями и пробраться на ту сторону.

– А я бы тоже смогла юркнуть между Сущностями и пробраться на тот берег! – сказала Попрыгунья. Она училась со мной в одном классе, и я знал, что Попрыгунья самая быстрая и самая смелая девочка. И самая красивая. У нас в деревне все были примерно как я, рыжие. А вот Попрыгунья отличалась от всех нас – она была вся смугленькой, а коса вот её – была почему-то белой. Чёлка, спадающая на её раскосые глаза, и длинная коса, за которую я любил её подергать.

Остроглаз посмотрел внимательно на Попрыгунью и сказал задумчиво:

– Да, ты, пожалуй, тоже смогла бы пробраться через реку Смерть.

– И я! И я смогу! – крикнул я.

– И ты, Рыжик, и ты сможешь, – успокоил меня Остроглаз. – Только вот что, ребята, послушайте меня внимательно. Я вас научу перебираться на тот берег. От вас потребуется только одно...

– Что?! Что?! – закричал я в нетерпенье, дёргая Остроглаза за его обветшалый и вылинявший кафтан.

– Вы вдвоём, рано утром, когда все в нашей деревне будут ещё спать, подойдёте к реке Смерти. Встанете на берегу и будете спокойно смотреть, как Злые сущности проплывают по реке. И вот когда вы почувствуете, что уже не боитесь их и что в ваших сердцах нет никакого страха, – вот тогда вы и броситесь в реку. Молотите своими ногами что есть силы! Вы должны видеть перед собой только тот берег. Вы должны начисто забыть про нас и нашу деревню. Как будто вы никогда здесь и не жили. Смотрите только на тот берег и ни в коем случае не поддавайтесь страху перед Злыми Сущностями. Тогда вы сможете преодолеть реку Смерти и оказаться на том берегу.

– Мы поняли! Мы поняли! – закричал я и радостно запрыгал вокруг Остроглаза.

– погоди, Рыжик, погоди, – остановил меня старик. – Ты всегда такой нетерпеливый! – он пригрозил мне палкой. – Не будь никогда таким нетерпеливым! Это может тебя погубить!

Я ещё хотел сказать вам вот что, мои ненаглядные. Когда войдёте в реку – забудьте не только о том, что осталось у вас за спиной, но и друг о друге. Каждый из вас реку преодолевает самостоятельно. Только на том берегу вы должны встретиться снова.

– Поняли, всё поняли, дедушка! – закричал я.

– Ну, тогда, мои дорогие, мои хорошие, идите в свои дома и отдохните до утра. А утром я постучу тихо палкой в ваши двери...

– Ну, тогда я и говорю ей: «Полезай! В кабине моего тягача места много – будешь моей женой. Пока не доведу груз». Ха-ха-ха!

– Гена, блин! Ты на дорогу, на дорогу смотри!

– Ах ты, чёрт! Что это было?

– Лисы, Генка. Лисы дорогу перебежали.

– Кажись, одного раздавил.

– Да, рыжего. А эта, чёрная с белым хвостом, упрямала-таки! Попрыгунья!

– Да, этой повезло. Дорога смерти, блин.

Катя Николова

г. Плевен, Болгария

Катя Николова родилась и выросла в экзотичной деревне Деветаци, откуда, наверно, прорастает лирическая струя и романтика в её стихах.

Автор четырёх поэтических книг – «Дуэль с дьяволом» (1992 г.), «Под жёлтым зонтиком лета» (1998 г.), «Река ночи» (2003 г.) и «Июльские ветра» (2011 г.). Публиковала стихи в местной и центральной прессе, в журналах «Ступан», «Пламяк», «Матадор», «Пулс», «Болгарская утренняя звезда», который издаётся в городе Бухаресте – Румыния, в антологии писателей Болгарии и России «Созвучие», «Созвучие – 2» (2011, 2013 гг.), в альманахах «Мизия» – издание Дружества плевенских писателей и «Ирин Пирин», в газетах «Словото днес», «Литературен форум», «Плевенска медицина».

Её произведения можно прочитать на страницах виртуальной библиотеки www.slovo.bg. Профессионально она работает как медицинская сестра в Детской клинике университетской больницы г. Плевена. Член Дружества плевенских писателей и председатель литературного клуба медиков в г. Плевене «Пульс».

Подснежники

Не сердитесь,
что мама рвала мне цветы:
Сны мои она скрасить хотела.
Пусть подснежники эти
как явь чистоты
Ароматом живут у постели.

Звездапады во сне
среди богатых равнин
Будут ярко мерцать, золотиться,
А подснежники тихие
скромно по ним
Белым светом таинственно литься.

По стаканчикам малым
из вазы большой
Я уменьшу всю пышность букета.
И опять соберу, и ещё, и ещё...
Чтоб не кончились
детства приветы.
Перевод Леонида Дудина

Когда тело твоё уплывает ко сну

Когда страсти в постели
уже успокоены
И тело твоё уплывает ко сну, –
Я дарю тебе тишину
и блаженство,
понимая, зачем и к чему.

А любовь в ритме сердца
и сна твоего
Будет ровно дышать
у тебя на плече.

Осень – страж, потому,
облачась в золотые доспехи,
Не позволит себе задремать,
Когда тело твоё уплывает ко сну.

Будет добрая ночь, а затем –
Будет полная нежности ночь
С ароматом больших хризантем.
Перевод Леонида Дудина

Эскизы

1.
Посреди распрекрасного лета
Над клином готовой пшеницы
Иволги стаями ищут приметы,
Где бы им приземлиться.

Птицы гнёзд никогда не теряли,
Они знали,
что море цветов полевых –
Их самих колыбель,
чад своих колыбель,
да предков своих.

2.
Янтарём
поднимается
солнце над мглою.

Хризантемы –
горячие солнца –
мамин двор
озаряют.

3.
Рисуя, бегло прикасаюсь
равнин зимы...
Разрезал поезд тишину
над спящим полем.
А птицы где?
Где обозначены они
На живописном полотне?
С какою долей?

...Боясь холодных дней,
Порхнули вдруг за ткань эскиза
И там сложили крылья.
Перевод Леонида Дудина

Зимний вечер
В морозе прозрачном,
Деревья доверху в инее.

С неба кружат
Богато снежинки,
Как будто бабочки милые.

И ветер – в обнимку с ними.

В доме нашем
Тепло и уютно,
В бокалах искры шампанского.

В объятиях
Сплетаются руки
до боли легко и ласково.

Только смешенье прекрасного.

Бледной свечи
Неяркое пламя,
По стенам теней мерцание.

Шёпот любви,
Бескрайная нежность,
Волосы в звёздах – свидание!..

О снежно-белое
очарование,
Причастие наших душ!
Перевод Леонида Дудина

На закате
цвета розы фламинго
пьют воду
у берега моря,
близ «Кабарги»,
и ждут,
чтоб случилось
необычное нечто...

...Кто-то блуждает,
рисуя следами
и чувства, и мысли
на тёплом песке.
Берег усеян
и песней ракушек.
Пока
мы ждём...
Вальс ритуальный
танцуют фламинго.
На цыпочках к берегу
море подходит...
Пока...

Перевод Леонида Дудина

Руслан Овдиенко

г. Азов, Ростовская обл.

Зыбкие тени

К утру через открытые окна вылетает сон.
Сонно шевелит губами юный рассвет.
Среди погибших кораблей, где-то в море, родился он –
Ярких красок палитра, оттенков свежих букет.

Встрепенулось время,
сбросило тяжкие цепи ночных оков.
Бьётся в агонии май.
Лето, от удовольствия шурясь, взобралось на нишу.
Густо намазало солнце жару на крыши чумазных домов,
В подъездах обрывки вчерашнего дня
прячутся в старых афишах.

Веки вечные тянется полдень,
неподвижен пейзаж тополей.
Оборвал траекторию взлёта,
изменил свой привычный маршрут
Майский жук. Испугался палящего неба, увы, дуралей,
И в который раз пожалел,
что не взял он с собой парашют.

Ближе к вечеру растворяются
зыбкие тени Фата-морганы,
Обретают отчётливо формы городские портреты:
Улицы, площади, дворики, люди, фонтаны
Громко наполнили воздух звоном медной монеты.

Время тает быстрее, чем движутся стрелки часов,
До конца не понять мне механику этого лета.
Угасающий день, спрятав солнце, задвинул засов,
И спустила с цепи звёзды ночь по их слабому следу.

Амплитуда тишины

Веник заметает мусор в уголок кухни,
И кухня становится похожа на пригород Рима.
Постепенно календарь, распятый на стене, распухнув,
Сейчас напоминает измождённого мима.

Где-то в парадном шаге, хлопнула дверь, снова тишь.
Это молчанье вбирает в себя всё живое.
Я умолк, ну а ты уже век молчишь,
И солнце садится для всех, даже для нас с тобою.

Шёлк растекается морем размытых красок,
На столе монумент из стакана и его подстаканника.
Трамваи набиты битком, очереди в кассы,
Ложка бьётся о край стеклянного многогранника.

Скрип усталой двери, автомобильных покрышек визг.
Ультразвук оглушающая амплитуда
Уносится в никуда, продолжая возникать из
Ниоткуда.

Будет ли...

Море седое
Нежно ласкает руки,
Облака белоснежные
Мохнатыми гроздьями виснут.
Я на покое.
Лето взяло на поруки.
В узкую щель между скалами
Зноем июльским втиснут.

Море выходит на сушу,
Тихо крадётся по камням,
За геометрией ветра
Пытаюсь следить взглядом.
Ты или я, кто из нас будет разрушен?
Будет пропитан нежной любви ядом.

Будет ли снова небо гореть синим?
Будет ли море таким тёплым ночью?
Буду ли я снова таким же сильным?
Напишу ли ещё хоть одну строчку?

На подоконнике

На подоконнике, в объятиях пыльных штор,
В сетке ржавой от времени
и равнодушия клетки,
Доживает свой век соловей, его пёстрый узор
Не мелькнет на удобной для пения
липовой ветке.

Ежедневно чеканит прыжками пустынную келью,
Измеряет глазами скупое пространство свободы.
Не разрушить давящие стены
пронзительной трелью,
Не под силу ему вознестись под небесные своды.

А когда он уснёт, ему грезится смелый полёт
Над рекою и лесом, непаханным клеверным полем.
Много дней и ночей он молчит и томительно ждёт.
И окно, за которым такие, как он. Но на воле.

Шах – мат

Иногда пешки не догадываются
о существовании короля.
Да и как догадаться,
если всё время надо идти в бой.
Часто хочется вернуться на свои привычные Е-2,
Но шаг сделан, тяжёлый шаг, не простой.
Справа редет строй, слева гибнут герои,
Рёв слонов, хрип лошадей и лады.
Оставшихся в живых врагов ведут под конвоем,
Чёрно-белые клетки стали красными от крови.
Шпаги, копья, алебарды, а вот и корона.
Вот тот трофей, который дороже всего.
В слезах Королева, она лишена трона,
Лишена войска, конницы, мужа, в общем, всего...
Но кончилась битва,
теперь короли и пешки равны
В деревянной коробке, где они все спят. Полумрак.
И пусть сегодня кто-то со щитом,
а кто-то остался бесславным.
Завтра воздух вновь наполнит скрежет атак.

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ...

Эпизод

«С какой любовью я обставляла этот дом, чтобы удобно было моему любимому, чтобы счастье жило в каждой вещичке, к которой прикоснётся твой Амир! Здесь любили играть дети. Здесь был наш мир. А теперь этот мир разрушен! Другая женщина будет ласкать моего мужа, она даже забеременела. Пока я нянчилась с детьми, он развлекался с другими. Продолжал мне изменять, даже когда носила под сердцем Асму, он предавал и чуть не погубил её, развлекаясь с подружкой, пока я боролась за жизнь дочки. Думала, исправится, и дождалась – он требует от меня согласия на вторую жену.

– Ты должна понять, что вторая жена – это сделка! А люблю я тебя, тебя, тебя! Ты поняла меня? Только тебя! – кричал он и тряс меня в исступлении. Казалось, ещё миг, и моя голова отлетит от этого!

– Какая может быть сделка, если у тебя есть жена и дети? – боль в спине после падения не проходит, и тяжесть в животе. Затрясло уже от крика и слёз, от душевной боли. – Уходи! Ты забрал моё счастье и отдал другой! Что ещё ты хочешь? Чтобы я ушла откуда? А? Уйду, навсегда уйду из твоей жизни, вместе с детьми, потому что они неотделимы от меня! А ты убирайся к своей второй, вон, ненавижу тебя! Я вложила в семью душу, любовь, а ты разрушил её!

Хватаюсь за живот, вдруг напрягшийся, и будто что-то лопнуло внутри, и дикая боль пронзила мою плоть: как под напором, из меня вырвалось крошечное дитя. Стою в луже крови, маленький комочек безжизненно лежит на полу, как выпавший из гнезда птенчик. Я задохнулась в крике и рыданиях:

– Ты убил его! Ты убил моего ребёнка! Ты вырвал его из моей плоти! Дьявол ты, дьявол! – голос вдруг пропал, превратившись в осипший шёпот, ноги дрожат, тело бьётся, как в ознобе, в изнеможении оседаю на пол рядом с маленьким комочком моего ребёнка. – Вот она, твоя сделка! Я дала твоим детям жизнь, а ты выбрал для меня смерть! – в глазах темнеет, и таким далёким становится голос Амира:

– Мой ребёнок! Что я натворил! Прости меня, Гюль! Я откажусь от второй жены!

На что надеялась? Чего ждать теперь? Ничего! Ничего хорошего не будет. Господи, какое страшное испытание!

На комодке оставляю Амиру записку: «Теперь ты можешь взять столько жён, сколько захочешь, никто не стоит у тебя на пути, ты свободен от нас! Ты погубил нас, уничтожил нашу семью! Палач! Это последний удар твоей любви! Ты хорошо посмеялся

Эмилия Оффеди

г. Пермь

над моими чувствами!» А сверху кладу обручальное кольцо.

Последний взгляд на всё, что было очагом любви: прощай, мой дом, пусть каждая комната, каждая вещь напоминает обо мне и детях! Пусть пройдёт Он, разрушивший нашу семью, наш мир, и увидит его безжизненным, опустевшим. И тогда поймёт, какой страшный грех Он совершил.

Спускаюсь в гостиную, оглядываюсь по сторонам. Как любила я тебя, мой дом! Как больно мне тебя покидать! Господи, ты видишь, забираю только своих детей, ни одну свою клеточку не отдаю никому! Для него умру я и всё, что мной рождено.

Держись, приказываю себе, не смей раскисать!»

Сумасшедший был день сегодня! Уставшие музыканты вернулись домой после выступления, они все жили под одной крышей в огромном доме Амира.

Почему-то прислуга не встречала ребят, не предложила чай и бутерброды, темно было в доме.

Амир не нашёл в комнате жену, пошёл искать, но не обнаружил нигде, бросился в комнаты детей, но и их нет на месте.

– Гю-ю-ль! – он закричал, как раненый зверь, что есть сил. – Гюль, где ты?

Он метался по дому и звал свою любимую. А в ответ ни звука. Никто не откликнулся на его зов.

Уставшие ребята намеревались перед сном принять душ. Но вдруг услышали дикий крик Амира, зовущего свою жену.

– Что-то случилось, – Ахмед вздрогнул от жуткого вопля и побежал наверх.

Ребята рванули следом. Узнав, что Амир не нашёл в доме никого: ни жены, ни детей, ни прислуги, – растерянно молчали.

– Убью! Зарежу! Их надо найти! Как я буду жить без них? Скорей! Верните мне детей, – кричал Амир, – она ничего не взяла, оставила всё: дом, яхту, вещи, банковскую карточку, даже обручальное кольцо, взяла только свои украшения, детей и прислугу.

Он то грозился убить жену, то, чуть не плача, твердил, что любит её. Судорожно нажимал кнопку вызова её телефона, но оператор отвечал, что телефон не подключен к сети. Набирал телефон бабушки Сони, её телефон тоже молчал. Телефонов прислуги он не знал.

– Надо в аэропорт ехать, на железнодорожный вокзал, – рассуждал Ахмед, – может, ещё не поздно их найти.

– Надо звонить в службу такси, только так они могли уехать из дома, тогда станет известно, куда их отвезли, – рассуждал вслух Усман, – будет ясно, где их искать.

Амир нетерпеливо вышагивал по гостиной, пока друг звонил в службу такси. Там подтвердили вызов трёх автомобилей и конечный пункт следования.

– Это причал, туда их доставили три машины такси, – сообщил растерянно Ахмед.

– Едем, быстрее, – Амир выбежал из дома. Ребята поспешили следом.

Всю дорогу никто не решался произнести хоть слово, в салоне микроавтобуса тишина, нарушаемая лишь урчанием мотора. Уже ночь, народ только

в центре города, на маленьких улочках лишь загулявшие парочки.

На причале пусто, поиски хоть кого-то из служащих увенчались успехом. Им сообщили, что молодая женщина арендовала небольшой старенький катер, объяснив, что ей срочно нужно добраться до стоящей где-то в море яхты мужа. И что катер увёз их, направление охраннику неизвестно, но он сам видел, что женщина приехала на такси с детьми, ещё три женщины были с ней, и как они пошли к катеру. Дальше он был занят своей работой, только услышал звук заработавших двигателей, и катер отошёл от причала.

– Где же теперь их искать, – Амир прошептал побелевшими губами, хватаясь за голову, – куда они могли направиться? И телефоны не отвечают.

– Надо подумать. Есть какие-нибудь предположения? – Усман обращался ко всем, сам не зная, что предпринять. – Может, по карте посмотреть, позвонить в справочную? Подождать до утра? Надо узнать в телефонной службе, откуда был последний звонок, и чтобы зафиксировали, откуда снова работает телефон.

– Это верно, – Ахмед соглашался с этим вариантом действий, – но почему она сказала, что ей нужно на яхту, стоящую в море? Чтобы запутать след, или она отчаялась и решила совершить что-то страшное?

Ребята с ужасом переглядывались, боясь посмотреть на Амира. А он вдруг бросился бежать от причала по берегу моря. Его пальцы впилась в шею, чуть не вырывая волосы. И одно твердил:

– Моя Гюль! Где ты? Где мои дети? Прости ещё раз! Прости, моя девочка! Ты же всегда прощала, прости ещё раз! Гюль!

И заплакал, сев на камень. В этот момент он понял, что потерял всё, ради чего стоило жить, ради кого можно было отказаться от бесчисленного количества поклонниц. Они не давали радости семье, а только уносили счастье из их дома, с любовью обустроенного его женой. Он сознавал свою вину, и нет ему прощения. Маленькая надежда теплилась в душе: он найдёт её, будет замаливать свои грехи, станет покорным рабом. Дети были его жизнью, радостью, подаренной ему любимой девочкой Гюль. Он забудет всех поклонниц, предлагающих себя. Гюль гордая, она не соблазнялась его ухаживаниями, не подпускала к себе. И только после обручения, согласившись выйти за него замуж, отдала ему себя. Как он любил её! Почему изменял? Привычка холостяка? Доказывал, что он себе хозяин?

Ребята ждали, пока Амир успокоится, никто не смеялся, видя, что он плачет. Раньше они подшучивали, мол, жена прибрала его к рукам, он делает всё, что ни прикажет Гюль. Но ведь это не всерьёз! Он стал обманывать её, и уже они советовали ему не изводить жену изменами. Амир, как поезд, набравший скорость, не мог остановиться, всё новые и новые подружки стелились перед ним, вот и попался, когда очередная девчонка пожаловалась папе, что у неё будет ребёнок, и в результате ему пришлось согласиться на вторую жену. Никто не сомневался: это плохо кончится.

– Поехали домой! Утром объявим розыск, может, вернётся, Гюль тебя любит, пожалеет и простит, как всегда. Кто знал, что у неё лопнет терпение!

– Я звонил ей перед концертом. Она сказала, что я палач, убил её, убил семью, чтобы я берёг себя и свой талант, только это у меня осталось.

– Что ж ты раньше не рассказал? Надо было сразу ехать домой, их можно было найти и вернуть. А сейчас – где их искать? Сам виноват! Наглеть начал!

И зачем вторая жена? Ну, помогал бы ей. Что сейчас говорить! Поехали!

Амир сел в автобус, безучастно глядя в лица ребят. Они правы. Но что-то нужно делать, нельзя останавливаться!

В молчании разошлись по комнатам, никому не хотелось делать предположений, куда могла уехать Гюль. Ребята привыкли, что она прощает их друга. И вот оказалась верна своему слову! Им было жалко её, девчонка очень красивая, талантливая, гордая, такая недоступная была, а как вышла замуж за Амира, стала мягкой и покорной, совсем не похожей на ту, в которую влюбился их друг, а он любит добиваться, завоевывать. И только на концертах, когда поклонники составляли конкуренцию, он чувствовал себя как в бою, снова влюбляясь в жену.

Амир поднялся в комнату, упал на кровать и заплакал, как в детстве. Только тут, перед любимой девочкой Гюль, он мог расслабиться, позволить себе слёзы. Она понимала его, любила и жалела. Не выдержала, наказала его, ушла, унесла с собой его сердце, его жизнь, его детей. Думал, сколько бы ни обижалась, всё равно простит, только он возьмёт её на руки. Было обидно, что его, звезду мирового масштаба, бросила женщина, мать его детей. Она талант, тоже стала звездой, пусть не так известна, как он, но всё ещё впереди, после бенефиса о ней заговорили, на телевидении стали показывать её выступления. И вот, её нет. Сказала: береги себя и свой талант, только это у тебя и осталось. Она уезжала, а он не догадался. Ах, Гюль, вернись, моя девочка, я так по тебе соскучился! Я изменюсь, мне нужна только ты!

Глаза закрылись, сон навалился тяжёлым камнем. И вдруг грохот, яркая вспышка ослепила его сон. Амир вскочил, в ужас схватился за голову: что-то случилось! Он уже не мог лечь, ему слышался визг, крики. И темнота, только луна и звёзды качались на волнах вместе с детскими вещами. Он чётко увидел это в темноте комнаты и включил свет. И заплакал, увидев игрушку Асмы. На кресле висит халатик Гюль. Амир взял его, прижал к груди и закрыл глаза, почувствовал нежный запах розы.

– Как я буду жить без тебя? Вернись!

В памяти возникли последние слова Гюль: береги себя и свой талант, теперь у тебя есть только это.

Только не это! Я найду её!

Амир спустился в кухню. Сел за стол, налил из бутылки коньяка прямо в кофейную чашку и выпил. Стиснул голову руками, качаясь из стороны в сторону. Что же делать? Где её искать? Куда она увезла детей?

– Я убью тебя, Гюль! Найду и убью, – он стукнул кулаком по столу, – найду и убью! А потом убью себя, – и снова заплакал.

В кухне появился Усман.

– Тоже не спишь? И я не могу уснуть. Сон дурацкий приснился. Будто фейерверк, петарды рвутся, грохот на воде.

Амир поднял голову, глядя на Усмана устрашающими глазами.

– Ты тоже это увидел? И детские вещи плавают. И крики.

Усман быстро налил в стакан коньяка и залпом опрокинул в рот. Остановившимся взглядом уставился на Амира.

– Надо что-то делать. Может, позвонить в службу доверия, в полицию, связаться с адвокатом? Кто-то что-то посоветует.

Амир ещё налил коньяка, отхлебнул. Слёзы размазались по щекам.

Слабый рассвет проскользнул в окно кухни. Тихо и безжизненно в доме.

Усман включил телевизор, искал новости, но попался фильм, животные, природа.

– Надо позвонить в справочную службу, они что-нибудь посоветуют, – Амир с тоской в голосе рассуждал вслух.

Усман кивнул, набрал номер. Хрипло заговорил, объясняя суть просьбы. На том конце связи дали несколько телефонных номеров.

Ещё очень рано, лишь на последний номер выпала удача, ответили с того причала, где накануне были ребята, дали телефон службы береговой охраны.

– Хоть что-то! Но почему дали этот номер? Может, их задержали в море? Слышишь, что говорю?

– Слышу, – Амир бледнел и мрачнел, уставившись в одну точку, – грохот слышен, яркие вспышки, понимаешь, и детские вещи на воде, – он заскрипел зубами, стуча кулаком по столу, – там произошло что-то страшное.

Усман отмахнулся:

– Не придумывай! Не знаешь, что делать, поэтому в голову лезут дурные мысли. Сейчас свяжусь и что-нибудь узнаю.

Набрал номер службы береговой охраны, нажал на вызов и нервно забарабанил пальцами по столу. На звонок ответили просьбой подождать. В телефоне было слышно, как грозным голосом кто-то кому-то кричал, что надо везти на опознание родственников, там много погибших, в том числе и детей, на воде плавают детские вещи, игрушки, на причале погибшие приехали на такси.

– Служба береговой охраны слушает, – грозный голос наконец заговорил в телефон.

Усман упавшим голосом захрипел в трубку, что разыскивает молодую женщину, семерых детей, бабушку и двух помощниц, они уехали вечером на катере, объяснив, что их ждёт в море яхта, на самом деле никто их не ждал.

Грозный голос стал хриплым:

– На расстоянии около сотни миль от берега небольшой частный катер взлетел на воздух, причиной происшествия, предположительно, явился взрыв бензобаков. На воде плавают фрагменты одежды взрослых и детей, игрушки, останки катера, обломки. Сколько человек было, неизвестно, это уточняется. Трагедия произошла ночью. Когда солнце появилось на горизонте, корабль береговой охраны прибыл к месту трагедии, тел погибших не обнаружено – в этом месте замечено множество акул. Нужно выехать на опознание вещей.

– Мы выезжаем, ждите, – ответил Усман, отключил телефон и уставился на Амира, дрожащими руками вытирая взмокшее лицо и шею.

Пока он разговаривал по телефону, в кухне появились ребята, услышав громкие голоса.

– Амир, надо срочно ехать на причал, – Усман не знал, как произнести то, что услышал по телефону.

Амир медленно встал, провел ладонями по волосам:

– Ну вот, их нашли! Думала, убежит от меня! Она теперь будет сидеть под замком! Ей придётся постараться, чтобы я простил!

Усман вытирал глаза, покрасневшие от слёз. Ребята ещё не сообразили, что произошла трагедия, но все кинулись одеваться.

Амир потирал дрожащие руки, суетливо засовывал их в карманы, тут же вытаскивал и снова прятал, вновь вытаскивал.

Садясь в автобус, ребята спрашивали Усмана, что

он узнал.

– Мы едем на опознание, там произошла трагедия, в живых никого не обнаружили, – прохрипел Усман.

В полной тишине кто схватился за голову, кто-то тоскливо отвернулся к окну, прикрывая глаза с выплывшими слезами.

Ахмед завыл:

– У-у-у! Ужас какой! Бедная девочка! От горя приняла такую страшную смерть, унеся с собой детей!

Амир подошел к микроавтобусу, услышал последние слова.

– Дети, наверно, устали. Не удалось ей убежать от меня, – дрожащим голосом говорил он, – как я соскучился по моим детям, – оглянулся на ребят, – а почему такая тишина? Успеете выспаться! Привезём их домой, и можно будет отдохнуть.

Усман тронул Амира за плечо:

– Послушай, Амир! В море произошла трагедия. На катере взорвались бензобаки, погибли все.

Амир сел, ухватился длинными пальцами за шевелюру и замер, прислушиваясь к словам. Поднял глаза на Ахмеда:

– Ты что-нибудь понимаешь? Я говорю о своих, мы заберём их, а он рассказывает страшную историю.

– Там никого живых не обнаружено, на воде плавают детские игрушки, одежда взрослых и детей.

Амир скривился в страшной улыбке, но эта нервная гримаса медленно оседала, превращая лицо в маску сумасшествия...

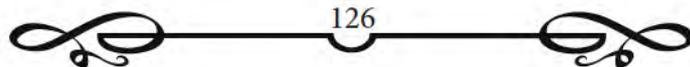
*От потерь никто не волен,
И печаль моя безбрежна.
Сердце замерло от боли,
В нём ещё живёт надежда.*

*Ты прости меня, родная!
В то, что нет тебя, – не верю!
Всё наладится, я знаю,
Лишь войди – открыты двери!*

*Возвратись, мой ангел нежный,
Не бросай меня навечно –
Мироздание безбрежно,
Жизнь проходит быстротечно!*

*Душу ранили осколки
Счастья, бывшего меж нами.
Искололи, как иголки
О тебе воспоминаний.*

*Твоё имя в своём сердце
Написал большой любовью.
Но в разлуке не согреться
От тоски застывшей кровью...*

Вера Панарина

г. Балтийск, Калининградская обл.

Родилась на Украине, но волею судьбы оказалась в самой западной области России –

Калининградской. Живу на берегу Балтийского моря, в городе Балтийске. Работая в детском саду бухгалтером. Несмотря на кажущуюся сухость профессии, очень чувственный, понимающий человек.

Люблю читать. Если день прошёл без газеты или книги, то это потерянный день. Спасибо прогрессу, теперь к интересным увлечениям добавился и Интернет.

Ещё моё хобби – рукоделие, жаль, на него катастрофически не хватает времени.

Стихи и прозу пишу давно, сколько себя помню. И никогда не придавала этому значения. Как-то всё пишется само собой, о чём думается, что тебя волнует в данный момент.

КОМЕНДАНТ

Был у нас в гарнизоне комендант. Звали его Иван Семёнович. Не любил он сидеть в кабинете, ездил по городу на служебной машине. И порядок был в гарнизоне – идеальный. Все улицы матросами чисто выметены, бордюры – покрашены! А ещё он лично высматривал нарушителей формы одежды. Если туфли неуставные, да белый шарфик, заботливой тещей связанный, – сидеть нарушителю на гауптвахте.

Как-то попали к нему матросы, которые через пару недель должны были идти на ДМБ. Борзели эти ребята ужасно: в самоволки ходили нередко. А тут звонит коменданту жена и говорит, что надо картошку посадить на даче. Подумал он: чего зря такая рабсила в камерах-то пропадает, решил он отвезти нарушителей на дачу, пусть хоть какая польза от них будет. Отвёз на дачу да велел вскопать участок, дал мешок картошки и приказал до обеда всё исполнить. А ребята – шутники попались. Вскопать-то участок за пару часов управились, да решили они подшутить над комендантом: выкопали посередине участка яму и высыпали туда всю картошку из мешка. Рассудили здраво: сейчас ничего не видно, а когда взойдёт картошка-то – их уже и след простынет.

Приехал комендант – всё перекопано, картошка посажена.

– Молодцы, хлопцы! – похвалил работяг.

Те посмотрели друг на друга, перемигнулись.

Прошло время, смотрит Иван Семёнович, а картошка и не всходит вовсе. Только посередине огорода поднимается густая поросль.

Через некоторое время выяснилось, что как раз картошка это и есть!

– Вот черти, что мне устроили! – жаловался он каждому встречному. – У всех картошка как картошка, а у меня – клумба!

С ним была связана и другая история.

В нескольких километрах от военного городка была воинская часть, где обучали на диверсантов. Ребята там жутко тренированные были. В любую погоду бегали с голым торсом по несколько километров, приёмы всякие знали, короче, сам чёрт им был не страшен. Получилось так, что высмотрел их Иван Семёнович со своей машины да задержал. Посадил в тюрьму – и бегом к телефону. Звонит командиру части этой диверсантской:

– Слышишь, майор, я тут твоих ребят задержал!
– Не мои это ребята, Иван Семёнович! Мои бы не попались!

– Ну-ну! – рассмеялся довольный комендант. Он уже предвкушал, как завтра на утреннем докладе расскажет начальству, какой он умный да ловкий.

Прошло время, и попросился один из арестантов по нужде. Вывел его дежурный матрос. А тот скрутил его в минуту, ключи отобрал, автомат, вызволил своих товарищей. Пошли они к выходу, сидит офицер дежурный. Втроём связать его – дело раз плюнуть. Пистолет тоже забрали. Идут дальше. На воротах ещё один охранник стоит. С ним в два счёта справились, ещё один автомат появился. Сели в машину комендантскую, да и были таковы. Надо ещё и заставу как-то миновать, но там оказалось ещё проще. Когда увидела служба, что мчится машина комендантская, взяла под козырёк и пропустила без проблем диверсантов из города.

Очухался дежурный офицер. Надо докладывать коменданту и про побег, и про то, что оружие пропало. И наказание известно – переселиться придется в застенки, на место диверсантов бешеных. Позвонил дежурный коменданту, доложил как есть. Надо бы машину за Иваном Семёновичем послать, а нет машины-то!

Приехал комендант на автобусе. Всем пинков надавал! Ярость свою выпустил, такими словами поносил службу, никогда его ещё таким страшным не видели. Звонит снова командиру части диверсантской:

– Товарищ майор, твои хлопцы моих дежурных связали и сбежали с гауптвахты!

Хочет майор:

– Да вы что? Серьёзно?

Гнусавит в трубку комендант:

– Они оружие у дежурных забрали и машину мою угнали!

Ещё громче засмеялся командир:

– Вот это мои ребята!

Не стал ругаться Иван Семёнович, понимал он: диверсанты как раз своё мастерство показали.

– Ты, майор, пришли машину-то назад. И оружие тоже. Чего уж там! Давай решим мирным путём.

Поостерегался Иван Семёнович больше хватать без разбора военных, вдруг опять диверсанты попадутся!

Нина Просветова

г. Луховицы, Московская обл.

МАРИЯ АНАД АЛОНИ

Каждый день Мария приходила в школу, изучала всё то, что преподавалось. Отличницей не была, но считалась ученицей с твёрдым знанием предметов.

Дома тоже было всё в порядке. Там царил мир и спокойствие. Девочку боготворили папа и мама. Но однажды Мария поставила перед ними неожиданный, но вполне естественный вопрос:

– Почему я – Мария Анад Алони? Вы ведь Верховцевы, а я ваша дочь.

Двенадцатилетняя Мария хотела знать то, о чём прежде умалчивалось в семье. Вроде бы секрета особого не было, но всё как-то откладывалось до лучших времен.

Выпускник авиационного училища Владимир Верховцев попал из благодатного Подмоскovie в Нижневартовск Ханты-Мансийского автономного округа, где добывали нефть, чтобы потом отправлять её по самым различным точкам индустриальной державы. Северный край бурлил от множества новейшей техники, которая продвигалась вдоль и поперёк тайги, прокладывая путь к намеченной цели. Валились вековые деревья-исполины, выкорчёвывались их корни, сопротивлявшиеся завоевателям. Но шла кропотливая, настойчивая работа пядь за пядью, шаг за шагом.

Самолёты и вертолёты над тайгой считались делом обычным. Воздушные перевозки были неотъемлемой частью важного процесса.

Рабочая суета была по душе начинающему нефтянику. Так, гордым именем «нефтяник» здесь называли себя все, начиная от повара, который старался приготовить вкусный наваристый борщ для покорителей природных богатств.

«Мама, за меня не беспокойся, – писал домой Владимир. – Всё у меня хорошо. Ребята в общежитии мировые. Ездим на рыбалку, охотимся в тайге. Недавно видел медведя живьём, почти рядом, но вовремя ретировался. Рыбы и зверя здесь так много, что тебе, мама, трудно представить. Так что не беспокойся. Я сыт и тепло одет...»

Зинаида Степановна верила сыну. Так уж в их семье повелось, что говорилось правда, какая бы она ни была. Но материнское сердце не находило себе покоя: всё же мужское окружение, не пойми какой быт, суровые природные условия. Опуская в почтовый ящик письмо сыну, каждый раз осеняла его крестом, не веря, что уже через неделю, а то и меньше, её послание с любовью будет читать Владимир. И в каждом письме матери красной строкой проходила идея женить сына: «Женись, и как можно быстрее, – всё же под присмотром будешь. Жена всё обустроит и направит куда надо».

Владимир не спешил обзаводиться семьей. Свободный образ жизни ему очень импонировал. Да и годы ещё позволяли ходить в холостяках. Но, как говорится, судьбу не обманешь.

Однажды вся бригада Владимира, припозднившаяся после смены, ввалилась в столовую, расположенную на трассе. Удивления никто не скрывал. Слепляли белизной накрахмаленные занавески на окнах, стены отдавали запахом свежей извёстки, и

что особенно заставило открыть рты, – это стволы берёз, изображённые на свёрнутом в трубочку ватмане, с веточками хвои. Это было на каждом столе.

– Не красна изба углами, а красна пирогами, – как-то неуверенно произнёс один товарищ. – Посмотрим, какой будет ужин.

Всё было приготовлено на славу. Мясо мягкое, сочное, картофель приправлен зеленью. Солёные помидорчики сами просились в рот, – вид у них был как из родительского погребка. Кушали медленно, не торопясь, и задавали себе вопрос, кто же виновник столь замечательных изменений.

Ответ не заставил себя долго ждать. В зал вошла высокая, да ещё и на шпильках, девушка, по виду которой можно было судить, что она – хозяйка этого придорожного заведения. Её милое лицо, усеянное мелкими веснушками, светилось улыбкой.

В небольшом городе все друг про друга должны знать, и уже через несколько минут некоторые (и самые главные) данные из биографии новой заведующей знала вся бригада: зовут Татьяной, приехала сюда после «пехановки», не замужем. Последний факт, что свободна, заставил Владимира густо покраснеть, а орлиные глаза сотоварищей изучающе обволакивали Татьяну...

Так уж получилось, что Владимир всё свободное время теперь проводил в этой столовой на трассе, заметно похорошел, в выходные дни непременно надевал белую рубашку, манжеты которой будто невзначай выглядывали из рукавов нового пиджака.

Володя – парень на все руки – хоть розетку поставить, хоть воду провести в дальний закуток столовой или поменять гардины. Влюблённый нефтяник выполнял все просьбы Татьяны. Испытательный срок на умение, провожание заведующей до дома длился полгода. Однажды Володя был приглашён на день рождения любимой женщины. Как уж там случилось, об этом история умалчивает. Известный поэт Василий Фёдоров когда-то написал в своих стихах: «А жизнь проста поистине проста – его уста, её уста, а жизнь проста по доброй сути, лишь только грудь прильнёт ко груди...» Возможно, у них так и было.

Телеграмму: «Мама, я женюсь. Счастлив. Скоро приедем», – Зинаида Степановна перечитывала вновь и вновь, безмерно радовалась, начала генеральную уборку в квартире. Будущая свекровь будоражила своё воображение, чтобы представить рядом с сыном его избранницу. «Володе понравилась, понравится и мне, – успокаивала она себя. – Хочется, чтобы была доброй и любяла сына».

Сноха приглянулась матери. Татьяна будто рядом жила с ними: была весёлой, работящей и словоохотливой. Умела слушать свекровь, которой хотелось рассказать во всех подробностях о своей многочисленной родне – сёстрах, коих было пять, племянниках и многом другом. Зинаида Степановна при этом оглядывала Татьяну со всех сторон – может, уже скоро станет бабушкой? Но ничего в этом плане не было видно.

К сожалению, не увидела желаемое и в последующие годы, когда сноха и сын приезжали в отпуск. Однажды Володя приехал один, без Татьяны.

– Мама, я не знаю, что делать. Девять лет уже живём, а ничего не получается. Годы идут. Буду, наверное, разводиться. Хочу детей.

– Сын, не торопись. Ведь начинать всё заново – трудно. Медицина сейчас такая, что ничего невозможного нет.

Сноха тем временем не находила себе места. Что делать? Ведь уже были в Москве, Новосибирске, Томске, и никто из специалистов не смог помочь.

По-прежнему эмбрион не приживался, всё заканчивалось выкидышем.

Оставалась последняя надежда – Израиль. Там жила старшая сестра Татьяна – Дина. Она по телефону внимательно выслушала сестру, сказала: «Подумаю», – и через день позвонила в Нижневартовск. Законная гражданка еврейского государства предложила Татьяне переехать с мужем в Израиль, где медицина считается лучшей в мире и где наверняка помогут выносить ребёнка.

Дина чувствовала за собой большую вину перед сестрой. В студенчестве Таня забеременела на третьем курсе, и старшая сестра Дина помогла ей избавиться от плода, отправив её к знакомой акушерке. С тех пор младшая из сестёр не смогла иметь детей.

– Таня, приезжайте. Помогу всем, чем могу. С квартирой будет нормально, будете жить отдельно от нас. Муж мой не возражает, чтобы вы приехали, – настаивала Дина.

– Если Володя согласится, приедем, – получили ответ в далёком городе Шаббат.

Володя приехал и, конечно, дал согласие на выезд в чужую для них страну. Начались хлопоты – оформление визы, продажа квартиры, имущества. Было тяжёлое прощание со страной, друзьями.

В израильском аэропорту их встречали сестра и её муж Паша, переехавший с родителями из Петербурга в раннем возрасте. В Израиле он, естественно, чувствовал себя как рыба в воде, восторгался красавицей женой и был у неё, как говорится, под пятой. Служил в полиции.

На длинном чёрном лимузине Верховцевых подкатили к дому, где они теперь должны жить. Чистая, уже отремонтированная двухкомнатная квартира им понравилась. Необходимое – так, по мелочам, – было куплено на следующий день, когда возвращались из больницы, в которой Татьяна должна быть под наблюдением врачей. Первое посещение немного успокоило тридцатидвухлетнюю женщину. Во-первых, разговаривать можно было на русском языке, так как несколько медсестёр и врачей были выходцами из России, во-вторых, редко встречающаяся в таких учреждениях доброжелательность вселяла надежду.

Следует заметить, что отношение к беременным женщинам и детям в Израиле – особое. Здесь нет приютов для детей, потому что если ребёнок по каким-то причинам остался без родителей, то его хотят взять на воспитание сотни, тысячи семей. Если женщина забеременела, то на неё снизошла благодать божья. Ей поклоняются, её боготворят. Таковую атмосферу Татьяна в дальнейшем почувствовала и сама.

В магазинах языкового барьера не ощущалось. Новое гнездышко супругов было свито за один день. Много им не нужно было, главная для них цель – родить ребёнка. Потом началась сдача анализов, консультации мамаше, как себя вести, беседы с мужем. Одним словом, до того времени, как необходимый материал от отца был внесён в маму, проводилась быстрая чёткая работа докторов. Тяжело для пациентки было принять правило поменьше кушать и принимать комплекс витаминов по результатам анализов. Прописанное врачами гуляние на воздухе и плавание – выполнялось с удовольствием.

Володя по контракту на полтора года работал на стройке бульдозеристом. Что-то там ему нравилось, что-то нет. Но со всем надо было мириться и соглашаться. Было ради чего. Сообщение супруги, что эмбрион прижился в её организме, дало такой

жизненный импульс, что думалось только об одном – лишь бы зародыш развивался как надо. После рабочей смены Владимир спешил к жене в больницу. Славу Богу, всё шло как надо.

Прошло время – и Паша, муж Дины, с великой важностью главы семейства заявил:

– Теперь, Татьяна, поедешь в роддом, где Дина родила наших сыновей. Знаю, ты верующая женщина. Поэтому попасть в религиозную больницу Иерусалима для тебя важно. Там рожают женщины всех национальностей – православные, мусульманки, иудейки и другие.

Ослушаться зятя Татьяна не посмела, хотя ей в нынешнем роддоме очень нравилось. Он походил на дорогостоящий отель. В иерусалимском роддоме не было роскоши, но в его дворе было много цветов, и всё было как-то по-домашнему.

И главное, Татьяна поняла, что женщины разных национальностей на разных языках здесь читали одну и ту же молитву, прося защиты для детей.

Под сводами этой старейшей больницы в Израиле, построенной в 1902 году, родилась Мария Анад Алони. Там же её этим именем зарегистрировали.

Родители не возражали.

Не изменили имени девочки даже когда вернулись в Россию. Может быть, в благодарность стране, подарившей им дочь – Марию Анад Алони.

Вот такая житейская история.

МОИ ЗАРУБЕЖНЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, ИЛИ КОМУ НА ЧУЖБИНЕ ЖИТЬ ХОРОШО

Мне посчастливилось побывать в Карловых Варах – самом большом и знаменитом курорте Чехии. За годы его существования свыше шести миллионов пациентов приезжали сюда в поисках утраченного здоровья. В Карловых Варах 70 тёплых источников, температура которых колеблется между 39 и 73 градусов по Цельсию. Вода используется для питья, лечения ваннами и прочих процедур. В настоящее время на курорте лечат заболевания пищеварительного тракта, нервной системы, двигательного аппарата и заболевания, связанные с нарушением обмена веществ.

В Карловых Варах человека не оставляет ощущение вечного праздника. Это чувство усиливает чарующая архитектура. Колоннады с прогуливающими курортниками, пёстрая смесь разных языков, вечно бьющийся пульс Гейзера, журчание источников, их горячее дыхание, сладкий аромат местных вафель и звуки оркестра...

Было чему удивляться, восторгаться. Но неизгладимое впечатление в санатории на меня произвели его обитатели, собравшиеся здесь под флагами различных государств – США, Украины, Канады, Израиля, Германии, России, Бельгии и др.

В основном это были эмигранты из бывшего Советского Союза, разбегавшиеся по разным континентам во времена распада СССР. Каждый отлично говорил по-русски и хотел непременно общаться с гражданами России. Думаю, читателям будет небезынтересно узнать некоторые стороны их жизни в зеркале времени: судьба, политика, экономика, история разных государств:

Русская американка

Вестибюль перед рестораном «Астория» был местом, где происходят встречи, беседы, политические дискуссии и обсуждения диагностических проблем.

Санаторный люд скрашивал своё скучное оздоровительное пребывание как мог. Вестибюль был неким притягательным центром, свободным от посягательств вездесущего медицинского персонала.

Однажды мир и спокойствие представителей всех континентов были нарушены незнакомкой, только что прибывшей из США.

Она, вероятно, ошалевшая от кристального воздуха, посмела во всей красе показать американскую вседозволенность. Сидя в мягком кресле, вдруг быстро, в темпе циркачки, взметнула ноги на стоящий посередине холла стол. Это было столь неожиданно, что выдавшие виды дамы потеряли дар речи, отворачиваясь от появившихся пред их очами носочков перелётного состояния.

Придя в себя от шока, слабый пол сначала зароптал, а затем проявил своё возмущение шумом «девятого вала». Американка его не слышала. Она продолжала упиваться собой и, обращаясь в никуда, вопрошала: сколько стоит экскурсия в Прагу и почему так рано первая смена начинается ужин? Чистый русский выдавал в ней нашу бывшую соотечественницу, основательно американизировавшуюся за океаном. Позже мы узнали, что дама без комплексов действительно жила когда-то в Ленинграде.

Неизвестно, чем кончился бы её эпатирующий спектакль, если бы круглые в полметра диаметром часы не показали ровно семнадцать ноль-ноль, и рассерженные отдыхающие не покинули холл, отправляясь в чрево обильного швейцарского стола.

Подруги

Белла и Майя живут в портовом городе тихоокеанского побережья США – Лос-Анджелесе. Роза – в Москве. Когда-то они учились в одном институте и с завидным постоянством многие годы поддерживали между собой связь. В их отношениях был серьёзный разрыв, когда Белла и Майя уехали из столицы СССР и навсегда поселились в штате Калифорния. Радиоэлектронная промышленность с готовностью приняла московских инженеров в свои объятия. Роза, в отличие от непоседливых подруг, знания и опыт внедряла в одном из столичных научно-исследовательских институтов. Когда Майя и Белла засобирались перелететь океан, Роза ультимативно им заявила:

– Всё, дорогие подружки, я прерываю с вами связь. Время не такое, чтобы вредить самой себе и своей семье.

Времена изменились, и Роза, выполняя заказ подруг, с тремя буханками чёрного хлеба и килькой пряного посола благополучно приземлилась в Карловых Варах, где её с нетерпением ждали американки. Рядом с ними пребывал румяный, почти молодой мужчина с клинообразной бородкой.

Он так же радушно, как Белла и Майя, обнял и расцеловал норковую даму и торжественно вручил ей благоухающие розы. На этом миссия американца, который оказался мужем Беллы и на 16 лет моложе неё, закончилась. За весь период общения подруг Томас не проронил ни слова.

А женщины рассказывали друг другу о себе, о друзьях, знакомых, судьбах сокурсников. На это ушло четыре вечера, проведённых в ресторане «Пётр», а затем воспоминания как-то незаметно перешли в обсуждение более обширных проблем, типа войны в Ираке и ограбления депутата Государственной Думы Слиски.

По-моему, всё оставшееся от лечения время подруги только тем и занимались, что пытались обозна-

чить негативные явления в США и России. Их дискуссии проходили уже не в ресторане, а в холле ресторана, то есть в пределах досягаемости для любого уха.

– Зачем вы в Ирак полезли? Что вам там надо? – пыталась подружек Роза. – Может, плохо живёте или хотите за счёт других поправить положение?

– Розочка, мы не хотим войны, – вкрадчиво оправдывалась Белла. – Это президент США. Я за него даже и не голосовала.

– Как же? Так я и поверила. А кто же тебе такие блага дал, как не он? Какая-то эмигрантка имеет в Штатах виллу, квартиру, пальчики твои в бриллиантах.

– А вот откуда бриллианты у Слиски? – переводит разговор в другое русло Майя. – И не стыдно было ей давать огласку об их краже? Тоже мне, народная избранница! Посмотрела бы, как люди живут в России.

– А что, у нас плохо живут? – вопрошала Роза. – Посмотри на наших женщин, как они одеты, на их украшения посмотри. И на себя взгляни. Как влезла в свой чёрный спортивный костюм, так и не снимаешь его. Другой одежды, Майя, у тебя, наверно, нет.

Американские подружки действительно не прихватили в санаторий какой-либо приличный костюмчик и выглядели не лучшим образом. Они, конечно, поняли свою оплошность, тем более что глаза Томаса постоянно останавливались на красивых женщинах, многие из которых думали, что Белла и Томас – мать и сын. Но хитрая Белла тут же пропесочила мужа, да так, что он навсегда забыл о существовании других дам. И взоры его до окончания пребывания были направлены только на жену. Он старательно предупреждал все её желания и движения, что по нашим меркам расценивается как нечто нереальное, неземное. Томас, пожалуй, более всех страдал от долгих разговоров подружек. Сидел он обычно за какой-нибудь колонной, чтобы ни его никто не видел, ни он. Не дай Бог!

Дни шли. Приблизилось время отъезда. Из достоверных источников слышала, что места в санаторий забронировали на декабрь только американки. Роза сказала, что приедет лечиться в другой отель.

Лариса – жена Изу

Лариса похожа на очаровательную русскую женщину с превосходными очертаниями фигуры, мягким добрым лицом и подкупающей улыбкой. Вся её семья уехала в Германию по еврейской линии. Лариса с гордостью сообщала, что сведения о санатории получила из Интернета, и не понимала, что кто-то не пользуется этим «продуктом».

В ресторане нас с ней посадили за один стол, и, узнав, откуда приехала Лариса, я подумала, что смогу восстановить свои знания немецкого языка, который изучала не один год.

– Ви хайсен зи? – обратилась я к соседке.

– Ви геборен зи? – приободрилась я.

– И родилась, и жила в Запорожье. Извините, но не имею никакого желания разговаривать по-немецки. Я десять лет его учу и никак не выучу. Такой трудный и непонятный.

– И мне тоже так кажется, – подхватываю я. – Вот предлоги хорошо помню: мит, нах, аус, цу, фон, бай.

Обе расхохотались и понравились друг другу. Всё свободное от лечения время мы были вместе.

Лариса умудрилась побывать в институте косметологии, сделать там омолаживающие процедуры и маски на лицо. Удовольствие Ларисе обошлось в 20 тысяч крон.

– Это недорого, Нина. У нас в Германии всё это сто-

ит в два раза дороже. Вчера вечером мне Изя звонил. Поплакалась ему, что я сейчас на мели, в стеснённых финансовых обстоятельствах. Он тут же вывалился прислать мне деньги.

– Изя, дорогой, спасибо. Я же через день приеду.

Жду, люблю, целую, – так я представила воркование счастливой жены, рассказавшей мне, что муж остался дома ухаживать за своей 95-летней мамой.

– Свекровь такая капризная, требовательная – просто ужас. Но подольше бы пожила. Мы получаем по уходу за ней четыреста евро, – выставя изящную ножку в красивой итальянской туфельке, щебетала Лариса.

Представительнице древней еврейской семьи, уехавшей с Украины десять лет назад, за это время удалось побывать во многих странах мира, восторгаясь культурой цивилизации и пополняя свой жизненный багаж новыми впечатлениями. Только уж очень сетовала Лариса, что живёт в Восточной Германии, а не в Западной.

– Мы были так расстроены, когда поселились в бывшем доме для военнослужащих. Конечно, четырёхкомнатная квартира нас вполне устраивала. Ремонт мэрия оплатила полностью по представленным нами чекам. У нас стопроцентная льгота на оплату жилищно-коммунальных услуг. Мы с мужем получаем эмигрантские пособия по 800 евро, но я так скучаю по земле, так хочется поработать на ней, просто ужас. В СССР у нас был свой дом и приусадебный участок. Как весна на дворе, так у меня появляется непонятное томление...

Комментарии, как говорят, излишни.

Израильтянка

Стремительная Татьяна, будто Фигаро, в течение дня появлялась в любом санаторном уголке. Она с ним была как бы единым целым, и без неё это санаторное учреждение вроде бы и не должно существовать. Кто, откуда и что лечит, какие прописаны процедуры – это она знала о каждом. С готовностью начинала разговор, но не более того. В гордом одиночестве она обзревала Карловы Вары. Все её усилия были направлены на поиск пункта обмена израильских шекелей на чешские кроны.

– Вот говорят, что есть один такой пункт, но где? – вопрошала она и отчаянно неслась в ещё не изведанный ею переулочек.

Татьяна – израильтянка. А до Земли Обетованной жила в Риге и не бедствовала. Муж, отец и она сама имели приличную работу. Сын учился. Но однажды тревожный звонок папы перевернул всю её жизнь.

– Дочка, мы с мамой уезжаем в Псков, – взволнованно сообщил родитель. – Подумай о своей семье. Приезжайте к нам в Россию, и как можно скорей.

Это было начало той волны, которая захлестнула сотни тысяч граждан Союза и разбросала по всему свету.

Муж Татьяны Анатолий – еврей и, конечно, рванул к родственникам в Израиль. Она и сын – при нём. Но на той земле их мало кто ждал. Анатолий совсем растерялся. Работы нет. Рига принимала его назад и давала прежнюю должность ведущего инженера-программиста. Уже сидел на чемоданах, когда нашлось место в одной из конторок Тель-Авива. Он, естественно, остался в Израиле. Но за время этих перипетий подал на развод с женой. Татьяна не соглашалась. Нужны были средства на дальнейшее образование сына. После окончания сыном института они всё же расстались.

– Теперь живу одна, общаюсь с сыном. По социальной линии дали мне небольшую двухкомнатную

квартиру. Работаю. Платят и зарплату, и пособие. Бываю ли я в Пскове? Да кому я там нужна? Мама с папой очень старенькие стали, а брат и сестра обо мне не печалются.

– Но как же? Терять корни рода своего? Мама всегда тебя помнит и ждёт.

– Нужно три года собирать деньги на поездку, – ответила русская израильтянка и заторопилась на поиск пункта обмена шекелей на чешские кроны.

Ветеринар

Георгий Рислинг в своё время был главным ветеринаром одного из районов Красноярского края. Его хорошо знали как профессионала своего дела. С ним считались, уважали и ставили в пример.

Семья, в которой Георгий родился и рос, была большой. Братья и сёстры ветеринара тоже, как и он, нашли своё место в жизни, были трудолюбивы, образованы и достойны, но произошло невероятное. Все они снялись с насиженных мест и отправились в Германию. Устроились хорошо. Им определили социальное пособие и прочие льготы.

Первой забастовала мама. Она, всё время трудившаяся на земле и жившая в частном доме, не могла найти себе места в Германии. Её не устраивали геометрически подстриженные туи и вечнозелёные шарики, не радовала роза и вездесущая виола.

Ей хотелось встать ранним утречком, ступить прямо с крылечка на широкий зелёный двор, созвать курочек, рассыпать зерно, пожурить их и продолжить день по расписанию, налаженному десятилетиями.

– Я поеду, пожалуй, дети, домой, – заявила она. – Проведаю соседей, посмотрю на свой домик, погощу у Марты, проведаю на кладбище отца, а потом вернусь.

Но мама не возвращалась, как ни звали. Обещала, что вот-вот приедет, но не торопилась. Без мамы на чужбине было как-то неуютно. Особенно страдал Георгий. Каждый день он ходил в мэрию, чтобы дали работу. Он даже не предполагал, что так любит профессию. Но такими животными, как лошади, коровы и овцы, здесь даже и не пахло. Георгий стал посещать за несколько километров ипподром. Умолял начальство конного заведения взять его на работу без оплаты. Упорного немца как бы пожалели, разрешили делать какие-то работы. Блестящие знания и опыт ветеринара удивили специалистов, и через определённое время в экстремальных ситуациях к нему стали обращаться за помощью. Так Георгий определил себе место в ещё не знакомой ему стране.

Появившиеся деньги собирал, чтобы купить маме домик с небольшим клочком земли. Младшие брат и сестра отправились в Красноярский край, чтобы вернуть родоначальницу.

– Теперь у тебя в Германии будет и домик, и курочки. Поедем, собирайся, мамочка, – умоляли детки.

Да, всё было так, как обещано. Рядом были дети, домик и курочки. Но однажды старейшина рода Рислингов пришла вся в слезах.

– Утром соседка фрау Мария пришла ко мне и сказала, что она не против курочек, но категорически против петуха. Он кукарекает и мешает ей спать.

– Ничего, мама, что-нибудь придумаем. Ну какие куры без петуха?

Аверичев

Он – весь рыжий и бородатый, будто таёжный охотник. Очень и очень колоритная фигура. Мимо него не пройти. На центральной площади Карловых Вар он продаёт картины.

– Что это за течение? – спросила я у заросшего художника, увидев поверх его творчества позолоченную цепь.

– А это, матушка, всего лишь сказка. Видите, кот вокруг дуба зелёного шествует? – без малейшего акцента, слегка издевательски вопрошал художник.

– Простите, простите. Я не хотела Вас обидеть. Теперь я вижу картину в целом. Русский?

– Конечно, – как само собой разумеющееся отвечал художник. – Тут почти все русские. И здания, что вокруг, принадлежат русским. Покупают, приводят их в порядок, реставрируют. Покупают отели, рестораны. И имеют на этом деньги, – с ударением подчеркнул он. – Как относятся к этому чехи? Да им не привыкать, под кем ходить. Они же века под кем-то были. Относятся к данной ситуации спокойно. Вот хотели снести православную церковь Петра и Павла, но мы не позволили. Собрали подписи со всего города и отстояли. Я сам подписывался, и сын мой тоже. Что город хорошеет, преобразается, – это их радует. Что в душе несут – не докопаешься.

– Когда же перебрались сюда?

– Когда распался Советский Союз. Я учился в Москве на художника. И вот отлучился из СССР на немного и узнаю, что он распался, что нет Союза. Да простит меня Родина, но я остался на чужбине.

– Похоже, не сожалеете. Интересно, где же Вы живёте? Квартиру снимаете?

– Обижаешь, начальник, – услышала я. – Я не снимаю квартиру, а имею два собственных дома. Художник не может ютиться в тесноте. Ему простор подавай. Знаю, спросите, где деньги взял. А заработал кистью своей. Мы же русские, – заявил Аверичев, – мы можем всё, если захотим. Рисовал портреты, охотничьи сюжеты, пейзажи и многое другое.

Распрощались.

– Как зовут Вас? – напоследок спросила я.

– Василий. Как многих известных художников. Кланяйтесь Москве!

Я же, остановившись на берегу реки Тепла, почему-то вспомнила слова из поэзии Василия Фёдорова: «Моё имя Василий со словом Россия хорошо рифмовать».

Западенка Лена

Лена вошла – и, как мне показалось, зал замер. Само здоровье, солнце, свет и, если хотите, любовь появились на пороге заведения, где лечат от недугов.

К ней подошла официантка и спросила, что пани желает покушать. Они поняли друг друга, потому что молодая особа владела не только языком Чехии, но и хорошо знала её национальные блюда.

Она кушала, а я раздумывала, зачем пани сюда припожаловала. Но, увы, фортуна мне не улыбнулась, на сей раз я с ней не поговорила. И только на третий день увидела её на берегу живописного пруда, на берегу которого цвели крокусы и неприхотливые нарциссы.

– Не уппусти момент, дорогая, – обратилась я к самой себе и через секунду протягивала фотоаппарат незнакомке. Встала в позу у тысячелетнего платана, накинута на лицо улыбку, и всё получилось как нельзя лучше. Знакомство состоялось.

– Меня зовут Лена. С Западной Украины. Западенка, значит.

Жизнь Лены сложилась так, что пришлось оставить родину и вот уже много лет жить в Праге. Дома, в Тирасполе, оставались дети и мама. Там было всё – любимая работа, уважение и достойная жизнь. Всего этого не стало, когда распался Союз. Всё во-

круг заматалось, закружилось, завертелось. Растерянность, непонимание – какой абсурд! Предприятия, учреждения всякого рода закрывались. Куда деваться? Куда бежать? Где что искать? Как кормить сына и дочь?

С пятьюдесятью долларами в кармане, которые ей милостиво одолжила соседка, автобусным маршрутом пересекла границу Чехии и пошла к едва знакомой женщине. С её помощью устроилась мыть посуду в один из ресторанов. Старания украинки были замечены. Через год хозяин ставит её помощником повара, а затем, благодаря умению трудиться и находить общий язык с коллегами, она становится шеф-поваром и теперь уже руководит чехами. Почти каждую неделю переправляет автобусом одежду, продукты и лекарства домой. В Праге продукты дешевле почти в три раза, чем на Украине. Но работа Лену уже не устраивает. Нужно было зарабатывать ещё больше. Находится семья, входящая в десятку самых богатых людей Чехии, которая по рекомендации берёт её в прислуги. Платят 500 долларов за трёхдневную работу. Нашлась ещё одна такой же состоятельности семья, чтобы подрабатывать в остальные дни недели.

– А в санатории оказалась потому, что моя хозяйка Констанция взяла мне путёвку в этот санаторий, чтобы я отдохнула и, если нужно, подлечилась. Я, конечно, устала, и она, добрая женщина, заметила это. Я ей благодарна. Констанция взяла моего сына Дмитрия садовником. Мало того, отдала нам однокомнатную квартиру, в которой мы живём. Хозяйка моя – двадцати восьми лет, очень богата, имеет своё дело. Трёхэтажный дом, который я убираю, стоит восемьдесят миллионов долларов. Внутри такое убранство, что я его обихаживаю очень осторожно – как бы что не разбить и не навредить.

– Дочка моя – студентка первого курса института. Скоро я получу вид на постоянное место жительства в Чехии и возьму её к себе. Квартиру в Тирасполе продам, куплю в Праге. Дочь будет ездить в Тирасполь на сессии.

Далее я рассказала о себе, своих проблемах и почему приехала в Карловы Вары. Мы поняли друг друга, потому что обе мы родом из Советского Союза.

Незнакомка

Я её ни о чём не спрашивала. Но женщине, видимо, захотелось выговориться перед чужим человеком чисто по-русски. Сейчас она живет в Германии. Немка переехала туда с семьёй тринадцать лет назад. А сейчас над ней колдовала медсестра, положив «парафанго» на руки, ноги, плечи. «Парафанго» – это горячий вязкий состав, лечащий суставы.

Руки её, видно, видели много работы.

– Немецкие врачи спрашивают, что делали с моими руками в России, – всё поломано, вывернуто. Вода, земля сделали своё дело. Работала дояркой, полеводом. Себя не жалела, поднимала детей.

– Где Вы жили прежде? – спрашиваю.

– В Алтайском крае, там и родилась. Зовут меня Ольгой. Недавно были с мужем на родине. Встретились с друзьями. Было радостно и трогательно. Муж мой будто ездил прощаться с родными местами. Четыре месяца назад похоронила его. Для меня это очень горькая утрата. Не верьте, что уехавшие живут безоблачно. Сердце осталось в России, а значит, и душа.

Александр Пчелинцев

г. Москва

Петли дней

Петли дней... Источенные спицы
Вяжут время в вычурный узор.
Стянут обод с осью колесницы –
Словно жилы. А судьба-возница
Режет все углы наперекор...

Вдавлены в обочину проростки –
Сохнут незасеянным зерном.
На мечтами сбитом перекрестке
Кровью в годы вписанные сноски
Между строк разбавлены вином...

Время без тормозов

В рельсы вытянут циферблат.
Шпалы меряют стук секунд.
Стрелок длинные поезда
Отрешённо вперёд бегут.

Полустанки – отсчёт часов,
И вокзалов полночный бой.
Время мчится без тормозов,
Позабыв где-то нас с тобой...

Стукни ладонью о воду...

Стукни о воду ладонью –
Тлеет душа в забытьи...
Разум питается болью.
Жизнь – как круги на воде.

В каждом паденье начало –
Шаг для не сломленных сил.
И не кукушка решает,
Сколько ещё не прожил.

В плоти лишь семя надежды,
Мысли подвластны греху.
Оземь гнилую одежду,
По ветру с душ шелуху...

Стукни ладонью о воду –
Мёртвый покой в тишине.
Пусть вопреки, чем в угоду...
Следуй кругам на воде.

На улице дождь...

На улице дождь. На душе тоже.
Краски поблекли. Что-то не так...
Грустно смотреть на серых прохожих,
На мокрые улицы в чёрных зонтах.

В лужу вошел, не спросив разрешения.
Брызги в ответ. Натекло в башмаки...
Где-то в подъезде стоит вдохновенье
И смотрит угрюмо, как мокнут стихи.

Дни – как песчинки...

Дни, как песчинки в замкнутых часах,
Пересыпаясь, отмеряют годы,
Рисую паутинкой на глазах
Морщинок чуть заметные разводы

И, низвергаясь каменным дождём,
Склоняют нас к грядущему исходу.
А мы к нему безропотно идём,
Сменив свой крест на мнимую свободу.

Стакан воды...

Стакан воды – урок метаморфозы –
Клокочет лицедействами без меры...
Вдруг замерзает, корчась от мороза,
В разящий лёд – иголками на дозы
Насквозь пронзает – от любви до веры...

То хлещет ором сорванной перчатки,
В лицо обидчика плеснув презреньем...
Кипит огнём – слова слепы и кратки, –
Раскрасив лики в чёрную десятку,
Рвут в клочья цепью связанные звенья...

То в руки жаждущих готов излиться,
Послушно опустившись на колено.
Себя глотками девственной живицы
Отдать любому – смерть стирает лица, –
И вырвать сохнущую плоть из плена...

Стакан воды – прозрачная обманка...
Живое я – стеклянный склеп для розы.
Высок ли, гладок, кичится огранкой,
Пустой до края и незрим изнанкой...
Стакан воды – урок метаморфозы...

Персеиды

Ночь... Усыпальница выжатой плоти.
Ночь... Время шабаша брошенных душ.
Звёзды теснятся в немом хороводе.
Брызги комет – словно крики кликуш.

Мечутся взоры и чертят по небу.
Мысли мольбой – не латынь, не иврит.
Знаки судьбы, словно отсветы Феба,
Сыплются сверху дождем Персеид.

Пережат

Гряды – хозяйка россыпи камней –
Сползла змеей, куснув урез реки,
Отбила для лобастых голавлей,
Полощущих на струях плавники,
Чудесный пережат. А рыболов...

Переступая осторожно по воде,
Боясь спугнуть всплывающий закат,
Крадёт к несбытаемой мечте –
Поймать сей миг... И он не виноват,
что пуст кулан – не в том его улов...

Пять возрастов стола

(Франция, 1822 г.)

Резец подправил кромку древесины –
Рука опущена, и ждёт вердикта глаз...
Доволен мастер, словно в первый раз,
Ласкает взор достойная картина
Его таланта... Выполнен заказ –
Прекрасный стол в далёкую Россию.

(Россия, 1905 г.)

Луч чиркнул по поверхности сукна.
Сверкнул по бронзе, брызнул в потолок.
За дверью детский смех, идёт урок –
Звук пианино застил скрип пера.
Чернила в буквы, мысли между строк –
Реформы, экономика... война.

(Москва. Октябрь, 1917 г.)

Посыльный замер – взор то на паркет,
То на окно – в глазах его тревога.
Кровавым ливнем хлыщет по дорогам,
Октябрь. Всё к чертям – манеры, этикет...
...Закончено письмо, иди... еще не много...
Стол, ящик, совесть, честь... и пистолет.

(Москва. Кремль, 1939 г.)

Куранты бьют... уверенно и точно...
Отстреленными гильзами года.
На стопке – гнётом – маршала звезда,
Прессует списки, лица... надо срочно.
А тут ещё колокола: война, война.
Накарают ведь... как же всё непрочно.

(Москва. Кабинет. 28 мая 2013 г.)

Компьютер, фотографии, картины...
Стеклобетонный оживляет лик
Винтажный стол. Рабочий черновик,
Приказ, отчёт и стих наполовину...
...а на столешнице внизу ярлык,
как гром... «Кремль, Клим Ворошилов»

А я всё жду...

А я всё жду, когда ты позвонишь...
Стихами к стенам прибываю время.
Дождь засиделся на карнизах крыш,
Стучит: не жди, забудь, – но я не верю.

Смотрю, как струйки вьются по стеклу,
Прозрачным следом на седом тумане.
И жёлтый лист приклеился к окну,
Пожухлой иллюстрацией к роману.

А на душе скрипит осенний блюз.
Гоняет тупо бесконечные повторы.
И только сердце шепчет, что дождусь,
И я всё жду... с молчаливым телефоном...

Пусть качается ночь

Пусть качается ночь,
Растворив твой наряд в струнах лунного света.
И, прощальным дыханьем
смахнув светлый локон с изгиба плеча,
День уносится прочь,
Расставаясь с тобой до рассвета.
И, как ангел-хранитель,
мерцает зажжённая в небе свеча.

Ты летишь в тишине
Сквозь прозрачные двери, закрывшие время.
Ты спешишь, чтобы снова
увидеть и даже простить и принять.
Слёзы сохнут во сне,
Ведь уже проросло в суете обронённое семя.
И лишь ночь не позволит
притворно смеяться и праведно лгать.

И, пронзая окно,
В дом войдёт предрассветная свежесть.
Выметая, как мусор,
остатки тревоги из гордой души.
Жизнь – хмельное вино,
То пьянит, то бросает в похмельную тяжесть,
Рассовав по карманам,
как совесть, звенящие медью гроши.

Поезда

Поезда – перевозчики скомканных судеб...
С первых дней до последних прикованы к рельсам.
Ни гроза, ни звезда – не придёт, не будет.
Тесной цепью колёс, обречённых быть вместе.

Паутиной дорог нас пришпалили к жизни.
От мытарств и раскаяний в свой пункт назначения.
Семафорят в пути забродившие мысли.
В перестуке, сквозь хмель: кто я, где я, зачем я?

Полустанки по кадрам нарезали сцены.
Мельтешат за окном, путь расписан по актам.
Поезда – лишь побег из душевного плена.
Реквизит для массовки в бессмертном спектакле.

Ночной пасьянс

Она вошла... Дыханьем в унисон.
Игрой теней разбросаны движенья.
Стоит свеча. Легко, от дуновенья
На ней блуждает языком огонь.

А ты к нему, от темноты слепа,
Прильнула, спеленованная страстью.
Ночной пасьянс раскладывает масти...
В нём к даме Пик предрешена тропа

Дай мне руку...

Дай мне руку, в мерцающий сад
Мы войдём сквозь тепло акварели
И, напившись дурмана сирени,
Расплескаем по небу закат.

Заплетая росу в шёлк травы –
Серебристые нити узоров,
Мы уйдём, словно прячась от взоров,
Белым воском светящей луны...

Ирония судьбы...

Ирония судьбы... или судьба ироний...
 Спешит экспресс «Москва – Санкт-Петербург».
 Стальная нить между творений Тона
 И Рождество на стрелке Невских дуг...
 Он и она... собой зашторив время,
 Ничейных стен казённый неуют –
 Слагали свой сюжет в цветах пастели,
 В ладони страсти разливая Брют...
 Делили по глоткам хмельное зелье,
 Нагую плоть кормя с обеих рук.
 А где-то там, за ирреальной дверью,
 Шил вечер свой невидимый сюртук...

Полночный звон Казанского собора...
 Вердикт творца – язык колоколов.
 Ирония судьбы... или судьба ироний
 Сплела в кольцо сердца двух городов...

Упав снежинкой между строк...

Так беззащитна от соблазнов память...
 Скользя непечальной тенью силуэта,
 Чуть прикоснёшься – без стыда раздета...
 Течёт по свежим срезам, словно камедь.

Парадный холод обречён растаять,
 Упав снежинкой между строк поэта...

Легко уйти... Ты даже не пыталась
 Скатиться в небыль капелькой разлуки.
 Мольбы к рассудку оставались глухи.
 Любовь вошла, обёрнутая в шалость.

Как в шелуху. Сомнений не осталось...
 Лузга слетела... Зёрна пали в руки...

Созревшие до безрассудства страсти,
 Порочащей незыблемые скрепы...
 Сколь праведные, столь же и нелепы...
 Запреты все расколоты на части...

И сложены... в простое слово – Счастье.
 А мы его лишь кроткие адепты...

Окаменела тишина...

Окаменела тишина...
 Под твердью спящего гранита
 Вода подковой льда прикрыта –
 Не дышит... Юная зима...
 И сосны, гордые собой,
 Над бесконечностью застыли,
 На небе залатали дыры
 Своей неброской красотой...
 Шаманит девственный покой
 Сквозь абрис чёрных силуэтов.
 Стволы, по-зимнему раздеты,
 Колдуют смелой наготой...

Морщинаются корни оливы

Морщинаются корни оливы –
 Тугими узлами сплелись...
 Изгибом причудливых птиц
 Гуляют в саду сиротливо...
 А солнце стучит по огниву,
 Нещадно палит сверху вниз
 На кроны, что кистью Матисс
 На холст набросал так игриво...

Карандаш

Высокий, тонкий, полный сил.
 Всегда заточенный игриво.
 Ты на бумагу наносил
 Себя так страстно, так ретиво.

Закончив полностью с одной,
 Азартно брался за другую.
 К чему раздумья и покой? –
 Быстрее точусь и вновь рисую.

Бумаги скомканной листы
 Летели в прошлого корзину,
 А с ними улетел и ты,
 Не сотворив свою картину...

Я дождь в ладони соберу...

Я дождь в ладони соберу...
 По капелькам – частички неба.
 Не надо ни вина, ни хлеба,
 Ни зрелищ на хмельном пиру.

Всё это лишь размытый фон
 На недописанной картине,
 В которой ожили мотивы,
 Соткав в едином явь и сон.

И время над сырмом холстом
 Не служит мерой расставания –
 Мазки от встречи до прощанья,
 И дождик пляшет над мостом.

Он так и вжился в эту роль –
 То весело со мной танцует,
 То капли влажным поцелуем
 Бросает на твою ладонь...

Гон

Ноябрь. Скромный снег
 Едва присыпал пашни.
 Черны на белом комья
 Взъерошенной земли.
 Петлит русачий след –
 Нажировал, вчерашний.
 Выжловку запах гонит,
 Челночит впереди.

С петли хитро сдвоил
 и скинул... лёжка близко.
 Поднялся, покатыл...
 Пошли на первый круг.
 Двенадцатый калибр
 В патронах – единичка.
 Гон всех перебудил.
 Ай, ай... – Звенит вокруг.

По зрячему идёт...
 Охотник встал на лыжи –
 В посадке есть просвет...
 Накинул капюшон.
 Двустволка точно бьёт,
 А гончая всё ближе.
 Пфу, пфу – звучит дуплет,
 И тишина... дошёл.

Елена Рощина

г. Кораблино, Рязанская обл.

СКАЗКИ ДЕДУШКИ МЕСЯЦА

Приключения Капельки

После длинного жаркого дня, как и полагается, наступила ночь, и на тёмно-синем небе засиял месяц.

Если вы посмотрите в волшебный телескоп, то увидите, что месяц – это древний старичок в остроконечном колпаке, с козлиной бородкой, а звёзды – это его внучата.

Вот эти любознательные непоседы окружили дедушку – и давай выпрашивать: «Расскажи сказку! Расскажи сказку!»

Дедушка Месяц погладил седую бородку, задумчиво пощурил глаза и начал:

– Помнитесь мне история, которой поделилась со мной знакомая Капелька...

Неподалёку от деревушки лежало небольшое живописное озеро, круглое, как тарелочка, рядом с которм и появилась на свет наша Капелька.

Лето было уже на исходе, но деньки были ещё жаркими. Поздним вечером на приозёрную траву алмазным ковром легли росинки – это были только что родившиеся капельки. У каждой была своя судьба. Иные постепенно испарились с утренним солнцем. Но наша Капелька возникла на травинке, свисавшей прямо над зеркальной гладью озера. Малышка потянулась, огляделась вокруг: неподалёку росли деревья-великаны, по берегам озера дремал рогоз, и, слегка нарушая тишину, издавал шорохи неусыпный камыш, красочный закат разливал в небе дивные краски.

Опустив голову вниз, новорождённая заметила в воде своё отражение и отражение той самой травинки, на которой она зародилась. Но было уже сумеречно, и ей с трудом удавалось себя разглядеть. Она стала раскачивать травинку, чтобы приблизиться к природному зеркалу. Вверх-вниз, вверх-вниз – колыхалась травинка... Буль! – и Капелька скатилась в воду...

Так и стала наша Капелька жительницей прекрасного озера, где она нашла себе немало друзей.

Тёплые солнечные деньки сменились прохладными и серыми буднями – осень вступила в свои права. Природа стала понемногу готовиться к зиме...

Вот уже и озеро замёрзло, жизнь в нём наполовину остановилась.

Капельке было скучно. Она плавала по дну озера, разглядывая интересные ракушки и камушки. Вдруг она услышала тоненький голосок, который просил о

помощи: «Помогите!!! Помогите!!! Спасите!!! Кто-нибудь!!!» Капелька стремительно поспешила в ту сторону, откуда доносился зов.

«Какая громадная щука!» – подумала Капелька.

Хищница щёлкала острыми зубами перед затонувшим осколком стеклянной бутылки, в котором нашла убежище перепуганная до смерти маленькая рыбка. Капелька сразу узнала свою знакомую Красноперку, с которой не раз игрывала в прятки и догонялки.

«Помочь! Надо помочь!» – молниеносно у Капельки созрел план...

Здесь надо бы добавить, что наша Капелька успела подружиться не только с юными рыбками, но ещё и с мудрым дедушкой Сомом, который всё на свете знал и даже умел колдовать. Он и обучил свою маленькую подругу разным премудростям. Тут-то ей и пригодилось волшебство.

Капелька, как только могла, надула щёки, потом хлопнула по ним ладошками и произнесла: «Ак-быр!» И тут же превратилась в небольшую рыбку.

– Эй, ты, зубастенькая! Не поймаешь! Не поймаешь! – дразнила Капелька злющую Щуку.

Повернув свою длинную морду, хищница увидела почти перед своим носом аппетитную рыбку, которая показалась ей крупнее той, что укрывалась в стеклянном осколке.

– Тобой-то я и пообедаю! – прошипела Щука и, совсем позабыв дрожащую от страха Красноперку, пустилась преследовать нашу маленькую чудесницу.

– Спасибо тебе, милая Капелька! – прокричала маленькая рыбка своей спасительнице и спешно уплыла домой.

Моргнув три раза, Капелька приняла своё истинное обличие. А Щука удивлённо округлила глаза, потом глубоко вздохнула и, полна обиды и огорчения, уплыла не солоно хлебавши.

Вот и наступила долгожданная весна. Лёд на озере растаял, вернулись перелётные птицы, деревья и кустарники нарядились в сочно-зелёные одежды.

Капелька лежала на поверхности воды и грела свой животик в лучах ласкового солнышка. Вдруг она почувствовала себя невесомой, её подхватил озорной ветерок и понёс высоко-высоко.

Капелька зажмурилась от страха, она не знала, что такое с ней происходит и чем это путешествие может закончиться.

Наконец она почувствовала, что остановилась. Открыв глаза и осмотревшись, она поняла, что заперта в ледяной клетке – на двери висел ледяной замок. Всё было будто в тумане. Приглядевшись, она увидела множество таких же клетушек, где находились заключённые в неволю капельки. Одна из подруг по несчастью, что размещалась совсем близко, завела разговор:

– Не пугайся – мы здесь не навсегда! Я уже довольно пожилая капелька и не раз здесь бывала.

– А где мы?

– Мы находимся в белом пушистом облаке, придёт время – и нас всех отпустят...

«Кто отпустит? Когда? И зачем нас здесь держат?» – у Капельки возникали вопросы – один за другим. Да и не могла она понять: как можно насильно кого-то где-то удерживать?! Откуда-то издалека до-

носился плач несчастных узниц. Капельке стало их очень жалко. Она не находила себе места. «Что же делать? Что же делать?» – повторяла она, быстро перемещаясь из угла в угол.

А клетушек с невольницами становилось всё больше и больше – белое пушистое облако росло и превращалось в тучу.

«Придумала!» – воскликнула Капелька. Надув щёки, хлопнув по ним ладошками, она произнесла: «Кичюлк!» – и тут же превратилась в ключ, парящий в воздухе.

Крохотный ключик легко проник сквозь решётку. Он стал перемещаться от клетки к клетке и открывать навесные замки, высвобождая пленниц.

Радости выпущенных на свободу не было предела: они смеялись, хлопали в ладошки, скакали, кричали: «Ура!» И, само собой разумеется, благодарили свою спасительницу.

Волшебный ключик три раза ударился о прут ледяной решётки, и Капелька приняла прежнее обличье.

Конечно же, спасённые капельки не хотели ни минуты оставаться в том месте, где их насильно удерживали, – они поспешили домой, посыпавшись на землю весёлым весенним дождём.

Наша Капелька тоже очень хотела поскорее попасть в своё родное озеро.

Приближаясь к дорожке сердцу местам, она увидела старичка в деревушке, что неподалёку от озера. Он прятался от дождя под яблонькой в саду и, видимо, о чём-то печалился.

Капелька устремилась в ту сторону и упала на макушку той самой яблоньки. С листочка на листочек... капелька быстро спустилась вниз и присела на плечо старичка.

– О чём пригорюнился? – прошептала она дедушке на ухо.

– Как же мне не кручиниться, дождиночка! Хвораёт моя старуха. Чем только и спасалась раньше – кашу из тыквы перетирала и оздоравливалась. Приготовили мы семена полезного растения, чтобы весной посеять. Но зимой такое нашествие мышей на нашу деревню случилось... А всё из-за одной лисицы окаянной! Забралась она по осени к соседям в курятник и чуть всех кур не передушила. Осерчали деревенские мужики и стали всех лисиц в ближних лесах истреблять да норы лисьи разорять. А лисица-то как-никак злейший враг мышей, она их сотнями на полях уничтожает. Повывелись лисицы в наших краях, вот и расплодилось серые вредители, вот и полезли в дома, стали поедать всё, до чего доберутся. Мурка наша – крысоловка по материнской линии – и та не могла сладить с таким полчищем грызунов, хотя по много в день вылавливала и на крылечко рядками складывала...

Каким-то чудом сохранилось у нас одно тыквенное семечко. Посадил я его, а оно – ну никак всходить не хочет. И других семян достать я не могу! В деревне ни у кого нет. А в другие края мне не добраться – из «транспорта» даже старой клячи нет – одна Бурёнка в хозяйстве.

Старуха моя загалдела: «Помру я, помру без своего лекарства!» А ведь чего в уме, то и может произойти! Захворала совсем – в постели лежит да охает. Вззошёл бы росточек – глядишь, и старуха моя бы повеселела...

Подумала-подумала Капелька, помолчала немного и говорит:

– Неси-ка ты меня, старик, да опусти в то самое место, где тыквенное семечко посадил.

Старик так и сделал.

Пробралась Капелька в почву, видит: семечко уже загнило.

«Разве даст оно росточек?..» – подумала она. Потом надула щёки, хлопнула по ним ладошками и выкрикнула: «Ацидов явиж!» И превратилась наша Капелька в волшебную живую воду, напитала ей семечко. Семечко и исцелилось – стало как новенькое! И тут же дало росточек.

Выглянул росточек из земли – у старика аж дух захватило. Один листочек... второй листочек... третий листочек раскрылся, а на нём Капелька сидит.

До слёз радовался старик, благодарил нашу чудесницу и предлагал ей у них жить остаться. Но Капелька попросила отнести её в родное озеро.

Взял бережно старик её в ладони и отнёс в желанное место.

Но на этом дружба старика и Капельки не закончилась – она ещё не раз выручала старика. А он в благодарность рассказывал Капельке старые добрые сказки.

А в озере наша путешественница встретилась с Красноперкой, дедушкой Сомом и другими друзьями, которые с нетерпением ждали её возвращения.

– Вот такая история, – закончил свой рассказ дедушка Месяц, устало потирая глаза.

– А ещё сказку!

– Ещё сказку!

– Дедушка-а!

– Расскажи!

– Расскажи! – загалдели неугомонные внучата.

– Хватит на сегодня сказок. И рассвет уже совсем близко. Пора отдохнуть. А завтра я поведаю вам другую интересную историю.

– О чём она?

– О чём, дедушка? – вопрошали маленькие трещотки.

– Завтра и узнаете, – ответил бородатый старичок, ласково потрёпывая сидящего ближе всех внука за кудрявый золотистый чубчик.

Потом он широко зевнул, закрыл глаза и уткнулся носом в белёсый меховой воротник, и тут же засопел. Потому что наступило утро.

Максим Ролик

д. Козяны, Браславский р-н,
Витебская обл., Беларусь

Вспомни

Вспомни, милый мой друг,
Сумасшедшие ночи:
Нежность ласковых рук,
Приоткрытые очи...

Я был страстен и груб.
Ты, как фея, красива.
Я любовь с твоих губ
Пил, безумно счастливый.

Приоткрыли мы дверь
В мир таинственный самый:
Мы с тобою теперь
Я – отец, а ты – мама.

Хочу я стать отцом

Когда-нибудь в прекрасный день
Мне скажет милая моя:
Люби меня нежней, сильнее,
Ведь скоро стану мамой я.

Наверно, я сойду с ума...
Как долго этого я ждал!
Ты для меня – любовь сама.
Скорей бы этот миг настал.

Хочу я стать отцом. ОТЦОМ!
Меня поздравят все друзья
И скажут: «Макс, будь молодцом!
Живёшь на свете ты не зря!»

Любовь

Тебе любовь я подарю
И яркий свет вечерних зорь.
Скажу спасибо сентябрю
За глаз твоих красивых взор.

За поцелуи губ твоих,
За нежность тёплых, милых рук.
За столик в баре на двоих,
За счастье крепкое вокруг.

За осень, встречи и любовь,
Всё это подарил октябрь,
Я нашу встречу ждать готов.
На улице стоит ноябрь.

Ты позови

Ты мне сказала,
Что разлюбила,
Остыло сердце,
Ушла любовь.
О, как меня ты
К себе манила!
Иду на встречу
С тобою вновь.

Меня, я знаю,
Ты не забыла.
Счастливым был бы
С тобой мой путь.
Но дверцу в сердце
Ты мне закрыла,
И боль сжимает
Тисками грудь.

А я, родная,
Хочу, как прежде,
Тебя лаская,
С тобою быть.
Считать минуты
И жить в надежде,
Что друг без друга
Нам не прожить.

И ты вернёшься,
Вернёшься снова.
Сильнее вспыхнет
Огонь любви.
Скажу тебе я
Всего три слова:
«Тебя люблю я!»
Ты позови.

Письмо домой

Двадцать первое мая...
Я сменился с наряда.
Моя мама родная,
Ты всегда со мной рядом!

Я пишу тебе, мама,
О себе пару строк,
Прошагаю упрямо
До тебя сто дорог.

Как я, мама, скучаю
По родной стороне
И по мятному чаю,
По цветку на окне...

Здесь дожди отшумели,
Наступило тепло.
Я в солдатской шинели,
И на сердце светло.

Пусть ещё лишь начало,
Служба вся впереди.

Возвращусь я к причалу,
Только ты меня жди.

Я тебе повторяю,
Дорогая моя,
Мне страна доверяет
Здесь на страже стоять.

Я вернусь к тебе, мама,
Долг исполнив сполна.
Я пришлю телеграмму.
Мама, здесь уж весна...

Призыв

Январское утро. И военкомат.
Родные дома мы свои покидаем.
Здесь много сегодня знакомых ребят,
Что дальше нас ждёт, мы пока что не знаем.

У мамы замёрзла снежинкой слеза.
И сердце стучит, как набат, беспокойно.
Отец мне сурово и твёрдо сказал:
– Мой сын, ты служи на границе достойно!

Прощальные крики... Улыбки друзей...
И вот уж садимся в зелёный автобус.
И едем навстречу мы службе своей...
И жизнь закрутили свою, словно глобус.

Дембельский альбом

Открою дембельский альбом –
Слезинки скатятся из глаз...
Я вспомню снова о былом –
Свой первый боевой приказ.

Как я служил родной стране,
В наряд ходил порой ночной,
Девчонку ту, что снилась мне,
Так и не ставшую женой.

Наш вспомню снова дружный взвод,
Бойцов, с которыми дружил.
И створки КПП ворот.
И как на дембель уходил.

Память

В День Победы вспомним имена
Тех солдат, которых с нами нет.
Стоя выпьем красного вина
За героев давних, горьких лет.

Вспомним наших дедов и отцов,
Защитавших рубежи границ.
Всех сложивших головы бойцов
В чередё родных, знакомых лиц.

Стоя возле Вечного Огня,
Слышим отголоски страшных бед...
Но героев знает вся страна,
Даже если их уж с нами нет.

Тебя приемлю

Эх, дороги, перелески
Да поля, что не объять.
Не сидится мне на месте –
Не могу покой принять.

Любо мне – повеет ветер,
Будто слышатся слова.
А когда наступит вечер,
Затрещат в костре дрова –

Словно тайну повествуют...
Сад накроет полумгла.
Росы в травах заночуют,
Улыбнётся мне луна...

А проснувшись утром рано,
Буду слушать соловья!
Утро чудное! Ты – славно...
И утихнет грусть моя!

Я люблю родную землю,
Я с природой обручён.
Край родной, тебя приемлю.
Свято, чисто, горячо...

Прощанье

Я говорю:
– Прощай, прибой!
Прощай, моё родное море.
Последний раз перед тобой
Стою в слезах –
расстанусь вскоре.

Ты распростёрто предо мной,
Я слышу волн несмелый шёпот.
Забуду бури рёв морской,
И отзвучит твой грозный рокот.

Скучать я буду без тебя,
Но всё теперь, увы, напрасно!
Я буду ждать, когда любя
Во снах ты явишься прекрасных.

Я преклоняюсь пред тобой,
Не разлюблю седые вздохи.
И шторма ледяной прибой,
И после бури – света всходы.

Прощай, прощай! Ты – божество!
И никогда я не забуду
Твоё слепое торжество
В безумную тоски минуту.

Нина Сазонова

г. Луховицы, Московская обл.

Ветер

Разгулялся буйный в поле,
Услыхал – его зовут.
Расшалился шальной вволю,
Зелену пригнул траву.

И колосья у пшеницы
Закрутил вокруг оси.
А на речке, у водицы,
Намочил свои усы,

У ветлы вдруг задержался.
Грозно ветки покачал...
У берёзы... растерялся –
В ноги стройные упал.

Обнял белый стан руками,
Косы девичьи ласкал.
«Очарован только Вами», –
Ей смиренно прошептал.

Помню детство

Не вернуть того, что было,
Юности прошедших дней...
Над рекой в тумане плыло
Очертание теней.

Так же стонет болью сердце
И, страдая, всё зовёт.
Опрокинутое солнце
В волнах по реке плывёт...

Помню – в детстве я плескалась
С солнцем в водах у берёз.
Юной – мне тогда казалось –
Я в стране небесных слёз.

Со светилом я играла,
Небо – с нами заодно!
В реку ласточкой ныряла
Озорницей заводной.

Жаль того очарованья...
Детство, юность – вы прошли.
Но души воспоминанья
Счастьем в сердце проросли.

Уточка

Возле леса есть речушка,
Поросла осот-травой.
Там же уточка-крякушка
Поселилась с семьёй.

Я ходила к речке рано
Любоваться их игрой.
Выплывали спозаранку
На простор волны речной.

Как выстраивались чинно
В ряд за мамочкой они.
И доверчиво, невинно
Плыли хвостики одни.

Волчата

(белое стихотворение)

Волки вышли на охоту,
Дети здесь, в норе, остались.
Все притихли, неподвижны –
Так родители велели.
Тишина... И ухо слышит
Выстрел, очень отдалённый.
Их чутьё не обмануло –
Не вернулись волки в нору...
Голод им живот подводит,
Надо выходить на волю.
Находить самим им пищу.
Из норы тихонько вышли...
Страшно... всё им незнакомо.
Сбились в кучу, заскулили.
Огляделись, рядом сели,
Друг от друга не отходят.
Им еды найти бы надо.
Перед ними мир открылся –
Мухи, мошки и лягушки...
Всё им в пищу пригодилось.
За день так они устали...
И к норе своей вернулись.
Спали крепко, лишь скулили.
А наутро местность стали
Метить метками, чтоб знали,
Что хозяева – они здесь.
Время шло, росли волчата.
Подросли и возмужали.
Для зверушек сразу стали
Ожидаемой угрозой.
И почувствовали силу
В братской крепкой
волчьей стае!

Край мой Луховицкий

Край мой Луховицкий –
Краше тебя нет.
Ты всегда мне снишься
С самых ранних лет.

Где б я ни бывала –
Всё назад влечёшь,
В снах мне нет покоя,
Наяву зовёшь.

Камыши у леса,
Пенье соловья,
Разливная речка,
Вольные края...

Как вернусь с чужбины –
Выйду в поле я:
Милые ложбины,
Родина моя!

И лицом к землице
Ласково прижмусь,
С родника водицы
Вволю я напьюсь.

Сразу станет легче,
На сердце светло,
Будто солнце ярче
В небе поплыло.

Не забыть сторонку,
Светлую от рос,
И пролилась звонко
Песня на покос.

Тайны вселенной

Тайно ночь наступала...
Встала я у окна.
Свет холодный бросала
Мне под ноги луна.

И причудливо в свете
Засверкала роса,
А у вишни-невесты
Распушилась коса.

От деревьев, где тени
Выделялись в ночи,
Пробежали, светлея,
С неба звёзды-лучи.

В забытье

Жаром тело охватило...
Бредила, тебя звала.
Силы больше не хватило –
Темень мрака унесла.

Понесла река куда-то,
Холодна вода, ох, жуть!
Душу обняла и будто
Вижу, где я нахожусь.

Грот высокий, гладки скалы.
Чёлн несётся всё вперёд.
Впереди светлее стало.
Чёлн туда меня несёт.

Ближе, ближе вход свободный.
Яркий, белый свет вокруг,
И душою обнажённой
Воспарила. Жар потух.

Вижу – ангелы летают,
Музыка небес звучит.
«Здесь грехи людей прощают», –
Чей-то голос говорит.

И душе спокойней стало,
Опахало надо мной
Слабо ветром обвевало,
Ангел сел над головой.

И такая в сердце радость –
Вижу ангелов небес!
Всё как в детстве, как мечталось,
Боль и мрак тотчас исчез.

На волнах меня качало,
Чей-то голос прозвучал...
Эхо что-то отвечало,
Что тот голос означал?

Журавли

Безоглядно осень наступила,
Улетали к югу журавли.
Песни и дожди их проводили
В трудный путь от родины-земли.

Я кричу им: «Дома передайте
Мой привет родным издалека.
И назад скорее возвращайтесь,
Ждут вас поле, родина, река.

Передайте – я по ним скучаю.
Часто вспоминаю мать, отца.
Жизнь моя – нелёгкая такая,
То ли без начала, иль конца».

Как же быстро время пролетает:
Дни, недели, месяцы, года...
Верю, что мой день надежд
настанет –
Вы вернётесь в сердце навсегда!

Прощанье с морем

О, буйно море! Я влюбился
И прикипел к тебе душой.
Но путь мой к старости катился,
И мне пора искать покой.

Не бороздить твоих просторов,
Не повстречать морской рассвет.
Волны не слышать разговоров –
Тебе я отдал много лет.

Я буду помнить тихий шёпот
И бег ласкающей воды,
И грозный шквал, свирепый рокот
Разбушевавшейся волны.
Стою я в грусти одиноко
В последний раз перед тобой.
Вздыхаешь волной высокой –
Навек прощаешься со мной!

Жизнь – в движении

Поймать в движении движенье...
Стремилась всё успеть, да пусть
Застыну только на мгновение –
Но жизнь не даст, не даст заснуть.

Мне нравится вот это время,
Стремленье новое познать.
Не тяготит скольженья бремя –
В словах природу воспевать.

Как хороши рассветы утром:
Проснулись трели соловья.
Шептанье ив – в тумане смутном,
В дрожащем мареве ручья.

Мне раскрывают первоцветы,
Как солнце, жёлтые глаза.
И ландыши при лунном свете
Замрут, а на листьях – роса...

Рассвета чудное виденье
В своей душе я берегу.
Любви великое мгновение
На миг, как сказку, обрету.

Лесное озеро

Иду я лесом, стало тише...
Как будто вечность замерла.
Но слабый шелест листьев слышу,
И вдруг я сразу ожила:

Среди травы в тени деревьев
Я вижу речку, гладь воды.
Склонили ели ветки-перья,
И солнце светит впереди.

Нырнув с небес – воды испило,
Покрылась рябью вся вода.
Ко мне навстречу торопилось,
И было в тот миг солнца – два.

Я подожду тебя, светило,
На берегу, у кромки вод.
Глаза ты блеском ослепило,
И радужным стал небосвод.

Зовёшь меня к себе поближе.
И я плыву к тебе быстрее.
Конечно, солнце, ведь негоже –
Чтоб луч у ног моих блестел.

С тобою рядом я плескалась,
В твоих объятиях цветя.
О солнце, солнце! Я влюбилась –
В лес, воду, небо и в тебя!

Зимняя стужа

В белых шапках застыли деревья,
С-под нахмуренных глядя бровей.
И в снегах потонула деревня,
Ни тропинки нигде, ни огней.

За деревней просторы шальные,
Ветер с бурей ведёт хоровод.
Тройкой кони несут снеговые,
Там, у чащи лесной, поворот.

Всадник с конями
будто споткнулся,
Слишком грозен у леса был вид.
Ели строем рядами сомкнулись –
Нелегко им пробить этот щит.

Буря смолкла, позёмкою тихо
Через ровные кралась ряды.
Воя ветра совсем и не слышно,
Только волчьи виднелись следы.

Утро поздно скользнуло из ночи,
Всюду снег заискрился, заблестел.
Жаль, что дни стали много короче –
Я красоты испить не успел.

Женщинам!!!

Я оду женщинам слагаю.
Они – как солнце в небесах.
О ней, единственной, мечтают...
Им шлют признания в стихах.

Семью собой они скрепляют,
Они – как стержень на земле.
На подвиг часто вдохновляют
Сынов своих во цвете лет.

Всегда, когда бывает плохо,
Мы женщину попросим – мать:
«О Матерь Божья, если можно
Скажи, как горя избежать?»

И потому склоняюсь в пояс
И славлю женщин всей Земли –
За их тепло, любовь и кротость.
За то, что трудности снесли.

А если нас настигнет радость,
К ней снова обращаем взгляд.
Её терпение и святость
Всегда я буду прославлять!

Дорогой юности

Мы пройдем дороною знакомой,
Где ещё не смятая трава.
Где когда-то в юности далёкой
Говорил ты нежные слова.

Нам луна дорогу освещала,
Звёзды в ноги россыпью легли.
Их в ладони с листьев собирала,
Но они сквозь пальцы протекли.

Волосы нам ветер шаловливо
В лица всё играючи бросал.
А потом бежал от нас стыдливо
В миг, когда меня поцеловал.

Вечера нам вечностью казались
И ласкали тишиной ночи.
А луна за тучкою скрывалась,
Будто пламя гаснущей свечи.

На дорогу к нам ложились росы,
Разговоры тихо мы вели,
Ты вплетал цветы мне нежно в косы –
И казалось, вновь они цвели.

В руки звёзды с неба собирала,
Влагою и светом с рук текли,
Снова круглолицая сбежала –
Только руки на плечи легли.

Снова о любви цветы шептались,
Снова закружилась голова,
Звёзды в небе с нами попрощались,
И легла под плечи мурава.

Связь времён

В этом мире, прекрасном и зыбком,
Родились мы, живём и творим.
Можем мы утверждать, что незыблем
Остаётся он и невредим?

Мы и раним его, и калечим,
Часто горе друг другу несём.
Но вопрос неизбежный извечен:
Мы одни во Вселенной живём?

Неужели одни мы в безбрежье,
Неужели подобных нам нет?
И в попытках и тщетной надежде
Рвёмся к звёздным причалам планет.

Да! – «тарелки» давно наблюдаем.
Может, это мираж, или нет?
Почему до сих пор мы не знаем,
Кто из космоса шлёт нам привет?

Где проходит посланцев дорога,
Они – символ родства иль беды?
Мы – творенья единого Бога
Иль «посевы» с далёкой звезды?

Тайны прошлого мы не познали,
Рвётся с будущим тонкая нить...
Чтоб потомки её разгадали,
Будем жить, будем жить. Будем жить...

Луг

Распластан луг передо мною
В осеннем пёстром одеянье.
Октябрь прохладною рукою
Кропит его росы сияньем.

Пожухли травы, коростели
Кричат печально и уныло.
Здесь скоро засвистят метели,
Как над безлюдною могилой,
От снега будет всё нарядно.

Но это будет чуть попозже,
Когда нам осень руки свяжет:
То солнце выглянет тревожно,
А то мороз на землю ляжет.

Как в серебре застынут лужи,
Туман над речкой будет стлаться.
А солнце средь окрестной стужи
Сквозь тучи будет пробиваться.

Но ветер северный – студёный –
Не даст пролить тепла на землю.
Его я, как по камертону,
В эти мгновения приемлю.

Приемлю, чтобы ждаль устало
Моей весны, любимой с детства,
Чтобы любить не переставало
Моё измученное сердце...

Не верь, не слушай, позвони.

Когда-то с горечью сказала:
«Ты не пиши мне, не звони».
Сама в душе в тот миг рыдала –
Не верь, не слушай, позвони!

Но ты молчал, и только время
Тянуло непрерывно нить.
Несла я тягостное бремя,
Должна сама себя винить.

Мне дождь осенний в окна сеял,
Как слёзы, капли по стеклу...
«Ах, милый мой, что ж ты наделал,
Все чувства превратил в золу».

На телефон смотрю с надеждой.
Но он безмолвствует, молчит.
Ну позвони ты мне, как прежде,
Пусть голос в трубке зазвучит.

Звонок! И сердце «отпустило»,
И в теле вновь избыток сил.
Судьба объятия раскрыла,
Ты мне поверил. Позвонил!

На перепутье

Вошёл он в дом, улыбкою
сверкая.
Такой высокий и смешной
И, будто бы судьбу всю зная,
Пришёл поговорить со мной.

Сказать по правде, не готова
Впускать его я в жизнь свою.
Менять привычки и устои
Зачем? Об этом прямо говорю.

А он сказал: «А может, стоит?
Вдвоём всё будет по плечу!
А сердце, глупое, всё ноет.
Не с ним ли раны залечу? –

От той любви, что ненароком
Меня как будто обожгла.
Научена была уроком,
Просвета в жизни не ждала.

И я теперь на перепутье,
Вперёд идти иль повернуть?
Он говорит: «Смелее будьте,
У нас теперь единый путь...»

Череда времён

Вертит нами жизнь, колдует
Сквозь волшебное стекло:
То вдруг холодом подует,
То подарит вдруг тепло.

То несчастья и печали
Накрывают с головой.
То счастливых вёсен дали
Позовут нас за собой.

Чёрный день сменяет белый.
Смех вдруг переходит в плач.
Но судьба несётся смело,
Быстрой тройкой мчится вскачь!

Те мгновения мелькают
Чередую, день за днём.
Будто время проверяют –
Жизненным календарём.

Костры

Весной и осенью пиры
Царят на огородах.
Победу празднуют костры
Расцветом в искрах-звездах.

Раскрасит лица жар огня,
Дымком к глазам крадётся.
Заглянет в гости к нам луна,
Ей место здесь найдётся.

Застынет сад в неясном сне,
Шепнёт им что-то ветер...
И в наступившей тишине –
Такой прекрасный вечер!

Судьба ли ты моя (белое стихотворение)

Глазами нежными,
Глазами ласково,
Глазами будто бы
Околдовал меня.

И я хожу теперь,
Хожу как пьяная.
Прошу тебя, прошу,
Поверь сейчас в меня.

И я увидела,
Как ты смотрел вослед,
Как сердце вздрогнуло,
И трепетно в душе.

Судьба ли ты моя,
Ещё не знаю я,
Но счастье радостью
Мне на сердце легло:

Лишь только оттого,
Что вижу я тебя,
Что рядом ты идёшь
И смотришь на меня...

Майские вечера

Улыбнулись звёзды
Ласково во тьме,
Отразили воды
Их на глубине.

Где-то в поле слышно
Заиграл рожок.
То мелькнёт-погаснет
Слабый огонёк.

В тишине возникла,
Песня поплыла.
В небесах повисла
Светлая луна.

Это ли раздолье –
Широта полей –
Породит невольно
Грусть в душе моей?

Дремлет вечер чутко
С наступленьем тьмы,
Прокатился гулко
Плеск речной волны.

Деревеньки

Стоят деревни, как изгой.
Их отлучили от земли.
Плетни – заросшие травой,
Поля бурьяном заросли!

Округа людом приумолкла –
Изб покосившихся ряды.
Крест-накрест позабыты окна,
И в города ведут следы.

На всём лежит печать забвенья:
Давно сады дичают тут.
И соловья не слышно пенья,
Одни лишь галки здесь живут.

Где та Отчизна, где родился?
Она – в бурьяне-сорняке!
И я по свету покатился
В сыновней горестной тоске.

Но всё ж в душе я твёрдо верю,
Рассеяв на мгновенье грусть,
Что в отчий дом открою двери,
Что я на Родину вернусь!

Луч света

Сияет небо перламутром,
Застыло солнце на весу.
Иду я в Церковь рано утром
И душу Господу несу.

Вхожу я в Церковь, всюду свечи
У лика Божьего горят.
И давит тяжесть мне на плечи,
Потуплен в покаянье взгляд.

Чтоб выиграть у беса битву,
Чтоб Богу Правду рассказать,
Творя в душе своей молитву,
К нему я подняла глаза.

И видя слёзы мои, муку –
Подходит батюшка ко мне.
Кладёт на голову мне руку
В святой церковной тишине.

«Скажи мне всё...
облегчи душу... –
Слова из сердца потекли:
– Душою Бога чаще слушай,
С тобой он рядом, не вдали».

Сняла я камень тяжкий с сердца,
А батюшка сказал, любя:
«Ты на Спасителя надейся,
Он принял груз твой на себя!»

Несправедливость

Что мне стужа, вой метели,
Если в доме свет, тепло.
Все невзгоды отлетели,
Стало на сердце легко.

Оттого, что вольна воля
В душу радостью влилась.
Позади тревог неволя,
Что годами счёт вела:

Где остались злость, жестокость,
Волчий взгляд и сила зла.
Где в желе застыла косность,
Не осталось и добра.

Повидавши жизнь с изнанки,
Наглотаившись полыни,
Ухожу я спозаранку
В лес, вдохнуть там тишины.

Там очиститься душою
И изгнать из сердца боль
За украденные годы,
Учинённый произвол...

Школьные годы

Улица Октябрьская,
Школа деревянная,
Детство босоное,
Школьные друзья...

Через речку Чёрную
Я бегу с подругами,
А плотина скользкая –
Мохом поросла.

Пузырьками пенится
Светлая – зелёная...
Побросав портфели, мы
Прыгаем по ней.

Брызги разлетаются.
Смех и визг, все мокрые,
Наигравшись вдоволь, вновь
В школу мы бежим.

Трелью заливаются
Звонко так, пронзительно,
Издалёка слышится
Школьный наш звонок.

Поперёк учителя
Прошмыгнуть стараемся,
Тёточка-дежурная
Пальцем вслед грозит.

Катерин-Петровна нас
Отведёт к истопнику –
У печи усядемся,
На огонь глядим.

Пляшет пламя – греемся,
Стыдно и обидно нам...
Туфельки расставлены
В ряд перед огнём.

И нам в наказание –
После всех уроков мы
Школьное задание
Пишем второпях.

Ах вы, годы школьные,
Детские, весёлые.
Мигом промелькнули вы –
В памяти храним...

В будущее

Раскинув руки, падаю в траву.
Качнулось небо надо мною.
Читаю будто новую главу
В той книге там, над головою.

Плывут, клубятся в небе облака,
Картины вечности рисую.
Как будто шлют нам весть издалика...
А мы стремимся ввысь – рискуя:

Рискуя не услышанными быть.
Мы дети в этом звёздном мире.
Не можем тайны прошлого открыть,
Но шагом в будущее – шире!

Сожаление о прошлом

Не пройти теперь в полях знакомых,
Где меня ждал каждый колосок.
Не пройти тропинкой мимо дома,
Не взобраться на душистый стог.

Город зашагал в широко поле,
Фонари мелькают в темноте.
И напоминают детства волю
Птичьи трели в синей высоте.

Помню пруд, где ивы опускали
Ветки до темнеющей воды;
Травы шелковистые ласкали
Детства беззаботного следы...

Помню, как с ребятами играли
В роще, что росла невдалеке.
Книги о войне взахлёб читали,
О Чапае, тонущем в реке...

Всё прошло, и время не воротишь.
Вы не те, прекрасные места.
Только память прошлое тревожит,
Словно жизнь читала я с листа...

Не пройти теперь в полях знакомых,
Всё сокрыто в улицах домов.
Только почему же я влекома
Новизной растущих городов!..

Детские шалости

Впереди дорога, степи и равнина,
А кругом по склонам – чахленький ковыль.
Мне приснился запах высушенной полыни,
Как он жаром в осень над землёю плыл.

Вспомнился мне запах огурцов солёных.
В бочках крутолобых их солила мать.
В тех же самых бочках, важных и огромных,
Полюбила в детстве тайно засыпать.

Как искали братья, как искали сёстры!
Обходили улицу вдоль и поперёк.
И мотали детские маленькие вёрсты,
Заглянуть же в бочки – было невдомёк.

Как я веселилась, к донушку прижавшись,
Что я ловко спряталась на закате дня,
Но в руках однажды братьев оказавшись,
Горько заревела, что нашли меня.

Разбитое сердце

Разбитое сердце – осколки стекла,
И жизнь под откос его сразу пошла.
За что ж наказала жестоко так, жизнь?
Никто не сказал ему: «Братец, держись!..»

И утро – не в радость, а в вечер – печаль,
Когда в небеса он свой взгляд поднимал.
Лишь звёзды, мерцающая холодным огнём,
Ответ ему дали, но холод был в нём.

Заплакало сердце, всё ждало оно –
Теплом обогреет надежда его.
Зачем же он взгляд в небеса поднимал?
Какой же ответ для себя он искал?

Сможешь ли?

Как же случилось так, Родина?
Как – запустенье во всём?
Было ведь время, ты – гордая,
Высилась в блеске своём.

Как же случилось, что продана,
В откуп – кому отдана?
Полнишься слышными стенами!
Как же сейчас ты бедна...

И под завязку, под горлышко
Ты спелената – и кем?
Искоренить горе-горюшко
Правдой ли, кривдой ли – чем?

Правда – давно похоронена,
Кривда ползёт из щелей!
Сможешь ли ты снова, Родина,
Снова подняться с колен?

Звонок

Я набираю номер телефона,
И сразу потеплеет вдруг в груди.
Услышу голос, будто бы спросонья:
«Прошу тебя, меня ты не буди!»

Да! Не буди! Оставь сейчас в покое.
Нам не вернуть прошедшего назад.
У нас с тобою время непростое,
Теперь друг другу нечего сказать».

Я слушаю, а сердце бьётся, бьётся...
Как мне забыть любимые глаза?
Ах, неужели слова не найдётся,
Чтоб не лилась горячая слеза?

Молю в душе, чтоб трубку не бросала,
Чтоб голос продолжал бы говорить.
Я знаю, что она всё понимала,
Что никогда её не позабыть.

Не позабыть! И эта мука-сладость
Обоих нас тревожит и зовёт.
И в глубине души таится радость,
Быть может, чувство снова оживёт?

По ту сторону жизни

Показалось, прочь ушла усталость,
И вокруг, везде разлился свет.
А потом вдруг ощутила жалость –
Что меня как будто бы и нет.

Я за гранью мира... Колосились
И цвели прекрасные сады.
Люди в них приветливы, красивы,
И живут без боли и беды.

Там река под ветром расшалилась,
Солнце опрокинулось в волну.
В реку не вошла – остановилась:
С детских лет боялась – утону.

Оклик я услышала, очнулась,
То виденье – это ли не сон?
Вдруг исчезло.
В мир земной вернулась –
Щебетанье птиц со всех сторон.

Радость жизни

Дорога ты мне, Родина милая,
Широтой необъятных полей.
И у берега реченька стылая
Успокоит волною своей.

Я люблю, когда солнце над омутом
Только-только раскроет глаза.
И с рассветом по глади нетронутой
В лёгком танце скользнёт стрекоза.

Хорошо, когда с вётел раскидистых
Серенады поют соловьи...
Ветерок в своих плясках порывистых
В речке крылья омоет свои.

Как в лугах хорошо: травы скошены,
Пахнет пряностью ранний рассвет.
Уползает туман и, взъерошенный,
Дымкой светлую сходит на нет.

Как люблю тебя, милая Родина,
От тебя отведу я беду.
В жизни много дорог уже пройдено,
Но с тобой до конца их пройду!

Разруха

Не могу не любить тебя, Родина.
Как мне высказать чувства свои?
То лесок, то бугор, то болотина,
То воробышки, то соловьи...

Разлетались «деляги», как вороны,
Только карканьем беды несут.
И богатства твои – на все стороны,
Но бессилен на родине суд.

То ли сила проснулась нечистая,
То ль Господь взгляд от нас отвратил.
Над землёй безучастною, мгlistою,
Сброд чиновников нас закогтил.

И не слышит Бог стоны народные,
И не видит Он беды людей,
Как плодятся бомжи лишь голодные
Да бездомные толпы детей.

Верю: сила проснётся народная,
Сколько можно глумиться над ней?
И пойдёт, наконец-то свободная,
Моя Родина к цели своей!

Сила притяжения

В городской толчее часто вижу деревню,
И снедает тоска, опалив душу мне.
Там плеснётся рассвет над рекой моей древней,
Соловьи повстречают зарю в тишине.

В городской толчее, то в метро, то в трамвае
Я скучаю по рощам, полям и лесам.
По цветущим садам у далёких окраин,
И за ними раскинутым в дали лугам.

В городской толчее не услышишь журчанья
И стремительный бег озорного ручья.
А вечерний закат одарит на прощанье
Разноцветным багрянцем ушедшего дня.

В городской толчее всю промаюсь неделю,
Устремлюсь в электричке к истокам своим.
Я в душе долгожданную встречу лелею,
Ожиданием счастья томима одним.

На свою еду я на сторонку родную,
Где встречает меня тишина и покой.
От восторга, от счастья душа возликует,
Оттого – я с тобой, край любимый, родной!

Просто так помолчать и к земле приникнуть.
Её силу, тепло в своё тело вобрать.
Ощутить единение жизненной нити,
И нельзя эти нити вовеки прервать.

Проказы зимы

Мне не спалось. За дверью вьюга злилась,
Да ветер заунывно песню пел.
Погода, видно, знатно веселилась,
Как ветер вьюгу вихрем завертел.

Я задремала, сон к утру приснился:
В каком-то зале ночью нахожусь.
И свет как будто ниоткуда лился...
Одна я в танце медленно кружусь.

И музыка волшебная звучала.
Так чист, хрустален был напев её,
И невесомость, лёгкость излучала,
Меня пушинкой в зале понесло.

Проснулась я какой-то просветлённой.
Душе и лёгкость, и покой несло.
А за окном земля дремала обновлённой –
В одежду белую укуталось село.

Не забыть

Тишина мне совсем не приносит покоя.
Беспокойные мысли уносят меня
В те счастливые годы, когда мы с тобою
Не могли обойтись друг без друга и дня.

В те счастливые дни, в те мгновения счастья...
Почему, почему так жестока судьба?
Не в том месте в тот миг ты сумел оказаться,
А у горной реки так вода холодна...

Ты «сгорел» в одночасье, душа отлетела –
Стал мне ангелом в жизни, нас с сыном хранил.
Многолетия прошли. Ты со мной. Не хотела
Я замену тебе в этой жизни найти.

Потому ли, что чувства ещё не сгорели? –
Они согревали меня на пути.
Во сне они часто звучали свирелью,
Слова – отголоском той давней любви...

Песня весны

Цветёт сирень, опять похолодало,
И солнце даже днём тепло не льёт.
Весна, как видно, снова опоздала,
А цвет сирени под ноги мне льнёт.

Устало на скамейку я присела.
Печален вид у парка в этот час.
Но на ветвях так птица звонко пела,
Что грусть меня покинула тотчас.

Заворожённо слушала я трели.
Кого звала, кому был послан зов?
Вдали ответно песни зазвенели,
И вот уж хор ответных голосов.

Певунью каждый покорить старался.
Она молчала и внимала им.
Один вспорхнул и рядом оказался –
Пора любви настала для двоих!

Фортуна поэзии

Есть в поэзии чувство такое –
Как огонь – душу выжжет до дна.
Не оставит поэта в покое,
В жизни властвовать будет одна.

Озареньем в ночи рассмеётся,
Расплескает слова по углам.
То, как девица, скромно прижмётся,
Тут же слёзы и смех пополам.

То лукаво нашепчет на ушко
Лебединую песню любви.
То прикинется эдак простушкой,
Вдруг руками за плечи обвив.

То откроет виденье поэту
И в небесную высь увлечёт.
Ведь прекрасней бездонности нету,
Неподвластная жизнь там течёт.

То опустит в морскую пучину,
То в поля, на луга уведёт.
Нарисует такую картину,
От которой сердечко замрёт.

На рыбалку

Собрались мы на рыбалку,
На природе отдохнуть.
На машинах спозаранку
Отправляемся мы в путь.

Утром спит ещё светило,
Ветер в вётрах прикорнул.
Время клёва наступило,
Луч по речке полоснул.

Речка алой рябью вздулась,
Поприветствовал восход.
Удочка в дугу согнулась:
Кажется, уже клюёт?!

...У костра, собравшись вместе,
Каждый хвастаться готов.
И под шутку, и под песню
В казанок поплыл улов...

Разложили бутерброды,
Разный овощ тут и там.
Ах, рыбацкий дух свободы!..
Под заветные «сто грамм»

Сразу вспомнились курьёзы,
Анекдоты... и не зря!
И – на что мой дед серьёзный, –
Он смеялся, крест творя.

Галина Самусенко

г. Коломна, Московская обл.

Тот, кто врывается под утро в сны,
Тот, кто с ума меня порою сводит?
Так кто же он, и кто же я тогда?
А может быть мы с ним одно и то же?»
Над крышей будет морщиться звезда,
Поглядывая на ночных прохожих.
А ты пойдёшь по улице один
В аплодисментно-цветовом угаре.
Твой гений – то ли раб, то ль господин –
Как тень твоя на мокром тротуаре.

Цепочка фонарей зависла над шоссе,
И фликеров глаза краснеют вдоль обочин.
Ругнутся тормоза на скользком вираже,
И снова мы летим, пронзая толщу ночи.
Куда мы так спешим? Зачем? И почему?
Стремительный асфальт нам – скатертью дорога.
Зачем же за рукав мы теребим судьбу,
Ведь, в сущности, уже осталось нам немного.
Кто встретит нас в конце за краешком дорог,
Простит нам все грехи, рассеет все тревоги?
Быть может, счастье есть с простым названьем – Бог?
А если нет Его, тогда к чему дороги?

Урбанизация

Деревянный старый домик по окошки в землю врос,
Потемнел под грузом лет, покосился.
Перед ним в стекле, бетоне новый дом, гигант, колосс
Небо в стёклах отражал, возносился.
Свет неоновой рекламы грубо, хлётко бил в глаза.
Фитнес, дайвинг да бутик зазывали.
В старом доме в тёмный угол вжались доски-образа.
Перед ними три свечи оплывали.
В окнах, стянутых бетоном, тихо стекленел закат,
И казалось – он вот-вот разобьётся.
На заборе перед домом кто-то вывесил плакат.
И написано на нём – продаётся.
Торопились горожане, все в заботах и делах.
Фитнес радовал. Бутик посещался.
Горожан не волновало, что всего лишь в двух шагах
Чьей-то родины кусок продавался.

Гениальному артисту

Что загрустил, артист? Зал опустел?
Потушен свет? И сцена задремала?
Волшебный мир остался не у дел?
Ну, не грусти, ведь завтра всё сначала
Продолжится, лишь только хлопнет дверь.
Гул голосов опять наполнит сцену.
Волшебный мир вернётся без потерь.
Ты снова проживёшь любовь, измену,
Услышишь краем уха вздох кулис,
Увидишь в зеркале себя другого,
И снова вызовут тебя на бис,
Цветы, аплодисменты снова, снова...
Потом – коньяк, заветренный лимон
И к зеркалу вопрос: «Неужто трушу
Я разглядеть, понять – ну кто же он,
Тот, кто посмел в мою забрать душу?
Тот, кто от Бога или Сатаны
Моей душой на сцене верховодит,

Вишнёвая смола

Пылал костёр. Сжигали ветки вишни.
Блестела на коре янтарная слеза,
Кипела, испарялась.
Было слышно,
Как где-то в небе собирается гроза.
Горела комля кряжистая туша.
Играл в пятнашки ветер с пламенем косым.
И плыл окрест, заглядывая в души,
Смолы вишнёвой ароматный сладкий дым.
И грянул гром! Дождь побежал проворный,
Сбив пламя на ветвях, прохладой их даря.
Застыла на стволе горелом чёрном
Вишнёвая слеза кусочком янтаря.

Диалог

– Здравствуй...
– Здравствуй...
– Давно не видались...
– Давно...
– Как живёшь, ничего?
Впрочем, мне всё равно...
– Да, я знаю. Да так, потихоньку живу,
Ну а ты?
– На плаву...
– Ты одна? Извини за бестактный вопрос...
Помнишь, как я тебе незабудки принёс?
– Я забыла, прости, вот идёт мой трамвай...
– Нет, постой, погоди, только не уезжай...
Ты же помнишь, какую была та весна?!
– Я одна...

Уходит время

Мелькают дни в порядке неизменном.
Сменяются закаты и рассветы.
Поют Любовь восторженно поэты.
И солнца луч, и море в брызгах пенных.
А время прочь уходит шагом мерным.
Уносит жизнь в беспамятную Лету.
Всё будет там равно – зима ли, лето.
И каждый день последний станет первым.
Всего глоток воды забвенья –
Ни радости, ни сожаленья.
Крылатый бог – он счёт ведёт минутам.
Мы все уйдём в заоблачные дали.
Давным-давно проверены маршруты.
Вот только б на земле не забывали.

**Произведение-призёр
конкурса «Новогодний рассказ»,
проводимого нашим издательством
на сайте tvoyakniga.ru**

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Для жителей нашего небольшого города, Семёна Семёновича Семёнова и его жены Светланы Ивановны, Новый год не только самый любимый, но и самый значимый семейный праздник, а виновником начала их семейного счастья стал Дед Мороз. Можно не верить, а можно поверить на слово, но это случилось на самом деле, в нашем городе именно 31 декабря 1961 года.

Семён Семёнович, отслужив срочную службу в рядах непобедимой и легендарной Красной Армии, работал электриком на одном из городских предприятий. Он был на виду не только у директора предприятия, но и у председателя профсоюзной организации Лидии Павловны Горбуновой. Семён Семёнович Семёнов никогда не отказывался от возлагаемых на него общественных поручений. За любое поручение брался с охоткой, выполняя их качественно и точно в указанные сроки.

Вот и в тот далёкий год, где-то в конце второй декады декабря его срочно вызвали в профком и объявили его Дедом Морозом для детишек своих сотрудников, которые захотели, чтобы их чадам подарки, которые родители уже купили, 31 декабря вручили лично Дед Мороз и Снегурочка. Напомнив Семёну о том, что дети – это наше будущее, и что задание очень ответственное, Лидия Павловна продолжила инструктаж. Она по несколько раз повторяла, что Снегурочкой будет бухгалтерша Люба, которая в этой роли уже более 10 лет, что адресов всего семь, и что если на каждый адрес тратить по часу, то выйдет как раз рабочий день, а учитывая, что это всё-таки не простой день, а 31 декабря, то и оплата будет по праздничному тарифу.

Показав Семёну, где лежит мешок с подарками и костюмы Деда Мороза и Снегурочки, она под роспись, по акту, передала Семёну подарки с реквизитом и торжественно вручила ему ключи от кладовки. В те далёкие времена советские Деда Морозы и Снегурочки подарки на такси и личных авто не возили, а пользовались общественным транспортом или же, если в радиусе двух-трёх кварталов, добирались своим ходом. 31 декабря ровно в 10 часов

Владимир Сапрыкин

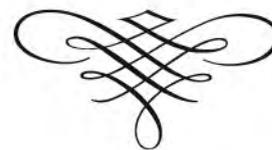
город-курорт Анапа

Дед Мороз и Снегурочка приступили к выполнению своих обязанностей. Всё шло как по маслу: Снегурочка веселила детей, пела и танцевала с ними, загадывала загадки, которые отгадывали все вместе, а Дед Мороз важно расхаживал по комнате, стуча об пол посохом, и раздавал подарки. Дверь квартиры №18, пятого адресата, открыла девочка лет пяти и, увидев Деда Мороза и Снегурочку, с радостным криком: «Тётя Света! Снегурка и Морозильник с огромным мешком к нам пришли!» – убежала в комнату и секунд через десять появилась в сопровождении прекрасной девушки. Она пригласила долгожданных гостей в комнату.

Не прошло и пяти минут, а Семён уже знал от девочки Виты, что родители уехали на новогодние праздники к бабушке и дедушке, а она ещё не окрепла от простуды и осталась дома под присмотром маминной двоюродной сестры Светланы. Кроме того, и Дед Мороз, и Снегурочка узнали, что Светлана работает в детском садике, учится в институте, а живёт вместе с ними. Семён был словно загнипнотизирован красотой этой девушки. Он то говорил что-то не впазд, то раза два или три зажигал и тушил ёлку, то, сняв валенки, азартно изображал танец – симбиоз гопака и канкана. Всем это было смешно и весело. Стрела Амура поразила его холостяцкое сердце, и он понял, что это любовь, любовь с первого взгляда. Уходить из этой уютной квартиры не хотелось, но Снегурочка каждые пять минут напоминала о ещё двух запланированных визитах. Прощаясь с Дедом Морозом и Снегурочкой, Светлана поблагодарила их за сказочную атмосферу, созданную в доме накануне новогодней ночи, и заверила, что они в этом доме будут всегда желанными гостями.

В 23 часа 50 минут в квартиру №18 позвонили. Светлана открыла дверь и увидела симпатичного молодого человека, который, протягивая девушке коробку с конфетами, тихим голосом пролепетал: «С наступающим Новым годом, Светлана! Ты вечером сказала, что всегда будете рады Деду Морозу? Вот я и пришёл! Принимай уставшего от дел земных и отработавшего свой срок Деда Мороза».

Через неделю они вместе отмечали Рождество, ещё через неделю – Новый год по старому стилю, а в феврале сыграли свадьбу. Жизнь летит стремительно. Не успели оглянуться, как дети выросли и обзавелись семьями. Теперь Семён Семёнович и Светлана Ивановна сами полноправные дед и баба, которые ждут не только сына с женой и дочку с мужем, но и своих любимых внуков, на свою золотую свадьбу, которая не за горами, а совсем рядом, 23 февраля, в День защитников Отечества.

Евгений Скукин

г. Москва

Закончил филфак университета и учился писать в широком смысле этого слова в Казани, где и прожил первую половину жизни. В республиканской газете «Советская Татария» – журналистские и стихотворные пробы пера. Вторую часть жизни проживаю в Москве. Работал в многотиражке «Почтовые магистрали», журнале «Советский шахтёр». До пенсии – в «Российской газете», почти со дня её основания, а общий журналистский стаж около сорока лет. Жизнь моя и стала почвой, на которой выросли эти стихи.

С добрым утром, дорогие!

Своих близких, дорогих
Я прошу об одолженье:
Вы простите моих женщин,
Романтических, других!
К нам порой приходит Муза
В неземной своей красе.
...Женщины – предмет искусства,
А не ревности совсем!
Кто не разгадал абзаца
Про любовь и красоту,
Может дальше обижаться.
На себя... и на мечту!
Как вам объяснить, любимым,
Сущий нонсенс: всех любя,
Ухожу от вас в себя
И бываю нелюдимым!
Говорю при всём народе
Всем и каждому «прости»:
Человек в себя уходит,
Если есть куда уйти!
Не тревожьте его душу
В миг явленья волшебства,
Если Бог его в макушку
Хоть слегка поцеловал!
Разъяснить могу конкретней,
Где, зачем и почему:
Был у Музы! Строки эти –
Подтверждение тому.
Своих близких я, чужак,
 Попрошу о снисхожденье
За отсутствие движенья
В сторону карьерных благ.
Путь к карьере журналистской
Из «кухаркиных детей»
Был кремнистым и тернистым –
Не хватило жизни всей.
Возле власти, при «дворе»
Не бывал и не стремился,
По заказу не молился
Я за «иродов-царей»!
И однажды сжёг слова –
Свою роль в постыдной драме,
Как сгибаться за дарами
И ходить по головам!
...Мой рассказ не о карьере,
Он – о верности и вере!
Приоткрою своё кредо:
Бог дарует душу нам,
Чтоб уныния не знать,
Чёрной зависти не ведать!
Поменяйте в доме окна!
Наблюдать извольте жизнь
Не в стекло с потёком блёклым –
Сквозь цветные витражи!
И глаза нужны другие.

Одиночество. Сон – полуночный каприз

Я с Одиночеством. Грустим наедине.
И в час веселия оно со мной пребудет:
Родные мне, единственные люди,
До вас не докричатся и во сне!
А докричатся – это значит, детки,
Поговорить-поплакаться в жилетку,
Как, помнишь, сын, – о твоих нежных тайнах,
О первых и несбывшихся мечтаньях?
Вам, докричавшись, я бы не спеша
Мог рассказать, как годы суд вершат:
Слабеет сердце, всё трудней дышать,
И задыхается от нелюбви душа!
Понять попробуйте, но не судить, ребята,
Кто из родителей правей, кто виноватей –
Судья им Бог. А сон мой дальше длится...
Я встретил юбилей в больнице.
Там наших жизней вереницы
В руках божественных Судьбы.
А видим мы больничный быт,
Где драму – быть или не быть –
Вершат врачи – земные лица!
В больнице каждое окно –
Окно надежды и печали...
Как хрупок сей бокал хрустальный,
Где жизни плещется вино,
Которое нам Господом дано.
Однажды. При рождении. В начале!
...В честь даты первой после юбилея,
Даст Бог, мы выпьем, и не по одной,
При этом не особенно хмелея.
Сердца обрадуют дочь с мужем, сын с женой,
Особенно порадуют два внука.
Вновь дом родительский наполнят детства звуки!
И снова подружусь я с тишиной,
В мучительно-счастливые моменты
Лишь Музой прерываемой одной –
Особою, осмеянной женой,
Поскольку не приносит дивидендов
Мой дар спасительный, прекрасный,
Но запоздалый и напрасный!
...Сегодня мы разрушим тишину,
Воздав хвалу хорошему вину!
Затем, отведав всячин всяких,
Вы нас поздравите, хозяина с хозяйкой.
Но предварит всё мой негромкий тост:
Давайте, дети, выпьемте за то,
Чтобы нежданно к нам зайти
На кружку чая, ложку супа
Всегда вам было по пути:
Родители лишь временно доступны!

Я сказал первые слова про любовь*Светлой памяти мамы*

В приснопамятном детстве,
К теплу материнских коленей
Прижавшись мальчишеским лбом,
Я сказал первые слова про любовь,
Пронзительно наивные и простые:
-Мама, когда вырасту,
Вместо всех твоих выпавших зубов –
Вставлю золотые!
...Бокал мой горек, он без дна,
В нём перед мамою вина!

Детям к мамину Дню рождения

Не годов невозвратимых зыбь –
ваши, дети, жизненные драмы
отольются горечью слезы
первой женщины на белом свете – мамы!
Как захочет мама всё понять,
всё исправить! Только где взять силы?
Той, что в детстве на руках носила,
вашей ноши взрослой не поднять.
Не от прошлых лет – от прошлых бед
матерей безвременная старость.
...Самый дорогой для них подарок –
ваших судеб правильный сюжет!

Крестовина России моей

Пусть весенние лужи, пусть ветер в лицо,
мчи, такси, я уже за Садовым кольцом,
не скажу я, что много дорог впереди,
мчи, такси, мне итоги пора подводить.
От Москвы моей – до Казани моей,
до Ефремова – родины мамы моей,
по пути города с куполами церквей.
Ждут меня города с куполами церквей!
Наважденье, весны искушенье, такси,
ты меня от крушенья души увези!
Позабыть бы про дни без Суда и стыда,
когда близким, родным я любви недодал!
Мчи, такси, и в другие умчи времена,
где не будет Россия так тяжко больна:
нас излечат от скверны, напасти любой
наши, русские, Вера, Надежда, Любовь!
Мой маршрут – к городам с куполами церквей,
крестный путь к крестовине России моей!
В родовых моих гнёздах, вдали от столицы,
за родных, за Россию хочу помолиться.
Принести покаяние и помолиться!
За Москву мою, за Казань мою,
За Ефремов – земной моих предков приют –
помолиться хочу за Россию мою!
Завещаю вам, дети, Россию мою...

Я к Вам пристрастен и неравнодушен

Любимых женщин поздравляю просто:
Не по приказу руководства
И не по просьбе «напиши»,
А по велению души,
Которая разборчива в знакомствах!
В прекрасный день весенних ожиданий
Признаюсь милым, дорогим созданьям:
Я к вам пристрастен и неравнодушен!
Тут поголовный счёт едва ли нужен,
Люблю не всех, но каждую. Подушно.
(Прошу не путать Душу и подушку!)

Снова стану смешным и глупым*Ирине Фроловой*

Я уверен, свершится чудо:
Вдруг, уйдя от земных тенет,
Километры с годами спутав,
Ты в сегодня придёшь ко мне!
Росным утром сбежишь, как с пригорка,
С перекрёстка годов и лет.
Спрячешь боль под улыбкою гордой,
Спрячешь боль под улыбкою горькой:
– Ты-то ждал меня? Ну, привет!
Вся тогдашняя, вся такая же,
Здесь, с теперешним рядом со мной!
– Это ж надо, ведь там, понимаешь,
Чуть не стала чужой женой!
...Годы – цепи огромной звенья,
Их не выправить, даже чуть-чуть!
Об известном мне продолжении
Я однако же умолчу!
Скажешь:
– Милый, прости за бездарность!
Оттого-то вся и беда,
Что, слепая, в обычного парня
Не поверила я тогда!
Впрочем, если бы взял в охапку...
Я же так была молода!
– Дорогая, не надо плакать,
Я тебя за этим и ждал
Столько лет!
...Неожиданно губы
Позабытые вспомнят слова:
Снова стану «смешным» и «глупым»,
Не умеющим поцеловать!

Бабье лето. Осенний блюз*Дамиру Сафиулину и Суламифи*

Мой старый друг, саксофонист Дамир,
сыграй-ка блюз, что ты играл мне в Сочи,
где южной ностальгической ночью
мы продолжали наш казанский пир!
Сыграй, и от событий грешных сонма
нас светлая тропинка заведёт
в Дом, где не многие нас помнят,
но в тот, который нас, как в детстве, ждёт.
Сыграй про баснословные года,
про трояки счастливые зачёток
и про любовь отчаянных девчонок,
таких, что и во сне не увидать!
Сыграй-ка, друг, про то, что старый клён
в берёзку по-есенински влюблён,
и что седая осень отогрета
ну очень долго жданным бабьим летом,
а значит – наша песенка не спета!

Собеседница*Суламифи*

Ты, наверно, моё предзакатное счастье...
Сквозь вневременье глухонемой тишины
ты расслышала всё,
о чём я не сумел докричаться
до далёких и ближних, чужих и родных.
Собеседница, посланная Судьбой,
Ты дороже сокровищ и суетных почестей!
Словно манну небесную,
тебя дал мне Господь
За сто лет моего одиночества.

Татьяна Сорокина

г. Екатеринбург

Дождь

Каким же бывает дождь?
Он тоже немного странный –
то ласковый, то неожиданный,
бормочет что – не поймёшь.

Ладонями по стеклу, –
тусуется за окошком, –
застенчивый понарошку.
Назойливый – наяву.

Смывает с лица Земли
размокшие акварели –
чтоб зонтики захотели
картину сложить Дали.

Косою стеной стоит,
обидой с ребёнком схожий, –
простит ли ему прохожий
зашиворотный «визит»?

По улицам, площадям
бежит озорным мальчишкой –
и память за ним вприпрыжку,
и сердце – напополам!

Так что там «колдует» дождь,
увитый цветеньем радуг? –
об этом гадать не надо –
прислушайся и поймёшь!

Вот и зима...

Вот и зима-проказница –
первым снежком в окно!
Блазнится, будто дразнится,
вьюги веретеном,
Осенью приворожена,
всё убыстряет шаг,
Рвутся ветров стреноженных
пути на виражах!

Скоро рукой надменною
сбросит последний лист,
Выкрасит мглою бледною
неба стальную высь,
Властною самодержицей
вступит в свои права,
Пустит простором тешиться
баловня – снегопад!

И запуржит, закружится
лёгких снежинок рой,
С мёрзлой землёй подружится
вьюга своей тоской.
И под сурдинку вьюжную
сердце, уставши лгать,
Будет учиться заново
верить, любить и ждать!

Август

И август снова учудил –
Он кисти ягоды-рябины,
Плеснув из радуги чернил,
В багряный цвет небрежно кинул.

И, безнадёжно опоздав
Приобрести повадки лета,
Охалки листьев раскидал
Канвой для нового сюжета;

Он лисьим хвостиком бродил
Вдоль перелесков и тропинок
И шёпот звёзд переводил
В ажурность лёгких паутинок;

Он уверял, что все дожди
Благословенны и желанны,
И ливни с неба отпустил,
В ранг возведя небесной манны.

Потом о чём-то загрустил,
Прослыл печальным и ранимым...
И всё тушил, тушил, тушил
Огонь «пылающей» рябины!

На свете дела лучше нет...

На свете дела лучше нет –
Смотреть в окно заворожённо
И свет, от листьев отражённый,
Слагать в задумчивый сонет;

Плениться таинством ночи,
Быть «отражателем» Вселенной...
Что сердцем сказано – нетленно,
Что камнем брошено – молчит.

Поверить в искренность стихий
Вслед за осенним листопадом
И как ненужную награду
Страхнуть с себя свои грехи...

А мглы вечерней бланманже
Ветра проворные залижут.
Блажен, кто верует, но трижды –
Кто верит собственной душе!

Предвесеннее

А за окном была зима, –
Тускнело вымерзшее небо,
И день, прожитый, будто не был,
Ложился тенью на дома.

И был исчерчен небосвод
Решёткой веток оголённых,
И снег, уснувший на ладонях,
Не знал о времени ином.

И только серый воробей,
Ловкач до пятого колена,
Всё «трубадурил» во дворе,
Всё выкликал Весну из плена!

Снегири

Снегири за окошком –
осколки зари!
Будто с неба слетели, –
ловите мгновенья!
Кто-то алые точки
поставить решил
На ветвях-иероглифах
спящих деревьев!

Кто-то тронул страницы
исписанных дней,
Сохранивших мгновенья
минувшего лета,
И послал огнегрудых
гонцов – снегирей,
Красотою облаканных
летних рассветов!

Откровенье сердец!
Озарение строк!
Затаите дыханье –
и этого мало!
Наступающих вёсен
алеет пролог,
Что пернатым пунктиром
зима начертала!

Молвите доброе слово...

Молвите доброе слово,
Словом развеите печали,
Сердце наполним любовью,
Зависть отринув вначале.

Молвите доброе слово,
В сердце уняв укоризну,
Искренность взяв за основу,
Не озаботясь харизмой.

Пусть одолели напасти,
Смотрится мир осолово,
Вы всё равно постарайтесь
Вымолвить доброе слово,

Россыпью киньте приветы,
Пусть разлетятся, как птицы...
Доброе слово, поверьте,
Сторицей к вам возвратится –

Взглядом, неожиданным, как чудо,
Светлым мгновением счастья.
С вами пусть вечно пребудут
Чьё-то тепло и участие.

Любите женщину

Любите женщину взахлёб! –
Не утолима каплей жажда!
Судьбой хмелея не однажды,
Сюжет не зная наперёд!

Любите женщину навзрыд! –
Во веки вечные и ныне.
Пусть плачет скрипка Паганини,
И пусть Вас Бог благословит!

Любите женщину светло!
Пусть нежность наполняет руки,
И пусть от горечи разлуки
Не затуманится стекло!

Лъчезар Стаменов

г. Плевен, Болгария

Лъчезар Стаменов родился в 1966 году в городе Тръстеник Плевенской области Болгарии. Увлекался художественной фотографией. Окончив Технический университет Габрово (специальность «Управление качеством и метрология»), работал в объединении «Балканкар» рабочим, технологом, конструктором. Сейчас занимается сельскохозяйственным производством. Первый рассказ опубликовал в 2003 году. Автор книг «Удар», «Обратная тяга», «Исчезнувшие миражи». Его театральная пьеса «Операция для честности» в постановке театрального коллектива Дома культуры города Тръстеник в 2010 году получила награду на конкурсе любительских театров Северной Болгарии. Публиковался в антологии писателей Болгарии и России «Созвучие». Председатель Общества культурных деятелей города Тръстеник. Член Международной творческой ассоциации «Сцена духовности».

Встреча

Вечер полон тепла. Но бесшумно дождит.
И уже мне пора возвращаться в свой дом.
Ты на встречу со мной не пришла. И, один,
Я стою, заключённый в объятия дождём.

А в ночи впереди возникает твой лик.
Я руками тянусь к нему – прочь уплывает он.
Этот незабываемый радостный миг
Жажду, словно вина Неупиваемой Чаши.

Перевод Андрея Лысенкова

В объятиях России

Россия для меня духовная страна,
Душа ликует, радостью объята,
Я счастлив здесь, и будет так всегда,
Когда средь изб сверкает церкви злато.

Над степью бесконечной поднимусь
И воспарю над полем из пшеницы:
Приветливое солнце без границ
Сравнимо только с русскою душою.

Я опьяняюсь близостью родства,
Когда ветра и травы растревожат.
Ах, как же быстро набежит слеза,
Когда мы вместе запоём: «Алёша».

Солдаты, до земли вам поклонюсь,
Спасибо вам, о русские мальчишки,
Тебе, Серёжа, что покой нашёл
В краю под Плевной в двадцать три...

«Спасибо» только, ни к чему слова,
И скорбно замолчим
Пред чёрною вуалью матерей
И вдовами с тяжёлыми очами.

Загруженные мелочью забот,
Мы строим планы новые на жизнь.
Алёша над горой на нас глядит,
Свою любовь ещё не повстречавший.

Перевод Сергея Глебова

Жизнь

Жизнь наша – только мгновение в
вечности,
Слиться обречена с бесконечностью.
Всё ли судьбой predetermined?
Не спрашивайте – мне познать не дано.

Но нам иметь в виду надо бы главное:
Похоже, что жизнь протекает по плану.
Но солнце – горит в небесах несгораемо,
Незыблема гладь океана бескрайнего.

Перевод Андрея

Лысенкова

Иногда мы грустим, одиноки,
От измены неверных друзей.
Всё стерплю. Только боль не отступит
От насмешек на добрый порыв.

Два порока не в силах простить –
Бессердечие, слово худое.
День за днём, не щадя живота,
Сам преграду из рук возведу.

Почему же так часто слова
Мудреца мы в сердцах повторяем:
«Береги нас, Господь, от друзей,
От врагов я и сам сберегусь».

Перевод Сергея Глебова

Туда не спешите, где были счастливы,
Навряд ли вас встретит открытая дверь.
Травой заросли там цветущие нивы
И тропы ничем не тревожных потерь...

Скажите, коль кто-то на стук отзовется,
Что случай завёл неудачливый вас,
Смолчите, что память тревожит, неймётся,
–

Не будет так больно, как больно сейчас.

Перевод Леонида Дудина

Ольга Степанова

г. Воскресенск, Московская обл.

Степанова Ольга Данииловна родилась в 1955 году в Воскресенске Московской области, где и живёт по сей день. Окончила Коломенский педагогический институт (факультет иностранных языков). Больше тридцати лет работала учителем иностранного языка в школах г. Воскресенска. В настоящее время – на пенсии и продолжает трудиться педагогом дополнительного образования в Центре внешкольной работы. Печаталась в газетах «Советская Коломна», в газетах Воскресенского района «Наше слово», «Искра-ТВ», в альманахах «Воскресенск – моя родина светлая...», «Академия поэзии» (Москва). Автор четырёх поэтических сборников «Контрасты», «Несколько солнечных дней», «Уходит август», «Утренний свет». Член литобъединения «Радуга» г. Воскресенска.

Падал снег...

Падал снег. Безразличный и мокрый.
В старом городе плакали окна.
Монотонная
капель
среди зимы.
И в той обречённости – мы...

Таял, капал меж сосен сырых.
Отстучал метрономом. И стих,
Новогодней
уступив
неизбежности.
И мы – в той суете и снежности,

Руки боясь разомкнуть нечаянно...
И простывшее счастье с отчаянием –
В зеркалах,
в невезеньях
зимы.
И в той безнадёжности – мы.

В ресторане «Коломна» Однокурсникам

Был новый ресторан «под старину»
(пристанище студентов местных ВУЗов)
похож на ту,
на прежнюю страну,
где ели-пили в складчину.
...Здесь курсом
гуляли, сэкономив по три «рэ».
...Панбархатное платьице (от мамы!),
юбочки и стрижечки «Каре»... –
шесть юных отражений в тёмной раме
вечернего окна... И лица, лица...
Солистки шёпот в микрофончик-ухо.
...Курсантов церемонных вереница
(Таким танцорам отказать нет духа!)
...Мигающая рампа...
...Пар круженье
сквозь дамских сигареток сладкий дым.
...И шум дождя, прервавший вдруг движение.
...И чей-то взгляд напротив.
...В тех мгновеньях
остались второкурсницами мы.

Первоапрельское

Весна вовсю сияет.
Встречаем прищуром глаз.
– Послушай, давай слетаем
В Одессу! – Да хоть сейчас!

Смешинка с губ вспорхнула –
Солнечные инъекции.
И с головой – в... прогулы!
Прямо к морю с лекций!

Зал «АЭРОФЛОТА» –
В тёплых бликах солнца.
Два билета льготных
За стеклом-оконцем.

Небо распахнулось
Ветру. И с проталин
Нам в лицо пахнуло
Снегом талым!

Вот она, свобода!
Летим в объятья небес!
На «ЮМОРИНУ» года!
Первоапрельский рейс.

...Одесса гогочет плакатом,
Толпой горластой у Дюка.
И знаменитым Остапом.
И шествием рука в руку.

Своим независимым видом.
Беснующимся бульваром.
Смеющейся скрипкой, забытой
Песней в «ГАМБРИНУСЕ» старом.

...Пробег «Антилоп»!.. Наяву!
Оркестры потешные! Шутки!..
...Меняем билеты в Москву
Ещё на целые шутки!

Накануне Дня рождения

Начало октября пурпуром георгинов,
Гвоздик и бархатцев дурманом пряным,
Сангиною зардевшихся рябин,
Вобравшим аромат листвы туманом,
Хрустящим яблоком, ядреным виноградом,
Кагором терпким с наслаждением
Торжественно и тихо рада
Отпраздновать –
свой День рождения!

Никита Ток

г. Рязань

Любовь – это...

Когда фонари загорелись яркие
И люди счастливые за шторами спрятались,
Поднялся он со скамейки парковой,
Отдёрнул снежно-белую занавесь.

Вопрос один задавал ветру зимнему,
Слова, что сердце раздирали болью,
В груди разгораясь огнём негасимым:
«Любовь, чёрт возьми, что это такое?»

Спросил, пересиливая вой метели,
Глядя в окна опустевших домов:
«Когда ночь за ночью без сна в постели
Смотришь молча на звёзды – вот это любовь?»

Или это – когда кулаки об стену
Разбиваешь, зная, что она не с тобой?»
Ответа ждал от безмолвной тени
Под презрительно с неба глядящей луной.

Бродил по пустынным вечерним улицам,
Ловил снежинки, глядя в низкое небо.
Дрожал под пальто, слегка сутулился –
Огонь в груди не спасает от снега.

Кричал: «Когда нет жизни друг без друга,
Когда ты всё готов простить!»
Зима насмешливо дохнула вьюгой:
«Любовь – это отсутствие ненависти».

Несостоявшимся самоубийцам

в моей груди отверстие от пули,
в моей руке увядший розы цвет.
когда-то нас жестоко обманули,
сказав, что в жизни этой смысла нет.

а мы поверили, наивные поэты,
готовые сломаться и уйти.
поверили, что нам на свете этом
одна судьба – скорей сойти с пути.

да, смысла нет для тех, кто ищет повод
проснуться новым утром, дальше жить.
меняй себя и мир, пока ты молод,
пока есть силы ненавидеть и любить.

шепчу для тех, что смерти подмигнули,
готовые черту переступить:
в моей груди – отверстие от пули...
но это мне не помешало жить.

Художник

О нас тоже когда-нибудь сложат легенды –
Может, мудрые притчи, может, добрые сказки...
Может, просто историю о человеке,
Что раскрашивал мир в свои тусклые краски...

Ему кистью служили чужие мечты,
Вместо красок он брал незнакомых людей,
Его дни превращались в пустые холсты –
Белый фон для однажды забытых идей.

Судьбоносная встреча – случайный мазок,
Чернота на палитре – краска боли и смерти.
Глупо сваливать всё на судьбу и на рок,
Если жизнь твоя – только листок на мольберте.

Говорят, что был Бог, но теперь его нет –
Он ушёл от людей, скоротав свою вечность.
Лишь в соседнем окне по ночам горит свет –
Там художник рисует миров бесконечность.

Маска

Посвящается Н.

Фигуры кружатся в замысловатом танце –
Сегодня бал, сегодня маскарад.
Напротив маска, что окрашена багрянцем,
И в прорезях её глаза горят.

Скажи мне, маска, что скрываешь под собою –
Оскар звериный или девичье лицо?
Пусть наша встреча не предсказана судьбою –
Мне на судьбу плевать, в конце концов.

Ты говоришь мне то, что я хочу услышать,
О чём мне оставалось лишь мечтать.
Я не могу заставить сердце биться тише,
Я не хочу о прошлом вспоминать.

Пробило полночь, время сбросить маски –
Всё тайное появится на свет.
Но мир внезапно потерял все краски –
Под маской пустота, тебя там нет.

Теперь я знаю – в вихре маскарада
Я был обманут призраком мечты.
И были ложны все слова, притворны взгляды –
Ведь глупо ждать тепла от пустоты.

Последний патрон

Посмотри – вот четырнадцать рядом стоящих друзей,
Вместо плоти и крови – лишь порох, латунь и свинец.
Их использовал ты для защиты жизни своей,
А последнего друга оставил на самый конец.

И вот жизненной драмы нелепый разыгран финал,
И вслепую несётся в тупик твой беспутный состав.
Мёртвой сталью почувствуй горячую кожу виска
И последним патроном последнюю точку поставь.

Василий Толстоус

г. Макеевка, Донецкая обл.,
Украина

Родился в 1954 году в г. Свердловске Ворошиловградской (ныне – Луганской) области (СССР). Проживает в г. Макеевке Донецкой области (Украина).

Член двух союзов писателей. Автор нескольких книг стихов. Лауреат нескольких литературных премий. Побеждал на литературных фестивалях. В интернете с 2010 года. На конкурсах сервера Стихи.ру побеждал и добивался призовых мест.

Смущаясь, дети попросили:
«Присядь, попей. Припомни, дед –
ты был когда-нибудь в России?
Ведь прожил, чай, немало лет.
Скажи: она вообще какая?
Такие ж хаты ли на ней?»
Ответил дед: «В ней нет окраин.
Земель немилых нет, верней.
В ней было место и Донбассу,
степей таврийских ковылю.
Я понимал всегда и сразу,
что на Дону её люблю.
Что я люблю её на Волге
и на Днепре, и на Неве.
Был не чужим в Москве нисколько,
ведь с детства думал о Москве».
«Ну что молчишь? Ты озадачен?
Бывают лучшие края?»
«Я не молчу. Я просто плачу:
Россия – родина моя».

Предельные значения
весомых величин
подвластны изменениям
без видимых причин.
Когда одна качается
сердечная вина,
и целый мир кончается,
как вялая страна,
стыда потоки мутные
когда несутся в ад, –
тогда предельно трудно им
попятиться назад.

Включи телевизор, где крутится фильм,
где новости сонной планеты.
Глаза чуть прикрой, и твой автомобиль
рванётся буянить по свету.
В пути обнаружишь пустыни размах,
кочевья верблюжьего стада.
Бывать наяву на шотландских холмах
придётся едва ли когда-то...
В загадочной Азии явится смысл
вещей, недоступных Европе,
что, употребляя sake и кумыс,
Россию никто бы не пропил...
Легка, словно сон, заэкранная жизнь.
Дрожит и смыкается веко,
впуская вселенной безлюдную высь
и бездну – сестру человека...

В кабаке

«Ну, расскажи, мой друг-односельчанин,
как ты живёшь от дома вдалеке,
и почему ты бледен и печален», –
спросил земляк у друга в кабаке.
Стоял туман табачный, тёмно-синий.
Земляк-крестьянин сделал два глотка.
Качнулся тот, которого спросили,
и, закурив, повёл издалика:
«Пылят косые шапки терриконов,
автомобили давят гарью нос.
Теплом от испарений миллионов
заправить можно крупный тепловоз.
Ноябрь и март – тоскливое ненастье,
зимой промозглость, грязь и гололёд,
и только в мае призрачное счастье
уснуть влюблённым ночью не даёт.
Ещё люблю, когда цветенье вишен
и светятся акации цветы.
В июне грозы. Воздух неподвижен.
А больше здесь и нету красоты.
Полезней жить, конечно же, в деревне,
той самой, нашей, спрятанной в лесу,
но я отвык от хлева и поленьев,
не наточу, как надобно, косу.
Здесь вместо леса башенные краны.
Я к ним и к пыли накрепко прирос», –
он кашлянул и вялыми руками
достал вторую пачку папирос.

Я вырос из собственной кожи,
как змеи из кожи своей.
Предстал пред собою моложе –
такое бывает у змей.
Стройней стал казаться и выше.
Я многое в силах понять:
как тучи сгущаются, слышать,
и время, бегущее вспять.
Семь лет обновляются клетки –
я вычитал фразу из книг.
Семь лет узы вязкие крепки,
но рвутся в безвременный миг.
Тогда закружатся быстрее
года, и однажды найду
на лавочке в старой аллее
утерянную красоту.
И с ней из далёкого прежде,
сердечной улыбкой маня,
быть может, вернётся надежда
хотя бы на день.
На полдня...

Табу

Четыре звука трубочкой: «т а б у».
 В них блеск и окончательность гранита.
 Вот так же точно в тёсаном гробу
 загадка от искателя укрыта.
 Пускай судьба висит на волоске
 (то, что внутри, – души живой не стоит!),
 но молоток пульсирует в руке,
 наметив скол последнего устоя.
 Один удар – и всё взлетит к чертям.
 Под звон осколков – чистый и хрустальный –
 начнём не удивляться холодам,
 наследовавшим выплеснутой тайне.

Ты так на фотокарточке свежа.
 Лицо улыбкой тронута усталой.
 Теперь я знаю точно, что душа
 твоя давно просторами летала.
 Понять бы, хорошо Там или нет,
 и чья вина, где прячется ошибка.
 Тебе известен правильный ответ,
 но ты его скрываешь за улыбкой.
 Наверно, Там такие города
 и чистые, из юности, криницы...
 Ведь почему-то тянет нас Туда,
 и силы нет Оттуда возвратиться.

Ты уходишь. Играет улыбка.
 Под глазами размазана тушь.
 Сквозь ресницы качается зыбко
 мир бесплотный – из брошенных душ.
 Уходи. Отменить невозможно
 прямизну и отвесность межи.
 То, что мы окончательно ложны, –
 не мешает забыться и жить.
 Сон и явь, беспокойство и леность
 чередуются с точностью дат.
 Где, когда, почему не успелось
 нам открыться, что рядом – беда?!
 Нет у жизни обратной дороги.
 Месяц к месяцу – год отлетит.
 Ты в грядущем. Рукою потрогай:
 очень холоден камень гранит.

В краю степей и перелесков
 я бредил стройками дорог.
 Простор большой в стране советской:
 пройти насквозь не хватит ног.
 Я помню первый телевечер:
 шёл в пятьдесят девятом май.
 Открыл, что мир наш бесконечен,
 в нём есть и море, и трамвай.
 Ещё мы в космос не летали,
 и мчали улицей ЗИС-5.
 В стране дверей не замыкали:
 не от своих же замыкать!
 В старинном парке две воронки
 укрыла зеленью трава.
 Мир наступил нестойкий, ломкий,
 в свои не верящий права.
 Братишка мой вот-вот родится.
 О ком ни вспомнишь, тот – живой:
 то скрипнет в зале половица,
 то быт часы над головой...

Арлекин

Морщинок сетка, узелки.
 Мальвина очень изменилась –
 попался грубый Арлекин,
 а ей Пьеро улыбка снилась.
 Нет и его. Давно одна.
 Акаций пенистые гроздья.
 Опять окончилась весна,
 и к ночи небо выше. Звёздно.
 Иная ей милей пора,
 не этот юный майский воздух.
 Она проводит вечера
 в тиши и благодати погоста.
 Он там давно. Там хорошо.
 Трава растёт, сплетая корни.
 Гнев отдалившийся смешон,
 она его устала помнить.
 Всё тоньше кожа, в узелках.
 Он не увидит. Он покинул.
 Душа ещё болит слегка,
 не забывает Арлекина.

Играй и пой, Татьяна – звуки ближе ночью.
 Под песню пляшут звёзды, вздрагивая в такт.
 Пусть приколочена луна над садом прочно –
 всё норовит упасть на землю, как пятак.
 Твой голос плещется, раскачивая небо:
 так Богу жаловались смертные всегда.
 Они в судьбу и чудо веровали слепо.
 Ещё в любовь, что исчезает без следа.
 Играй и пой, Татьяна. Нет на свете счастья.
 Пусть не торопятся предатели-года.
 Твои глаза во мраке нежностью лучатся,
 а голос тает, пропадает без следа.

Сентябрь увяданьем тронул сад.
 На самокате носится мальчишка:
 тропинки изучает наугад,
 на лавочке сложив портфель и книжки.
 Тепло. Летит, сверкая, серебро
 последних, невесомых паутинок...
 Повсюду запах осени сырой
 и отзвуки отлётов журавлиных.
 По тропкам сада мчится самокат.
 Но странно: убаюкивает грохот.
 Седые паутинки, что летят,
 лицо моё стараются потрогать.
 Раскрылась книжка. Слабый ветерок
 её подряд, задумавшись, листает,
 пока на юг далёкий без дорог
 летит по небу и курлычет стая.

Барабанные палочки дождь
 отточил для чеканности звука.
 И поэтому чудится мощь
 в песнях капель о лжи и разлуке,
 об осенней печальной волне
 улетающих птиц и туманов.
 Слышу палочек стуки во сне –
 что-то нынче негаданно рано.
 Будят. Громко стучатся в окно,
 беспокойно во тьме окликают.
 Словно кто-то расстаться с виной
 рвётся, только она не пускает.

Безутешно плачут ивы, словно вдовы,
хоть не время им – ведь осень, не весна.
Это плач по улетающим из дома,
из распахнутого только что окна.
Разглядеть летящих, в общем-то, несложно:
фонари, капелью вымыты, горят.
Он – последний доживающий сапожник,
и она в костюме цвета октября.
В полумраке седина их золотиста.
Кто-то ахнул, словно дёрнули струну.
Пролетая по туману, где-то близко,
он обнял рукой за талию жену.
А второй рукой взмахнул, как будто птица,
и рука подруги вскинулась в ответ.
Промелькнули успокоенные лица,
заслоняя рассеивающий свет.
Лишь скрипят окна распахнутые створки.
Испаряются следы разутых ног.
Жаль, что дом их не особенно высокий.
Жаль, что двор их недостаточно глубок.
Может, завтра проплывающая туча,
ранним снегом рассыпаясь над страной,
понимающим расскажет: мол, там лучше –
только грустно, странной грустью неземной.

Неторопливые дожди
опять надолго зарядили.
Рукой протянутой вожди
зовут во тьму автомобиля.
Снижаясь, мокнет самолёт:
летит, отряхивая влагу.
Рассвет немисливо далёк.
Сквозь темь не сможешь сделать шагу.
Не разглядеть вверху окно:
восьмой этаж накрыли тучи.
Сгустился морок над страной
и каплет патокой тягучей.
Она снаружи на стекле,
стекает медленно и томно
загустевает, словно клей –
не смыть её, не снять ладонью...
Стоишь, и льёт за воротник.
В округе звуков больше нету.
Промокший вождь напротив сник.
Устал вести во мглу планету.

Под ветром листья падают и льнут
к щекам целованным, горячим,
а тучи обещают седину
снежинок. В городе незрячем
ни солнца, ни луны. Бессонный дождь
стекает струйками за ворот.
Не прекословлю: встанешь и уйдёшь –
завесой влаги скроет город.
Улыбка невесома и легка.
Рука в руке моей недвижна.
Расстаться не осмелишься никак,
уйти непонятой и лишней –
и стынешь в ожидании тепла.
Ноябрь шалит напропалую,
дождём сечёт: мол, есть, не истекла ль
печалью робость поцелуя?..
Дождь, уходя, омыл лицо.
Расстаться нет ни гонора, ни силы.
Снежинок рой цветочною пыльцой
скрывает нас. Ведь ты их попросила.

Осенний сад. Шуршат, кружатся листья.
Земля что лёд, остыла. Полумрак.
Падений яблок отзвук серебристый.
Ноябрьская, морозная пора.
Скрипуча дверь облупленного дома.
Несомо лёгкой, сухонькой рукой,
однажды время плавно, невесома
вплывёт из мест, где вечность и покой.
Оно пронзит загадочностью взгляда
в предзимье обесцветившихся глаз.
Услышав шум безлиственного сада,
оценит то, что в будущем у нас.

Солнце ушло до весны.
Дождики зарядили.
Дай мне, Боженька, силы
высмотреть, выдышать сны.
Сны о незрелости роз,
цвете айвы и яблонь,
радости вдруг, что явлен
вылет на волю ос.
Лучшие сны о лете,
бьющем в окошко свете
солнца в четыре утра.
Возгласы: «Жить пора!»
Может быть, это птица,
или же только снится.
Сладко под утро спится.
Сладко ещё живётся.
Жжётся вода колодца,
с просыпа холодна.
Нету в колодце дна.
Только кусочек неба
бьётся внизу, как небыль.
Давит кольцом стена.
Время в повтор пустили.
Дождики зарядили.
Только они да сны.
Долго. До весны.

Стал как будто меньше.
Тихая печаль.
Грустно быть слабейшим.
Друга нет. Плеча.
Сложенные руки.
Тёс над головой.
Были, жили звуки.
Нету ничего.
Сверху шёпот: «Был ведь».
Кто-то вторит: «Был...»
Срочно память вырвать.
Память на распыл.
Ну, заговорите!
Звук, единый звук!
Пробую обитель
сцепленностью рук.
Вот и звуки. Пеньё.
Робко верю: «Жив!»
Взмыть бы на мгновенье
и на этажи –
верной прокричать бы,
что всю жизнь любил,
но с далёкой свадьбы
говорить забыл.
Пение умолкло.
Холод февраля.
Что-то слишком долго
сыплется земля.

Ноябрь. Свободно распрямились
деревья, хрупкие без листьев.
Дождь на просторе сеет милость,
рисую струи влажной кистью.
Давно оставлены гнездовья.
Растаял след последней птицы.
В лесах нежданное раздолье
и невозможно заблудиться.
В кустах охотничья собака,
поднявши лапу, стынет в стойке.
О летних днях и в мыслях плакать
в лесу не хочется нисколько –
а лишь рукой махать в привет
летающим тучам вдаль по небу.
Пускай расскажут всей планете,
что ты здесь был. Что был и не был.

За окном озябшие сороки
улетают греться в голый лес.
Наступают мертвенные сроки
низких и бессолнечных небес.
Я к стеклу губами прижимаюсь,
и на нём, растоплена теплом,
тает отороченная малость,
оживляя вёрсты за окном.
Там, в оттаявшем овале жизни,
чистом, словно детская слеза,
на меня косятся с укоризной
птичьи невесёлые глаза.
И пускай февральский ветер злится.
Мы ведём безмолвный разговор –
я и неприютная синица,
о житье зиме наперекор.

Чёрная пурга

На заколоченном подворье
лежат февральские снега.
Пустое чувствуя приволье,
гуляет чёрная пурга.
Навстречу ей, цепляя крыши,
курятся редкие дымы.
Кадыт они по знаку свыше.
Звучат назойливо псалмы.
Последней ночью крепко спится.
Огни бесчисленных свечей
играют с тенью на ресницах
навечно смеженных очей.
В сцепленье крепком руки строги.
Печаль недвижима, легка.
Простая женщина из многих,
чья доля зла и коротка.
Скрипит, вздыхая, половица.
Переворачивая лист,
бормочет сухонькая чтица.
И вновь шуршание страниц...
Вокруг с едва заметным стоном,
скрипя, вздыхает старый дом
о тех, кто жил, заботой полон.
Как дальше быть, не знает он.
Хозяйка – та, кем всё дышало, –
ушла отметить в былом.
Туда ушедших провожало
теперь безлюдное село.
А здесь – всё уже тропки улиц.
В сугробах крыши не видны.
Как будто люди не вернулись
домой с проигранной войны.

Снова год окончился внезапно.
Бьют часы. Чему-то рады все.
Одурманил душу хвойный запах,
он кружит, как в парке карусель.
Сразу детство вспомнилось и речка,
три сосны согбенные над ней.
Облака пролётом в бесконечность –
словно след истаявших саней.
На лету дыханье индеVELO.
Иней рос, к морозу приучал.
Ели – словно мачты каравеллы,
у затона встретившей причал.
Время остановлено нарочно.
Чтоб остался в памяти закат,
нужно пережить бессветность ночи,
должен заболеть восходом взгляд.
Жить бы долго в отблесках над лесом,
чтоб закат струился и не мерк.
Чтобы время тяжестью железной
сердце не тревожило и век.

Старый год ушёл из дома.
Вслед никто не проводил.
«Новый год!» – неслось из комнат
вместо «доброе пути».
Впереди пустое поле.
Звёзды свет струили вниз.
Что добром никто не вспомнил –
так на то она и жизнь.
Старый год ушёл в печали.
Поднимался к звёздам. Вверх.
Мир сжимался за плечами.
Словно в чреве человек.

Дочь не плачет о Союзе,
ведь за нею нет вины
за крушение иллюзий
и предательство страны.
У неё иные планы.
Не о том тоска и боль.
А в мечтах другие страны,
парня волосы как смоль.
Ей не снятся ни Гагарин,
ни субботники, ни БАМ –
снится лишь вихрастый парень,
что поёт: «cherchez la femme».
Дочь не плачет о Союзе,
ведь его на карте нет,
и о нём, я знаю, в вузе
ей не выпадет билет.
А пройдёт полвека буден,
и при свете седины
всё, чем жили, позабудем.
Словно не было страны.

В ночных стихах и прозе я
пишу автопортрет.
Мешает жить амброзия.
Врагов как будто нет.
За них всю старение
старается вдвойне,
ведь каждый день рождения –
как проигрыш в войне.
Я скептик. В сны не верю я,
в добро любых властей.
Я сам себе империя.
Пока живу – ничей.

От того и до этого берега
волны катятся, устали нет –
от Европы до самой Америки
за ветрами, течению вслед.
Ветры пахнут заморскими травами.
Даже чайки, что просто глупы,
пахнут морем и дальними странами,
где твоей не знавали стопы.
Тёплый дождь, моросящий над палубой,
остывая росой на щеке,
растревожит несбывшимся. Стало быть,
кто-то ждёт тебя. Там, вдалеке.

Старый фрегат

Осталась жизни четверть или треть.
Давно бесследно молодость умчалась...
Неужто обязательно стареть?
Зачем на свете немощность и старость?
Астрологи смущаются в ответ.
Не помогают скрещенные пальцы.
Неловко в детство требовать билет,
когда вокруг такие же скитальцы.
Я старый и потрёпанный фрегат,
мои борта изрешетили пули,
пока вокруг во множестве, подряд
суда моих ровесников тонули.
На море штиль, но на борту, внутри,
где переборки ветхие таятся,
морской воды стремительный прорыв,
и значит – скоро в вечность погружаться.
Мой курс пока и выдержан, и прям.
Пускай волна бушует выше палуб –
я всё ещё не сломлен. Я упрям.
Пока живу, не вырвать стонов, жалоб.
Какой холодный, право, океан...
Заледенели палуба и реи.
Как жаль, что не увижу дальних стран.
Всё уже мир. Вода всё холоднее.

Двадцатый век

Двадцатый век – помедленней на стыках,
а то трясёт в пути на виражах.
Народ шумит вокруг многоязыко
в костюмах, робах, в странных кунтушах.
Мелькают мимо праздники и войны,
на площадях вещают и клянут.
В углу художник сухо и спокойно
рисует кистью небо и страну.
Приподнимает спутанные брови:
вдруг да сверкнёт крупница красоты
среди мазков, настоянных на крови,
что отрешённо бросил на холсты.
Мир на картине – божж и доходяга,
насельник тюрем, ссылок, лагерей,
заложник ветра, бьющегося в стяги,
ночных арестов, выбитых дверей.
Несётся грохот водородных вспышек
и транс демократических витий.
Туда, где звёзды светятся, и выше,
он бросит слово странное «прости»...
И если вдруг среди пустого вздора
от слов блеснут слезинки из-под век:
«Когда б вы знали, из какого сора»*, –
как не простить за это нас и век?..

* Строка А.А. Ахматовой.

День ангела

Над каждым днём особый ангел властен:
ответствуя за отлетевший миг,
дозирует веселье и напасти,
уходы и рождений первый крик.
Раскачивая маятник событий,
за всё и всем выписывая счёт,
ведёт он бухгалтерию открытий
и летопись подробную невзгод.
Все ангелы, конечно же, при деле –
небесный, независимый народ.
Как жаль: не все рождённые успели
к хорошему попасть на подотчёт.
Баланс ведь почему-то перекошен,
в нём беды в прибыли который год.
Судьба что меч. Нельзя ей быть без ножен.
Но кто-то их отнял, не отдаёт.
Мы счастья ждём – хоть небольшого шанса.
И ангела, чтоб честен был и добр.
А то чуть-чуть осталось от аванса
ненадолго подаренных годов.

Родился я совсем недавно.
Полвека – будто бы вчера.
Живу без бурь. Привычно. Плавно.
Как все из нашего двора.
Глаза закрою – вновь из снега
с соседом Вовкой строю дом
и ледяного человека
крою из глыбы за прудом.
Когда подрос, немало женщин
любил (и многими любим).
Не ставил в жизни цели меньшей,
чем те, что выдали другим.
О ней, наверное, наука
не даст логический ответ,
и даже верная подруга –
жена – не верит много лет.
Я сам почти забыл о цели.
Теперь на что она, когда
заместо школьного портфеля
под мышкой стопочкой года.
И всё же тянет поневоле
взглянуть на спрятанную цель.
Ощупал. Здесь она. Доволен.
И вновь до случая. В портфель.

Упрямые учёные над тайнами колдуют
и обещают вскорости узнать их все до дна.
Ответ – зачем рождаемся? – безделицу простую –
узнать им не сподобилось, бесспорно и сполна.
Упрямые учёные седеют и стареют,
и в мир иной срываются, стреноживая страсть,
а истина, открывшаяся ямбу и хорею,
имеет беспредельную, загадочную власть.
Мы Божии растения, мы в небо прорастаем.
За нами то, что прожито, а выше – неба гладь.
Звенит повсюду истина. Она – совсем простая.
Но если не поэты вы – не сможете узнать.

Я не пишу стихи на заказ.
Душа их вяжет из слов и фраз
и затем покорной бумаге
отдаёт по капельке влаги.
Я не пишу стихи на заказ.
Они – как слёзы из детских глаз,
как внезапная осыпь тверди.
И всегда о любви и смерти.

Мы живём не только свой отрезок лет, струящихся неведомо куда. Может, мы владелицам подвесок раздавали к свадьбе города!.. Может быть, в неведомые страны мы за шёлком гнали караван и ночами с жадностью листали невзначай случавшийся роман... Уходили годы, убежали, улетали, больно зацепив. А рванёшься – корни выросли и звенели звенья на цепи. Тормоза придерживали резко. В сердце боль, и холод рос в груди. А до вожделенного отрезка неизвестно сколько впереди.

Чтоб отдалиться от всегдашнего, тревогу чувствуя, сверну на запылённое кладбище, в потустороннюю страну. Звучат здесь горна ноты строгие, они в заснеженных холмах слышны. А может – просто трогают снежинки вязь на именах? Дрожат в ответ венки и холмики и, задержавшись на крестах, поют, как будто бы гармоника тоскует в поле о мечтах. Играет так, что годы лучшие нет-нет да вспоминаются душе и то, что ждать недолго случая сюда отправиться уже.

Мы

Мы молодостью не гордились, а просто жили каждый день. Года исчезли, испарились, и только в памяти их тень. Наверно, мы тому виною, что бег морщин неодолим, что с каждой прожитой весной всё меньше жжёт адреналин. Ласкает слух альбомов шелест, и ненавистна глубь зеркал. Чей это лик изрыт, ущелист, а был ведь розовый овал?.. Своей особостью кичились. Косясь, мытарили старьё. Когда у плеч летала милость, в упор не видели её. Но подрастают наши дети, отряд беспечных пострелят. Они, как мы, одни на свете. И та же спесь. И тот же взгляд...

Рвётся душа – беспокойный пилот. В теле – томление стати. Душу влечёт разрежение высот, тело – гормоны (некстати). Книги листаю. Палата ума! Девушки – стайкой и мимо... Сердце никак не остудит зима: бьётся ведь невыносимо... Тесен рюкзак. Блеск и преданность лыж. Непокорённые горы. Взгляд незнакомки предельно бесстыж и беспредельно покорен.

В облако льдинок нырнёт самолёт. Что впереди – неизвестно. Как же до боли не нравится лёд сердцам горячего вместо...

Гроза

Поля просторны. Бор суров. Гроза. Далёкие зарницы. Стекает с красных молний кровь, чтоб, отсверкав, испепелиться. Под ветром клонится ветла. Внезапный дождь сечёт и хлещет поля, окраину села, холма отложистые плечи. Несутся тучи. Гром гремит. Неутомимый скрип деревьев. Как будто в мир из-под раки на землю рвётся кто-то древний. Он и хохочет, и ревёт, и наклоняет книзу травы, на бурной речке ищет брод и не находит переправы.

А если б тайно вдруг вернулись, то кто бы знать на свете мог, какая первая из улиц легко коснётся юных ног? Была одна когда-то зависть – к полёту птицы без преград. С тобой бы мы за руки взялись – играй, светись отвагой, взгляди! Пусть гам и пыль. Что ж делать – дети. Нам на двоих семнадцать лет. Запропадимся в детстве, в лете – переживать причины нет. Несчётно лет здесь не бывали и впредь не будем никогда. Слетимся. С неба. С вертикали. Во двор. В ребячество. Сюда.

Подчас удачу удаль застит, что рвётся в люди без стыда. Кураж приклеиваться к власти не иссякает никогда. Но музыканты и поэты одни, пожалуй, рождены, чтоб было жить на белом свете не стыдно жителям страны.

Introitus*

Вы уходите. И были так недолго. След угасшей жизни тает навсегда. Остаётся память ранящим осколком. Оседают пыль дороги в никуда. Вспоминайте нас, пусть мир жесток и ломок. Там, где люди, тяжко. Холодно одной. Нам осталось тоже мало остановок. Дети. Поцелуй. Цветение весной. Нет, наверно, в небе вечности хорошей. Вечность – просто чёрный тёсаный гранит. Жребий – словно кости – наудачу брошен. Но звезда надежды вышла и горит.

*Introitus – первая часть классического РЕКВИ-ЕМА Requiem aeternam dona eis, Domine (Вечный покой даруй им, Господи)

Ольга Францева-Петрова

г. Санкт-Петербург

Ольга Францева-Петрова. Родилась в Ленинграде, училась и работает в Санкт-Петербурге.

Закончила Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики. Пишет стихи с 16 лет. Увлекается изучением иностранных языков.

Синеющим сумраком вечер

Синеющим сумраком вечер
Пробрался в чертоги мои.
Загадочен он, бесконечен,
Как самые долгие дни.

Как этими длинными днями
Пергамент тончает насквозь!
Подушечки пальцев устали
Всю нежность дарить... Наискось

Ломается каплями дождик,
Бубнит под зонтом пешеход.
Дворняга поморщила носик,
Едва дошмыгнув до ворот.

Не слышится шороха листьев,
Мобильный – и тот не дрожит,
Лишь одинокий трамвайчик
Привычным путём дребезжит.

Синеющим сумраком вечер
Растёкся по старым дворам.
Усталость окутала плечи,
Распалась по тихим углам.

И в памяти вдруг оживают
Сюжеты из прошлых времён –
Дурманят, цепляют, терзают
(Хотя это даже не сон).

Но в снах моих – ты! Безупречен.
Запястья целуешь мои.
Я молвлю: «Как мил этот вечер...» –
И мыслю, что снова люблю.

Синеющим сумраком вечер
Прокрался в чертоги мои...
Как призрачен он и беспечен,
Как странен в своем «изнутри»!

Вот грифель один раскрошился,
Другой ты ломаешь сам.
Свои чёрно-белые строчки
Я превращаю в роман!

февраль 2011 – октябрь 2011

Было б здорово

Было б здорово после гонений
Навсегда возвратиться домой,
Где за чуть приоткрытою дверью
Ждёт тебя человек дорогой.

Он сидит у камина и пишет,
Тихо тлеет в камине огонь...
Каждый слог его нежностью дышит,
Эта нежность зовётся тобой.

Прикоснуться б к нему и забыться –
Птицей горней в родное гнездо.
Не смогло б это всё позабыться,
Это всё, что зовётся тобой!

2001

Здесь и там, как нигде, по углам...

Здесь и там, как нигде, по углам
Домовёнки сопят – значит, спят.
Заскорузлые корки не в счёт –
Завтра кто-то конфет принесёт.
Можно сбить по кусочкам с руки
Или с каплей сыграть взапуски.
Всё равно никто не смекнёт –
Отчего вмиг пролилось вино,
Шоколадом навзничь эскимо...

Здесь и там, как нигде, по углам
Домовёнки рукав теребят –
И едят, и дразнят, и шалят.
Столько разных забот у ребят!

16.08.2011 г.

Дачное

Струится время, как сквозь пальцы,
Опять закаты и рассветы.
Ты вновь задумываешь платье,
Чтоб лоскутком приблизить лето...

Чтобы в бантах, как в крыльях, ветер
Всех бабочек наперечёт запутал,
Чтобы истомой синий вечер
За чашкой чая нас окутал...

Разбуженный внезапной трелью,
Малыш мой сядет у оконца.
Струится время не капелью,
А любящим и добрым солнцем!

лето 2013

Сон-явь-фантом

Где перекрестье губ
Ловит тепло дыхания,
Где перепутье рук
Спорит с твоим желаньем,
Там предвечерние сны
В шорох листвы одеты.
В эти багряные дни
Мы, как костром, согреты.

Где столько грёз вокруг,
Что начинает казаться
Осень весной... и круг
Замкнут. Не разорваться...
Всё замирает вдруг.
Только ресниц дрожанье,
Сердца неровный стук
Есть метроном дыхания.

Там поступь твоих шагов
Пока ещё так беспечна.
Вкус чая, остывшего вновь,
По-прежнему безупречен.
Там, где тревожен бой
Ходиков перед рассветом,
Там только мы с тобой –
В осени после лета.

22.09.2010

Наверное наверно

Наверное, это была иль небыль,
Лишённая смысла.
Наверное, я не дорос
Ещё до романов Энkvиста*.

Наверное или всерьёз
Я сам о тебе подумал
Наверное, так пришлось...
Наверное – не задумал.

Наверное, вылеплен я
Совсем из другого теста,
Поскольку такую тебя
Увидел в судьбе вне контекста.

Наверное, это то, о чём
Не пишут в романах.
Наверное, я обречён
«Кормиться» самообманом...

Наверное, дождь с грозой
Получше снега зимою.
Зачем ты в душе моей?
Зачем остаёшься со мною?

Наверное – нет,
Наверное – да,
Наверное – наверно.

2011

* Пер Улов Энkvист – шведский писатель,
романист, драматург, киносценарист.

Письмо. La lettre

Pour ma mere

Я смотрел на неё сквозь стекло служебной двери.
И мне казалось, что я чувствую её дыхание и то, как
на каждый поворот прочитанного листа приходится
дрожание её хрупкого подбородка.

Она была вся в чёрном – или почти так, – эта женщина, которая привлекла в эти минуты моё внимание.

Она не из тех, кто привлекает в толпе, и не из тех, кто будет празднично сидеть за стойкой бара.

Почему? Я так чувствовал. У неё пальцы – такие же хрупкие, как и матово-бледный подбородок, словно в такт бегающим по строчкам глазам... вверх-вниз, они жили, они ощущали боль или радость, или ещё что-то, что было скрыто в письме...

Я следил за ней ещё неотрывнее, ещё пристальнее – то крылья носа вздрагивали, то она подносила к замершим губам кисти руки – каждое ежесекундное движение выдавало в этом человеке внутренний трепет.

Она жила вместе с письмом.

...А мимо проходили люди, много мужчин и женщин. Кто-то спешил, а кто-то едва передвигал ноги.

У всех были дела.

Я думал о том, сколько ещё времени понадобится ей на чтение письма. Оно ведь могло быть коротким, интервал в пять минут – важно, какая мысль была в нём, и какое значение эта темноволосая хрупкая женщина придавала написанным словам.

...Часы пробили восемь вечера. Через час служачие почтамата закончат свой рабочий день.

А я смотрел на неё – она жила своим миром.

Не мирком, а именно миром. И ни единый шорох шаркающих ступней, ни единый шелест бумаги не смел вторгнуться в созданный ею мир.

Я подумал о том, что через каких-то полчаса подойду к ней и мягко попрошу покинуть помещение. Ведь она должна знать распорядок. Внутренне я весь подтянулся. Услышит ли она моё приближение? Мешать ей я не хотел... Когда я приблизился к ней, она уже закрывала дрожащими пальцами сумочку. Кашлянул. На звук её плечи вздрогнули; приподнялись слегка и сразу же опустились.

И тут впервые я увидел глаза – она обернулась ко мне и пристально посмотрела, и я увидел, какие серые у неё глаза в обрамлении чёрных ресниц.

Однажды из разговора я услышал, что в самые солнечные дни серые глаза становятся ярко-голубыми. Я поймал её взгляд, а она неслышно промолвила: «Да-да. Я не хочу Вас задерживать. Простите. Да». А я смотрел на неё, и меня охватывало мучительное любопытство. Внимая каждому её жесту, я старался понять, что же было в письме...

Что отозвалось такой дрожью всего её существа.

Но она уже поднялась со скамьи, едва коснувшись рукой складок одежды и направилась к выходу.

Я был очарован этой женщиной с самого её появления в зале и теперь стоял, словно фигура Берендея в лесу: деревянен снаружи и, пожалуй, такой же внутри.

Мимо мелькали мои сослуживцы, они кивали мне, а я выглядел чурбаном. Я проводил её взглядом до самых дверей: она скрылась так же незаметно, как и появилась. Я уловил кончиком носа лишь лёгкий аромат её духов.

Лёгкий, летний, тёплый. Такими были её глаза, когда я впервые заглянул в них...

Лето 1999 г.

Людмила Чебышева

г. Воскресенск, Московская обл.

Людмила Леонидовна Чебышева родилась и живёт в городе Воскресенске. Член Союза писателей России. Награждена Золотой Есенинской медалью, медалью имени А.П. Чехова, памятной медалью «А.С. Грибоедов», памятной медалью «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову». Лауреат литературного конкурса «Золотой диплом». Награждена лигой писателей ЕВРАЗИИ золотым дипломом имени Михаила Юрьевича Лермонтова, дипломом Московской областной организации Союза писателей России за верное служение отечественной литературе. Получила диплом и литературную премию имени А.П. Чехова за верное служение отечественной литературе. Лауреат премии

районного конкурса «Воскресенск литературный», лауреат литературной премии имени Елены Слободянюк, награждена медалью имени Елены Слободянюк. Автор поэтических сборников «Любви нечаянной глоток», «Свет души», «Сквозь разлуку и грусть». Публиковалась в антологии «Золотая строка Московии», в литературно-художественных альманахах «Цветы большого города», «Воскресенск – моя Родина светлая...», «Созвучие», «Серебряный дождь» и в других периодических изданиях.

По образованию – экономист. Закончила Московский финансово-экономический институт. Работает в частной фирме.

Бродит осень рядом где-то,
Чаще по утрам туман.
Отзвенело трелью лето.
Птиц печальный караван

В синей дали растворился.
Загрустил притихший лес,
Хоть и в злато нарядился.
Сыплет с плачущих небес

Утро росы, а на кочках,
Чтобы скрыть свою красу,
В алых шёлковых платочках
Клюква прячется в лесу.

Вдоль тропинки, возле сосен -
Кучки маленьких маслят.
Их листвою укрыла осень,
Убаюкал листопад.

Скрыты дымкой серой дали,
Улеглась в стога трава.
Август не скрывал печали,
Уступив свои права.

Июль

Июль. В разгаре лето.
Созрела вишня. Боже мой!
Вот так с рассвета до рассвета
Я любовалась бы тобой.

Остановись, прошу, мгновенье.
Налюбоваться вдоволь дай.
А за околицей деревни
Благоухает иван-чай.

Давно уснул закат за речкой,
Взошла луна на небосклон,
И рвёт влюблённое сердечко
Трёхрядка – русская гармонь.

Какой сегодня тихий вечер...
Травы не всколыхнув ничуть,
Прильнул к земле уставший ветер,
Чтоб на часок-другой вздремнуть.

Лети, строка, и песней лейся,
Звени над полем и рекой,
Лети к морям, о скалы бейся
И возвращайся вновь домой.

В речных купайся перекатах
И в буйстве красок луговых,
В багряных отблесках заката
И в даях нежно-голубых.

Лети, волнуй и разливайся
Всё дальше, шире над землёй.
Строкою новой возрождайся,
Вселяя в сердце непокой.

Отстрадало сердце, отлюбило.
Всё, что было в прошлом,
позабыла.
Будто в летний полдень на опушке
Не считала годы нам кукушка,

Будто при луне не целовались
И на ясной зорьке не купались,
А потом по росам по медовым
Не бежали к роще мы кленовой.

Отлюбило сердце, отстрадало.
Только на душе вдруг пусто стало.
Будто наша речка на закате
Не журчала нам на перекате,

Будто соловьи в саду не пели,
Вечерами травы не шумели.
Будто мы с тобой и не смеялись,
Средь колосьев спелых не
терялись.

Отстрадало сердце, отлюбило,
Что такое радость – позабыла,
Будто что-то в жизни потеряла.
Лучше б и любила, и страдала.

Прошли года, но старый сад
До сей поры ещё мне снится,
И звёзд печально-нежный взгляд,
И листопад... Душа томится.
Необъяснима грусть моя.

Она идёт издалека.
И не найдётся той аллеи,
И не найдётся уголка,
Где мы с тобой бы не сидели,
Не целовал бы ты меня.

Мы ждали с трепетом весны,
И не могли дожждаться лета,
И, растворяясь в тишине,
Могли гулять вплоть до рассвета.
Нам даже ночь была мала.

Мой старый сад... теперь одна
Порой брожу по тем аллеям,
И в сердце среди бела дня,
Как будто маленькие змеи,
Вползают тихо грусть, тоска,

А вместе с ними жуткий страх.
И все глумятся надо мною.
Лишь соловей поёт в кустах,
И пахнет в воздухе весною.

Негромко музыка звучала,
То затихала, то плыла,
То будто в озере плескалась,
То узкой тропкою вела.

Звучала тихо, обрывалась,
Вновь воскресала и плыла,
Зарёю нежно растекалась
И за собой меня звала.

Она вела меня незримо
Навстречу счастью моему,
Соединяя воедино
Тебя, меня, любовь, судьбу.

Любимому сыну

Как часто дети, вырастая,
Свой покидают отчий дом.
И мама сына ждёт, скучая,
Всё беспокоится о нём.

А он не шлёт давно привета,
Ни строчки ласковой не шлёт.
И на письмо не дал ответа...
А мама ждёт, тревожась, ждёт.

Глядит в окно и не находит
Покоя сердцу своему.
И мысли грустные приходят,
И сны, как будто наяву.

Под вечер выйдет за порог
И всё глядит, глядит в печали
То на дрожащий лепесток,
То на синеющие дали.

А если веточка слегка
Коснётся вдруг её невольно,
Мать, вздрогнув, вскрикнет:
«Сыночка!..»
Оглянется, и сердце больно
Защемит у неё в груди...

...Рой комарья. Душа в тревоге.
Ни зги не видно впереди.
Лишь дуб столетний у дороги
Как будто шепчет ей: «Ты жди».

Под напевы соловьиные
Колос клонится к меже.
Две берёзки сиротливые
За селом на рубеже
Поутру росу медвяную,
Чтобы сил набраться, пьют.
А меня, как окаянную,
Всё невзгоды быют да быют.

Впереди трава иссохшая
Колет ноги до крови.
А моя душа продрогшая
Онемела без любви.

Холодает. Небо тучится.
Я к реке бегу спросить:
«Сколько мне в печали мучиться?
Без любви мне сколько жить?»

Но моя подруга верная
Притворилась, будто спит.
Видно, доля моя скверная,
Коль притихла и молчит.

Русь моя

Ах ты Русь моя, Русь привольная,
Православная, хлебосольная,
Колокольная, златоглавая.
Русь державная, величавая.

Я люблю тебя, Русь пшеничная,
Васильковая, земляничная,
Ширь бескрайняя,
ширь раздольная,
Русь крылатая, сердобольная.

Ты и песнь моя соловьиная,
И печаль моя журавлиная.
Ты пожарами опалённая,
Пулемётным огнём крещённая,
Много в жизни печали выдавшая,
Из руин и пепла восставшая.

Ты любовь моя сокровенная,
Русь – земля моя, Русь
священная!

Несмелой поступью войду
В храм Воскресения Христова,
К иконе тихо подойду...
Я попросить за всё готова

Прощенья у своих родных,
У самых близких мне людей,
Едва знакомых и чужих,
И у врагов, и у друзей,

За то, что словом или взглядом
Могла обидеть вас хоть раз,
За то, что не смогла быть рядом,
Когда беда коснулась вас,

За то, что вольно или невольно
Кому-то причинила зло,
Кому-то сделала я больно,
Что в жизни больше мне везло.

Прошу смиренно я: «Простите!»
И я за всё прощаю вас.
С любовью на земле живите.
Пусть нас хранит Небесный Спас.

Пришлось немало испытать –
Любить, надеяться, страдать.
Всю горечь, боль былых потерь
Я ощущаю и теперь.

Жизнь – что забег на марафон,
И лезет зло со всех сторон.
Проблем бытийных бурелом,
И жизнь порою на излом.

Прольёшь нередко сто потов
И наломашь столько дров!
Послать бы всё... И трын-трава,
Но понимаю: неправда.

И я иду, иду вперёд,
Неся, как прежде, груз забот.
Лишь изредка мелькнёт просвет,
Судьба зажжёт зелёный свет.
Из тьмы возникший счастья лик
Благодарю за каждый миг.

Поросли берега осокой,
Заскучали родные места.
Здесь когда-то
кружил в небе сокол,
А теперь лишь воронья чета.

Снова мысли с ума меня сводят,
И пугает порой тишина...

Годы, лучшие годы проходят,
Ну а я всё одна и одна.
Всё обжечься рябиновым жаром
До сих пор, как девчонка, боюсь.
И живу, вспоминая о старом,
И тебя, как всегда, сторонюсь.

Знать, не зря звал меня ты
трусихой
И, дразня и, наверно, любя,
Ты, летя на коне мимо лиха,
Осыпал васильками меня.

Луговая ширь васильковая
И озёр голубая гладь.
Я всё та же девчонка бедовая,
И другой не смогла я стать.

Я всё та же, в тебя влюблённая,
Будто не было долгих лет.
А улыбка глаз затаённая
Не даёт мне покоя, нет.

Разве можно забыть мгновения
Тех безумно счастливых встреч?
Наших рук, словно лоз,
сплетение
Буду в сердце всегда беречь.

Позови меня в травы росные –
Не задумываясь, пойду.
Пусть венчает нас небо звёздное
И на радость, и на беду.

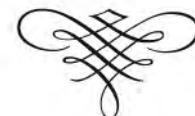
Облетает липы цвет.
Брызжет мёдом на дорожки.
Мы идём встречать рассвет
К нашей старенькой сторожке.

Ночь, помедли, не беги.
Ну зачем же торопиться?
Замедляем мы шаги,
Но роса уже искрится.

Убегает от реки
Дымка лёгкая тумана,
И мелькают мотыльки,
Льются запахи дурмана,

Опьяняя нас с тобой.
И не хочется прощаться.
Время, времечко, постой.
Ты позволь ещё остаться.

Брызжет мёдом липы цвет,
Птички трели не смолкают.
Зарумянился рассвет,
Жаль, что липы отцветают.

Отважное Сердце

Отважному Сердцу
исполнился годик!
Ни много ни мало, а год целиком.
Шагая по жизни,
взмахнёт он ручонкой:
«До цели быстрее доберусь я
ползком».

Отважное Сердце
не ведает страха.
Преграды пред ним
расступаются, но...
Все страхи проходят,
когда рядом мама.
Она защитит и согреет теплом.

Уютно лежать
вместе с ней вечерами.
А ночь уж подкралась,
пора поживать.
И серый волчок под бочок
не залезет,
Когда мама скажет:
«Ну всё, пора спать!»

Переселение душ?

Детство моё золотое
Вспомнилось мне сейчас,
Там где и радость, и горе
Лёгкими были для нас.

Добрые папины руки
Быстро кружили меня.
С ним я не знала скуки,
Печали тревожного дня.

Всегда его вспоминаю.
Становится сердцу теплей,
Когда продираюсь сквозь чашу
Взрослой жизни своей...

Но отвлеклась от раздумий.
Потешный, словно щенок,
Встретил меня улыбкой
Мой годовалый сынок.

Что тебе, мой сыночек?
С мальчишеского лица
Вдруг на меня взглянули
Глаза моего отца.

Татьяна Цымбал

г. Санкт-Петербург

Сюрприз

Я сюрприз для мамы с папой
Сделаю не очень рано:
В выходной, с утра в субботу,
Где-то около шести,

Я открою маме глазки
И поглажу ей ладошки,
Поцелую её в щёчку
И начну её трясти.

Мама с папой хмурят брови.
«Просыпайтесь, я же с вами!
Я уж выспался как надо,
Буду злиться, закричу!»

Папа глаз открыл и сонно
Прошептал: «Иди, сыночек,
С мамой будет интересно».
«Я не спорю. Я пойду».

Мамочка меня обнимет
И погладит по головке.
Стало так тепло, уютно,
Захотелось полежать.

Я прилягу ненадолго,
А потом сюрприз продолжу!
И никто не переспорит,
Я зевну... и стану спать.

Клад

Листопада яркий миг
Наблюдали вечером.
А с утра опять к окну –
Просто делать нечего!

Ветерок с утра в заботах,
Дует он старательно.
Чтобы золото собрать,
Надо быть внимательным!

– Где ты держишь этот клад? –
С удивленьем спросим мы.
– Золотые пяточка
Все в копилке осени.

Мы в окошко поглядим –
Небо светлой просинью.
Вот такие чудеса
Встречаются и осенью.

Что нам Осень принесла?

Что нам Осень принесла?
Урожай весь собрала,
Листьев клёна огоньки
И погожие деньки.

И качели, карусели...
А мальчишкам всё игра.

Мы про Осень много знаем –
Вот счастливая пора!

С папой я пойду гулять,
Чтоб «сюрприз» скорей собрать.
Ведь букет осенних листьев
Маме я хочу отдать.

Что нам Осень принесла?
В детский сад идти пора.
Наливные яблочки
И улыбку мамочки!

Ангел Жасмин

Я знаю.
Ангелы есть.
Живут они рядом с нами.
Они берегут нашу честь
И душу от растерзанья.

Они нашепчут слова,
Что жизнь во сто крат дороже,
Когда расцветёт жасмин
И душу твою растревожит.

Мой Ангел всё ещё здесь,
Когда я тебя встречаю.
Хранит от боли и слёз.
В последний раз обнимаю.

Жасмин – небесная Вось.
Пылающий миг заката.
Уходишь – не оглянись,
А вдруг вернёшься обратно?

Примета

Я давно уже не рисовала.
Я возьму прохладу,
яркость листьев,
Мороси, что нас не миновала,
И тонов побольше золотистых.

Подберу багрянец,
тёмно-красный,
Ярко-жёлтый, сумрачный, ночной.
И немного радости добавлю,
А для грусти – ржавый, он цветной.

Разбросаю яркие акценты
Там, где не ступала и судьба.
Зарисую только те моменты,
Что коснулись струн души едва.

Но один листок, что так упорно
Всё цеплялся за берёзы ветку,
Я не перекрашу. Будь зелёным!
Прихоть Осени – такая вот примета.

Ирина Шумина

г. Екатеринбург

Взывал разум тщетно к нам, словно угрюмый глашатай.
Мы грезили вновь наяву по любви сокровенной.
И мой медальон, в кулаке твоём бережно сжатый,
По пальцам кипящую страсть отправлял прямо в вены.
Мы нежность свою собирали от мига до мига.
Казалось, один поцелуй отделяет от Рая.
И медленно дни уплывали в ночное индиго,
В объятиях огненной Вечности ярко сгорая.
Вдыхая друг друга, как воздух, с неистовой силой.
На память вживляя под кожу волну ощущений,
Душой понимали – когда-то подобное было,
В ушедших веках затерялось цепочкой мгновений.
От жара любви разрушались меж нами границы,
И это единство отныне пределов не знало.
А в небе высоко кружились две белые птицы,
Которым для счастья лишь встречи одной не хватало...

Когда оборванная афиша
Умчится вдаль с захмелевшим ветром,
Я больше глаз твоих не увижу
И буду помнить о самом светлом.
Когда в дождливую панораму
Ворвётся солнце – жизнь станет ярче.
Я, отыграв в ста сезонах драму,
В сто первом буду нежнее, мягче.
Когда уйдёт беспокойный зритель
Искать для сплетен других кумиров,
Я светом сотен незримых нитей
Вплету иную судьбу в ткань мира.
И верю – сбудется: я забуду
И не узнаю тебя при встрече
Ни в этой жизни, ни в тех, что будут...
Тогда, возможно, мне станет легче...

Разные пути. Разные дела.
Что-то «не срослось», не случилось...
Ветер поутих. Улица бела.
У собаки кость – божья милость!
Тонкие черты дымчатой луны
Опушил закат облаками.
Где мои мечты, полные весны?
Слишком долго спят под снегами.
Вестница-судьба знаки подаёт.
Надо бы учесть, пригодится!
Жизнь порой груба, но души полёт,
Как благая весть, может сбыться.
В параллелях снов кто-то, как и я,
Ищет доказательства раю –
Призрачный остов «смысла бытия»,
Чтобы знать, зачем умирают...

Я в твой сладкий бред
иронию светлых глаз
вношу напоказ,
как блюдо на стол в обед.
Старинный багет,
фарфор и кудрявость фраз
дополнят рассказ
о тайнах моих побед.

Я буду с тобой,
как прежде, почти правдив,
но мой новый миф
нарушит в душе покой.
Ты, чувствуя сбой,
поправишь у платья лиф.
Я буду учтив,
коснувшись руки рукой.

В наплывах свечных
сливаются инь и ян.
Найду ли изъян,
читая тебя, как стих?
От взглядов ночных
я слишком сегодня пьян,
но мой океан
любви лишь на миг притих.

В рассветный камин
подбросил поленьев Бог.
Я с лёгкостью смог
сорвать с губ твоих кармин.
Не нужно причин
вернуться на твой порог,
где сотни дорог
моих в путь сошлись один...

Сижу Маргаритой. Скучаю по Мастеру.
Ползёт время медленной сонной рептилией.
Доверила лист голубому фломастеру
И мыслям, питавшимся сладкой идиллией.
Рисую узоры. Их плавные линии
Текут, словно реки, лаская сознание.
Мечтам небеса покоряются синие.
Любви же подвластны сердца и желания.
Раскат грозовой. Хлынул ливень на улицы.
И запах сирени раскрылся по-новому.
Мой Мастер над белой страницей сутулится,
И звёзды кивают ему, как знакомому.
Он пишет легко. Ночь промчится стремительно.
И яркий сюжет расцветёт в красках солнечных.
День вступит в права, как обычно, решительно.
А Мастер опять будет ждать тёмной полночи.
...А я? Как же я? Вам спросить, верно, хочется?
Со мной очень просто... Я – муза «счастливая».
Скучаю... И жду, когда белый лист кончится
И станет реальностью сказка красивая...

Николай Широков

д. Золотово, Воскресенский р-н,
Московская обл.

Широков Николай Сергеевич родился в 1951 году в селе Виноградово Воскресенского района Московской области. После окончания средней школы прошёл срочную службу в Кантемировской танковой дивизии. Участник военного парада на Красной площади в 1970 году. Закончил Московский механический техникум, работал бригадиром, начальником смены, помощником начальника Курского вокзала г. Москвы. Стихи начал писать в юношеском возрасте. Печатался в газетах «Наше слово», «Искра-ТВ», альманахе «Воскресенск – моя родина светлая», русско-болгарском альманахе «Созвучие».

Рожь твоих волос
Осыпает плечи.
Мне апрель принёс
Ожиданье встречи!

Я к тебе приду,
Юной и красивой,
И с собой в ладу,
И ещё – счастливый!

Буду целовать
И, пьянея в ласках,
О любви шептать
Не устану сказку!

Жар послушных губ
Вкусом сладко-пряным
Мне безумно люб
И такой желанный!

Пусть звенит капель,
Бережит мне душу,
Я апреля трель
Не устану слушать!

Осени запах... августа хмель...
Лета страницы пролистаны.
Вон поднимается листьев метель
Вслед за моими мыслями.

Грустные песни принёс листопад...
Шорохов звуки несмелые –
Кружатся листья, ложась невпопад
В травы, уже пожелтелые.

Я наслаждаюсь последним теплом,
Бренное тело балую...
Осень – наверное, это излом
Крика души усталого.

Осени запах... Яблочный Спас...
И в голове – сумятица.
Ведь летом дождинка попавшая в глаз, –
Слезой сейчас покатится.

Вытру. Стряхну с себя эту блажь,
Ну что мне по лету стонется?
Августа хмель – как хмельной кураж,
Как майских ночей бессонница!

Мне печаль моя на душу просится,
Если вижу я вдруг наяву,
Как друзья в бесконечность уносятся,
Только я – всё живу и живу.

Но берёзы как будто стесняются...
Белогрудые, в свете ночи –
За меня перед миром покаются
И задуют огарок свечи.

Тихо звонница ноту прощальную
Пропоёт мне в минорном ладу,
Я услышу ту песнь поминальную
И на звук её скорбный приду.

И в молитву, священником чтимую,
Всем сознанием своим погрузюсь –
Пусть вольёт она в душу ранимую
Нашу русскую, нежную грусть!

На заре и несмелой, и зыбкой
Вслед за вами, враги и друзья,
Скоро, скоро с невинной улыбкой
Унесусь в бесконечность и я!

Не говорю тебе: «Прощай!» –
Шепну глазами: «До свиданья!»
Ты мне обид не завещай,
Не кличь с любимой расставанья!

Ты нашу жизнь не вороши,
Не осуждай, не жди подвоха.
И отвернуться – не спеши
С последним, раздражённым вздохом».

Добро – всегда сильнее зла!
Так было, есть и вечно будет,
Ведь, накаляясь добела,
Зло только ненависть разбудит!

Добро души – оно огонь,
Что разгорается с годами.
Не затуши его, не тронь
Всё леденящими словами!

И что даровано судьбой –
От Жизни, от Любви, от Бога, –
Прими покорно у порога,
Да будет скатертью дорога.
Смелее в путь, смелее в бой –
С самим собой!

Эта песня не нова,
В этом нет нисколько драмы.
Вспомним детские слова:
«Никогда не выйду замуж!»

Школа, праздников огни,
Пионерские походы,
Но, увы, бегут они –
Детства дни, а с ними годы!

Раздражённое слегка:
«Где тебя ночами носит?» –
Что ж, и яблоня с цветка
Начинает плодоносить!

Снова смена зим и лет,
Шутки постаревшей мамы,
Но упрямое в ответ:
«Никогда не выйду замуж!»

Чу, басок, девичий смех,
Звёзды шальные, что свечи.
Тополиный пух, как снег,
Обволакивает плечи!

И рука твоя в руке
Сильной, ласковой, упрямой,
Но хранишь ты в тайнике
Всё от любопытной мамы.

Поцелуя томный бред
Прозвенит невинно-сладкий.
Ты пойдёшь за ним вослед –
Без сомненья, без оглядки!

Ну а дальше – всё как есть...
Зря противиться природе.
Будет свадьба в вашу честь,
Да и дети – будут вроде!

И такая же канва –
От родной и близкой самой
Вы услышите слова:
«Никогда не выйду замуж!»

Сонно. Уютно. Тишь...
Месяц завис над ночью.
Ты про себя сопишь,
Что-то во сне бормочешь.

Губ шевелится фант –
Добрый, смешной, прекрасный.
Что тебе снится там?
Ты мне расскажешь завтра!

Спи, дорогая, спи –
День отшумел прошедший.
Будут такие ж дни,
Будут трудней и легче!

Будничной чередой
Все они в жизнь сольются.
Счастье с лихой бедой
Тесно переплетутся.

И на исходе лет
Ты вдруг поймёшь незримо:
Жизни своей сонет
Пишу я тебе, любимая!

Луны фонарь неясным светом
Облил луга....
Ещё овальным силуэтом
Видны стога...

Ещё кричит кулик пугливый,
Храня гнездо,
А свет вдали, в окне, лениво
Горит звездой.

И словно в сказочном исчадье
Через камыш
Туман клубит с озёрной глади
В ночную тишь.

И понемногу чувства просыпаются.
И памяти проложена канва.
И будет вновь душа-плутовка каяться
За действия, поступки и слова.

Опять раздумий паутина тонкая
Окутает наивного меня,
Соломинка судьбы – такая ломкая –
Торопит, неизвестностью маня.

Вопросы задаю себе несложные:
«Зачем я здесь и где моя стезя?»
И мучают предчувствия тревожные,
Безверьем одиночества грозя.

Я не сдаюсь – иду к финалу. Искренне
Надеюсь, жду, упорствую, люблю
И продолжаю жизнь свою осмысливать,
Когда надежды ветер уловлю!

Весенние разливы начались.
И лёд в реке, что айсберг в океане,
Стогов остатки словно островами
По водному простору разбрелись.

Лугов печальных зимнее житьё
Природа к новой жизни пробуждает
И веру безотчётную вселяет
В убогое сознание моё.

Зачем живу я? Где моя стезя?
Дорогу жизни каждый ли увидит?
Я не боюсь ничем себя обидеть,
И это – кредо! Иначе нельзя!

Нетерпеливо к истине спешу.
Пусть за спиной дороги половина –
Во многом я живу заблудшим сыном
И, как мальчишка, помощи прошу.

Бывает всё – упадок и полёт,
И взлёт души в несметные пространства,
Усвоил я, что подлость, ложь, жеманство
Нас никогда к добру не приведёт!

Всё лучшее мне видится в весне!
В её весёлом тающем потоке
Ясней осознаю свои пороки
И жить сильнее хочется – вдвойне!

Весенние разливы!.. Их приход
Меня влечёт к беседе, не к фразёрству.
Я стал врагом преступному позёрству,
Ведь и позёрства айсберг – талый лёд!

Всё в сравненье познаётся,
Всё слагается.
Кто-то – радостно смеётся,
Кто-то – мается.

Где-то – царствует любовь,
Где-то – мести жуть.
Доброте – не прекословь,
Злу – преградой будь!

За насмешливый щелчок –
Никого не тронь.
На приветливый кивок –
Протяни ладонь!

Ибо в мире суетном
Мерной чередой
Возвращаются потом
К нам беда – бедой,
А добро – добром!

Я заплакать хочу,
Я хочу засмеяться,
Миром этим, друзьями,
Тобой восхищаться!
Я хочу упоенья,
Я хочу вдохновенья
И в минуту счастливую –
Дружного пенья!
Я хочу улыбаться
Закатам, рассветам,
Быть безумным в любви,
Работягой, поэтом!
Быть рискован до плахи,
Чтобы жизнью напитаться,
Чтоб последней рубахи
Не жалеть, не скупиться!
Я хочу быть весёлым
До боли, до смеха,
Только б счастье иль горе
Не охаять потехой.
Отвергать злодеянья,
Принимать добродетель,
Пусть судьбы испытанья
Плечи рубят, как плети!
Вновь смеяться и плакать,
И внимать безрассудству,
Бить воруе по лапам,
Не щадить словоблудства!
Я как малые дети,
Я как старец премудрый,
Жить мечтаю на свете
Жизнью радостно-трудной!

О девушка! Наивная моя,
Вчера меня об этом известили:
Вот и тебя, я верю, полюбили,
И у тебя своя теперь семья!

Не верится мне даже, но, увы –
Мы все приходим к рубежу такому,
К супружеству потянет, к детям, к дому.
И грусть родных, и радость молодых

Сливаются в семейное величье,
И разразится свадьба торжество!
Какое это всё же колдовство –
Красивый русский вековой обычай!

Невеста юная, пусть этот мир
Тебя не тронет горечью и болью,
Ведь, пересыпав раны эти солью,
Разбередить рискуем их до дыр.

Живи, стараясь сердцем понимать!
Живи и здравствуй – мир тебе и радость.
Живи, но различай добро и гадость.
Живи – не забывай отца и мать!

Люби семью без тени и подвоха.
Фальшивый быт и мерзок, и смешон.
Жизнь коротка – когда всё хорошо,
Но и длинна безмерно – если плохо!

Не люблю послушный строй –
Словно в стаде, братцы.
Иль толпы пчелиный рой –
За идею драться!

Не люблю молвы людской –
Судной непременно.
Исподлобья взгляд косой –
Наглый и надменный!

Не люблю чванливый тон,
Зависть, лесть и скупость,
Ведь лежит на этом всё
Отпечаток – глупость!

Уходя – уходи,
Что выдерживать позу?
И доверья кредит
Нормируется в дозу.

Не разбрызгивай слов
В разговоре степенном.
Кто усвоить готов –
Тот усвоит – мгновенно!

А любить – так любить,
Чтоб до дна, до изнанки,
Чтобы сплетни травить
Не осталось приманки!

Меня покинул друг... Давно, а как вчера.
В смятении своём я пил за штофом штофы.
Напрасно я кричал, что жизнь всего игра,
Ведь если жизнь игра, то это катастрофа.

Меня покинул друг, а он был предан мне.
И сплетен злая месть – в том не его заслуга.
Пускай себе твердят, что истина в вине,
Но не залить вином вины в потере друга!

Меня покинул друг. Он – больше, чем родня,
Он вескую в моём сознание сделал метку...
Меня покинул друг, но как бы не меня,
А этого бойца – с кем не идут в разведку!

Меня покинул друг. Ему замены нет!
Я сам себе создал головомойку.
Друзей терять нельзя, друг – это не пакет:
Использовал и бросил на помойку!

Услышь меня, мой друг! Мне грустно оттого,
Что оба наш излом переступить не можем.
Меня покинул друг... Ну что я без него?
Ну что я без него? А без меня – он тоже!

Никогда я не был на Канарах,
Лишь во снах я странствовал туда.
Был в паденьях, взлётах, был на нарах,
А вот на Канарах – никогда!

Да и что там делать мне, бродяге?
Я ещё России не познал,
Не являл безудержной отваги,
Что отец на фронте проявлял!

Я ещё не знаю бед народа
И ещё – не слышал крик души.
Все мои житейские невзгоды
Разве что для шуток хороши!

Эй! Отчизна! Девственные лица!
Ты куда поэта завела?
Из твоей заевшейся столицы
Не увидишь Курска и Орла!

Я твоё дитя, и плоть, и бремя.
Всю тебя хочу предугадать,
Я – тобой посеянное семя,
Ты – мой брат, отец, жена и мать!

Распрями передо мной дороги.
Отвори мне ставни в бытие.
По России не ходили Боги –
Просто Боги создали её!

Почему же снятся мне Канары,
Оттенив Отечества простор?
Для России нет достойной пары,
Для Руси – не пара Эквадор!

Никогда я не был на Канарах,
Да и не желаю я туда.
Лучше я изведу Самару,
Где ковром полынь и резеда!

Не спасут целебные отвары:
Круговертит жизни карусель.
Русскому и нары, что Канары,
Так уж мы устроены. Поверь.

Если умру я, Вы слышите? – если...
Не ставьте мне памятник до поднебесья –
Его я не заслужил.

Но ранней весной иль осенью стилой
Берёзку-девчонку на холмик могилы,
Друзья, посадите, полейте её,
Пусть брненное тело впитает моё,
И знайте, я так Вас любил!
Вино в запотевшем гранёном стакане
Живую беседу поднимет меж Вами –
Отдайтесь беседе сполна!
И вспомните годы, прожитые вместе,
Без ложного чувства – скажите о чести,
И мёртвому память – важна!
Не бейтесь в потере, ведь всё восполнимо.
Как жизнь ни длинна, но она обозрима,
В ней горя и счастья слеза – как волна,
Нахлынув, смывает нестойкую пену,
Ведь всё в этом мире не вечно и тленно.
Слеза обо мне – не нужна!
И всё же прошу, что бы ни было – помните!
В славы зените, в падения омуте!
Но сохраните до смерти в челе,
Что жил я когда-то, любил на земле!

Раннее утро. Светлеет небо...
Словно солнце идёт в распыл.
То – мне покажется, что я не был,
То – покажется, что я был!

Но – я здесь. Я живу. Я радуюсь,
Не грустя об ушедших днях.
Вон звезда: сорвалась и падает,
И сгорев – превратилась в прах!

Так и все мы! Сорвёмся звёздами
И навстречу Вселенской мгле –
Унесёмся часами поздними
Или ранними – на заре!

То ли это вдруг покажется,
То ли это вдруг причудится –
Если зло узлом завяжется,
Вряд ли узел сам разрубится!

Всё, что было, в Лету канется,
Всё, что будет, – неизвестное...
Пусть хорошему достанется
Не обманчивое, честное!

Пусть приемлет всё грядущее
Всяк, душою несгибаемый...
Жизнь сама воздаст мятущийся,
Виноватый, не покаянный!

Всё случается, всё бывает –
В мире много вещей условных.
И хорошее забывают,
И плохое со злобой помнят!

Всё условно и всё не вечно,
Что-то хуже, а что-то краше,
Кто-то ношу берёт на плечи,
Ну а кто-то кладёт на Ваши!

Что-то просто и что-то сложно,
Или вовсе не разрешимо.
Есть такие: им всё возможно,
И такие: найти б причину!

Что-то солоно, что-то сладко...
Бесконечны границы вкусов.
И бывает: живут в палатках
И в квартирах – дворцах искусств!

Всё случается, всё бывает,
Всё условно и всё не вечно...
И нашедший – порой теряет,
И терявший – находит нечто!

Что-то просто и что-то сложно,
Что-то солоно, что-то сладко...
Только б не были мысли ложными,
Только б не было сердце гадким!

Виктория Андреева

9 лет

г. Азов, Ростовская обл.

Первый снег

Первый снег пушистый, белый,
Золотой и очень смелый.
Любит с детками играть,
Рядом с дождиком летать,
В новый год нас приглашать,
Счастья, радости желать...
Золотой, пушистый, белый,
Первый снег, ты очень смелый!!!

Зимние тучи

Тучи зимою сильные,
Дождливые и хитрые.
В окна стучатся – глупые –
Разбойниками-снежинками...
Порою бывают нежными,
Но чаще всё-таки – грубыми.

Звёзды

Звёзды кружатся во сне.
С ними месяц ясный.
Этот чудо-хоровод
Сказочный, прекрасный.

Сколько их – блестяшек –
Звёзд-очаровашек?
Сплю я, как все дети...
Сны мне шлют планеты...

Сказочный лучик, или Версия о зарождении жизни на нашей планете

Мне звёзды рассказали сказку,
Как в космосе родился лучик,
Ему хотелось всех согреть.
Он был готов дарить свой свет...
И вот – пришлось ему лететь,
Просторы новые искать
И земли разные спасать.
Летел не день он и не два,
И вот – Печальная Земля:
Хоть Солнце ей дарило свет,
Но жизни на планете нет.
И чудо-луч к Земле припал,
Её согрел и обласкал.
Так жизнь возникла на Земле,
На зависть непроглядной тьме.

Любимому братику Илье

Братик любит танцевать,
Петь, стихи рассказывать.
Он – отличный, лучший брат.
Всем он очень-очень рад:
Мамочке и папочке,
Бабушкам, дедуле,
Котику Филюшечке,
Мне – сестре Викуле.
А ещё он любит прыгать,
Бегать, кувыряться,
В прятки, салочки играть,
Солнцу улыбаться!
Но сегодня брат грустит –
Бродит дождь по крышам...
Может, с братиком стихи
Вместе мы напишем?

Новый год

Новый год! Новый год!
Песни льёт хоровод.
Музыка играет.
Всё вокруг сверкает.
Праздник начинается.
Ёлка улыбается.
Лучшие подарочки
Дарит Дед Мороз.
Я хочу, чтоб мне он
Котика принёс –
Белого, пушистого,
Чудного, игривого,
Очень-очень доброго –
Симпатягу милого...

Снеговик

Лепим мы снеговика.
Белый снег слепит глаза.
Всё же – со сноровкой
Разберусь с морковкой.
Пусть послужит носиком,
Вовсе не курносиком.
Крепкий, краснощёкий
Вышел снеговик.
Всё-таки папуля
Наш мастеровик!

Дружба

Дружба – это красота:
Девочки и мальчики.
Это чудная страна,
Где живут ребяточки.

Дружба – это звонкий смех,
Игры, радость и успех.
До чего ж она мила –
Эта дружная страна!

Наталья Бажанова

11 лет

г. Азов, Ростовская обл.

Почти непридуманная история о правах человека

В мире много мест, где проживают люди. Но на одном из островов обитали великаны. Они знали про всех живущих в округе. Долгое время великаны ладили друг с другом, но пришло время – и начались среди великанов разногласия. Некоторые так и хотели жить, не покидая пределов своего острова. А некоторые, наоборот, решили узнать, что происходит на других островах и как там живут люди. Великаны даже не подозревали, что с ними могла произойти такая история. И представить себе не могли, что из этого получится.

Любопытство взяло верх над разумом, и несколько из них отправились в путешествие. Долго длилось это путешествие, но вот наконец добрались великаны до красивой страны, которую проживающие в ней люди называли красиво и мелодично – «Россия». Для великанов всё в России было необычно и красиво, потому что здесь действовали одинаковые для всех правила, объединённые в единый свод, который назывался «Конституция». Но о том, что озна-

чает это слово в широком смысле, великаны даже не догадывались, а может быть, не хотели этого делать, ведь они были необразованны, да и жили на острове, где не было таких правил, как у россиян. Итак, оказавшись в чудо-стране, великаны начали веселиться. Разрушив не один дом своим весельем, испортив не одну детскую площадку, забрав себе то, что им не принадлежало, великаны нарушили права и свободы людей. Им было не до того, что в Конституции этой страны прописаны многочисленные правила, и одни из них – сохранять природу и окружающую среду, уважать права и свободы других лиц, бережно относиться к природным богатствам.

За нарушение Конституции люди отправили великанов обратно на их остров, поставив условие: только тогда, когда они, невежи, станут жить по закону, тогда лишь могут приезжать снова в гости.

Великаны расстроились, но делать было нечего, пришлось возвращаться домой. Однако для себя они точно решили, что будут подражать россиянам, которые так хорошо живут, ладят друг с другом, строят красивые города, оберегают свою природу. Кроме того, великаны даже по пути домой уже придумывали для себя правила, нормы жизни, чтобы больше никогда не попадать впросак.

А в России тем временем радовались своему порядку и свободам, а также тому, что у россиян есть Конституция – основной закон государства, который помогает им быть дружными, толерантными, а значит, терпимыми друг к другу.

Александр Богославский

11 лет

г. Азов, Ростовская обл.

Конституция – помощник на пути к цели

12 декабря 2013 года вся страна отмечает юбилей Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.

У каждого человека есть история, связанная с нашей Конституцией, и в жизни мы, замечаем это или нет, постоянно сталкиваемся с этим документом. Я хочу рассказать свою историю.

Был я у своей крёстной мамы в гостях. Дом у неё новый и красивый, украшение Западного микрорайона. Крёстная рассказывала, что его строили по социальной программе. Разговоры взрослых о социальных вопросах нам, детям, показались скучными, и мы с сестрой побежали гулять во двор. Там мы познакомились с мальчиком из соседнего подъезда, Димой.

– Я тоже живу в этом доме, – сказал Дима.

– Здесь живёт и моя крёстная с семьёй. Купить эту квартиру ей помогла социальная программа. Она говорит, что без неё это было бы очень дорого.

– А моей маме нашу квартиру дали бесплатно.

– А разве так бывает? – спросил я.

– Мама рассказывала, что у неё своего дома никогда не было. Выросла она в детском доме. А выпускникам детского дома положено бесплатное жильё. Вот нам и дали эту квартиру. Даже мебель в ней была.

Тут нас с сестрой позвали пить чай. За столом я стал интересоваться историей моего ново-

го знакомого. Взрослые мне объяснили, что такие права Диминой маме дала Конституция Российской Федерации. Я вспомнил, как наша учительница – Андреева Людмила Николаевна – на первом уроке нового учебного года познакомила нас с этим важным государственным документом – основным законом нашего российского государства. В нём я нашёл и статью, которая объясняла историю Диминой мамы. Это статья № 40 п.3 «Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами».

Я заинтересовался и стал изучать Конституцию. На мой взгляд, это очень важный и нужный документ, который регулирует жизнь и отношения людей в нашем обществе. Благодаря Конституции Российской Федерации мы – цивилизованное общество и являемся частью мирового сообщества. Но только при условии, если мы, граждане России, будем соблюдать незыблемые правила созданного нами документа, Конституция принесёт мир и процветание нашему народу.

Изучая Конституцию Российской Федерации, я понял, что в многообразии отношений между людьми могут возникать различные разногласия. И должен быть человек, который будет следить за исполнением законов Конституции. Этот человек должен быть умным и образованным. Но в первую очередь он

должен быть порядочным, честным и справедливым.

Я хотел бы быть таким человеком и прекрасно понимаю, что для этого нужно усердно учиться, быть трудолюбивым и прилежным во всём.

Мама сказала: «Самое главное – у тебя есть мечта, хорошая мечта. И я желаю тебе добиться своей цели».

Светлана Сухорада

15 лет

г. Азов, Ростовская обл.

Тонны невысказанных чьих-то слов
Об унижении, тоске и боли.
Что мне осталось, кроме этих снов,
Где путают актёры свои роли?

Что мне осталось, кроме пустоты?
Чего все ждут? Улыбок? Безрассудства?
В кошмарах вижу – руются мосты,
И всем плевать на наши с тобой чувства.

О страхах этих лучше промолчать,
Лучше сказать, что встретимся однажды.
Но вечерами хочется кричать...
Надежды, обещанья не напрасны.

Когда весь мир укрыла мгла,
Ты улыбалась мне.
Они сожгли наш дом дотла,
Я помню – всё в огне.

Агонии последний стон
И ужас на лице.
Я помню колокольный звон
И песни об Отце.

Я помню, как бежали прочь
В надежде уцелеть.
Спасала вновь тогда нас ночь,
Но догоняла смерть.

Я помню холод, детский страх,
Сковавший нас в пути.
И стаю птиц, что в небесах,
Которых не найти.

Я помню плен и крах мечты,
Я помню голод, боль.
И нам не ставили кресты,
Хоть шут ты, хоть король.

Спасенье помню. Не вчера ль
Всё то произошло?
Нам не забыть вовек февраль,
А сколько лет прошло...

И жаль порой, что так случилось,
Я подавал сигналы: «Жив», –
Но Вам узреть их и не снилось,
Для Вас теперь я только миф.

Для Вас, мой гений столь желанный,
Я сделал больше, чем бы мог.
Для Вас, мучитель постоянный,
Я вновь исчез со всех дорог.

И вновь пришла, вся в чёрных кружевах,
Узрела смерть, узнала о потерях.
Нет ни следа улыбки на губах,
Огня в глазах, что скажет о затеях.

Вернулась, узнав, что счастье рядом,
Что потерять однажды – значит навсегда.
Смирила болью и тоскливым взглядом,
Прикосновеньем пальцев тонких льда.

И запах тот дождей весенних первых
Окутал комнату, под ручку свёл с ума,
Но дальний хор колоколов печальных
Прогнал прочь ночь. Исчезла и она.

Смеются, жалости к себе не зная,
И увлекают в этот танец вновь.
Подобно птицам белым ввысь взмывая,
Они мужчин всю ночь волнуют кровью.

Наутро, робко оправдания себе
Перебирая, мило улыбаясь,
Они оставят свет в твоей душе,
Губами нежными щеки твоей касаясь.

«В ту ночь, ты знаешь, лишним третий был
Бокал того волшебного вина.
Молю, прошу, чтоб ты меня простил,
Ведь не тобой моя душа была пьяна».

Казалось, горечь от утраты,
Сердечный друг мой, навсегда.
Так близок день твоей расплаты,
День чёрный страшного суда...

Казалось, с часа возрожденья
В февраль тринадцатого дня,
Что это чудо. «Прочь сомненья!» –
Ты повторял, во тьму маня.

А после думалось, что ужас
Навек со мной. «Спасенья нет!» –
Мне повторял во тьме тот голос,
Ему не страшен был рассвет.

Где истина? Всё трёп, бравада?
Да, я молил о том: «Живи».
Но боль – за преданность награда,
И я просить готов: «Умри».

Владимир Серых

16 лет

г. Азов, Ростовская обл.

СТЕНА

К трактиру на N-ской улице направлялся худощавый, с гладко выбритыми щеками, молодой человек. Собирался дождь – тучи образывали так называе-

мую дождевую воронку, отчего вместо светлого дня стояла темень, приводившая юношу не то чтобы в состояние страха, но в состояние некоего беспокойства и всепоглощающей тоски.

Однако дождь так и не начинался. Где-то вдалеке сверкала молния, но из-за туч увидеть её яркие вспышки не представлялось невозможным. Юноша ускорил шаг – попасть под ливень означало бы серьёзно простудиться (тонкая одежда не смогла бы защитить его от дождя).

В тот момент, когда юноша подходил к трактиру, хлынул дождь, мигом превративший улицу в подобию бурно разлившейся реки.

Вошедший оглядел трактир. В нос сразу же ударил характерный запах: смесь горячительной выпивки, горячей еды, мужского пота и ещё уймы своеобразных запахов, идущих непонятно откуда и создающих особый уют этого заведения. Первый этаж пустовал, что являлось редкостью для данного времени. На второй этаж вела дубовая лестница.

Поднявшись, юноша заметил полноватого мужчину в дальнем углу зала. За столиком рядом сидел, уткнувшись в газету, другой посетитель, а у окна расположились трое изрядно выпивших молодых людей, но негромко разговаривающих между собой. Тучный мужчина пригласил жестом руки вошедшего, чуть не зацепив при этом чашку чая. Его внешний вид был несколько противоречив: с одной стороны – полнота, неповоротливость и некая расхлябанность, а с другой – старый, но роскошный, гладко выглаженный костюм, аккуратно подбритые усы и бакенбарды. На лоснящийся лоб уже давно не спадали поседевшие волосы, лицо пестрело морщинами, похожими на цепь оврагов, расположившихся на этом далеко не молодом лице. Хотя его вид и казался весьма почтенным, но в то же время любопытного, обратившего внимание на мужчину в эту минуту, насторожили бы его неаккуратность и некая развязность.

– Здравствуй, отец! – с ударением на последнее слово произнёс юноша.

– Здравствуй, Алексей, – спокойно, но чуть повысив голос, ответил мужчина. – Присаживайся, я заказал тебе обед. Надеюсь, не откажешься?

Не дожидаясь ответа, отец Алексея вынул из-за пазухи серебряный портсигар, достал сигарету и с упоением её закурив, глядя в потолок. Затем, чуть помедлив, добавил:

– Последним своим письмом, сын мой, ты меня сильно озадачил, а также ввёл в полное изумление свою мать, которая и так страдает от болезней, а тут ещё и твои изречения. Ты, мой друг, вызвал двойное моё неудовольствие: твоим дерзким письмом и неуважением к любящим тебя родителям. Смотрю на тебя сейчас и диву даюсь.

Алексей начал было открывать рот, чтобы возразить отцу, но тот опередил его – вытащил из кармана письмо и принялся его читать.

«Доброго дня вам, отец и мать. С недавних пор я переменял взгляды на многие вещи, которые хоть и кажутся многим истинными и правильными, но таковыми, к сожалению, не являются. Я не хочу и не буду объяснять, что это за вещи. Вы и сами поймёте. Знайте, я уезжаю».

На минуту за столом воцарилось молчание.

За окном сплошным водяным потоком лил дождь, трое пьяных мужичков расплатились за обед и побрели в сторону лестницы. За соседним столиком всё так же тихо и мирно сидел человек, увлечённый своей газетой.

– Знаешь что, сын, – с укором продолжил отец после непродолжительного молчания. – Сегодня я забираю тебя домой.

– Решительно отказываюсь, – не без робости ответил Алексей.

– Это что ты такое говоришь?

– Отказываюсь я от поездки домой, там мне делать нечего. Терпеть ваше с матерью присутствие я не собираюсь. Довольно! Посмотри на меня! – повышая голос, приподнимаясь с места и приближая к родителю бледное лицо, продолжил Алексей. – Смотри, я сказал! Разве этого я хочу: жить по твоему усмотрению и плану? Разве этого?

– Замолчи и сядь, – повелительным тоном оборвал его отец.

Алексей замешкался и присел.

– С самого раннего детства я с тобой, впрочем, как и сейчас, и все эти годы. Сюда я приехал, дабы поздравить тебя с окончанием институтской жизни, мой дорогой. И что же я вижу? Твои никому не понятные действия, которые меня на самом деле очень, очень сильно расстраивают. Я даже не помышляю спросить тебя: а куда ты собрался уезжать, точнее – убежать? С кем ты собрался эту авантюру воплотить в жизнь и, собственно, на какие средства? Меня это не волнует. Равно как не волнует вопрос «Зачем?». Однако мне всё это дело весьма неприятно, но только оттого, что, вероятно, всё твоё поведение идёт тебе во вред, разрушает тебя и уничтожает твоё нутро. Мне этого не нужно. Послушай, сын, ты моя стена, моя опора...

– А это ничего, что она построена целиком и полностью одним тобой?! – завопил Алексей. – Ничего, что я и состою из твоих кирпичиков, разве это не опускает меня ниже других? Отец, прекрати! Неужели не видит твоё сердце моё горе, что живёт во мне всю сознательную жизнь, не давая мне насладиться и частью того, чем наслаждается свободный человек? Давай же говорить напрямую: ты никоим образом не воспитывал меня, а растил подобно дереву, вкладывался в меня, как вкладываешься в банк. Ты не любил меня, а выращивал!

Отец Алексея бросил окурочек в пепельницу, поднял вверх голову, погрузился в свои мысли (вещь необходимая в серьёзных разговорах, помогающая сосредоточиться, оторвавшись от реальности, а затем выдать свой ответ). Губы Алексея дёргались, бледность не проходила; он уже успел пожалеть,

что не распрощался с отцом по-английски, а ответил на его письмо, придя сюда. Отец, видимо, переважив едкие слова сына, нашёл, что ответить:

– Да, ты моя стена, на этом-то я и остановился. Кирпичик за кирпичиком я складывал тебя, любил тебя, строил из тебя человека благородного. Я уж подумал: всё! Получилось! Но оказывается – стена эта совсем не прочная, а из-за дыры, проделанной в ней неизвестным, на меня смотрит не моё дитя, а ужасное тёмное и злое чудовище...

– Отец! – закричал, не сдерживая слёз, Алексей. – Я не хочу быть стеной, я хочу быть человеком!

Юноша вскочил, опрокинул стул и ринулся к лестнице. Гулкие шаги вколачивали гвозди в гроб, в котором находилось счастье Алексея.

– Ну и беги, сорванец, в Европы и в Америки, всяко там хуже! – брызгая слюной, орал отец.

– Зачем вы так? – с явно немецким акцентом спросил сидящий с газетой, видевший всю драму от начала до конца. – Он же ваш сын...

Немец медленно поднялся из-за стола и направился к выходу. Спустя двадцать минут в узком переулке он догнал юношу.

– Молодой человек, Вы не робейте – человека, прожившего двадцать лет в России, ни Америка, ни Европа уже ничем не смогут напугать. Но и совершать необдуманные поступки в вашем возрасте тоже непроспиритально.

Алексей немного успокоился и задумался над словами незнакомца. Не все гвозди забиты.

Мария Коробкина

12 лет

г. Азов, Ростовская обл.

ПРИВЕТ ОТ ПОПУГАЯ

Разрешите представиться, я Ричард! Или просто Риччи. Нет, вы не смейтесь, лишний смех нам ни к чему. Пусть я и самый необычный попугай в Азове, я всё же призываю

вас к вниманию. Я хочу рассказать вам о семье, в которую я попал давно.

Вы себе даже не представляете, как я был рад, когда меня купили. В зоомагазине было очень скучно. Сидел в тесной клетке со своими сверстниками. Но в один прекрасный день в магазин пришла девочка лет восьми, на вид очень добрая, с не менее доброй на вид женщиной. С мамой, наверное. Я девочке очень понравился. Меня посадили в большую роскошную клетку, и через некоторое время я оказался на подоконнике в красивой комнате. В этой комнате жила моя новая хозяйка – Машка.

С тех пор прошло 4 года. Жилось мне в Машинной семье хорошо. И как-то раз, покормив меня, Машка забыла закрыть клетку. Я, конечно, воспользовался этим случаем, ведь меня обычно редко выпускают. Боятся, что я улечу. Но мне и в клетке хорошо! Поэтому что меня, самого весёлого в Азове попугая Ричарда, очень любят и никогда не забывают обо мне. Так вот, я воспользовался этим случаем и вылетел из клетки. Я полетел в комнату, которую мои хозяева называют довольно странным словом – кухня. Я бы ни за что не назвал так комнату, в которой едят. Раз уж там едят, почему бы не назвать её едовой? Просто и легко! Так вот, на кухне... Нет! В едовой – никого не было. Я хотел было уже лететь в другую комнату, как вдруг... я увидел на столе тарелку с моими любимыми орешками. Раз уж дома никого нет, то почему бы не попробовать немного? Нет... Без разрешения нельзя... Это, наверное, мама Максиму почистила. Максим – это младший брат Машки, ему только 2 года. У меня иногда возникает такое ощущение, что Максим ест то, что особенно нравится всем членам семьи. Но поскольку я самый дружелюбный попугай в Азове, я на него не обижаюсь, ведь он всем приносит такую радость! Такое чувство, что он своё детское счастье раздаёт всей семье. Вот, например,

как увидит меня вне клетки, сразу побежит за мной. А если догонит, то гладит мой жёлтенький хохолок. За это я его очень люблю.

Вдруг я услышал шаги. Это мама шла кормить Максима в едовую. Я не посчитал нужным показываться им на глаза и поэтому залез на холодильник.

Мама посадила Максима на стул и начала кормить орешками. Мамины волосы были завязаны хвостиком – она не любит, когда волосы распушены. Максим сам кушал орешки и пил воду из своей маленькой кружечки. На лице мамы играла лучезарная улыбка. Ей очень нравилось, когда Максим делал что-то сам, без помощи родителей.

Мама всегда очень строга и в то же время добра к своим детям. И очень хочет, чтобы её дети – Маша и Максим – выросли очень хорошими, послушными. За это я её очень люблю!

Когда Максим покушал, мама повела его спать. Мне стало скучно одному на холодильнике, и я решил сам залететь обратно в свою клетку.

Чуть-чуть попозже в дом пришли папа с Машей. Маша, как только пришла, сразу села делать свои уроки. Зачем? Я этого до сих пор не понимаю. Нет чтобы посмотреть в свой чёрный ящик, в котором сидит много людей, она всё своё время проводит за книгами. А ещё Машка – спортсменка. Она занимается плаванием. Как из школы придёт, уроки свои сделает и идёт на плавание. Она очень часто уезжает на соревнования в другие города, а меня не берёт... Я её тоже очень люблю!

Машкин папа – очень занятой человек. Он не любит бросать дело, не закончив его. А ещё у него очень сильная воля, и он всегда держит своё слово. Папа очень любит животных. Любит и маму, Максима и Машку. А все вместе они любят меня – болтливого Риччи.

Я уже давно понял, что я самый счастливый попугай во всем мире. Я очень люблю свою семью. И папу, человека с сильным характером, и маму, которая самая отличная мама, и Машу, книголюбку всех времён, и даже Максима, который сегодня съел мои любимые орешки.

С наилучшими пожеланиями всем, кому нравлюсь я и моя семья, самый талантливый, добрый, умный, красивый и счастливый попугай Ричард!

Содержание:

К читателю. С.С. Антипов3	Михаил Коробов	81
***	Вера Кошелькова	84
Лев Котюков	Алексей Кулешов	86
Михаил Пластов	Любовь Кузьменко	88
Леонид Дудин	Любовь Кушнир	89
Ольга Новикова	Николай Кушнир	96
Григорий Осипов	Арина Ладенка	98
Виктор Пеленягрэ	Лёля Ладная	99
Владимир Лория	Анна Ланская	100
Эдуард Хандюков	Яков Левин	101
Сергей Антипов	Андрей Лысенков	108
***	Виктор Лысенков	110
Семён Александров	Денис Минаев	113
Валентин Романов	Людмила Михеева	114
***	Стефан Моллов	115
Татьяна Алексеева	Светлана Моисеева	116
Валентина Атанасова	Ольга Монкина	118
Ирен Авенеберг	Николай Николаев	120
Галина Аляева	Катя Николова	122
Сергей Антипов	Руслан Овдиенко	123
Наталья Бедная	Эмилия Офледи	124
Зоя Бондаренко	Вера Панарина	127
Татьяна Верно	Нина Просветова	128
Зоя Видрак-Шурер	Александр Пчелинцев	133
Анна Гайдамович	Елена Рощина	136
Сергей Глебов	Максим Ролик	138
Ли́ка Градо	Нина Сазонова	139
Галина Го́лова	Галина Самусенко	146
Оксана Дашковец	Владимир Сапрыкин	147
Николай Дик	Евгений Скукин	148
Иван Дочев	Татьяна Сорокина	150
Александр Драло	Лъчезар Стаменов	151
Дарья Духленкова	Ольга Степанова	152
Валентина Дьяченко	Никита Ток	153
Елена Есина	Василий Толстоус	154
Эльви́ра Зенина	Ольга Францева-Петрова	160
Мария Зинина	Людмила Чебышева	162
Марина Золотова	Татьяна Цымбал	164
Сергей Иванов-Мехнин	Ирина Шумина	165
Марина Кабанова	Николай Широков	166
Сергей Калабухин	***	
Владимир Колабухин	Творчество молодежного ЛИТО	
Елена Качина	«Ростки Азова»	
Татиана Касаткина	Виктория Андреева	170
Антонина Киселевич-Бурель	Наталья Бажанова	171
Ольга Клён	Александр Богославский	172
Зоя Корниенко	Светлана Сухорада	173
	Владимир Серых	174
	Мария Коробкина	175

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»
предлагает:

*Сергея Таюшева, Татьяну Рузавину,
Сергея Таюшева-мл.
и Сергея Антипова
в новом альбоме
2 CD*

«АМАЛЬГАМА»

Приобрести весь альбом из двух дисков
можно в нашем интернет-магазине:
<http://www.tvoyakniga.ru/magazin/magazin/254/>

ISBN 978-5-906438-72-0

9 785906 438720